

ПАНТЕОНЪ.

I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. ДОЧЬ ДОНЪ-ЖУАНА. Драматическія сцены въ стихахъ. <i>Графини Е. П. Ростопчиной.</i>	1 — 110
II. ДЕКАРЬ. Разсказъ <i>П. М. Ковалевскаго.</i>	111—126
III. ДОМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОДИСТКИ. <i>В. В. Толбина.</i>	127—164
IV. О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ ЗЕМНАГО ШАРА. <i>П. М. Новосильскаго.</i>	1 — 18
V. БѢЛОРУССІЯ. Въ Характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. Родины и крестины; похороны и поминки. Статья <i>П. М. Шпилевскаго.</i>	1 — 30
VI. МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ. Въ современности. (<i>Изъ записокъ Офицера</i>). I. Переходъ черезъ рѣку Прутъ и вступленіе нашихъ войскъ въ Княжество Молдавію въ 1853 г.—Ясы.—Пріемъ, сдѣланный русскимъ войскамъ молдаванами.—Ночь въ столицѣ Княжества.—Характеръ народа. II. Города: Васлуй, Бакео, Тетучь, Бырладъ, Фокшаны, Рымникъ на р. Рымникъ, Бузео.—Видъ и характеръ этихъ городов.—Церкви, монастыри, частныя дома, внутреннее устройство ихъ. III. Должность воинскаго и этапнаго начальника въ г. Бузео, какъ представителя русской, военной власти.—Пріемъ, сдѣланный мнѣ начальниками города и должностными лицами.—Старые знакомые.— <i>Сандрафія.</i> — <i>Капитанъ-исправникъ</i> Бузеовскаго округа, его обязанность и его помощники. — Прогулка по г. Бузео. — Замѣчательности города. (<i>Статья первая</i>). <i>П. Жадовскаго.</i>	31 — 58

VII. С О В Р Е М Е Н Н О Е.

I. ЛИТЕРАТУРА: Баронъ Тайлоръ. Статья <i>Мирекура</i> . II. ИСКУССТВА: Современная музыка въ Испаніи. Статья <i>Фетиса</i> . III. НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Искусственное золото.—Новое средство предупреждать опасныя приключенія на желѣзныхъ дорогахъ.— Телеграфы, передающіе извѣстія печатно.—О послѣдствіяхъ поспѣшнаго погребенія мертвыхъ тѣлъ. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ: Индійскіе придворныя нравы. V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ: Слѣдствія пьянства.—Взаимная рекомендація.—Правосудіе въ Англіи.—Благодѣтельная шляпа.—Обычаи американскихъ дамъ. VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ: Завистникъ, тюремная записка временъ Карла II. Разсказъ <i>Чарльса Дикенса.</i>	1 — 58
---	--------

VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Новый годъ и разнохарактерныя поздравленія.—Музыкальныя и поэтическія поздравленія странствующихъ музыкантовъ и клубныхъ швейцаровъ.—Маскерадъ въ большомъ театрѣ.—Крымскіе и Севастопольскіе гости.—Катанье съ ледяныхъ горъ.—Троичныя поѣздки.—Звѣринецъ Бер-

набо: четвероногіе новорожденные. Искусникъ-слонъ.—Замѣчательный микроскопъ.—Излерь и московскіе цыганы.—Университетскіе концерты артистовъ-любителей.—Празднованіе столѣтняго юбилея Моцарта въ Дворянскомъ Собраніи. Краткая біографія этого композитора.— Два праздника въ честь севастопольскихъ героевъ.— Обѣдъ, данный генераль-адъютанту Тотлебену. Рѣчи, произнесенныя ему и стихотворенія А. Н. Майкова и А. С. Афанасьева.—Шахматная задача, сочиненная въ честь Тотлебена.— Обѣдъ, данный генераль-адъютанту князю Васильчикову въ Пажескомъ Корпусѣ, привѣтствія ему и стихи, сказанные генераль-адъютантомъ Огаревымъ.—Новая картина профессора морской живописи Айвазовскаго.—Литературные утраты. Н. И. Надеждинъ и П. Р. Фурманъ и *нѣчто о ихъ литературной дѣятельности*.—М. О. Соловьевъ.—Новое изданіе «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и гравюры къ нимъ художника Бернардакаго.—Открытіе карандашной руды въ восточной Сибири и важность этой находки.—Театральныя новости.—Чужое добро въ прокъ не идетъ, драма г. Потѣхина.—Деньги, трагедія г. Сухонина.—Бенефисъ г-жи Владиміровой.—Дѣтскій докторъ, драма Анисе Буржуа и Денерп.—Сѣверная звѣзда, опера.—Русская танцовщица г-жа Богданова.—Прощальный бенефисъ петербургской танцовщицы Иеллы.—Рысистые бѣги на Невѣ.—Духовные концерты въ пользу защитниковъ прибалтійскаго края.—Новые періодическія изданія. Московскій Вѣстникъ, г. Каткова.—Живописная бібліотека г-на Полеваго.—Музыкальный и театральный вѣстникъ, издаваемый г. Раппопортомъ.—Новости музыкальныя . . . . . 1 — 38

IX. НАСТАВНИЦА, или Пансіонъ въ Брюсселѣ. Англійскій романъ. *Часть первая*. . . . . 1 — 42

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 1.

ЖЕНСКІЙ ПРОЦЕССЪ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Я. И. Демитъева . . . . . 1 — 46

ПРИЛОЖЕНІЯ: ОТСУТСТВУЮТ

1. ЧАСОВНЯ на Николаевскомъ мосту.
2. ПОРТРЕТЪ графини *Евдокіи Петровны Ростопчиной*.
3. ДИАВЛЕ. Новая мазурка, соч. *Апполинарія Контскаго*.

II-9.
12-97.

ОП

ПАТРОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

8026. 7079.

ТОМЪ XXV.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМІА
Ленинградская губернская
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. СУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

ПЕЧАТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Марта 1836 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

2707
ррррр

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Обстоятельства, непредвидѣнные и ничѣмъ неустрапимыя, отчасти уже знакомыя нашимъ читателямъ, произвели въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ остановку въ правильномъ выходѣ нашего журнала. Несмотря на всѣ усилія редакціи, она не могла догнать упущенное время, и еще менѣе принять на свою совѣсть издать отсталыя книжки журнала какъ-нибудь и не вполне. Начать изданіе нынѣшняго года, не закончивъ прошедшій годъ, ей также казалось неудобнымъ и непріятнымъ для подписчиковъ. Поэтому мы рѣшились начать изданіе нынѣшняго года съ марта мѣсяца и означать книжки наши не мѣсяцами, а номерами. Считаемо нужнымъ довести до свѣденія гг. подписчиковъ, что, несмотря на то, всѣ двѣнадцать книжекъ будутъ непременно изданы къ 1-му января 1857 года и притомъ такъ, что въ мартѣ и апрѣлѣ выйдутъ три книжки, въ маѣ и іюнѣ—три книжки, а въ остальные мѣсяцы—по одной книжкѣ въ мѣсяцъ. Приняты самыя дѣятельныя мѣры, чтобы неудобства, помѣшавшія правильному выходу книгъ въ прошедшемъ году, были совершенно устранены на будущее время и впредь никакихъ остановокъ не происходило.

Къ этому остается прибавить, что редакція, не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній, постарается, какъ и прежде, журналъ свой сдѣлать интереснымъ и разнообразнымъ

—по выбору статей, живымъ и современнымъ—по содержанию, и по возможности роскошнымъ—по внѣшности и по приложеніямъ.

Всѣ литераторы, прежде участвовавшіе въ Пантеонѣ остались ему вѣрными и многіе вновь обѣщали украшать его своимъ участіемъ.

Главная **Контора** журнала совершенно преобразована и переведена въ Большую Морскую, въ дѣльцо г-жи Коссицкой, тамъ, гдѣ Musée musical, куда и просятъ обращаться всѣхъ имѣющихъ нужду до редакціи.

I.

ДОЧЬ ДОНЪ-ЖУАНА.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ СТИХАХЪ.

Гр. Евдокии Росточной.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Великій! — тѣнь твоя не оскорбится
Ничтожностью смиренной дани сей...
Прими ея!.. Пусть трудъ мой освѣтится
Загробною защитою твоей!
Пусть именовъ, для русскихъ незабвеннымъ,
Утраты скорбь я пробужу въ сердцахъ;
Пусть вспомнить свѣтъ о нашемъ несравненномъ,
Токъ новыхъ слезъ почтитъ любимый прахъ!

Не стало васъ, вождей ко храму славы
До время смерть разстроила вашъ хоръ.
Затихла пѣснь... и отзвукъ величавый
Замолкъ у насъ... Друзей прощальный взоръ
Напутствовалъ торжественно въ могилу

Послѣдняго поэта *.. Разошлась
Блестящая плеяда по свѣтилу...
И тамъ въ странѣ безсмертія зажглась!..

*..

Одинъ ** изъ васъ остался... Но, далекій,
И онъ молчитъ, болѣзнью удрученъ...
И межъ гробовъ, какъ сторожъ одинокій,
На нихъ читаетъ рядъ родныхъ именъ...
О! пусть нашъ міръ тому, кто васъ лишился,
Другіе васъ смѣнятъ, не замѣня...
Съ поэзіей нашъ бѣдный вѣкъ простился...
Угасло пламя чистаго огня!..
Я знала васъ: вы для меня открыли
Свой теплый кругъ, привѣтливо родной;
Ребенкомъ вы меня въ немъ пріютили,
Любя меня и дѣтскій лепетъ мой.
Я выросла подъ вашей мощной сѣнью,
Во слѣдъ всѣмъ вамъ стремясь душой моею;
Я чтала въ васъ прямое вдохновенье,
Я сердцемъ васъ любила, какъ друзей.

*..

Онъ, нашъ кумиръ... онъ, слава русской славы,
Благословлялъ на дальній путь меня...
Пѣснь женская была ему забавой,
Какъ новизна... О! не забуду я,
Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Былъ награжденъ мой простодушный стихъ,
И нынѣ я, предъ тѣною священной,
Кладу на судъ трудъ зрѣлыхъ лѣтъ моихъ!..

Вороново, 29 сентября 1852.

* Жуковский, другъ Карамзина и Батюшкова, былъ тоже лучший другъ Пушкина, около котораго группировались Грибоедовъ, Дельвигъ, Баратынский, Вяземскій, и еще нѣсколько другихъ, тоже преждевременно исчезнувшихъ поэтовъ нашихъ. Изъ всей плеяды, одинъ Жуковский свершилъ свое поприще; всѣ другіе угасли въ полномъ блескѣ молодости и силы. Въ живыхъ только одинъ: Князь П. А. Вяземскій.

** Князь П. А. Вяземскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЬЯ ДОЛОРЕСЪ ДА-ОРТЕГА-И-ТЕБОРЬО, дочь донъ-Жуана.

ДОНЪ-ФЕРНАНДО АЛВАРЕСЪ.

ДОНЪ-АЛОНЗО ДА-САНТА-ФЭ

ДОНЪ-САНХО, креоль.

ДОНЪ-ДИЕГО.

ДОНЪ-ПЭДРО.

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

ДРУГІЕ ГРАНДЫ, ГИДАЛГО и СЕНЬОРЫ.

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

НЕИЗВѢСТНАЯ СТАРУХА.

КОНХИГА, дуэнья Долоресъ.

ГАСАНЪ, мавръ, карло, въ услуженіи у Долоресъ.

СЛУГИ, ДѢВУШКИ.

} Гранды и вельможи испанскіе.

Дѣйствіе происходитъ въ XVII вѣкѣ.

СЦЕНА I.

Въ Мадридѣ. Плещадь передъ кофейней. Утро. Нѣсколько молодыхъ людей сидятъ у дверей кофейни и курятъ. Одинъ изъ нихъ сидитъ поодаль, погруженный въ мысли.

ДОНЪ-САНХО.

Что новаго сегодня?.. Господа!..

Кто новость скажетъ мнѣ?.. Мнѣ что-то скучно.

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Ученые намъ общаются дождь; —

Вотъ самое пріятное извѣстье

Для насъ, чуть не сгорѣвшихъ въ эту пору

Томительныхъ жаровъ.

ДОНЪ САНХО.

Но мнѣ не жарко!

Вѣдь я креоль, рожденный близъ Гаванны,

И солнце ваше мнѣ лишь только въ пору...

Не жалуясь я вѣчно на него.....

Другую мнѣ новинку объявите!

Дочь донъ-Жуана.

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

У доньи-Бьянки, между черныхъ косъ,
Сребристый бѣлый волосъ показался...

ДОНЪ-САНХО.

Не первый!.. Я наемни сосчиталъ
Съ десятка два такихъ на головѣ
Моей богини...

ВСѢ (со смѣхомъ).

Право?.. Если такъ,

Тебя поздравить должно... За здоровье
Поклонника красавицы сѣдой!..

(пьютъ съ шумомъ и хохотомъ).

ДОНЪ-САНХО.

Такъ я же вамъ могу повѣдать новость,
Когда никто изъ васъ другой не знаетъ:
Вашъ смѣхъ и ваши тосты опоздали, —
До сѣдивы прелестной доньи-Бьянки
Мнѣ дѣла нѣтъ... Мы въ ссорѣ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Въ самомъ дѣлѣ?..

На долго ли?..

ДОНЪ-САНХО.

Надѣюсь, навсегда!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Не вытерпишь!.. Начнешь вздыхать опять!..

ДОНЪ-САНХО.

Клянусь, что нѣтъ!.. Она ужъ мнѣ давно
Наскучила... да только я терпѣлъ,
Затѣмъ, что лѣнь мнѣ было объясняться,
И я привыкъ къ ея спокойнымъ кресламъ,
Да къ маленькой собачкѣ у нея.....

ВСѢ (со смѣхомъ).

Чудакъ!.. повѣса!.. — Нѣтъ! онъ сибаритъ, —

Отцвѣтшей онъ красавицѣ все служить,

Чтобъ не мѣнять... отъ лѣни!..

ДОНЪ-САНХО.

Да! отъ льви!..

Чему-жь тутъ удивляться?..

ДОНЪ-ПЕДРО.

О, креоль!

Какъ на него обрушится лавина,
Скорѣ дастъ себя онъ раздавить,
Чѣмъ отойдетъ на шагъ...

ДОНЪ-САНХО.

Для шага — надо

Пошевельнуться, а для смерти только
Не оробѣть... Второе легче мнѣ,
Чѣмъ первое!.. Но что за наслажденье
Перебирать другъ друга?.. И въ глаза!..
Меня оно ничуть не забавляетъ...
Я новости желаю и прошу!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Пріѣхалъ изъ Севильи Торреадоръ
Чудесный, говорятъ...

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Вчера, мы въ Прадо

Гитаночку-красотку повстрѣ чали,
Такую, что не видало нигдѣ
Подобной ей: желта, какъ померанецъ,
Глаза, какъ адскій уголь... дѣтскій станъ
Прямѣ и стройнѣ юной пальмы,
А между тѣмъ, уклончива, гибка,
Вертява, какъ змѣя, и какъ змѣя-же
Должна быть и лукава и хитра.

ДОНЪ-САНХО.

А мнѣ-то что?.. Я не держу звѣрища!..
Не нужно змѣй мнѣ!..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Лучшее вино

Привезено изъ Франціи...

ДОНЪ-САНХО.

Такъ пейте!..

Но для меня, креола, холодны

И горьки вина Франціи... давайте
Мнѣ хереса!..

(Ему наливаютъ, онъ пьетъ).

Вотъ это, такъ по мнѣ!
Расплавленный топазъ въ струѣ янтарной!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Не угодишь сегодня на тебя!
Блажишь, хандришь!.. По моему, ты просто
Влюбленъ...

ДОНЪ-САНХО *(пожималъ плечами).*

Кто? я?.. Нѣтъ! правила мои
Давно ужъ мнѣ, друзья, не позволяютъ
Подобной глупости!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Тебѣ еще
Пожалуй, можно!.. Ты всѣхъ насъ помоложе.
Тебѣ всего лѣтъ двадцать съ небольшимъ!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Моложе всѣхъ, сказалъ ты, донъ-Фернандо?
Но ты забылъ, что здѣсь еще есть младшій...

(подходитъ къ юношѣ, сидящему поодаль, въ глубокой думѣ, и насильно выводитъ его за руку)

Алонзо ты забылъ... Смотри, лицо
Стыдливый зажигается румянцемъ,
Какъ у дѣвицы... чуть замѣтный пухъ
Надъ свѣжими устами пробивается...
Вотъ онъ, нашъ братъ меньшей!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Кто?... Онъ?... Алонзо?..

Но я его межъ нами не считалъ, —
Онъ не товарищъ намъ, — онъ птенчикъ ранній, —
Почти ребенокъ!.. Вѣдь ему всего
Восемнадцать лѣтъ...

ДОНЪ-АЛОНЗО *(краснѣя).*

Нѣтъ, больше! Мнѣ вчера
Ужъ двадцать минуло!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(смѣлѣе)*.

Ахъ! извините,

Нашъ старожилъ!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Онъ птенчикъ, это правда,

Изъ скорлупы ужъ выглянулъ своей,
Но изъ гнѣзда порхнуть еще не смѣетъ,
Его, не какъ зѣницу старыхъ глазъ,
А какъ очки свои, хранить усердно
И бережетъ почти-столѣтній дядя,
Богатый герцогъ...

ДОНЪ-САНХО.

Бережетъ-то плохо,
Когда попалъ Алонзо въ нашъ кружокъ,
И донъ-Фернандо вызвался ему
Въ наставники...

(Смѣются).

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Добру его научить
Такой наставникъ!.. Пить, любить и драться
Въ шесть мѣсяцевъ Алонзо будетъ мастеръ...
Я за него ручаюсь вамъ, сеньоры!..
Изъ уваженья къ другу моему,
Фернандо...

ДОНЪ-АЛОНЗО *(гордо)*.

На рапирахъ фехтовать
Я дома научился... а стрѣляю
Безъ промаха...

ДОНЪ-САНХО.

Вотъ какъ!.. Вы молодецъ!..
Лишь только пить еще вы не охотникъ,
Да склонности сердечной я у васъ
Не подстерегъ еще...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(насмѣшливо)*.

Такъ вы ошиблись!
У васъ не только склонность, есть ужъ страсть!..
И мы горимъ, мы сохнемъ!.. Посмотрите,

Какъ похудѣли мы!.. Мы все вздыхаемъ,
Мечтаемъ... Мы безмолвны, мы грустны!..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(робко)*.

Фернандо, замолчите, ради Бога!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

А еслибъ знали вы, ктò нашъ предметъ?

ДОНЪ-АЛОНЗО *(съ жаромъ)*.

Сеньоръ, я васъ прошу не продолжать!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Нѣтъ, вылечить васъ надо, милый мой,
Мнѣ жалко васъ! такое заблужденъе...

ДОНЪ-АЛОНЗО *(съ гнѣвомъ)*.

Донъ-Альваресъ... ведѣте вы себя
Не такъ, какъ должно честному Гидальго!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Ты сердишься на друга своего?

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Да, если другъ сталъ дѣйствовать, какъ врагъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Ну, хорошо; молчу!.. прости меня,

(полунасмѣшливо)

Храни, дитя, спокойно тайну сердца....

(Донъ-Алонзо съ неудовольствіемъ отходитъ всторону и садится задумчиво на свое прежнее мѣсто. Донъ-Фернандо шепчется съ донъ-Санхо, глядя на донъ-Алонзо и лукаво улыбаясь).

ДОНЪ-САНХО.

Сеньоры, какъ охотникъ до извѣстій,
Любитель новизны, я васъ спрошу,
Кто встрѣтилъ знаменитую Долоресъ?
Кто знаетъ имя поваго счастливица,
Послѣдняго поклонника ея?..

(Донъ-Алонзо вздрагиваетъ, но не поднимаетъ головы).

ДОНЪ-ГОНЗАЛВУ.

Послѣдняго?.. Ты этимъ разумѣешь
Вчерашняго, плъ настоящаго?..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Да.

Я требую, чтобъ Санхо объяснился!..
Вѣдь у Долорэсъ нынче и вчера
Не все одно и тоже!.. Каждый день
Кумиръ другой ей нуженъ.

ДОНЪ-ГОНЗАЛВУ.

Часто двое

Смѣняются въ одинъ и тотъ же день
У ногъ ея и за нѣмымъ балкономъ...

ДОНЪ-ПЕДРО.

А если бъ говорить балконъ затѣялъ...
То многое онъ могъ бы разказать!

ДОНЪ-САНХО.

Я ничего не знаю про нее
Въ подробности. Какъ житель *того свѣта*,
Прошу тебя, Фернандо, разскажи
Мнѣ эпопею *Тысячи Ночей*,
Или — что все равно — всю быль дѣяній
И походовъ этой Клеопатры
Новѣйшихъ дней...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*притворно*).

За чѣмъ-же я?.. Другой

Могъ точно-бъ также.

ДОНЪ-САНХО.

Нѣтъ! Ты злѣе всѣхъ,

Языкъ твой и язвить и отравляетъ
Единымъ словомъ: я люблю тебя,
Когда ты говоришь про вашихъ женщинъ,
Люблю за то, что не нравишь ихъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*посматривая изкоса на донъ-Алонзо*).

Бранить тебѣ я буду всѣхъ другихъ,
Но только не Долорэсъ...

ВСЪ.

Почему?

Уже ли ты опять...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(злбно)*.

Избави Боже!

И тяжкаго запрета на меня

Никто не налагалъ. Но... я... не долженъ...

Я не могу....

ДОНЪ-ПЕДРО.

Сеньоры!.. Берегитесь!..

Измѣна!.. Донъ-Фернандо, нашъ витія,

Нашъ образецъ.... подкупленъ, соблазненъ,

Опутанъ чьей-то властью непонятной...

Впервые онъ молчитъ, когда при немъ

О женщинѣ злословятъ.

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО *(съ злобыми смѣхомъ)*.

Про Долорэсъ —

Злословить невозможно!.. Что ни скажешь,

Дурнаго, или постыднаго о ней,

Все слабо предъ дѣяньями ея!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я виноватъ, и выразился дурно.

Пусть выдумка подъ-часъ замысловата,

И клевета затѣйлива: онѣ

Не стоятъ сущей правды, если рѣчь

Идетъ о похожденияхъ, приключенияхъ,

И подвигахъ сеньоры да-Ортега...

ДОНЪ-САНХО.

Но ваша рѣчь не объясняетъ мнѣ,

Зачѣмъ нашъ другъ, Фернандо, такъ упорно

Молчитъ о ней?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Я связанъ честнымъ словомъ;

Сказать вамъ ничего я не могу,

Но, видите, я тоже ничего

Не отвергаю!

ДОНЪ-САНХО.

Понимаемъ, другъ!..

Молчите вы по собственнымъ причинамъ,
По тѣснымъ отношеньямъ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(коварно)*.

Господа,

Позвольте мнѣ не отвѣчать!..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(который все слушаетъ, блѣднѣя и краснѣя попеременно, вскакиваетъ поспѣшно, и бросается съ жаромъ къ донъ-Фернандо)*.

Напротивъ!..

Прошу васъ говорить!.. Молчанье ваше
Обиднѣе и злѣе вашихъ словъ!
Извольте говорить, сеньоръ, извольте!..

ВСѢ *(кто съ удивленіемъ, кто насмѣшливо)*.

Что съ нимъ?.. — Какимъ огнемъ онъ вспыхнулъ вдругъ!..
Зачѣмъ дитя встревожилось такъ страшно?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Онъ самъ себя изобличилъ, сеньоры,
Вы видите предъ вашими глазами
Влюбеннаго безумно, безъ души,
Въ ту самую Долорэю!..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(съ нетовдваніемъ)*.

Донъ-Фернандо!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(смѣясь)*.

Чѣмъ виновать я, если самъ себѣ
Ты измѣнилъ неистовою вспышкой?..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(въ смущеніи отходитъ въ сторону)*.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Что? Какъ? ребенокъ нашъ уже влюбленъ?..
И въ самую опасную изъ женщинъ?
Въ ту, чей развратъ поочередно насъ
Всѣхъ увлекалъ, и всѣхъ потомъ отбилъ?..
Не можетъ быть!.. Я слишкомъ уважаю
Алонзо, чтобъ повѣрить этой страсти!

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Духовной мы не слѣдали еще,

Чтобъ заживо въ наслѣдники себѣ
Его избрать!..

ДОНЪ-САНХО.

Но что онъ въ ней нашель?..

Не хороша она, Долорэсъ ваша,
Мнѣ непонятно, чтобъ кому-нибудь
Могла она понравиться!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Я самъ

Дивлюсь: за что, и почему Долорэсъ
Любить ему?..

ДОНЪ-АЛОНЗО. *(выступаетъ впередъ съ одушевленьемъ)*

Нѣтъ силъ молчать!.. Они

Во мнѣ терпѣнья мѣру истощили!..
Извольте, господа, я признаюсь!..
Да!.. я влюбленъ... я страстно полюбилъ...
Я потерялъ рассудокъ для Долорэсъ...
Я жизнь свою готовъ сто разъ отдать ей...
За что?.. За то, что ненависть и злоба
Преслѣдуютъ ее!.. а почему?..
Да потому, что сами всѣ вы прежде
Такою-же любовью къ ней пылали,
Что, можетъ-быть, и не одинъ изъ васъ
Теперь еще о ней вздыхаетъ тайно!..

Всѣ.

Вотъ хорошо!.. Вотъ выдумалъ удачно!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(презрительно)*.

Э, милый мой!.. я дважды не люблю
Одну и ту-же, точно такъ, какъ я
Вторично пить изъ чаши осушенной
Не стану!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Кто-жъ сказалъ, что мы любили?

И если насъ видали у Долорэсъ,
Мы, можетъ-быть, шутили только съ ней,
Спѣсь женскую смущая страстью мнимой,
Для суетной забавы, чтобъ убить
Чась времени досужнаго!..

ДОНЪ АЛОНЗО *(живо)*.

Тѣмъ хуже,

Тѣмъ хуже вамъ!.. Тѣмъ ниже вы себя
Въ глазахъ моихъ роняете!.. Кто вѣрить
И любить, тотъ уже прошенъ заранѣ,
Кто жлетъ въ любви, кто чувствомъ лицемѣрить,
Кто женщину обманывать привыкъ, —
Тому позоръ и стыдъ! Того презрѣнье
Должно бы заклеить!..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Но что ты въ ней

Завиднаго нашелъ?.. Она стара,
Ей скоро тридцать лѣтъ!

ДОНЪ-АЛОНЗО *(восторженно)*.

Она жила,

Она страдала, плакала, любила,
Въ глазахъ ея, на мраморномъ челѣ,
Является заманчивая повѣсть...
И жизнь и страсть въ ней дышать?

ДОНЪ-САНХО.

Но она

Ужъ отцвѣла, мой другъ! Есть сто другихъ,
Моложе и прекраснѣе ея...

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Любите ихъ, когда для васъ онѣ
Плѣнительнѣй и краше!.. Для меня —
Она — одна на свѣтѣ!.. Ей подобной,
Ей — равной нѣтъ!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(насмѣливо)*.

Тѣмъ лучше, слава-Богу!

Для двухъ Долоресъ свѣтъ бы тѣсенъ былъ!..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Но тѣмъ она предъ вами виновата?..
За что такая ненависть?.. И что,
Во вредъ она вамъ сдѣлала? скажите?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Она?!.. Но гдѣ рассказывать про жизнь,

Которой каждый годъ и каждый день
 Былъ новою оглаской знаменованъ,
 И новою ошибкою отмѣченъ?..
 Короче, я спрошу: тебѣ извѣстно-ль
 И кто она, и чья въ ней кровь кипить?..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Нѣтъ, — я о ней не знаю ничего,
 Я вѣдаю лишь то, что я люблю,
 И что она любовь мою внушила...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Отецъ ея — одно его лишь имя
 Все объяснить!..

ДОНЪ-САНХО.

Ну, кто жъ ея отецъ?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Самъ донъ-Жуанъ!.. тотъ грѣшникъ нечестивый,
 О комъ молва по свѣту разошлась!..
 Самъ донъ-Жуанъ, всемірный соблазнитель,
 Врагъ юности, невинности, красы;
 Медоточивый врагъ своихъ любовницъ...
 Тотъ душегубъ, тотъ ненасытный хищникъ,
 Который пилъ, не кровь сердецъ несчастныхъ,
 Но слезы ихъ, который убивалъ
 Не тѣло жертвъ, а души ихъ, надежды
 И будущность... Тотъ грозный донъ-Жуанъ,
 Передъ которымъ сѣмьи заперались
 Дрожали всѣ мужья и всѣ отцы..
 Который весь своей вѣкъ искалъ блаженства,
 За страстию безъ отдыха гнался,
 И на землѣ пронесся карой неба,
 Какъ бурный ураганъ, какъ разрушенье,
 Стверженный и небомъ и землей!

ДОНЪ-САНХО.

Такъ яблоко отъ яблони упало
 Не далеко... и дочка вся въ отца!

(смиются).

ДОНЪ-АЛОНЗО (самъ себя, въ изнеможении).

Дочь донъ-Жуана?!!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Донъ-Жуана дочь!..

Я не могу не знать о томъ: нашъ домъ
Сродни его супругѣ, бѣдной доньѣ —
Эльвирѣ. — Послѣ смерти нечестивца
Беременной Эльвира оставалась —
И отъ нея Долорэсъ родилась...

ДОНЪ-ПЕДРО.

И станутъ увѣрять, что отъ отцовъ
Не переходятъ къ дѣтямъ ихъ пороки,
Ихъ страсти, ихъ привычки?..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Донъ-Жуанъ

Весь ожилъ въ дочери: чѣмъ онъ для женщинъ,
Тѣмъ для мужчинъ была и есть Долорэсъ —
Ихъ пагубой!

ДОНЪ-АЛОНЗО *(съ негодованіемъ)*.

Сеньоры, кто изъ васъ
Погибъ?.. Не вы ль скорѣе бы готовы
Долорэсъ погубить своей враждой?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Мы живы — это правда — уцѣлѣли!..
Мы всѣ ребята славные, на выборъ!..
Но знаешь ли, какъ много чрезъ нее
Другихъ погибло юношей безумныхъ?..
Спроси — кто умеръ, кто зачахъ, кто утонулъ,
И сколько въ поединкахъ перебито,
И сколько отъ напрасныхъ сожалѣній
Вдалились въ развратъ, пропали ни за что?..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Какъ много женъ поссорено съ мужьями!
Какъ много матерей теперь въ слезахъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

И всѣ они согласно проклинаютъ
Виновницу утратъ своихъ, Долорэсъ!..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(съ жаромъ)*.

Что нужды мнѣ?.. Тонуть, горѣть, стрѣляться,

На все готовъ я, — лишь бы день одинъ
Мнѣ быть любимымъ ею!..

ДОНЪ-САНХО *(насмѣшливо)*.

Сумасшедшій!..

(За столомъ бесѣдующихъ показывается докторъ Нунъесъ, и останавливается, чтобъ закурить сигару).

ДОНЪ-ПЕДРО.

Сеньоры, — не послать-ли намъ къ Долорэсъ...

О неожиданной побѣдѣ объявить,

И именемъ всѣхъ насъ ее поздравить?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Э, вѣтъ!.. Она не приметъ поздравленій —

Обидится, пожалуй! Вѣдь она

Отъ сатаны и прелестей его

Торжественно и явно отрѣклась,

Отшельницей живетъ въ уединеніи,

Не хочетъ съ нами знаться, свѣтъ забыла,

И ненавидитъ цѣлый родъ людской!..

ДОНЪ-САНХО.

Задача полагается теперь:

Кто отъ кого отсталъ: грѣхъ отъ нея,

Иль отъ грѣха она!..

(Всѣ смѣются).

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Она, конечно!

Вѣдь донъ-Фернандо говоритъ, что *васъ*

Она не принимаетъ!..

ДОНЪ-САНХО *(смѣясь)*.

Каково?..

Иронія.... насмѣшливая колкость!..

Нашъ птенчикъ оперился! Онъ, какъ соколъ

Ручной, готовъ въ глаза вцѣпиться братьямъ,

Хозяину его не покореннымъ!..

ДОНЪ-АЛОНЗО *(сухо)*.

Я не берусь рѣшать, что вы, сеньоръ,

Ворона, или соколъ! Но за то,

И вамъ совѣтую меня не трогать!..

А впрочемъ, не ручной я! У меня
Хозяина или хозяйки нѣтъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Онъ правду говоритъ вамъ, милый Санхо, —
Онъ не знакомъ съ Долорэсъ, никогда
Онъ голоса ея вблизи не слышалъ,
Любовь, какъ громъ, его настигла вдругъ,
И тѣмъ страннѣе онъ, нашъ донъ-Алонзо,
Что любитъ безкорыстно, безнадежно,
И страсть свою скрываетъ, какъ иной
Свою вражду...

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ (тихо).

Вотъ любопытный случай!

ДОНЪ-АЛОНЗО (оставая).

Сеньоры, въ два часа назначенъ бой
Быковъ, и кто не хочетъ опоздать,
Тому пора. Счастливо оставаться, —
Я отправляюсь.

(Уходитъ).

ДОНЪ-САНХО (ему вслѣдъ).

Вѣрно, для того,

Чтобъ выгоднѣй и лучше помѣститься
Къ богинѣ вашей ближе? Вѣдь она,
Какъ отъ бѣсовъ ни отрекалась—всюду
Присутствуетъ, гдѣ можно на показъ
Ей выставить бывалую красу
И вѣчное кокетство!

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

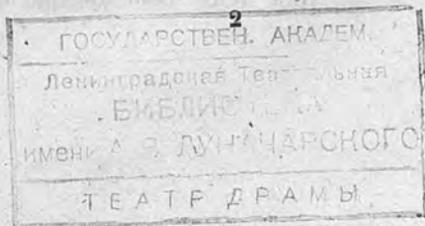
Полно, Санхо!

Алонзо далеко, онъ не услышитъ.
Любовь и юность — пара знатныхъ крылъ,
Чтобъ человекъ мчатъ быстрѣе вихря.

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

И намъ пора. Я слышалъ, третій быкъ
Изъ Сьэрры приведенъ, огроменъ, золъ,
И будетъ съ нимъ сражаться торреадоръ,
Прибывшій изъ Севильи!

Отд. I.

ДОНЪ-ПЕДРО

Мы готовы.

Дай закурить трубку на дорогу.

(Уходятъ).

ДОКТОРЪ-НУНЬЭСЪ.

Не дурень этотъ мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ,
И очень милъ. Я донью разсмѣшу
Разскажомъ про любовь его. Она
Любви уже не вѣритъ никакой.
Вотъ будетъ ей надъ чѣмъ острить сегодня!..

СЦЕНА II.

Домъ доньи-Долорэсъ; внутреннй дворъ, усаженный деревьями и цвѣ-
тами; посрединѣ бьетъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. Донья-До-
лорэсъ сидитъ полулежа на ступеняхъ бассейна; около нея Конхита,
ея дуэнья, и карло Гассангъ, изъ мавровъ.

КАРЛО (поетъ, акомпанируя на гитарѣ).

Говорятъ мнѣ, что на небѣ

Гдѣ-то свѣтитъ солнце ясное...

Что мнѣ въ солнцѣ?! У Леилы

Я люблю чело прекрасное!

**

Говорятъ мнѣ, есть и звѣзды,

И блестятъ онѣ плѣнительно...

Что мнѣ звѣзды?! У Леилы

Взоръ въ очахъ горитъ произительный!

**

Говорятъ мнѣ, есть въ Гренадѣ

Много дѣвъ съ улыбкой страшною...

Что мнѣ дѣвы?.. Лишь Леила

Для меня одна прекрасная!..

ДОЛОРЭСЪ.

Довольно, карло, перестань, Гассантъ!
 Мнѣ пѣснь твоя и звонъ твоей гитары
 Томятъ и слухъ и душу. Вмѣсто струнъ,
 Безжалостно, мнѣ кажется, ты щиплешь
 Всѣ нервы головы моей больной.

КОНХИТА.

Молчи, Гассантъ! Сеньора нездорова;
 Мы донью ненаглядную свою
 Не бережемъ. Смотри, она сегодня
 Блѣднѣе, чѣмъ вчера, и взоръ ея
 Еще тусклѣй.....

ДОЛОРЭСЪ.

Я не больна, Конхита,
 Мнѣ скучно, и отъ скуки тяжело
 И душно мнѣ...

КОНХИТА.

Здѣсь жарко на дворѣ,
 Дай освѣжу тебя, моя сеньора...
*(Обмахиваетъ Долорэсъ большимъ опахаломъ изъ
 перьевъ).*

КАРЛО.

Иль холодно, быть-можетъ, отъ фонтана?..
 Сеньора — пересаженный цвѣтокъ
 Въ стѣнахъ Мадрида... Ей здѣсь не ужиться,
 Въ Гренаду бѣ ей вернуться, — тамъ, въ Альгамбрѣ,
 Подъ розами, на мраморномъ дворѣ
 Абенсерраговъ, ей бы лучше стало, —
 Она бы ожила.....

ДОЛОРЭСЪ *(кратко)*.

Ты говоришь.

Какъ должно мавру: родина твоя
 Тебѣ, Гассантъ, всѣхъ странъ земли милѣе —
 Ты правъ. твоя Гренада хороша,
 И чудно розы тамъ благоухаютъ;
 Но скучно мнѣ бывало и въ Альгамбрѣ...
 Она, какъ я, — въ ней жизнь ужъ откинула,
 Въ ней слѣдъ людей заглохнулъ и заросъ,

И чѣмъ шумиѣ жизнь тамъ пировала,
 Чѣмъ для меня полнѣй бывшее было,
 Тѣмъ тише и безмолвнѣе теперь
 Пустой дворецъ и замкнутое сердце...

КОНХИТА.

Опять все та же рѣчь, и тѣ же пѣни!
 Когда моя сеньора побѣдитъ
 Свою тоску? — или тоска ее
 Такъ покорить, что ей въ привычку станетъ
 И будетъ ужъ терпѣться безъ усилій,
 Безъ тягостной борьбы.

ДОЛОРЭСЪ.

Моя Конхита

Меня еще не знаетъ... послѣ столькихъ
 И ясныхъ и ненастныхъ лѣтъ, прожитыхъ
 Со мною!..

КОНХИТА.

Оттого, что много лѣтъ
 Другъ друга знаемъ мы, я ожидаю
 Спокойствія и мира для сеньоры:
 Пора ей отдохнуть.

ДОЛОРЭСЪ (съ горькой улыбкой).

Благодарю...

Но жизнь моя и безъ того ужъ отдыхъ,
 Затѣшь безотрадное!.. И я
 Устала отдыхать.

КОНХИТА (робко).

Моя сеньора

Такъ разсудительна и такъ тверда,
 Что ей легко, лишь только-бъ захотѣла,
 Въ себѣ волненье сердца укрѣпить,
 Угломонить тревожныхъ думъ возстань!

ДОЛОРЭСЪ.

Конхита, ты забыла, чей огонь,
 Чья кровь кипятъ въ груди моей тревожной?..

КОНХИТА (покинувъ грустно головой).

Я не забыла, нѣтъ!.. но я надѣюсь...
 Я думаю... О! не напрасно я

Такъ часто и такъ искренно молюсь
 За исцѣленье сердца и души
 Возлюбленной сеньоры!.. Мы подруги
 Почти отъ колыбели; насъ обѣихъ
 Вскормила грудь одна, и мать моя
 Едва ль не больше дочери родной
 Питомицу свою любила. Я
 Привыкла видѣть гибель, или спасенье,
 Несчастье, или счастье мое,
 Въ судьбѣ моей сеньоры и сестры;
 Я ей должна желать лишь то, что можетъ
 Полезнымъ быть душѣ ея!

ДОЛОРЭСЪ.

Конхита,

Я знаю напередъ и наизусть
 Всю рѣчь твою. Избавь меня отъ скуки
 Услышать вновь знакомое давно!

КАРЛО.

Дуэнья и не хочеть знать, что пламя
 Должно горѣть.

ДОЛОРЭСЪ (глядя его по юловѣ).

А ты, мой вѣрный карло,
 Ты сознаешься въ томъ?.. Ты понимаешь,
 Что каждое созданье на землѣ
 Подчинено условіямъ различнымъ,
 Должно повиноваться назначенью равному для всѣхъ?

КАРЛО (цѣлуя ея ноги).

Я понимаю

Лишь госпожу мою... Я понимаю,
 Что клѣтка и пшено—для голубка,
 Но что полетъ размахистой орлицы
 Пространства хочеть, ищетъ высоты...

ДОЛОРЭСЪ.

Ты льстишь мнѣ, бѣдный карло! Но, скажи,
 Откуда у тебя взялась наука?
 Какъ тайны жизни, сердца, тайны страсти
 Проникнулъ ты, не живши, не любя?..

КАРЛО.

Я?! Я смотрѣлъ на госпожу мою,
Служилъ ей... и угадывать привыкъ
Что у нея на сердцѣ и въ умѣ.

ДОЛОРЭСЪ.

Ну, если такъ, то угадай Гассантъ,
Что душу мнѣ сегодня такъ волнуешь?

КАРЛО.

Давно сеньора наша, какъ мертвецъ,
Въ недвижности душевной притаилась,
Но молодость взяла опять свое:
Проснулась жизнь, откликнулося сердце,
И, пустотой своею утомясь,
Оно...

ДОЛОРЭСЪ

Ну, продолжай, я позволяю.

КАРЛО (робко).

Оно вновь алчетъ, жаждетъ, просить счастья,
Хотѣло бы любить!..

КОНХИТА (всплеснувъ руками).

Спаси насъ Боже!..

Что смѣешь ты сказать, проклятый Карло?..
Довольно отъ любви моя Долорэсъ
Терпѣла и страдала! Развѣ мало
Горючихъ слезъ ей стоила любовь!
И мало ли гоненій, испытаній,
И злыхъ обидъ перенесла она,
За каждую привязанность свою,
За каждую попытку привязаться!..

ДОЛОРЭСЪ (вставая).

Попытки—это правда! ты нашла
Прямое выраженье! Да, Конхита,
Попытками на счастье и любовь
Была вся жизнь моя... Я ль виновата,
Что неудача вслѣдъ за неудачей
Мнѣ сердце разбивала?.. Что нигдѣ,
Ни въ комъ я не нашла той полной страсти,
Той искренней любви, которыхъ я

Купить хотѣла бы цѣною жизни?..
 Конхита, душно мнѣ... махай скорѣе...
 Пусть воздухъ освѣжить чело мое,
 Авось и мысль остынетъ, хоть на мигъ!..

(Она задумывается, Конхита снова принимается за опахало).

КАРЛО *(самъ себя тихо).*

Зачѣмъ искать далеко то, что было
 Такъ близко?.. Но вѣдь я не человѣкъ,
 Я жалкое творенье, я уродъ...
 Гдѣ ей понять, что подъ ея ногою
 Растоптана та полная любовь,
 Которой такъ она безумно ищетъ?

ДОЛОРЭСЪ.

Конхита! о! какой враждебный духъ
 Тебѣ шепнулъ возобновить сегодня
 Тотъ страшный, тотъ опасный разговоръ,
 Въ которомъ вся загадка цѣлой жизни
 И сердца моего?.. Скажи, зачѣмъ,
 Забвенья сонъ тяжелый прерывать,
 И память мнѣ тревожить?.. Знаешь ты,
 Что если вѣтръ взрываетъ лоно моря,
 То буря возстаетъ изъ волкъ сердитыхъ,
 И разшумится грозная стихія,
 Расходится надолго - воздымаетъ
 Грудь мощную свою надъ бѣлой пѣной,
 И ропотъ свой возноситъ до небесъ,
 Какъ жалобу неисцѣлимыхъ мукъ?..

КОНХИТА.

Прости меня, сеньора дорогая!
 Я не затѣмъ... Съ намѣреньемъ я добрымъ,
 Прошедшее напомнила тебѣ,
 Чтобъ напугать гряющимъ...

ДОЛОРЭСЪ *(страстно).*

Помнишь ты,

Какъ началась борьба моя съ судьбою?..
 Какъ съ первымъ горемъ я лицомъ-къ-лицу
 Сошлась, и отъ него пріавши рану,

Сто ранъ другихъ должна была искать,
 Чтобъ заглушить ихъ болью боль отъ первой?..
 Пятнадцать лѣтъ мнѣ минуло тогда,
 И мать моя, несчастная Эльвира,
 Взяла меня домой отъ кармелитокъ,
 Гдѣ молодость мою она скрывала,
 Чтобъ строгостью, смиреньемъ и постомъ,
 Поработить во мнѣ кровь донъ-Жуана...

КОНХИТА.

Какъ мнѣ не помнить?.. Счастье нашей доньи
 Всѣхъ насъ тогда съума свело! Женихъ
 Къ ней сватался, —какой еще?! Завидный
 По имени и званью, по богатству;
 Прекрасный, молодой, на свѣтъ рожденный
 Нарочно для того, чтобъ всѣхъ прельщать,
 Чтобъ женщины его любили страстно...

ДОЛОРЭСЪ.

Меня онъ выбралъ, —бросилъ для меня
 Красавицу-невѣсту, —по любви,
 Давно съ нимъ сговоренную, изъ рода,
 Намъ равнаго.. Онъ былъ такъ преданъ мнѣ—
 Твердили мнѣ повсюду! Мать моя
 Не знала, какъ судьбу благодарить,
 Противиться персту ея не смѣла.
 Обмѣнены и кольца и обѣты!..
 И мнѣ тогда ужъ дорогъ былъ онъ!.. Вдругъ,
 Богатое наслѣдство достается
 Оставленной невѣстѣ, и женихъ,
 Вторично измѣняя данной клятвѣ,
 Пожертвовалъ ей мною такъ, какъ прежде
 Онъ ею мнѣ пожертвовалъ, когда
 Изъ двухъ богаче я была!.. Не знаю
 Чтò болѣе во мнѣ тогда страдало,
 Любовь, иль самолюбіе?.. Но горе
 Не убиваетъ сильныхъ, —по несчастью,
 Я сильна!..

КОНХИТА (перекрестясь).

Сеньора, не грѣши!..

Не жалуйся на даръ Господній!.. Жизнь

И смерть въ рукахъ Его!.. Прими покорно,
Что Онъ послалъ!..

ДОЛОРЭСЪ (не слушая ее).

Едва прошло полгода,

Другой женихъ стоялъ передо мной!
Меня ему мать тоже поручила...

КОНХИТА.

Но свадьбы не успѣла совершить,
И дни ея страданье скоротало!
(Прими Господь ее въ свои селенья!)
Скончалась на дочерниныхъ рукахъ
Сеньора ла-Тенорье... Сиротой
Оставила тебя, среди богатства,
Но безъ опоры вѣрной, безъ родныхъ,
Свободную...

ДОЛОРЭСЪ.

На гибель и бѣду!..

Что женщины свобода безъ любви?..

Но матери глаза едва закрывши,
Я узнаю, что новая измѣна
Защитника лишаетъ вновь;
Танцовщицей проѣзжую плѣнился
Тотъ, кто клялся любить меня одну!..

КОНХИТА.

И было чѣмъ плѣниться!.. Кастаньетъ
Своихъ она и сусе и чериѣ,
Прелестница его!.. Нѣтъ, сатана,
Отецъ грѣха, безумца соблазнилъ!..
Помилуй и прости насъ Сантъ-Іаго!..

ДОЛОРЭСЪ.

Кто бъ ни былъ виноватъ, — онъ измѣнилъ, —

Мы разошлись! И тутъ въ груди моей
Заговорила вдругъ кровь донъ-Жуана:
Сгарала я неутоленнымъ жаромъ
Несбывшихся надеждъ; меня снѣдала
Опасная мечта любви взаимной,
А вѣрить мнѣ такъ было мудрено
Мужскому сердцу!.. Я тогда рѣшилась
Не привлекать корысти подкупной

Приманкою богатствъ моихъ несчастныхъ,
 Не отдавать руки своей, и съ нею
 Наслѣдя своего.—Но я хотѣла,
 Чтобъ *меня*—и лишь *меня* одну—
 Тотъ полюбилъ, кто будетъ мною избранъ.
 Я бросила Севилью, мой дворецъ,
 Переѣхнула имя, и пошла,
 Пошла искать любви, одной любви,
 Любви прямой, восторженной, правдивой...
 Я хороша, я молода была...
 (Тому давно! теперь лишь тѣшь Долорасъ
 Осталась отъ минувшей красоты!)
 И ты, Конхита, ты, Гассанъ мой вѣрный.
 Вы оба знать должны, какъ жизнь свою
 Сгубила я, истратила въ исканьи!
 Какъ много промелькнуло заблужденій,
 Ошибокъ, призраковъ, разувѣреній
 Въ душѣ моей уставшей,—но, увы,
 Не пресыщенной!.. Много тщетныхъ клятвъ,
 Минутныхъ ласкъ, обманчивыхъ обѣтовъ
 Я собрала на поприщѣ моемъ.
 Я вынесла изъ горькаго мытарства,
 Дань суетныхъ исканій, дань обидныхъ
 И глупыхъ вснышекъ, чувственныхъ страстей...
 Но *сердца* не нашла я въ вѣрной груди,
 Хоть сердца я искала!.. только сердца
 Подъ панциремъ воинскимъ, подъ шелковымъ
 Полукафтanjemъ доновъ молодыхъ!..
 Какъ мой отецъ гнался за наслажденьемъ,
 Какъ онъ ловилъ повсюду упоенье,
 Такъ я гналась за страстью, за любовью,
 За вѣрною и сильною душой!..
 Напрасно!.. Какъ болотный огонекъ
 Манитъ ночнаго путника, влечетъ
 Его на смерть въ бездонную пучину,
 Такъ и меня мерцающія искры
 Небеснаго огня прельщали часто,—
 Но гасли вдругъ подъ тиною земной.
 И снова вокругъ меня все было мракъ,
 Все было мгла!.. Стремилась я за счастьемъ, —

И пустоту холодную сжимала
 Въ объятіяхъ горячихъ... Чудный кубокъ
 Манилъ уста мои, я прикасалась,
 Напитокъ мнимый превращался въ прахъ,
 Или въ золу!.. Блуждала я по свѣту,
 Неся въ груди сокровище мое —
 Глубокое и пламенное сердце,
 Но не нашла, кому бъ его отдать!
 Не стоящимъ бросала даже я
 Души моей завѣтныя богатства,
 Они, смѣясь, ногами ихъ попрала!..
 И по одной растратила я тщетно
 Надежды и мечты мои, какъ перлы
 Хранимаго небрежно ожерелья...
 А жизнь все проживалась безъ возврата,
 А годы шли... Теперь, мнѣ все равно!
 Мой конченъ путь!.. Исканье прекратилось!
 Я не хочу, не жду ужь ничего!
 Но,—если жить мнѣ не было дано,
 Я умереть должна отъ жажды жизни;
 Должна сгорѣть отъ празднаго огня
 Пустаго и болѣзненнаго сердца!..

КОНХИТА.

Все это правда!.. Ни полслова ты
 Не измѣнила въ были безотрадной.
 Но этой грустной правды только мы,
 Гассанъ да я, свидѣтели нѣмые.
 А развѣ кто-нибудь повѣритъ намъ!..
 А люди, — какъ они мою сеньору
 Разславили судомъ несправедливымъ!..
 Какой позоръ, какихъ проклятій бремя
 На голову ея со всѣхъ сторонъ
 Наброшены и завистью и местию!..
 И ужасомъ лишь имя донъ-Жуана
 Поспорить можетъ съ именемъ Долорэсъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Да!.. И меня молва не пощадила.
 Но клевета цѣпляется о вѣѣшность,
 Во глубь души чужой не проникая.

Ей такъ легко поступки челоѣка
 Истолковать по своему, не зная
 Причины ихъ и тайныхъ побужденій!..
 Такъ и меня впили, укоряли,
 Но ктожь спросилъ о горѣ и обидахъ
 Перенесенныхъ мною?.. Кто подумалъ,
 Что за виною женщины, всегда
 Скрывается предательство мужчины?

КОНХИТА.

Тебя любилъ однако донъ-Фернандо...

ДОЛОРЭСЪ *(горько)*.

Онъ мной былъ предпочтень опаснымъ двумъ
 Соперникамъ. Побѣдою надъ ними
 Тщеславіе его торжествовало,
 Покуда про него и про меня
 Носились слухи въ городъ, покуда
 Обоихъ насъ безумнымъ любопытствомъ
 Пустая окружала молодежь.
 Да, онъ любилъ... являться на балконѣ
 Со мною рядомъ, и кивать небрежно
 За пѣтыя мнѣ снизу серенады...
 Любилъ... передъ каретою моею
 Промчаться на арабскомъ скакунѣ
 Вдоль аламеды, полной шумныхъ толковъ...
 Настало лѣто, городъ опустѣлъ,
 Разѣхались завистники его —
 И донъ-Фернандо разъ проснулся съ мыслью,
 Что страсть его ко мнѣ совсѣмъ прошла...
 Въ тотъ день мы не видались... На другой
 Мнѣ донесли, что онъ уѣхалъ въ горы,
 Въ какой-то старый замокъ, и отъ скуки
 Увезъ съ собою Гитану удалую,
 Которая на улицѣ фанданго
 Плясала, собирая мароведи...
 Съ тѣхъ поръ онъ сталъ моимъ врагомъ жестокимъ,
 Непримирымъ... Вѣдь всегда враждой
 Любовь у нихъ кончается!.. Не такъ ли?..

КАРЛО.

Такъ. Потому-что ихъ вражда въ любовь

Всегда готова превратиться вновь!
 И сами-то они подь-часъ не знаютъ
 Чтò съ ними — ненавидятъ ли они,
 Иль любятъ?.. На минуту, много на день,
 У нихъ достанетъ чувства, а потомъ...
 Не спрашивай ни жизни, ни страстей
 Тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ! Зачѣмъ имъ жизнь и страсть?..
 У нихъ, въ-замѣнъ, разсѣянье и прихоть!..

ДОЛОРЭСЪ.

Мой бѣдный карло, ты со мною вмѣстѣ
 Учился понимать людей и свѣтъ?..

КАРЛО.

Не понимать, а презирать, сеньора!..

КОНХИТА.

Гассанъ, ты негодисься нынче въ должность!
 Твое бы дѣло донью забавлять,
 А ты, къ ея тоскѣ готовъ прибавить
 Свою хандру и злость на цѣлый мѣръ!..
 Кукушкой тутъ зловѣщею лишь вторишь
 Ея словамъ и всѣмъ ея роптаньямъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Оставь его! Мнѣ любо видѣть въ немъ
 Души моей прискорбный отпечатокъ!..

КОНХИТА.

Но если свѣтъ и вообще людей,
 Особенно жъ мужчинъ, такъ презираетъ
 Теперь сеньора наша, — такъ о чемъ
 Ея тоска и тайная тревога?..
 Чего ей жаль?.. О чемъ груститъ она?..

ДОЛОРЭСЪ.

Чего мнѣ жаль, — чего еще хочу?..
 Чтò я люблю упорно и безумно?..
 Мнѣ жаль любви, любви хочу я только,
 И больше ничего!.. Пойми меня,
 Пойми во мнѣ законъ неодолимый
 Моей судьбы... я не людей люблю, —
 Люблю любовь, какъ цѣль и солнце жизни!
 И рваться къ ней томительнымъ стремленьемъ

Душа моя во вѣкъ не перестанетъ,
Покуда я дышу ..

КОНХИТА.

Напрасный трудъ!
Ты не найдешь ея! Ужь безъ того,
Твое больное сердце, какъ кладбище,
Гдѣ много спитъ отжившихъ и усопшихъ,
Гдѣ много, подъ надгробными крестами,
Именъ забытыхъ, гдѣ подъ каждымъ камнемъ
Схоронено по радостной надеждѣ!

ДОЛОРЭСЪ (сгъ горькимъ смѣхомъ).

Нѣтъ, все могилы пусты, успокойся!
Усопшіе живыми разбрелись!..
Надъ именами ихъ о чемъ же плакать?
Зачѣмъ ихъ чтить тоскою безутѣшной?
Кладбище стало полемъ для прогулокъ,
Разыгранной комедіи нѣмая
И опустѣвшая въ потемкахъ сцена!..
О! если бѣ точно подъ однимъ изъ камней
Улегся навсегда прахъ дорогой,
Тогда, тогда умѣла бѣ я всю жизнь
Свою отдать могилѣ безотвѣтной!..
Тогда, тогда вдовствомъ души печальной
Я чтила бы покойника вовеки,
И, обручившись съ мертвымъ, я бѣ осталась
Ему вѣрна, и сердце было бѣ полно
Своимъ жильцомъ невидимымъ, но милымъ!..
Но о живыхъ, веселыхъ и безпечныхъ...
Я не грущу и слезъ своихъ не трачу,
Чтобъ ихъ смѣшить... Вотъ вся вина моя,
И почему я женщиной безъ сердца
Слыву межъ нихъ?!..

КАРЛО.

Мужчина всякій радъ
Заставить плакать женщину, а самъ
Надъ ней покуда хохотать съ другою!..
И послѣ ласкъ безумныхъ, послѣ томныхъ
Улыбокъ страстной женщины, ничто
Остывшему любовнику не мило

И не отрадно такъ, какъ слезы скорби
Въ глазахъ, ему когда-то дорогихъ!..

ДОЛОРЭСЪ.

Гассанъ, ты говоришь съ такою злобой
О нашихъ искустеляхъ бездушныхъ,
Что или самъ ты женщина, подъ мнимой
Личиною мужчины, или ты
Соперникомъ стоялъ на ихъ дорогъ,
И долженъ былъ имъ уступить покорно
Свою любовь, завѣтный сердца кладъ?..

КАРЛО.

Сеньора, посмотрите на меня,
И не шутите!.. Бѣдный карло знаетъ
Что не ему любить, страдать, желать...
Но, хоть уродъ, онъ человѣкъ по сердцу,
И онъ всегда откликнуться готовъ
На чувство чувствомъ, на добро добромъ,
А на обманъ и ложь — враждой и местию!..
О, еслибы вы мнѣ препоручили
Отмстить за васъ хоть одному злодѣю!..

(Быстро выхватываетъ кинжалъ изъ-за пояса).

ДОЛОРЭСЪ *(улыбаясь)*.

Вотъ рыцаря какого дождалась!

КОНХИТА.

Сеньора, вотъ вашъ докторъ, слава Богу!
Пора ему придти, а я не слажу
Съ хандрою вашей... Здравствуйте донъ-Нуньэсъ!
Пожалуйте скорѣй ко мнѣ на помощь!
Я страхъ какъ недовольна нашей доньей:
Она опять блажить, опять грустна,
Ей скучно.....

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ *(входит)*.

Я сейчасъ развеселю
Ихъ милость. Добрый день, сеньора, вамъ!..
Какъ думаете вы, о чемъ сегодня
Мнѣ цѣлый часъ прослушать довелось?

ДОЛОРЭСЪ.

Когда и гдѣ?

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

На площади, въ кофейнѣ,
Гдѣ ваша звать собирается всегда
Блестящими кортесами...

ДОЛОРЭСЪ.

Гдѣ слухи

И поиски ежедневно создаются,
Чтобъ разойтись по всеѣмъ концамъ Мадрида?
О докторъ, мнѣ не трудно угадать!
Я напередъ скажу вамъ: тамъ, конечно,
Шелъ разговоръ о мнѣ... меня бранили...
И добирались знать, куда вчера
Я ѣхала передъ зарей вечерней?..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Одно вы угадали, да! про васъ
Велася рѣчь, но только, вмѣсто брани,
Я слышалъ похвалы вамъ. Цѣлый гимнъ
Восторженной любви, безумной страсти.

ДОЛОРЭСЪ.

Любви ко мнѣ?!.. Вотъ это любопытно!..
Давно ужъ я отвыкла узнавать
Про что-нибудь другое, чѣмъ хулу
И злобу отъ людей!

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Даю вамъ слово

Что есть у васъ защитникъ и поклонникъ
Такой, какого вы не ожидали!..

ДОЛОРЭСЪ.

Для шутки?.. Изъ какой-нибудь преступной
И низкой цѣли?..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Нѣтъ, — отъ всей души,

Отъ полного, прямого увлеченья
Васъ любить юноша, васъ обожаетъ
Ребенокъ благородный и стыдливый,
Красавецъ и мечтатель... можетъ-быть,
Со временемъ герой, о комъ не мало
Прольется вѣжныхъ слезъ изъ женскихъ глазъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Вы сказку мнѣ хотите рассказать,
Какъ будто я сама дитя больное?..
Я слушаю!..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Знакомъ вамъ донъ-Алонзо
Да-Санта-Фэ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Сегодня въ первый разъ
Я слышу это имя...

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Быть не можетъ!..
Но, впрочемъ, вы отстали отъ людей,
Забыли ихъ... По-крайней-мѣрѣ, вы
Знавали прежде герцога да-Сильву,
Богатаго слѣпаго старика?..

ДОЛОРЭСЪ.

Встрѣчалась съ нимъ... Такъ это онъ меня
Такъ страстно любить?..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Нѣтъ! Ему сто лѣтъ
Безъ малаго, онъ любить только супъ свой,
Духовника и доктора... Но есть
Племянникъ у него—ребенокъ милый
Пятнадцати годовъ.... Въ семьѣ у нихъ,
Преемниковъ наслѣдія и званья
Слѣпаго Сильва, много умирало,
Кто на войнѣ, кто въ глупыхъ поединкахъ
За вздорныя бездѣлицы: послѣдній
Изъ стараго ихъ рода—донъ-Алонзо,
И чтобъ его спасти и уберечь,
Его вскормили гдѣ-то втихомолку,
Подъ наблюденьемъ стараго монаха,
Подъ зоркимъ взоромъ матери, вдовы.
Представьте же, какой цвѣтокъ,
И нѣжный и душистый, тамъ разцвѣлъ
Вдали людей, соблазна и суеты!..
Онъ женщинъ не видалъ тамъ, говорятъ,
Читалъ... одну латынь въ мѣсяцесловѣ...

Недавно, старый герцогъ взялъ къ себѣ
 Племянника, и молодой дикарь
 Попался вдругъ къ донъ-Сайху, къ донъ Фернанду
 Въ товарищи... О! не смѣшите, донья,
 За нравственность и чистоту его
 Бояться!.. Я не знаю, что бы вышло
 Когда бъ онъ васъ не встрѣтилъ, не любилъ,
 Но вы, себѣ невѣдомо, вы были
 Хранителемъ невинности! Вы стали
 Его мечтой, кумиромъ, божествомъ...
 Онъ любить васъ... невольно, безнадежно,
 Какъ любятъ въ первый разъ, когда души
 И мысли свѣтъ до время не испортилъ...
 Сейчасъ, при мнѣ, товарищи его
 Дразнили и пытали безъ пощадъ
 За эту страсть, смѣшную имъ... а онъ,
 Бѣдняжка, онъ такъ смѣло, такъ открыто
 Провозглашалъ смиренную любовь
 Къ богинѣ недоступной, незнакомой,
 Что, право, я былъ тронутъ!.. Я, по званью
 И ремеслу, безчувственный... я, скептикъ,
 Повѣрилъ, и завидую ему!..
 Онъ ничего не смѣетъ ждать отъ васъ,
 Надѣяться не смѣетъ;—но за то,
 Какъ пламенно и молодо желаетъ
 Хоть взгляда вашего!.. Клянусь, я самъ
 Былъ отогрѣтъ такимъ огнемъ и жаромъ,
 И вотъ моя вамъ сказка! только все
 Въ ней истинно и вѣрно, я божусь вамъ!..

ДОЛОРЭСЪ.

И донъ-Фернандо, вы сказали, друженъ
 Съ мечтательнымъ Алонзо?

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Я встрѣчаю

Ихъ часто вмѣстѣ... донъ-Фернандо здѣсь
 Глава и предводитель молодежи,
 Блестящаго разврата образецъ.

ДОЛОРЭСЪ

Такъ можете спокойны быть, не долго

Победить вашъ мечтатель!.. Посмотрите,
 Что про меня злословить онъ начнетъ
 Всѣхъ громче, всѣхъ усерднѣй!

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Я не знаю,

Чѣмъ кончится любовь его; теперь,
 Онъ весь восторгъ; онъ дышетъ только вами,
 Не чувствуетъ земли онъ подъ собой,
 И головой парить въ десятомъ небѣ!..

ДОЛОРЭСЪ.

Давно ли стали вы поэтомъ, докторъ?

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ вы въ отшельницы пошли.

ДОЛОРЭСЪ.

Но я не заперлась и не давала
 Обѣта одиночества!.. Отвѣтъ вашъ
 Несправедливъ, хотя онъ остроуменъ.

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Я вижу васъ всегда одну, сеньора;
 Изъ дому вы выходите такъ рѣдко,
 И то лишь для прогулокъ одинокихъ,
 И потому!..

ДОЛОРЭСЪ.

Въ отшельницы идти

Годится тѣмъ, кто жизнью насладились
 И вдоволь ей насытились, а я,
 Я только знаю вкусъ ея отравъ,
 Усладъ ея дознаться не могла я!

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Отъ васъ ли я такія рѣчи слышу?
 Васъ въ баловни свои взяла судьба;
 Вы хороши, богаты и свободны,
 Вамъ стоитъ лишь желать, и всё желанья
 Всѣ прихоти должны тотчасъ для васъ
 Исполниться!..

ДОЛОРЭСЪ.

Такъ думаете вы?

Но, жалко, жизнь пнаго, докторъ мнѣня,

Она дала мнѣ много, только счастья
Забыла мнѣ на долю удѣлить!..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Вы нынче нездоровы... ваши мысли
Набросили покровъ печальный свой
На цѣлый миръ.

ДОЛОРЭСЪ.

И снова вы ошиблись!

Не потому скучна я, что больна,
А потому больна, что скучно мнѣ!

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Знакомая болѣзнь! она томила
Издавна вѣхъ счастливицевъ пресыщенныхъ,
Всѣхъ тѣхъ, кто слишкомъ рано достигали
До высоты земныхъ благополучій,
И цѣли предъ собой ужъ не видали,
Затѣмъ, что обошли ее! Герои,
Красавицы, владыки, мудрецы,
Всѣ славы, всѣ величія земныя
Подвержены болѣзни роковой!

ДОЛОРЭСЪ.

Вы говорите мнѣ про пресыщенныхъ?

Жизнь въ тягость имъ, но только, отъ избытка

Ихъ счастья, ихъ блаженства, оттого

Что на землѣ желать имъ ничего

Ужъ не осталось?.. Такъ ли?.. Я же, докторъ,

Я потому готова умереть,

Что жить не удалось, какъ я бъ хотѣла!..

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ.

Могу ли знать?..

ДОЛОРЭСЪ.

Довольно... я сегодня

На разговоръ разумный не гожусь...

Прощайте, Нуньэс!.. Завтра приходите...

Я, можетъ-быть, умнѣ буду!.. Карло,

Сеньора проводи!..

(Докторъ и Карло уходятъ).

ДОЛОРЭСЪ (*живо и трепетно*).

Конхита, ты,
Ты слышала, что Нувьэсъ говорилъ?

КОНХИТА.

Я слышала, но плохо поняла...
Сеньоръ Нувьэсъ не даромъ вѣдь ученый,
И *степени* привезъ изъ Саламанки
Какія-то... Онъ говоритъ красно,
Но слишкомъ мудрено!...

ДОЛОРЭСЪ (*съ нетерпѣливостью*).

Но вспомни только,

Чѣмъ началъ онъ?...

КОНХИТА.

Бранилъ мою сеньору

За лѣнь ея и скуку?

ДОЛОРЭСЪ.

Нѣтъ, не то!..

Онъ разсказалъ про страшную любовь
Какого-то ребенка... донъ-Алонзо...

КОНХИТА.

И льстивой рѣчи, выдумки пустой
Готова вѣрить тотчасъ же сеньора?

ДОЛОРЭСЪ.

Конхита, если я тебѣ мила,
Не мучь меня своимъ сопротивленьемъ,
А лучше помоги мнѣ!.. Дай еще,
Еще хоть разъ мнѣ жребій жизни брось!..

Поди... узнай... развѣдай... распроси...

Нѣтъ! лучше карла я пошлю... Онъ скажетъ

Всю правду мнѣ... А ты меня обманешь

Изъ преданной, но безразсудной дружбы.

Гассанъ!.. Гдѣ онъ?.. Гассанъ!..

КОНХИТА (*горько*).

Моя сеньора

Не вѣрить мнѣ?.. Гассанъ мнѣ предпочтень...

ДОЛОРЭСЪ.

Не предпочтень, но я боюсь тебя!

Не даромъ ты дуэньей называлась:

Ты стережешь, ты бережешь меня,
Какъ будто я дитя...

КОНХИТА.

Ахъ! дай-то Богъ

Чтобъ уберечь могла тебя хоть разъ я
Отъ новаго грѣха, отъ новой скорби!..

ДОЛОРЭСЪ.

Но я божусь тебѣ... даю честное,
Святое слово дочери гидальго!..
Въ послѣдній разъ... ты слышишь ли? въ послѣдній
Хочу узнать,—найду ли наконецъ
Въ мужчинѣ сердце, въ сердцѣ томъ—любовь!..

КОНХИТА.

Ты хочешь видѣть этого Алонзо?

ДОЛОРЭСЪ.

Хочу!

КОНХИТА.

И что жъ потомъ?

ДОЛОРЭСЪ.

Потомъ?.. Не знаю!..

Онъ скажетъ мнѣ... что любить онъ меня!..
А я спрошу, давно ли полюбилъ,
Зачѣмъ и гдѣ?.. Ну, словомъ, я увижу,
Узнаю, правда ли, и точно ль мнѣ
День радости желанной настанетъ?..

КОНХИТА.

Сеньора... я слуга твоя, раба...
Должна тебѣ повиноваться слѣпо...
Но только, ты подумай, если снова
Одинъ пустой обманъ найдешь ты съ горемъ,
Тогда, что съ нами будетъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

О! тогда...

Забуду я, что значитъ ждать, искать...
Велю молчать тоскующему сердцу, —
Велю остыть бушующей груди...
Въ послѣдній разъ, Конхита!..

КОНХИТА.

Сколько разъ

Я слышала, что это ужъ послѣдній!

ДОЛОРЭСЪ.

Еще одна попытка быть любимой...

Одна борьба съ судьбой, на жизнь и смерть!..

Я чувствую... мнѣ шепчетъ голосъ тайный,

Что наступилъ день рѣшительной роковой,

Что близокъ часъ рѣшительный, что нынче

Развязка цѣлой жизни неудачной!..

КОНХИТА.

Приказывай! Какъ мнѣ ни тяжело, —

Исполню я опять твое желанье.

ДОЛОРЭСЪ.

Пойдемъ ко мнѣ: придумаемъ, какъ лучше

Развѣдать намъ... Я дамъ тебѣ записку...

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Ночь. Загородный садъ доньи-Долорэсъ; правильныя, стриженныя азлеи и шармилы, украшенныя, во вкусѣ возрожденья, статуями, бассейнами, вазами; цвѣтники возвышаются на лугахъ; вода бьетъ въ фонтанахъ.

КАРЛО, КОНХИТА.

КАРЛО.

Дуэнья, ты участница всѣхъ тайнъ

Сеньоры нашей: вѣрно, знаешь ты,

Зачѣмъ мы здѣсь сегодня?

КОНХИТА.

Наше дѣло

Знать и не знать... все видѣть и все слышать,

Но ничто не помнить. Исполнять

Безмолвно приказанья, порученья,

Но никогда не спрашивать — зачѣмъ
Мы здѣсь?.. Я ничего не знаю больше!

КАРЛО.

Но никогда сеньора въ поздній часъ
Тайкомъ сюда не приходила прежде?..

КОНХИТА.

Знать *надо* такъ!.. Иль просто захотѣлось
Прохладю ночной ей подышать
Вдали людей и городского шума.

КАРЛО.

Ты давеча записку относила:
Куда? къ кому?..

КОНХИТА.

Къ тому, кто получилъ
И прочиталъ!.. Съ меня того довольно.

КАРЛО.

А я... что мнѣ велятъ?.. Сеньора мнѣ
Сказала, уходя въ кіоскъ китайскій,
Что ты мнѣ передашь ся приказъ.

КОНХИТА.

А вотъ сейчасъ узнаешь!.. Отправляйся
Къ рѣшеткѣ боковой, что на дорогу
Выходитъ изъ угла... Вотъ ключъ тебѣ!..
Дождися тамъ: чрезъ полчаса, иль раньше,
Придетъ туда, закутанный плащемъ,
Какой-то незнакомецъ, и тебѣ
Подастъ кольцо сеньоры, съ изумрудомъ —
Его ты знаешь!.. Тотчасъ отопри,
Впусти пришельца, самъ же — можешь лечь
И спать себѣ покуда у рѣшетки...

КАРЛО (*съ волнением*).

Дуэнья... это что?.. Опять свиданье?
Интрига?.. Кто же *онъ*, тотъ незнакомецъ?..
Какой-нибудь измѣнникъ недостойный?..
Иль глупый вертопрахъ? или тщеславный
Гордецъ, самимъ собою занятой,
Какъ всѣ они: пустые эти доны,
Крутящіе весь день удалый усъ

Передъ окномъ плѣнныхъ ими женщинъ?
 О! расскажи, ты знаешь, гдѣ, когда
 Сеньора съ нимъ видалась?.. Какъ успѣлъ
 Понравиться безсмысленный счастливецъ?..
 И любить ли ее онъ?.. Такъ ли любить
 Какъ должно? Знаетъ ли онъ цѣну ей,
 Готовъ ли онъ не жизнь — что жизнь! пустое!
 Готовъ ли онъ отдать на жертву ей
 Себя... своей души, своихъ страстей
 Всѣ тайныя движенья, всѣ страданья...
 Вражду свою, любовь... всю кровь по капль,
 Все сердце по кускамъ?.. Тогда, тогда, —
 И я скажу, *е*е онъ точно любить,
 Пусть онъ идетъ... Но это невозможно!
 Никто еще такъ не любилъ ее!..

КОНХИТА.

Возможно, или нѣтъ — ты долженъ, карло,
 Исполнить, что приказано!.. Прощай!
 Не наше дѣло!..

(Уходитъ).

КАРЛО (одинъ).

НѢТЬ!.. Никто, никто
 Не могъ и не умѣлъ *ее* любить!..
 Я знаю все... я помню всѣхъ... Ни разу
 Любители наружной красоты
 Не поняли, не угадали въ ней
 Святыхъ красотъ ума ея и сердца!..
 Они, какъ пчелы шумные кружатся,
 Жужжа вокругъ нея, — но нѣтъ межъ ними
 Догадливой пчелы, чтобъ сладкій медъ
 Извлечь изъ тайника живаго чувства!..
 И этотъ тоже будетъ, какъ другіе...
 Придетъ, ухнетъ взоромъ свѣтлыхъ глазъ,
 Наслышится рѣчей ея волшебныхъ,
 Натѣшится картиной чудной страсти,
 Невѣдомой ему, — и отойдетъ,
 Своей находки цѣну не понявши,
 Какъ отъ алмаза дивнаго дикарь,
 Привыкшій къ блеску бисеровъ хрустальныхъ.

Заранѣ могу я предсказать,
 Чѣмъ кончится и это приключенье.
 Но только жаль ее!.. Она опять
 Поплачетъ, — не о немъ, а о мечтѣ
 Потерянной, о новомъ заблужденнѣ...
 Пойду, пойду открыть свободный входъ
 Сопернику, который ужъ конечно
 Себѣ врага во мнѣ не угадаетъ...
 Пусть унесетъ утсюда онъ улыбку
 Съ презрѣніемъ ея... Она недолго
 Имъ будетъ занята! Онъ мнѣ не страшень.
 Вотъ, еслибы нашелся человекъ,
 Ея любви, ея самой достойный,
 Такой, о комъ она бъ могла всю жизнь
 Воспоминать, въ восторгѣ или въ слезахъ,
 Такой, кто бъ овладѣлъ ея душою,
 Въ комъ сердце бы ея нашло себѣ
 Властителя, царя и господина, —
 О!.. для него... для этого... я сталъ бы
 Преградой на порогѣ, между имъ
 И счастьемъ!.. Для него вражда и месть
 Змѣями бъ зашипѣли въ сердцѣ карла,
 Въ чутъ признанномъ людьми, смѣшномъ имъ сердцѣ
 Урода... полузвѣря, полувещи...
 И для него...

(Вынимаетъ свой кинжалъ).

Скорѣй, чѣмъ дверь открыть,
 Я бѣ гробъ открылъ... и къ смерти, вмѣсто бѣ счастья,
 Послалъ его... Но вѣдь такого нѣтъ
 На свѣтѣ, а другихъ я не ревную.
 Пускай они мелькаютъ, какъ видѣнья,
 Предъ взорами ея и мимо сердца!
 Я остаюсь, я вѣренъ ей, служу ей—
 И кто мнѣ запретить ее любить!..

(Уходитъ).

ДОНЬЯ-ДОЛОРЭСЪ въ полумаскѣ, завернутая въ мантилью;

ДОНЪ-АЛОНЗО, въ плащѣ.

ДОЛОРЭСЪ *(голосъ ея дрожитъ)*.

Севьоръ... вы не заставляли себя

Ждать слишкомъ долго... Это хорошо...
И служить доказательствомъ, что вы
Умѣете вести себя учтиво
Съ пугливымъ нашимъ поломъ, что привыкли
Вы смолоду къ таинственнымъ свиданьямъ!

АЛОНЗО *(робко и съ волнениемъ)*.

Я въ жизнь свою ни на какомъ свиданьи
Не былъ еще...

ДОЛОРЭСЪ.

Вы шутите?!.. Не вѣрю...

Давно ли вы въ Мадридѣ?

АЛОНЗО.

Ровно мѣсяцъ,
Какъ привезли меня изъ дальней ссылки
Стариннаго бискайскаго помѣстья.

ДОЛОРЭСЪ *(шутливо)*.

И въ мѣсяцъ не успѣли будто вы
Перебывать на двадцати свиданьяхъ?

АЛОНЗО.

Сеньора, не затѣмъ меня сюда
Вы призвали, чтобъ исповѣдь мою
Потребовать.

ДОЛОРЭСЪ.

А кстати, васъ моя
Записка удивила?

АЛОНЗО.

Очень даже...

Я въ первый разъ такую получаю.

ДОЛОРЭСЪ.

Ужъ будто въ первый разъ?!

АЛОНЗО.

Даю вамъ слово,

Что въ первый.. Я не только-что въ Мадридѣ,
Я въ цѣломъ мѣрѣ женщины не знаю,
Которая бъ могла ко мнѣ писать,
Когда не мать моя.

ДОЛОРЭСЪ.

И... что же... вы

Подумали?..

АЛОНЗО.

Я ровно ничего

Не думалъ : я прочелъ, и мнѣ сказали,
 Что вечеромъ меня, въ извѣстный часъ,
 Зовутъ, чтобъ сообщить о важной тайнѣ...
 И я пришелъ!..

ДОЛОРЭСЪ.

Скажите, — вамъ который

Недавно минулъ годъ?

АЛОНЗО.

Что вамъ, сеньора,

Мои года?.. я жду, что вамъ угодно
 Мнѣ было сообщить...

ДОЛОРЭСЪ.

А сердце въ васъ

Неужели не билось?..

АЛОНЗО.

Сердце? Нѣтъ..

Но рѣчь теперь не о моемъ вѣдѣ сердцѣ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Какъ звать?.. а можетъ быть, васъ приглашали,
 Чтобъ разбирать сердечныя дѣла.

АЛОНЗО.

Сеньора, — я, какъ рыцарь, какъ мужчина,

За долгъ почелъ повиноваться дамѣ,

Но... я... я не затѣмъ... я васъ прошу,

Скажите мнѣ, въ чемъ состоитъ та тайна,

Которая...

ДОЛОРЭСЪ.

Какой вы неприступный!..

А еслибъ дѣло шло здѣсь о любви...

О женщинѣ?...

АЛОНЗО.

Я долженъ повторить вамъ,

Что кто бы ни была она, — прошу

Не говорить напрасно мнѣ о ней!..

ДОЛОРЭСЪ.

Напрасно?.. Почему такая строгость?
Здѣсь много есть красавиць... Вы могли
Понравиться... и...

АЛОНЗО.

Болѣе ни слова!..

Хоть правлюсь, хоть не правлюсь я, — но мнѣ
Навѣрное не нравится никто...
Никто изъ тѣхъ, о комъ вы говорите!
Я смѣю васъ просить...

ДОЛОРЭСЪ.

Сеньоръ, положимъ,

(Вамъ выслушать не стоитъ ничего!)
Положимъ, что вы здѣсь... у примадонны...
Которая всѣ головы Мадрида
Вскружила, и больна отъ серенадъ,
Ей пѣтыхъ днемъ и ночью, ежечасно,
Ежеминутно... Самъ король, инфанты,
Весь дворъ, и вся грандеца отъ нея
Безъ памяти... Ну, еслибы она
Любила васъ?..

АЛОНЗО.

Я бѣ сожалѣлъ о ней!..

Что ей во мнѣ?.. Я — мальчикъ безъ значенья...
Пусть выберетъ она когонибудь
Достойнѣе меня... и благодарнѣй!..

ДОЛОРЭСЪ.

Глаза у ней, какъ небо, голубыя...
Какъ зрѣлый колосъ, волосы ея
Сіянемъ золотымъ ее вѣнчаютъ...
Такая красота межъ мадритянокъ
Единственна!..

АЛОНЗО.

Тѣмъ лучше для нея!..

А мнѣ... мнѣ все равно!

ДОЛОРЭСЪ.

Но вы ее

Съ восторгомъ слушали еще недавно,

Когда она роль страстной Ариадны
Такъ чудно пѣла. Даже на глазахъ
У васъ дрожали слезы, говорятъ...

АЛОНЗО.

Да, это правда.. Я былъ увлеченъ
Не прелестями ея, а дивнымъ пѣньемъ...
Она любовь такъ томно выражала,
Восторгъ и страсть звучали такъ тревожно
Въ устахъ ея, что я... забылся, вѣрно,
И плакалъ отъ избытка нѣжныхъ чувствъ...
Но не она тѣ чувства пробуждала!..

ДОЛОРЭСЪ.

Вы знаете Пахиту молодую,
Танцовщицу, гитану?.. вѣдь она
Красавица совсѣмъ другаго рода:
Вся блескъ и жаръ... вся нѣга, сладострастье...
Что еслибъ васъ Пахита позвала,
Чтобъ въ страсти вамъ признаться?..

АЛОНЗО.

Я не давно

Въ окно ей бросилъ полный кошелекъ,
Когда она плясала предъ дворцомъ
Герцога Сильва, дяди моего...
Но сердца я, сеньора, не бросаю
Такъ скоро и легко!.. Пускай Пахита
Прельщаетъ многихъ... Я не въ ихъ числѣ...

ДОЛОРЭСЪ.

Вы горды, донъ-Азонзо?.. Ваше сердце
Неравные союзы отвергаетъ?..
Но есть и во дворцахъ Мадрида много
Прекрасныхъ и плѣнительныхъ сеньоръ...
Замѣтить васъ не мудрено имъ было,
И еслибы...

АЛОНЗО.

Довольно! Я клянусь вамъ

Мечемъ моихъ отцовъ, что еслибъ даже
Сама Киприда бросила Олимпъ
Или Пафосъ нарочно для меня, —

Я и тогда бѣ остался равнодушнѣмъ...
Нѣтъ женщины, которая бѣ могла
Мнѣ кровь зажечь и сердце взволновать!..

ДОЛОРЭСЪ (снимая свою маску).

Нѣтъ ни одной?..

АЛОНЗО (вскрикиваетъ и отступаетъ назадъ).

О Боже мой!.. Она!

Я съ нею говорю!!.. И не во снѣ!!
Гдѣ я?..

ДОЛОРЭСЪ (робко).

Сеньоръ... вы у меня!.. Простите!..

Я испытать хотѣла этой шуткой...

АЛОНЗО (страстно):

Такъ это шутка?!.. Больше ничего?!..

За мною вы послали, шутки ради?

И я... ничѣмъ служить вамъ не могу?..

Но если нужно вамъ, или угодно,

Чтобъ я сейчасъ на тысячу смертей

Для васъ, за васъ бы бросился, о! только

Скажите слово; дайте знакъ одинъ —

И я готовъ!..

ДОЛОРЭСЪ (пристально ему смотря въ глаза).

Я вѣрю вамъ!!.. Не знаю,

Зачѣмъ и какъ... но только вѣрю вамъ!..

Алонзо... такъ меня не обманули?..

Вы... настоящій рыцарь!.. вы... дитя,

Душой и сердцемъ!.. вы... Но нѣтъ, — вы сами

Скажите мнѣ!.. То правда ли, что вы...

АЛОНЗО (самъ себя).

Она все знаетъ!.. Вѣрно, призвала,

Чтобъ разбранить, иль, просто, посмѣяться!..

(Онъ отходитъ дальше).

ДОЛОРЭСЪ.

Но онъ молчитъ... блѣднѣетъ... Это что?..

Солгали мнѣ... и онъ меня не любитъ?..

АЛОНЗО (въ изнеможеньи).

Сеньора... вы... вольны прогнать меня...

Вольны казнить презрѣнемъ заслуженнымъ.

Я вижу: вамъ успѣли повторить

Мои слова и споръ за васъ въ кофейнѣ...

Вы сердитесь?.. Вамъ дерзокъ показался

Непрошенный заступникъ?.. О!.. простите!..

Простите мнѣ!.. Не могъ я заглушить

Порывъ негодованья!.. Ради Бога,

(Бросается къ ея ногамъ).

Простите — и не смѣйтесь надо мной!

ДОЛОРЭСЪ *(хочетъ его поднять).*

За что простить мнѣ васъ?.. Чему смѣяться?..

Въ чемъ виноваты вы передо мной?..

Скажите мнѣ...

АЛОНЗО *(на колыняхъ).*

Я умоляю васъ,

Не вынуждайте словъ, которыхъ сердце

Не вырываетъ, не вымолвятъ уста

Безъ содраганья!.. Вы великодушны,

Не требуйте...

(Встаетъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Я требую, напротив!..

Я знать должна, хочу!.. Самой мнѣ страшно

И сладко въ тоже время... О! скажите,

Скажите мнѣ, Алонзо...

АЛОНЗО *(потупивши глаза).*

Жизнь моя

У васъ въ рукахъ!.. Чего еще вамъ больше?..

ДОЛОРЭСЪ.

Скажите, что вы любите меня —

И я повѣрю вамъ!

АЛОНЗО.

Я не могу...

Не смѣю...

(Блѣднѣетъ и прислоняется къ дереву).

ДОЛОРЭСЪ *(беретъ его за руку).*

Вы упрямитесь?.. Ужъ будто

Такъ мудрено и трудно это вамъ?..

Я буду васъ учить!.. За мною только
Вы повторяйте смѣло — если правду
Я выскажу.

АЛОНЗО.

За вами?.. Хорошо!..

Мнѣ послѣ васъ, не только молвить слово,
И умереть не страшно!..

ДОЛОРЭСЪ (*нѣжно, съ улыбкой*).

Если такъ,

Скажите мнѣ: «люблю тебя, Долорэсъ!»

АЛОНЗО (*страстно*).

Люблю тебя!.. Люблю тебя, Долорэсъ!..

(*Изнемогая, вдругъ*).

Но что со мной?.. Не вижу ничего!..

Мнѣ дурно!.. Голова моя кружится!..

(*Опускается на скамью, закрывъ глаза*).

ДОЛОРЭСЪ (*бросаясь къ нему*).

Алонзо!.. Онъ не слышитъ!.. Боже мой!..

(*Бросается подымать его*).

Онъ холоденъ... глаза его закрылись...

Что это съ нимъ! Конхита!.. Нѣтъ! не нужно

Мнѣ никого!.. Пускай никто не видитъ,

Не взглянуть мнѣ торжественной минуты!..

(*Становится сама на колъни и поддерживаетъ
голову Алонзо*)

Дитя!.. Онъ вправду любить!.. До-сихъ-поръ

Такой любви еще я не встрѣчала...

Алонзо!.. Мой Алонзо!.. Возвратитесь

Скорѣ къ жизни!.. Васъ зоветъ любовь...

Васъ счастье призываетъ!.. Это я...

Я... я... Долорэсъ!!!.. слышите? Долорэсъ

Васъ проситъ... вамъ велитъ — Алонзо! встаньте,

Опомнитесь!

АЛОНЗО (*открывая глаза*).

Гдѣ я?.. Я задремаю...

О, чудный сонъ!..

ДОЛОРЭСЪ *(за ширмой)*.

Не сонъ!.. А жизнь и счастье
Съ тобой, мое дитя!..

АЛОНЗО *(привсталъ)*.

Чьи-то руки

Меня обвили цѣпью благотворной...
Мнѣ чей-то голосъ нѣжно такъ шепталъ...
Любимая мечта меня ласкала...
Ко мнѣ близка была она... Долорэсъ!..

(Встаетъ).

И я воскресъ!..

ДОЛОРЭСЪ *(показывается ему)*.

Яди теперь близка!..

Я здѣсь, дитя!.. У ногъ моихъ упалъ ты —
И на груди моей теперь очнулся...

АЛОНЗО *(съ восторгомъ)*.

Такъ это правда?.. Дайте, дайте мнѣ
Взять вашу руку... О! приблизьтесь снова,
Чтобъ на челѣ моемъ я чувствовалъ
Жаръ вашего дыханья... Чтобъ я вѣрилъ,
Что вы не сонъ... не духъ... не привидѣнье
Разстроенной мечты... чтобъ я повѣрилъ —
И не сошелъ съ ума отъ восхищенья!..

ДОЛОРЭСЪ *(протягивая ему свои руки)*.

Дитя!.. Такъ вотъ тебѣ мои двѣ руки...
Возьми ихъ — и повѣрь, когда ты любишь —
И продолжай любить, когда повѣрилъ.

АЛОНЗО *(схватываетъ ея руки, хочетъ поцѣловать ихъ, но, опомнившись, бросаетъ опять на колѣни)*.

О, дайте!.. Нѣтъ!.. я слишкомъ недостойнъ
Такого счастья!.. Нѣтъ! съ меня довольно
Разцѣловать край платя твоего,
Богиня... госпожа моя... сеньора
Всѣхъ думъ моихъ, всѣхъ помысловъ!.. Позвольте,
Я приношу вамъ вѣрности моей
Святой обѣтъ, какъ рабъ вашъ, какъ поклонникъ
Владычицы моей!

(Цѣлуетъ край одежды).

Отнынѣ, донья,
И навсегда, я существую, только
Чтобъ вамъ повиноваться, вамъ служить..
И жить и умереть по вашей волѣ,
По мановеню вашему... Вездѣ
Я вашъ!.. И вамъ одной принадлежу!..

ДОЛОРЭСЪ.

Постойте... не клянитесь такъ, дитя!
Я столько клятвъ обманчивыхъ слыжала!..
Я ихъ боюсь!..

АЛОНЗО.

Но что жъ я вамъ скажу?..
Душа полна, изнемогаетъ сердце
Отъ страстнаго избытка, отъ восторга,
Мнѣ словъ недостаетъ... я обезумѣлъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Зачѣмъ мнѣ умъ?.. Зачѣмъ слова и рѣчи?..
Все это нужно тамъ, гдѣ нѣтъ любви!..
А въ васъ, дитя, любовь и страсть я вижу...
Останьтесь безъ ума и безъ рѣчей —
Такимъ я васъ люблю!..

АЛОНЗО.

Меня, о Боже!..

Вы будете меня любить?.. За что?..
Чѣмъ заслужу вниманье ваше я?..
Я не успѣлъ еще себя прославить
Ни на войнѣ, ни даромъ стройныхъ пѣсней,
Ни красотой, пріятной взорамъ женщинъ...
Ребенокъ я, вы сами мнѣ сказали,
Я лишь одно умѣю и могу —
Любить!.. любить чрезмѣрно... всей душою...
Какъ никогда никто васъ не любилъ!..

ДОЛОРЭСЪ.

Что подвиги военные?.. Что пѣсни?..
Что слава?.. Шумъ пустой!.. Одыхъ ушей
Касается ихъ отзвукъ мимолетный.
А красота — она глазамъ приманка,
Но сердцу не приноситъ ничего.
Я знаю всю тщету и суету

Блестящихъ и хвалсныхъ дарованій:
 Безумна та, кто счастья ищетъ въ нихъ!
 Лишь гордость и тщеславіе она
 Найдеть подъ ослѣпительной корою...
 Нѣтъ! *Правду* я цѣню въ тебѣ, дитя,
 И за любовь твою люблю тебя!

АЛОНЗО.

О, если бъ знали вы, какъ я давно,
 Какъ страстно я былъ занятъ только вами,
 Одною вами!.. Если бъ рассказать
 Все, что я думалъ, чувствовалъ, терпѣлъ,
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ началась моя любовь,
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ васъ увидѣлъ я впервые!..

ДОЛОРЭСЪ.

Да, расскажите мнѣ.. все, все подробно...
 Теперь все, что вы дѣлали, чѣмъ были,
 Все дорого и важно для меня.
 Вотъ видите, я вѣрю вамъ, Алонзо,
 Я завладѣть хочу душою вашей,
 Я въ сердцѣ вашемъ царствовать хочу!
 Садитесь здѣсь, подъ этимъ кипарисомъ, —
 Хоть говорятъ, что стройный столбъ его
 Гробамъ и сожagѣнью посвященъ, —
 Я не боюсь дурныхъ примѣтъ сегодня!
 Ктомужь, любовь, глубокая любовь,
 Печальныхъ не чуждается сближеній,
 Ей тайныхъ слезъ доступна благодать.
 За радостью, за шумною забавой,
 Пусть бабочкой стремится легкрылой
 Ей равная, затѣйливая блажь
 Двухъ праздныхъ прихотей... двухъ бѣглыхъ вспышекъ!
 Мы съ вами, донъ-Алонзо, далеки
 Пристрастія къ улыбкѣ или смѣху,
 Мы можемъ повимать, что есть о чемъ
 Задуматься въ день радости сердечной,
 Что намъ, вдвоемъ, здѣсь, на порогѣ счастья,
 Отранно въ скорбь былую заглянуть!..

(Они садятся подъ кущей кипарисовъ).

АЛОНЗО.

Близъ васъ, и съ вами... всюду хорошо!

ДОЛОРЭСЪ.

О чемъ же васъ хотѣла я спросить?..

Вы мысль мою разсѣяли, Алонзо!..

Да.. вспомнила.. Скажите мнѣ, когда,

И какъ, и гдѣ меня вы полюбили?..

АЛОНЗО.

Я только-что пріѣхалъ... Герцогъ Сильва

На бой быковъ съ собою взялъ меня,

И, хотъ слѣпой, мнѣ называлъ на память

Прославленныхъ красавицъ городскихъ,

Описывая мнѣ одежды, лица...

Гербы мужей и строгій видъ отцовъ;

Для новичка, судите, что за трепеть,

При зрѣлищѣ подобномъ, при осмотрѣ

Двухъ-сотъ, иль больше, женщинъ, въ полномъ блескѣ

Наряда и цвѣтушей красоты!..

Тутъ былъ весь дворъ и весь Мадридъ, я помню

Что долго по рядамъ и по балконамъ

Блуждалъ мой взоръ, и наконецъ упалъ

На ложу одинокую, гдѣ скромно

Сидѣли вы, подъ кружевной мантилей

И въ черномъ платьѣ... точно какъ теперь!..

И я, увидя васъ, я пересталъ

Другими любоваться... я забылся,

И не смотрѣлъ на бой... Вдругъ, слышу вопль

Отчаянья и муки, и за нимъ,

Раздались крики тысячей народа,

И шумъ рукопесканій, и опять,

Опять тотъ вопль... Звѣрь раненый терзалъ

Могучаго бойца, и оба вмѣстѣ

Валялися въ пыли, мѣшая токи

Горячей крови... Зрителей восторгъ

Дошелъ до изступленья... жены, дѣти,

Все хлопало, кричало, забавлялось,

И грудь молодыхъ сеньоръ дышала знойно

Волненьемъ кровожаднаго вниманья...

Какъ зрѣлище, видъ смерти тѣшилъ ихъ...

И ни одна рука, прося пощады,
 Не поднялась... На васъ взглянулъ я вдругъ,
 И вы однѣ, изъ всей толпы несчетной,
 Однѣ вы поблѣднѣли... задрожали,
 Глаза себѣ закрыли рукавомъ...
 И вотъ, еще послѣдній, дикій вопль,
 Послѣднее степенъе съ завываньемъ, —
 И мертвыми остались на землѣ,
 И рьяный быкъ, и ловкій торреадоръ...
 А женщины, привставши на скамьяхъ,
 Все хлопали, смѣялись, разсуждали,
 Махая опахаломъ и платкомъ
 Въ знакъ похвалы... Онѣ мнѣ омерзѣли
 Всѣ въ этотъ мигъ! И только васъ, сеньора,
 Я женщиной почелъ!.. Васъ унесли
 Безъ памяти... А я спросилъ, кто вы,
 И съ именемъ Долоресъ на устахъ
 Ушелъ домой, въ бреду, изнеможенный:
 Я замиралъ отъ вида страшной смерти!
 Черезъ три дня ауто-да-фе справляли
 Торжественно... Жида вели на пытку,
 Предъ нимъ несли его открытый гробъ,
 И ждалъ его пылающій костеръ...
 Шелъ длинный рядъ пильгримовъ, богомольцевъ,
 Монаховъ, инквизиторовъ... Межъ ними,
 Чтобъ искупить грѣховъ тяжелыхъ бремя,
 Шли гранды и гидальго, въ кашинонахъ,
 Съ свѣчей въ рукѣ, протяжно распѣвая
 Надгробные псалмы... И весь Мадридъ
 Стекался по дорогѣ, посмотрѣть
 Страдальцу въ очи... прошептать проклятье
 Надъ головой его приговоренной... *
 А женщины, забывъ и стыдъ, и жалость,
 Всѣхъ громче, всѣхъ неистовѣй кричали;
 Ругательствомъ язвительнымъ онѣ
 Наперерывъ терзали иновѣрца,

* По уставу Инквизиціи, подобное присутствіе и участіе при казни ея подсудимыхъ вмѣнялось въ заслугу свѣтскимъ лицамъ, и подобно индульгенціи, могло выкупать по нѣскольку грѣховъ и даже преступленій.

Ведомага на смерть. И въ этотъ мигъ,
 Изъ улицы сосѣдней, появились
 Богатые носилки... въ нихъ сидѣла
 Сеньора, и когда она съ жидомъ
 Случайно поровнялась, — взоръ ея
 Слезою отразился... для молитвы
 Она сложила руки, и поклономъ
 Почтила осужденнаго... И кто жъ
 Была она, тотъ ангелъ милосердый?...
 Опять, опять Долорэсъ!.. Вы, сеньора,
 Вы, не боясь толпы ожесточенной,
 Ни грозныхъ инквизиціи шпіоновъ,
 Вы сердца своего явили кротость.
 Вы плакали надъ жертвой изувѣрства,
 За упокой души его молились!..

ДОЛОРЕСЪ.

Вы правы! Это я была, Алонзо!..
 Не знала я о праздникѣ кровавомъ,
 И встрѣтилась нечаянно съ несчастнымъ,
 Идущимъ на костеръ. И гнѣвъ, и ужасъ
 Мною овладѣли. Я, въ тотъ страшный мигъ,
 Забыла о свидѣтеляхъ, о злобѣ,
 О зоркости лазутчиковъ презрѣнныхъ,
 И увлеклась своимъ негодованьемъ!
 Итакъ, мы дважды съ вами повстрѣчались,
 Смились душами въ общемъ сожалѣньи?
 Сочувствіемъ невольнымъ началось
 Знакомство наше... Это хорошо...
 А что жъ потомъ?..

АЛОНЗО.

Потомъ?.. Я сталъ искать васъ,
 Слѣдить за вами всюду... сторожилъ
 Вашъ выходъ на балконъ, явленье ваше,
 На мраморномъ крыльцѣ... Потомъ?.. Но что же
 Могу дѣлать я?.. Я васъ любилъ — и только!..

ДОЛОРЕСЪ.

А если я любить васъ не могу?..

АЛОНЗО.

Когда любовь зажглась въ душѣ моей,

Любви отъ васъ не ждалъ я и не чаялъ:
 Мой жребій не измѣнится: я долженъ,
 Я буду васъ любить, всегда и вѣчно!

ДОЛОРЭСЪ (съ чувствомъ).

Алонзо, вы узнаете меня —
 И лишь тогда поймете, что Долорэсъ
 Вамъ подаритъ, отдавши вамъ и сердце,
 И жизнь свою!.. Теперь, дитя еще,
 Пора разстаться намъ: давно на башняхъ
 Пробила полночь... вѣтерокъ холодный
 Гуляетъ по саду, шума въ деревьяхъ
 И раннюю зарю предвозвѣщая...
 Ступайте... Я велю васъ проводить...

АЛОНЗО.

О, нѣтъ еще!.. Сеньора, погодите!..
 Долорэсъ... я прошу... позвольте мнѣ
 Хоть полчаса... хоть пять минутъ остаться...
 Хоть разъ еще взглянуть на васъ... хоть слово
 Еще унести на память мнѣ отъ васъ!..

ДОЛОРЭСЪ.

Пора, пора!.. Боюсь, что разсвѣтетъ...
 Что встрѣтятъ васъ... узнаютъ .. угадаютъ,
 Откуда вы... Богата я врагами,
 И за себя я не страшуся ихъ,
 Но я за васъ теперь боюсь, Алонзо...
 За будущность... за счастье... за любовь
 Мою боюсь!.. Подите! ради Бога!
 Подите, если любите меня!

АЛОНЗО.

Увижу ли я васъ?.. Не сонъ ли нынче?
 И завтра я дождусь ли, или нѣтъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Увидимся... видаться часто будемъ...
 Но ужъ не здѣсь, въ саду уединенномъ.
 Вы знаете теперь, кто я, — зачѣмъ
 Мнѣ не принять васъ дома? Только, прежде
 Одуматься мнѣ дайте: я сама,
 Какъ вы, себѣ не вѣрю; я боюсь:

Не снова ли обманъ меня прельщаетъ?
 Увѣрится мнѣ дайте, убѣдитесь—
 Въ томъ, что нашла я наконецъ того,
 Кого давно мое искало сердце.
 Прощайте, донъ-Алонзо! Богъ съ тобой,
 Мое дитя! Подите, успокойтесь!

АЛОНЗО.

Долорэсъ! пожалѣйте обо мнѣ:
 Изъ рая я на землю возвращаюсь —
 Скажите мнѣ хоть слово въ утѣшение:
 Когда и гдѣ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Я завтра къ вамъ пришлою...
 Назначу вамъ свиданья часъ!

АЛОНЗО.

Долорэсъ!

Какъ доказать, какъ выразить любовь,
 Когда она такъ страстна, безиредѣльна,
 Что нѣтъ рѣчей, чтобъ высказать ее...

ДОЛОРЭСЪ (*протягивая ему руку*).

Не нужно! Мнѣ за васъ и ваши чувства
 Порукой то, что чувствую сама я...

(*Бьетъ въ ладоши, является Карло*)

Гассанъ, ты отонрешь опять рѣшетку,
 И проведешь сеньора безопасно
 До городскихъ воротъ... Нѣтъ!.. до дворца
 Да-Сильва!.. Я хочу спокойной быть,
 И для того, Алонзо, нужно мнѣ
 Узнать, что вы достигли невредимы
 До крова вашихъ предковъ! (*тихо дону-Алонзо*). Вамъ не-
 нужно

Меня благодарить... я эгоистка,
 Я берегу сокровище свое!

АЛОНЗО.

Я не благодарю—я повинуюсь!..
 До завтра!.. Нѣтъ! я не прощаюсь съ вами,
 Я унесу васъ въ сердце, въ головѣ,

Въ груди моей... Возлюбленный вашъ образъ
Со мной не разстается. .

ДОЛОРЭСЪ.

А со мной,
Твоя любовь останется, Алонзо,
Чтобъ было мнѣ чѣмъ жить и чѣмъ дышать
До твоего возврата!

АЛОНЗО.

Жизнь моя!..

Душа моей души!.. Ахъ! скоро ль завтра
Наступитъ мнѣ?..

ДОЛОРЭСЪ (*ему на ухо*).

Скажи: наступитъ намъ!

(Алонзо удаляется съ Гассаномъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Конхита!.. приходи!.. Конхита, слышишь?
Ты мнѣ нужна!.. Я говорить съ тобой
Хочу скорѣй... Сиди ко мнѣ, Конхита!..

(Конхита показывается изъ боковой аллеи).

КОНХИТА.

Онъ былъ? Вы объяснились съ нимъ, сеньора?
Каковъ онъ? Такъ ли милъ, и такъ ли преданъ,
Какъ докторъ увѣрялъ?

ДОЛОРЭСЪ (*обнимая ее*).

Конхита, ты..

Ты любишь вѣдь меня?.. всѣмъ сердцемъ любишь?..
Такъ радуйся теперь, моя Конхита!..
О!.. радуйся!.. я счастлива!.. я счастлива!.. довольна!..
Я наконецъ нашла то, что давно
Искала безнадежно!.. Что за сердце!..
Какая страсть!.. Какъ искренно и пылко,
Какъ молодо онъ любить!..

КОНХИТА.

Погодите,

Не радуйтесь заранѣ!.. Вы забыли
Что при началѣ, великая любовь
Намъ кажется и пламенной и страстной,

А послѣ, что́ то будеть?.. У мужчинъ
 Легки слова на языкѣ медовомъ,
 И клятвы имъ не стоятъ ничего!
 Но чувства ихъ согласны ли съ рѣчами,
 Поступки ихъ похожи ль на слова?
 То время лишь докажетъ!

ДОЛОРЭСЪ.

У мужчинъ —

Ты права—лишь притворство и обманъ
 Находимъ мы, но онъ!.. вѣдь онъ ребенокъ!..
 Онъ лгать и льстить еще не научился.
 Подумай!.. Я вѣдь первая любовь
 Его души!.. Онъ женщинъ не знавалъ...
 Онъ помнитъ только мать свою, старуху,
 И съ первой встрѣчи сердце отдалъ мнѣ...
 Нѣтъ! взоръ его, и голосъ, и признанья —
 Все дышетъ правдой, дѣвственно-свѣждо!..
 Любуюсь имъ и слушая его,
 Я въ мѣръ иной душой переходила...
 Перерождалась съ нимъ и для него,
 Мнѣ иногда казалось, что онъ сынъ мнѣ,
 Что я, какъ мать, могу имъ дорожить,
 Что небо мнѣ Алонзо поручаетъ,
 Чтобъ я его хранила, берегла,
 Спасала отъ порока и страданья...
 Онъ—вѣшній цвѣтъ, съ грозой незнакомый;
 Онъ чудный перлъ, не знавшій рукъ людскихъ.
 Чтобъ этотъ цвѣтъ до время не увянулъ,
 Чтобъ этотъ перлъ не былъ въ пыли растоптанъ,
 Чтобъ не дохнуло ядомъ на него, —
 Я... я его спасу!! Я у людей,
 У случая, у свѣта, у соблазна,
 Добычу эту силой отниму!..
 И въ сердцѣ у меня онъ будетъ жить
 Какъ въ пристани любви благословенной!..

КОНХИТА.

А я боюсь, что слишкомъ молодъ онъ,
 И не пойметъ такой любви высокой!
 Какъ съ опытомъ незнанье сочетать?..

Какъ помирить румяную зарю
 Съ блѣднѣющимъ и гаснущимъ закатомъ?..
 Какъ сердцу, утомленному борьбой
 И жизнью, позабыть свою истому,
 Помолодѣть?..

ДОЛОРЭСЪ.

Но сердце не старѣетъ!..

О, нѣтъ! о, нѣтъ! ошиблась ты, Конхита!
 Гдѣ знать тебѣ послѣдствія страстей?..
 Отъ слезъ у насъ морщины на лицѣ,
 На сердцѣ лишь отъ радостей онѣ!..
 Кто счастьемъ безумно упивался,
 Кто пресыщенъ, тотъ можетъ устарѣть,
 Но не я!.. Алонзо хоть моложе,
 Но пылкостью и чувствомъ мы равны!..
 Чтò онъ за сынъ?.. Онъ даже мнѣ не братъ!..
 Мнѣ двадцать лѣтъ! Я снова молодѣю!
 Мнѣ кажется, я вынче родилась!..

КОНХИТА.

Посмотримъ!.. Дай-то Богъ, чтобъ горькій опытъ
 Не замѣнилъ восторговъ вашихъ сладость,
 Сеньора!.. Вѣдь не первый вашъ Алонзо
 Клянется вамъ въ любви. Другіе тоже...

ДОЛОРЭСЪ.

Другіе?! Чтò другіе? Онъ не въ нихъ!..
 Тѣ были влюблены,—Алонзо любить!
 Для женщины не трудно никогда
 Влюбленныхъ и любовниковъ найти:
 Любви она не встрѣтитъ только въ нихъ!
 Алонзо исключенье!.. Вѣрь, Конхита —
 И сердце говоритъ мнѣ за него —
 Я въ немъ не ошибусь!..

КОНХИТА.

Дай Богъ, сеньора!..

Но вотъ Гассанъ, ужъ онъ успѣлъ вернуться!..

ДОЛОРЭСЪ.

Такъ намъ пора, вернемся же и мы.
 Пойдемъ домой!.. Но, кажется, сегодня,
 Не лягу я, и спать не нужно мнѣ:
 Сонъ полу-смерть—я жить теперь хочу!..

СЦЕНА IV.

Зала въ домѣ дона-Санхи. Молодые гранды и сеньоры сидятъ за пирушкой; около нихъ пажы, конюшіе, прислуга, музыканты, гитаны и гитанки. Разговоръ сопровождается шумомъ чашъ и звономъ бокаловъ; громкій смѣхъ раздается по временамъ въ особливыхъ кружкахъ гостей.

ДОНЪ-САНХО (поднимал кубокъ).

За здравіе моихъ гостей любезныхъ!
 Чтобъ много жаркихъ лѣтъ и свѣтлыхъ зимъ
 Имъ пировать пришлось у дона-Санха!..

ВСѢ ГОСТИ (вставал съ кубками).

Благодаримъ!.. За здравіе твое,
 Хозяинъ нашъ, и милый хлѣбосоль!
 Чтобъ много лѣтъ тебѣ насъ угощать!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Вино твое и крѣпко и душисто,
 И сладко намъ похмѣлье отъ него!
 Чтобъ для тебя, товарищъ дорогой,
 И также бы хмѣльно, и также сладко,
 Любви счастливой было упоенье!

ДОНЪ-ГОНЗАЛВЪ.

Чтобъ нѣжныя голубки дона-Санхи
 Согласнымъ хоромъ томно ворковали
 Вокругъ него, безъ ссоры и безъ спора!
 Такъ много ихъ, что, вѣрно, мудрено
 Ему держать въ ладу ихъ и согласьи!

ДОНЪ-САНХО (кланяясь).

Вы судите конечно по себѣ?
 Но гдѣ мнѣ поспѣвать за вами вслѣдъ?
 Я только ученикъ смиренный вашъ,
 А мастера лишь дѣло-то боится!..
 Нѣтъ, милый мастеръ мой, нѣтъ, донъ-Фернандо,
 Десятками, какъ вы, считать успѣхи
 Я не привыкъ!.. Авось ли приучусь!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Бываютъ единицы пвогда,
 Которые десятковъ цѣлыхъ стоятъ:
 Вотъ, напрымѣръ, для гордости и чести,
 Отраднѣ у сердитаго ревнивца
 Отбить жену, отраднѣ сманить
 Любовницу пріятеля; но выше
 И выгоднѣй всего, изъ-подъ затворовъ
 Богатую невѣсту увезти...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Нашъ милый Педро думаетъ о пользѣ:
 Хвала ему! Немудрено предвидѣть,
 Что скоро мы его съ женой поздравимъ,
 Съ законною супругой. Для меня
 Еще не время!.. Я, пока, надѣюсь
 Повеселиться долго на свободѣ!

ДОНЪ-САНХО.

За здравіе безбрачнаго Фернандо
 И шалостей его!

Всѣ.

Мы пьемъ охотно!

Да здравствуетъ повѣса донъ-Фернандо,
 Да гибнетъ, или сохнетъ за него,
 И побольше женскихъ душъ!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Благодарю!..

Но, господа, что мною заниматься?
 Здѣсь есть меня моложе и красивѣй,
 Вотъ нашъ Алонзо — скромный новичекъ...
 А кстати, гдѣ же онъ?... Гдѣ донъ-Алонзо?
 Онъ съ нами былъ сейчасъ... Куда бѣ ему
 Исчезнуть вдругъ?..

ДОНЪ-САНХО.

Онъ ходитъ по террасѣ.

Мнѣ виднѣнъ онъ въ окно...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Немудрено —

Вѣдь онъ влюбленъ. Мечтаетъ втихомолку.

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Я думаю, скорѣе вспомнить

Вчерашнія событія.

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Какія?

Что съ нимъ могло случиться?...

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Ничего

Печальнаго, какъ должно полагать:

Онъ ночь провелъ въ саду... его водилъ

Какой-то карло, — гномъ, уродь, чертенокъ...

Съ такимъ вождемъ куда жъ идти въ полночь,

Когда не на любовное свиданье?

Я встрѣтился съ обоимъ... Я тоже

Не ночевалъ въ Мадридъ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Что я слышу?..

Алонзо на свиданьи?.. И его

Велъ карло? Вы сказали, донъ-Родригесъ,

Тотъ карло былъ ужаснѣйшій уродъ?

Съ коричневымъ лицомъ и темной кожей?..

Но это мнѣ становится понятно...

Онъ у Долоресъ былъ!.. Честное слово,

Сеньоры, нашъ Алонзо побѣдилъ,

Иль побѣжденъ... Такой наперсникъ странный

Лишь у одной Долоресъ можетъ быть!..

Я знаю, да и всѣ видали вы

Ея урода, карлу!.. А скажите,

Какихъ цвѣтовъ была на немъ ливрея,

Кокарда на плечѣ?..

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Я не замѣтилъ,

Не различилъ въ потьмахъ цвѣтъ платья карлы,

Но помню я, что прежде и на дняхъ

Зеленый бантъ съ малиновой опушкой

На темномъ карлѣ часто я видалъ.

Нѣсколько голосовъ.

Зеленый бантъ съ малиновой опушкой?..

Ея цвѣта!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО

Цвѣта Долорѣсъ!.. Bravo!..
 Какое же молодецъ, мой ученикъ!..
 Еще вчера, какъ славно притворялся,
 Что онъ съ ней не знакомъ?.. Ну, господа,
 Нашъ новичекъ, по чести, общается
 Идти во слѣдъ всѣмъ намъ!.. И ужъ теперь
 Онъ перешеголялъ всѣхъ насъ: какъ скоро,
 Какъ ловко и какъ тайно!..

ДОНЪ-САНХО.

Онъ достоинъ —
 Наставника и образца такого!
 Вамъ, донъ-Фернандо, дѣлаетъ онъ честь!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Отыщемте его, поздравить надо.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Но, — вотъ онъ самъ!..

(Алонзо выходитъ изъ боковой двери)

ДОНЪ-САНХО *(наливая кубки).*

Скорѣе, господа,

Привѣтствуемъ счастливица — новичка!

(Когда донъ-Алонзо приближается, все встаетъ съ шумомъ и крикомъ, держа въ рукахъ чарки и кубки).

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(насмѣливо).*

Да здравствуетъ свѣтлѣйшій донъ-Алонзо,

Да здравствуетъ счастливый побѣдитель!

ВСѢ ГОСТИ.

Да здравствуетъ счастливый донъ Алонзо!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Хвала ему и слава!

ВСѢ ГОСТИ.

Честь ему!..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Зачѣмъ? Чтò это значить, господа?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Намъ всѣмъ пріятно пить за вашъ успѣхъ!

Мы все гордимся вами, донъ-Алонзо!

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Что сдѣлалъ я такого, чтобы мнѣ
Торжественный пріемъ вашъ заслужить?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Хитрецъ!.. И онъ еще ее не понимаетъ!
Онъ спрашиваетъ насъ!.. О, милый мой!
Въ васъ будетъ прокъ!.. Далеко вы пойдете!
За это вамъ ручаюсь смѣло я!

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Но объясните мнѣ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

«Мы знаемъ все!»

Какъ говоритъ всегда въ старинныхъ сказкахъ
Надутый мужъ, иль гнѣвный опекунъ...
«Мы знаемъ все!» Прекрасно, донъ-Алонзо,
Но изъ чего вчера хитрили вы
Безсовѣстно?..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Я васъ не понимаю!

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Вы рыцарски скрывали тайну сердца,
Но ужъ теперь молчанье—надо знать вамъ —
Не въ модѣ, и любовникъ предпочтенный
Имѣетъ право явно говорить
О мужествѣ своей любви счастливой!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Тѣмъ менѣе обязанъ онъ молчать,
Когда предметъ его счастливой страсти
Давно уже извѣстенъ.

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Коротко

Знакомъ всѣмъ намъ. Вѣдь вы, мой юный другъ,
Преемникъ нашъ... наследуете благо,
Которое и мы всѣ звали нашимъ!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Да!.. Онъ преемникъ нашъ, какъ Карлъ Пятый
Преемникомъ Родрига былъ!.. Межъ ними
Въ Испаніи царило вѣдь не мало

И королей и царственныхъ домовъ,
Кастильцевъ, арагонцевъ, даже мавровъ!..

ДОНЪ-ПЕДРО (*громко смѣясь*).

Не дурно!..

ДОНЪ-САНХО (*тоже*).

Справедливо!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*тоже*).

Очень вѣрно.

Любезнаго наслѣдника почтимо

Опять заздравнымъ кубкомъ!

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Госпола,

О чемъ вы говорите?.. Чтѣ за шутки?..

Чему отъ васъ наслѣдовать я могу?..

ДОНЪ-САНХО.

Не отъ меня — я въ сторонѣ! Но вотъ,

Всѣ наши говорятъ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*со смѣхомъ*).

Ну, хоть не всѣ,

А многіе!..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не хочеть онъ признаться,

Такъ спросимъ мы, гдѣ былъ онъ нынче ночью?..

ДОНЪ-САНХО.

Да, пусть онъ скажетъ намъ, куда его

Водилъ въ полночный часъ какой-то гномъ,

На адское видѣніе похожіи?

Гости поочередно.

Онъ скажетъ! — Онъ не скажетъ! — Донъ-Алонзо,

Гдѣ жъ были вы? — Позвольте угадать? —

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Гдѣ былъ я?.. Я былъ дома!.. Дядя мой

Не такъ здоровъ.. Я въ комнату его

Сидѣлъ довольно долго...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Какъ же васъ

У городскихъ воротъ, при входѣ въ садъ

Уединенный, встрѣтили съ Гассаномъ,
 Съ противнымъ этимъ карломъ, что Долорэсъ
 Какъ пугалу выводитъ за собой,
 Чтобъ красота ея казалась краше
 Отъ вѣчнаго еравненья съ безобразьемъ?..
 Что, замолчать пришлось вамъ?..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Донъ-Фернандо,

Я прежде васъ совѣмъ не понималъ;
 Теперь, мнѣ честь понять васъ запрещаетъ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Вы сердитесь... За что же, милый мой?..
 Я радуюсь за васъ.

ДОНЪ-АЛОНЗО (*строго и сухо*).

Сеньоръ, довольно!

Я думать не хочу, чтобъ вы могли,
 Чтобъ смѣли вы, для шутки непристойной,
 Изъ имени да-Санта-Фэ-да-Сильва
 Себѣ игрушку сдѣлать, имъ какъ грязью
 Позорить имя женское при мнѣ?..
 Вы, говорятъ, Гидальго? Я не вѣрю,
 Чтобъ посягнули вы на честь мою,
 Честь женщины пятная вмѣстѣ съ нею?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Но рѣчь тутъ не о *женщинѣ* — о *донь* —
 Долорэсъ!.. А она давно для насъ
 Не женщина! Хотите, здѣсь, межъ нами,
 Я пять или шесть любовниковъ былыхъ
 Долорэсъ вашей тотчасъ назову?..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Сеньоръ... я васъ прошу меня избавить
 Отъ шутокъ и рѣчей, вамъ неприличныхъ,
 А мнѣ противныхъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Нѣтъ! Вамъ надо знать

Собратій вашихъ!.. Вотъ донъ-Манозъ...
 Донъ-Педро, донъ-Родригасъ, донъ-Диэго,
 Все общество отборное, не такъ ли?

Въ компанію не стыдно къ нимъ попасть!
И я, слуга покорный вашъ.

ДОНЪ-АЛОНЗО (*презрительно*).

Не правда!!

Пустое хвастовство! Сеньоръ, надѣюсь
Что еслибъ правда было—всѣ бъ молчали!

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Вотъ недовѣрчивость смѣшная! Господа,
Въ свидѣтели я призываю всѣхъ!
Пусть каждый отвѣчаетъ за себя,
А я начну: я ровно три недѣли,
Весной, въ Севильѣ, разъ провелъ съ Долорэсъ,
Былъ счастливъ и любимъ!

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

Въ Гренадѣ я

Стоялъ съ своимъ полкомъ, она гостила
У тетки старой тамъ, не то у дяди,
Мы встрѣтились, понравились другъ другу,
Пустынная Альгамбра насъ видала
По цѣлымъ днямъ въ своихъ садахъ безмолвныхъ.
Поэма нашей страсти замѣняла
Преданья о султаншахъ мавританскихъ
И пламенныхъ абенсеррагахъ ихъ.

ДОНЪ ДІАГО.

Меня она похитила, какъ Фей,
И увезла въ какой-то дальній замокъ,
Гдѣ я въ блаженствѣ съ нею утопалъ
Немного меньше года.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я хотѣлъ

Про старшину молчать, но если всѣ
Забутые грѣхи припоминають,
То каяться смиренно долженъ я:
Я тоже былъ избранникомъ Долорэсъ.
Не долго правда... мѣсяць съ небольшимъ!..

ДОНЪ АЛОНЗО (*съ жаромъ*).

Вы лжете всѣ!!!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Какъ? Что онъ говорить?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Такое слово перешло границы
Пріятельской бесѣлы... Но, Алонзо
Такъ молодъ, такъ неопытенъ! Сеньоры,
Я за него прошу о снисхожденьи...
Не понялъ онъ значенья дѣтской рѣчи,
И не хотѣлъ друзей онъ оскорбить.

ДОНЪ-АЛОНЗО *(живо)*.

Нѣтъ! нѣтъ, сеньоры!.. Я не слишкомъ молодъ!..
Я знаю всѣхъ и смыслъ моихъ рѣчей;
Я вамъ не другъ! Я васъ хотѣлъ обидѣть!
Я презираю васъ! И повторю,
Что всѣ солгали вы!!! Кто оскорбленъ,
Пусть выступитъ впередъ!..

(Снимаетъ и бросаетъ на полъ свою перчатку).

Вотъ мой залогъ!..

Я отвѣчать сейчасъ готовъ ему,
И всѣмъ дружимъ!..

*(Шумъ. Донъ-Санхо и донъ-Фернандо бросаются
удерживать дон-Алонза).*

ДОНЪ-САНХО.

Вы гость мой! Я за васъ

И вашу безопасность отвѣчаю!
Я не позволю...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Герцогъ мнѣ довѣрилъ

Послѣдняго потомка своего,
Я тоже отвѣчаю за него!..

Алонзо, вы безумецъ, вы дитя,
Я вамъ не дамъ пролить напрасно кровь,
Свою или чужую,—за Долорэсъ,
За женщину, которая не стоитъ
Ни капли этой крови, ни любви,
Ни уваженья вашего!..

ДОНЪ-АЛОНЗО (*вынимая шпагу*).

Молчите!!

Я незнакомъ съ сеньорою Долорэсъ,
Но женщину обидѣть при себѣ
И за себя не долженъ я позволить.
Кто вамъ сказалъ, что видѣли меня
У сада этой дамы?

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Человѣкъ,

Которому мы все должны повѣрить...

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Его мнѣ назовите, покажите!..

Чтобъ я въ глаза ему сказалъ: «вы лжецы!»

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Вотъ онъ!.. Вотъ я!.. Я видѣлъ васъ, Алонзо,
И если честь велитъ вамъ отрицать,
Мнѣ честь моя велитъ цѣною жизни
Мои слова поддерживать!..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Тѣмъ лучше!

Вы первая причина клеветы,
Васъ первая пусть месть моя накажетъ!..

ДОНЪ-САНХО (*старался стать между ними*).

Я васъ прошу, не здѣсь!..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Нѣтъ! здѣсь, сейчасъ!..

Гдѣ клевета посѣяна, тамъ жатвой
Пусть смерть взойдетъ!..

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Уйдемте, донъ-Алонзо!

Зачѣмъ друзьямъ испортить славный пиръ?..

ДОНЪ-АЛОНЗО (*со смѣхомъ*).

Съ васъ вѣрно мало быть лжецомъ, сеньоръ,
Вы тоже трусъ?

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ (*съ яростью*).

Ребенокъ безразсудный!

Ты хочешь быть наказанъ? Такъ изволь!
Я накажу тебя!

(Оба противника бросаются другъ на друга, и дерутся на шпагахъ).

ДОНЪ-АЛОНЗО (сражаясь).

Смотри — я мѣчу

Тебѣ въ лицо, злодѣй! Какъ жесвидѣтель,
Лазутчикъ небывалыхъ приключеній,
Ты долженъ меньше видѣть, чтобъ впередъ
Тебя твое не соблазнило око!
Такъ вотъ тебѣ!..

(Выкалываетъ ему глазъ концемъ шпаги).

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ (падал на руки своего со-
бѣда).

Я кривъ! На цѣльнѣ вѣкъ
Обезображенъ имъ... о стыдъ! ребенкомъ!..

(Его поддерживаютъ, онъ теряетъ чувства; донъ-
Санхо и гости хлопочутъ около него).

ДОНЪ-ДИЭГО.

Уларъ не дѣтскій... Мѣткою рукой
И ловко нанесенъ!..

(Дона-Родригеса уносятъ изъ залы).

ДОНЪ-АЛОНЗО (кладетъ донъ-Диэгу свою руку
на плечо).

Такъ это ваше мнѣнье?..

Тѣмъ лучше: вы знатокъ! А такъ-какъ здѣсь
Сравнили вы себя съ абенсерагомъ,
То я узнать хочу, вы такъ ли храбры,
Какъ славный мавръ?.. Извольте защищаться...
Я вызываю васъ на жизнь и смерть!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Опять?.. Еще?.. Но онъ съ ума сошелъ!..
Не надо допускать!..

ДОНЪ-ДИЭГО.

А вотъ сейчасъ

Я укротить берусь весь этотъ пылъ!..

(Дону-Алонзо, вынимая свою шпагу).

Сеньоръ, согласенъ я!.. Равняйтесь! вамъ,
Какъ юношѣ, урокъ мой пригодится!..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Я самохвальству наглому у васъ
Учиться не намѣренъ, но скорѣе
Заставитъ васъ на привязи держать
Языкъ клеветника...

(Они сражаются).

ДОНЪ-АЛОНЗО *(поражалъ противника въ щекъ).*

И вотъ, на память

Вамъ отъ меня!.. Вы будете молчать
Хоть впредь до исцѣленья...

(Хладнокровно вытираетъ лезвіе своей шпаги. Донъ-Діаго закрываетъ себѣ лицо рукою, донъ-Санхо, слуги и гости отводятъ его въ сторону).

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(подходитъ дружески къ Алонзо).*

Ну, мой левъ!..

Вашъ первый шагъ на поприщѣ сраженья
Вамъ принесетъ не мало чести, право!..
Вы разомъ двухъ противниковъ опасныхъ
Въ пылу неосторожномъ побѣдили.
Пора вамъ отдохнуть! Мы васъ на лаврахъ
Посадимъ, донъ-Алонзо!.. Дайте руку,
Пойдемте...

ДОНЪ-АЛОНЗО *(вырываетъ у него руку).*

Прочь, сеньоръ, моей руки

Я не даю врагу... Вы злѣйшій врагъ мой,
Подъ маской и названьемъ друга!.. Вы
Затѣйщикъ этихъ шутокъ неприличныхъ;
Злословія усердный запѣвало,
Я вызываю васъ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Меня?.. Меня?..

Не я ли другъ вамъ преданный?.. Скажите,
Не я ли васъ руковожу, какъ сына,
Какъ брата?..

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Я не помню ничего...

Я вижу въ васъ презрѣннаго мужчину,
Охотника позорить слабыхъ женщинъ,

И клеветать нещадно, имъ въ отмщенье,
За не успѣхъ...

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Но вы съ ума сошли!..
Я драться ни за что не стану съ вами!..
Вы мнѣ поручены семействомъ вашимъ...
Что скажетъ герцогъ?.. Нѣтъ, Алонзо! Нѣтъ!..
Я вызова отъ васъ не принимаю...

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Знать совѣсть не чиста у васъ, сеньоръ,
Что вы такъ перѣшительны?.. Стыдитесь!..
Тотъ, у кого слова острѣе жала
Змѣиваго, тотъ долженъ показать,
Что такъ же остро лезвіе меча
Въ рукѣ его. Сеньоръ, я васъ заставлю
Мнѣ отвѣчать желѣзомъ за поступки,
Противные и совѣсти и чести!..

(Бросаетъ ему въ лицо свою перчатку).

ДОНЪ-ФЕРНАНДО *(въ неистовствѣ).*

Проклятіе безумному мальчишкѣ!..
Ты хочешь переведаться со мной?..
Смотри, чтобъ не раскаяться тебѣ!..

(Другимъ гостямъ).

Вы видѣли, сеньоры? я терпѣлъ,
Покуда можно было!.. Но теперь,
Пусть Богъ его спасетъ!..

*(Вынимаетъ шпагу и бросается на донъ-Алонзо;
они сражаются).*

ДОНЪ-АЛОНЗО.

Богъ за меня,

За правду... Я увѣренъ...

*(Онъ раненъ и падаетъ безъ чувствъ на руки къ
дону-Санчо).*

ГОСТИ.

Онъ упалъ!..

Онъ раненъ тяжело! Кровь бьетъ ключемъ
Изъ раны на боку!..

Дочь донъ-Жуана.

ДОНЪ-ПЭДРО.

Скорѣ помощь!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*бросаясь къ раненому*).

За докторомъ послать!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Не поздно ль будетъ?..

Онъ пересталъ стонать... Ужъ начался
Предсмертный трепеть!..

ДОНЪ-САНХО.

Боже!.. У меня,

Въ моемъ дому!..

ДОНЪ-ПЭДРО.

Вотъ корча... вотъ другая!..

Онъ умеръ!..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Быть не можетъ!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Посмотрите!..

Ужъ руки и лицо совсѣмъ остыли!..

Все кончено!.. Онъ умеръ!..

ГОСТИ.

Бѣдный мальчикъ!..

Зачѣмъ его дразнили вы, сеньоры?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Когда бы знать впередъ

Послѣдствія всѣхъ дѣлъ и словъ своихъ,

Кто бъ говорить когда-нибудь рѣшился?

Иль вовсе не отрекся бъ отъ движенья,

Отъ всякаго поступка?.. Какъ я могъ

Такой конецъ предвидѣть глупой шуткѣ?..

ДОНЪ-ДІЭГО.

Такая шутка стоитъ дому Сильва

Послѣдняго потомка!..

ДОНЪ-САНХО.

При дворѣ

И въ городѣ что скажутъ про меня,

Когда извѣстно будетъ, что Алонзо

Погибъ въ гостяхъ, на праздникъ моемъ?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Сеньоры, вы свидѣтели, что я
Старался отклонить неравный бой,
И наконецъ былъ вынужденъ насильно
Обороняться?..

ГОСТИ.

Да, честь спасена!

Никто не виноватъ!..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Несчастный случай!

А впрочемъ, все прилично обошлось!
Законно, по уставу поединковъ.

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Противники явили здѣсь себя
Достойными равно носить названье
Гидальго благородныхъ...

ДОНЪ-САНХО.

Господа,

Вы видите, я долженъ прекратить
До время пирь... Намъ надо разойтись!..
Мнѣ предстоитъ несчастный долгъ,—къ роднымъ
Усопшаго отнестъ, съ громовой вѣстью
О ихъ утратѣ...

НѢСКОЛЬКО ГОСТЕЙ.

Мы проводимъ васъ!..

Мы бѣднаго Алонзо понесемъ...

ДОНЪ-ДИЭГО.

Въ пятнадцать лѣтъ, за женщину погибнуть!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Но если онъ любимъ... о немъ жалѣть
Зачѣмъ?.. Такой конецъ славнѣ славы,
Счастливѣ счастливѣйшихъ годовъ!..

ДОНЪ-ПЭДРО.

О молодость!.. О вѣчное безумье!..
Ей смерть не въ смерть, когда она придетъ
Не оставомъ противнымъ, но какъ гостя
Съ обманчивой улыбкой на лицѣ,

Въ вѣнцѣ изъ свѣжихъ розъ, подъ ризой брачной,
 И обольститъ и обсчитаетъ насъ,
 Точь-въ-точь какъ жизнь сама! Нѣтъ, милый другъ,
 Посмотримъ, что ты скажешь о кончинѣ
 Алонзо, черезъ семь или восемь лѣтъ!..
 (Всѣ расходятся)

СЦЕНА V.

Комната доньи-Долорэсъ. Вечеръ.

ДОЛОРЕСЪ.

Его все нѣтъ... а часъ давно насталь...
 Опаздывать ему еще не время, —
 Всего лишь день, какъ я люблю его!..

КОНХИТА.

Условный часъ едва пробилъ, сеньора!..

ДОЛОРЕСЪ.

Кто любить, тотъ торопится, Конхита,
 Кто любить, тотъ опережаетъ часъ
 Свиданья долгожданнаго...

КОНХИТА.

Сеньора,
 Онъ вѣрно на пути... Отъ нетерпѣнья
 Вамъ время длинно стало...

ДОЛОРЕСЪ.

Почему
 Милъ длинно время стало, — не ему?..

КОНХИТА.

Недвижно ждать въ своемъ уединеньи,
 Имѣть одну лишь цѣль, одно желанье,
 И жизнь свою, какъ вѣрные часы
 То замедлять, то ускорять, согласно
 Съ неровнымъ ходомъ, съ трепетнымъ вращеньемъ

Другой, намъ нужной жизни, — такова
 Судьба и доля женщины!.. Мужчина
 Свободенъ средь простора и движенья;
 Онъ дѣйствуетъ, творить; онъ отвлеченъ
 Заботами, дѣлами; для него
 Часы всегда короче вполонину,
 Зачѣмъ же огорчаться, иль дивиться,
 Когда онъ опоздаетъ?..

ДОЛОРЭСЪ (*ходя взадъ и впередъ по ком-
 нать*).

Онъ не будетъ!..

Онъ не придетъ!..

КОНХИТА.

Зачѣмъ опять сомнѣнье?..

Иль страшная душа моей сеньоры
 Безъ вѣчныхъ бурь, безъ страха и волненья
 Любить не можетъ? .

ДОЛОРЭСЪ (*отчаянно*).

Нѣтъ! Онъ не придетъ!..

Я чувствую, что горе мнѣ грозить! .
 А если въ-самомъ-дѣлѣ не придетъ онъ,
 Что думать мнѣ тогда?.. Что онъ не любитъ?..
 Что снова я обманута, ошиблась,
 И увлеклась притворствомъ или шуткой?..
 Быть брошенной въ день перваго свиданья!..
 Нѣтъ, нѣтъ!.. Такой обиды не стерплю я!
 Страдать умѣю и могу, — краснѣть
 Не научилась я!.. Не знаю, что
 Я сдѣлаю тогда, какъ отомщу,
 Но знаю, вѣрно знаю, что спокойно
 Я не стерплю!.. Сантъ-Яго мнѣ свидѣтель,
 Какъ смирная овца, какъ беззащитный
 И кроткій голубь, я не покорюсь,
 Не дамъ ему смѣяться надъ собою,
 Другимъ не мстила я, — такъ пусть же этотъ
 За всѣхъ заплатитъ мнѣ!.. Но я безумна!..
 Я, какъ дитя, заранѣ себя
 Пугаю привидѣньемъ, небылицей,
 Болѣзненной мечтой воображенья...
 Нѣтъ! онъ придетъ!.. Онъ любитъ!.. Онъ достоинъ

Моей любви!.. Конхита, отвѣчай,
 Увѣрь меня, что точно я любима!
 Утѣшь меня, хвали Алонзо мнѣ!
 Скажи, что онъ придетъ!.. Его любви
 Мнѣ подтверди всѣ знаки, всѣ примѣты...

КОНХИТА.

Но чтожь я говорю и повторяю
 Ужь цѣлый часъ? Зачѣмъ себя томить,
 И жребій искушать сомнѣньемъ вѣчнымъ,
 Довременнымъ роптаньемъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Ахъ, Конхита,

Прости меня, и слушай съ снисхожденьемъ
 Безумный бредъ взволнованнаго сердца.
 Напрасно я стараюсь разогнать
 Печальныя, мучительныя мысли...
 Онѣ меня преслѣдуютъ сегодня,
 И, вопреки самой себѣ, боюсь я,
 Предчувствую бѣду... Вчера, Конхита,
 Я слишкомъ счастлива была, — я слишкомъ
 Надѣялась, ждала... Еще недавно
 Въ безчувствіи, въ безстрастїи моемъ,
 Ни за себя, ни за кого другаго
 Не трепетала я, мнѣ пусть былъ мїръ,
 И нечего мнѣ было опасаться:
 Теперь, я ожгла; душа моя
 Въ другой душѣ!.. Алонзо дорогъ мнѣ,
 И за себя и за него боюсь я...

КОНХИТА.

Онъ явится, — его улыбка, ласки
 Разсѣять мракъ встревоженной мечты...

ДОЛОРЭСЪ.

Я слышу шумъ внизу... заговорили...
 Ступай, бѣги, и приведи его!..
 Скорѣй!.. въ груди моей такъ сильно бьется
 Очнувшееся сердце, что оно,
 Какъ будто вырваться сейчасъ готово,
 Желанному на встрѣчу полетѣть!

(Конхита возвращается съ незнакомою старухой).

ДОЛОРЭСЪ.

Не онъ?.. Въ глазахъ стемнѣло!.. дурно мнѣ...
Конхита, гдѣ Алонзо?.. Боже мой,
Что слѣлалось?..

(Падаетъ въ кресло).

КОНХИТА.

Сеньора, къ вамъ пришла
Вотъ эта незнакомка... мнѣ она
Не говоритъ: ни кто она, ни къмъ
Къ вамъ прислана...

(Старухъ).

Ты видишь нашу донью
Долорэсъ да-Ортега и-Тинорье, —
Ты можешь съ ней свободно говорить.

(Удалляется къ дверямъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Кто ты! откуда?..

СТАРУХА.

Нѣтъ, я не скажу,
Пока я не увѣрюсь, что стою
Передъ самой Долорэсъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Это я!..

СТАРУХА (подходя къ ней).

Дай мнѣ взглянуть въ лицо тебѣ, сеньора!

И не сердись за медленность мою, —

Мнѣ такъ поручено... я исполняю

Приказъ, священный мнѣ... Хоть никогда

Твоихъ очей я свѣтлыхъ не видала,

Но я тебя узнаю... Мнѣ тебя

Такъ вѣрно описалъ...

ДОЛОРЭСЪ.

Кто?.. Кто? скажи!..

СТАРУХА (плачетъ).

Узнаешь слишкомъ скоро!.. Да!.. я вижу

Передъ собой Долорэсъ!.. Вотъ черты,

Которыхъ мнѣ описана вся прелесть,

Вотъ тѣ глаза, которыхъ чудный блескъ
 Такъ страшень и такъ миль... вотъ гордый взоръ,
 Смягченный нѣгой страсти... Это ты!!!
 Я больше не дивлюсь... Я понимаю!..
 Ты хороша, сеньора!.. О, повѣрь мнѣ!..
 Никто тебѣ того не говорилъ
 Съ отчаяньемъ, подобнымъ моему...

(плачетъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Но ты меня на угольяхъ горячихъ
 Нещадно жжешь!.. Скажи мнѣ, ради неба,
 Кто ты и отъ кого?.. Ты видишь — я
 Отъ страха предъ тобой изнемогаю!

СТАРУХА (оглядывается).

Я... Нѣтъ ли здѣсь кого? твоя дуэнья
 Вѣрна ль тебѣ, и предана ль, скажи?..

ДОЛОРЭСЪ.

Она моя молочная сестра,
 Другое я: — при ней свободно можешь
 О тайнахъ сокровеннѣйшихъ моихъ,
 Или чужихъ, со мною объясниться!

СТАРУХА.

Такъ вотъ тебѣ...

(вынимаетъ изъ-подъ платья и подаетъ ей шарфъ).

Ты знаешь этотъ шарфъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Я видѣла его!.. еще вчера...
 Его носилъ Алонзо...

СТАРУХА.

Да! носилъ!..

Ты права... и носить не будетъ больше!

ДОЛОРЭСЪ.

Что? что сказала ты? носить не будетъ?..
 А почему?.. Что сдѣлалось?.. Нѣтъ, нѣтъ!..
 Съ нимъ ничего не сдѣлалось, не правда ль?..
 Моя любовь хранить его!.. Но гдѣ...
 Гдѣ мой Алонзо?.. Я тебя прошу,

Молю тебя, — скажи, за чѣмъ ты здѣсь,
 Когда его я жду?.. За чѣмъ пришла ты,
 Когда онъ самъ хотѣлъ придти ко мнѣ:
 Молчишь?.. Дрожу!.. Гдѣ онъ? гдѣ онъ?.. Что держитъ
 Его вдали... когда я жду его?..
 Когда его Долорэсъ рвется, плачетъ,
 Терзается и страхомъ и тоской?..

СТАРУХА.

Взгляни... взгляни внимательно, сеньора,
 На этотъ шарфъ!.. Что видишь ты на немъ?..

ДОЛОРЭСЪ (*бросаясь на шарфъ*).

Подай сюда... я вижу кровь!.. О Боже!..
 Я вижу кровь!.. Чья жъ эта кровь?..
 Онъ... раненъ самъ... или кого-то ранилъ?..
 Гдѣ?.. Какъ?.. Зачѣмъ?.. Онъ дрался... иль его
 Разбойникъ ждалъ за темнымъ переулкомъ?..
 Но я... чего жъ я жду?.. Къ нему! къ нему!..
 (*хочетъ бѣжать*).

СТАРУХА.

Нѣтъ, не ходи, сеньора!..

ДОЛОРЭСЪ.

Не идти?..

Но почему?.. Или его родные
 Чужую не допустить до него?..
 Но я ему вѣдь не чужая!.. Я
 Люблю его... нѣжнѣе всѣхъ родныхъ,
 И больше всѣхъ ихъ вмѣстѣ!.. Пусть онъ самъ
 Имъ скажетъ, какъ его Долорэсъ любитъ!..
 Пойдемъ, веди меня!..

СТАРУХА.

А Сантъ-Іаго!..

Куда идти?.. Несчастливая!.. Ужъ поздно!..
 Не нужно...

ДОЛОРЭСЪ.

Поздно... говоришь ты?.. Поздно?!

Не нужно?!.. слушай, какъ ни велика
 Опасность, я спасу его!.. Спасу

Любовью и отчаяньемъ!.. Лишь только
 Увидитъ онъ меня, — уельшить крикъ мой,
 Онъ жить захочетъ, будетъ исцѣленъ!..
 У смерти я самой его похищу,
 Я прикажу ему: онъ будетъ жить!..
 Веди меня къ нему!.. Веди скорѣ!..

СТАРУХА *(рыдая)*.

Ужъ не зачѣмъ!.. Приходъ твой не поможетъ!..
 Я мать его... была ли бѣ я съ тобой,
 Когда бѣ еще лыпалъ Алонзо нашъ?..

ДОЛОРЭСЪ *(бросается на колѣни)*.

Вы мать его?!.. сеньора?!.. извините!..
 Теперь, теперь... я поняла!.. Я знаю...

(плачетъ).

СТАРУХА *(со слезами)*.

Онъ васъ любилъ!.. Онъ умеръ ради васъ!..
 Но вы... и вы его любили тоже?..
 Я вижу ваше горе!.. *(беретъ ее за руку)*. Дочь моя!..
 Я вамъ прощаю смерть его, сеньора...

*(поднимаетъ Долорэсъ, которая остается недви-
 жима и глядитъ безсознательно вдаль довольно
 долго)*.

ДОЛОРЭСЪ *(дико)*.

Все кончено!.. Алонзо! мой Алонзо!
 Онъ умеръ за меня!.. Его ужъ нѣтъ?..
 Онъ больше не придетъ?..

(съ воплемъ и шопотомъ).

Я это знала!..

Я слишкомъ счастлива была бы съ нимъ!..

Судьба

Не захотѣла!.. Мой Алонзо милый,
 Возьми меня, возьми меня съ собой!..

СТАРУХА.

Опомнитесь!.. Дослушайте меня!..
 Подобно мнѣ, себя превозмогите!
 Когда ужъ я стою здѣсь передъ вами,
 То можете и вы меня дослушать,
 Не умирая съ горя!..

ДОЛОРЭСЪ (вздрагивая).

Говорите!

Я слушать васъ готова! Боже, Боже!..
И вотъ конецъ непочатому счастью,
Вотъ и любовь!.. сеньора, я готова,
Я слушаю: скажите миѣ, когда,
И какъ?..

СТАРУХА.

Онъ нынче былъ отозванъ въ гости!..

На ужинъ къ дону-Санхѣ.. Тамъ сошлись
Товарищи опасные его,
Безумные повѣсы и гуляки.
Не знаю, кто изъ нихъ провѣдать могъ
Такъ скоро о знакомствѣ вашемъ съ нимъ,
О разговорѣ тайномъ... о свиданьѣ..
Но вмигъ узнали все они... шутили..
Алонзо былъ насмѣшками взбѣшенъ,
Затронуть клеветой на васъ, сеньора...

ДОЛОРЭСЪ.

Онъ имъ повѣрилъ?.. Что? онъ имъ повѣрилъ?..
Онъ, вмѣстѣ съ ними, проклиналъ меня?..

СТАРУХА.

Нѣтъ, онъ за васъ вступился: онъ сказалъ
Что лгутъ они...

ДОЛОРЭСЪ (бросаясь на колѣни).

Благодарю, о Боже!..

Алонзо мой во миѣ не усомнился!..
Могу любить... могу жалѣть о немъ!..
Сеньора, продолжайте вашъ разсказъ!..

СТАРУХА.

Онъ вызвалъ трехъ противниковъ... двоихъ
Опасно ранилъ... третій — донъ-Фернандо,
Убилъ его!..

(плачетъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Пусть Богъ ему судья!..
Я не прощу!.. Вражда моя не даромъ
Ихъ злобу угадала напередъ!..

Враги мой любовь мою убили!..
 Богъ счастье далъ, — а люди отнимаютъ!..
 Но... послѣ, послѣ слезы!.. Укрѣпись,
 Отчаянное сердце!.. Будешь плакать
 Всю жизнь!.. Теперь, теперь испѣй до дна
 Всю чашу горести, весь ядъ страданья...
 Сеньора, вашъ разсказъ еще не конченъ.
 Мнѣ нужно знать подробно, по порядку
 Какъ было все... Пускай за раной рана
 Мнѣ горе грудь пронзитъ, чтобъ не осталось
 Живаго мѣста на кровавомъ сердцѣ.
 Мнѣ смерть его принадлежитъ, когда
 Я жизнь его теряю...

СТАРУХА

Я сама

Еще дышу, пока мнѣ есть кому
 Рассказывать и говорить о немъ,
 Пока земля не отняла его
 У глазъ моихъ. Пока я исполняю
 Здѣсь, у тебя, послѣднее желанье,
 Завѣтъ его предсмертный. Ты одна
 Со мной поплачешь, такъ какъ плакать надо,
 О немъ, о дорогомъ Алонзо нашемъ;
 Другіе не поймутъ меня! Послушай,
 Я все тебѣ порядкомъ разскажу.
 Ты знаешь, онъ давно любилъ тебя,
 Но издали .. покорно и смиренно...
 И сталъ грустить... Я тотчасъ угадала,
 Что кроется любовь въ тоскѣ его.
 Старалась узнавать. Онъ отъ меня
 Не могъ единой мысли утаить.
 Онъ долженъ былъ признаться по немногу.
 И больно за него, и страшно мнѣ
 Бывало иногда. Въ пятнадцать лѣтъ
 Страдать вѣдь слишкомъ рано человѣку?..
 Въ ту пору я при имени твоёмъ
 Дрожала и блѣднѣла, я въ тебѣ
 Виновницу всѣхъ мукъ его боялась.
 Но нынче, мой Алонзо такъ былъ счастливъ,
 Такъ вдругъ повеселѣлъ, похорошѣлъ,

Что чувство матери понять умѣло
 Восторгъ и радость сына... Я тебя,
 Какъ дочь свою родную, полюбила!..
 Ты возвращала мнѣ его улыбку!..
 Алонзо былъ въ гостяхъ, и я ждала
 Его возврата, радуясь душевно
 Всѣмъ радостямъ его... И вдругъ, ко мнѣ
 Бѣгутъ съ ужасной вѣстью... на носилкахъ
 Кровавый трупъ приносятъ... говорятъ,
 Что сына у меня ужъ больше нѣтъ!..
 Я бросилась... взяла его отъ нихъ,
 Но онъ еще дышалъ... Мои стenanья
 Остатокъ жизни пробудили въ немъ,
 И на груди моей очнулся онъ,
 Чтобъ повторить еще твое мнѣ имя,
 Чтобъ завѣщать поклонъ тебѣ послѣдній...
 Да! Онъ хотѣлъ, чтобъ я сама пришла,
 Чтобъ никому не довѣряла тайны
 Всей кровію его запечатлѣнной...
 Онъ за тебя, Долорэсъ, умиралъ,
 Но умиралъ любя, благословляя...
 Онъ мнѣ велѣлъ благодарить тебя,
 Обнять, разцѣловать, сказать тебѣ ..
 Что ты, ему, въ одинъ счастливый вечеръ,
 Все счастье длинной жизни подарила!
 И вотъ, я на колѣняхъ предъ тобой,
 Благодарю, какъ онъ, и за него,
 И за себя!..

(Падаетъ безъ чувствъ).

ДОЛОРЕСЪ *(бросаясь къ ней).*

Сеньора! мать моя!

Она умереть... О Боже! Чтò мнѣ дѣлать?..
 Конхита!.. помоги!.. Скорѣй воды...
 За докторомъ.

КОНХИТА.

Сеньора, вы блѣдны,
 Вы сами какъ мертвецъ! Чтò это значитъ?..

ДОЛОРЕСЪ.

Не мнѣ... вотъ ей, вотъ этой бѣдной доньѣ

Скорѣй помочь!.. Мнѣ ничего не нужно!..
 Я не умру отъ горя... Видишь, — я
 Еще жива и не схожу съума...
 Не падаю безъ чувствъ... О, нѣтъ, меня
 Не хочетъ смерть!..

КОНХИТА (*занимаясь старухой*).

Она приходитъ въ память...

Но кто жъ она?..

ДОЛОРЭСЪ.

Родная мать Алонзо...

Пришла о смерти сына объявить...

КОНХИТА.

Возможно ли?.. Алонзо?..

ДОЛОРЭСЪ.

Помнишь ты

Предчувствія мои, невольный страхъ?..

Ты надо мной смѣялась.

КОНХИТА.

О, сеньора!

Простите мнѣ!.. Кто думать могъ?.. Алонзо,

Такъ скоро!..

ДОЛОРЭСЪ.

Я накликала несчастье,

На голову его!.. Меня судьба

Хотѣла въ немъ убить! Я начинала

Въ возможность счастья вѣрить. Вотъ за то

Награда мнѣ?..

КОНХИТА.

Сеньора, ради Бога,

Пѣняйте, или плачьте, страшно мнѣ

Васъ видѣть такъ убійственно-спокойной.

ДОЛОРЭСЪ (*нагнувшись къ матери Алонзо*).

Молчи!.. Она очнулась... Надо намъ

О ней подумать прежде, проводить

Ее домой.

СТАРУХА (*приподымаясь*).

Гдѣ я?.. Мнѣ вдругъ легко

И мирно стало... точно будто я
 Не на землѣ была, а тамъ, въ другомъ
 И лучшемъ мрѣ... Ахъ!.. Еще неправда?..
 Еще я здѣсь?.. а сына у меня
 Ужъ больше нѣтъ!..

(Плачетъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Не знаю, что сказать ей;
 Какая рѣчь поможетъ этой скорбѣ!

СТАРУХА (оставал совсѣмъ).

Прощай, сеньора! Я пойду къ нему...
 Къ Алонзо моему! Еще до завтра
 Онъ мой и у меня! Потомъ, его
 Возьмутъ—и унесутъ въ могилу предковъ.
 Пойду смотрѣть покуда на него.
 Пойдемъ со мной! Мы вмѣстѣ наглядимся
 И вмѣстѣ будемъ плакать.

ДОЛОРЭСЪ (обнимал ее).

Я приду,

Но прежде нужно мнѣ распрядиться...
 Есть дѣло у меня!

СТАРУХА.

Итакъ, прощай!

Я жду тебя, Алонзо тоже ждѣтъ...
 Его ты душу вѣрно успокойшь,—
 Не обмани!.. отдай послѣдній долгъ
 Тому, кто такъ любилъ тебя!

ДОЛОРЭСЪ (торжественно).

Приду!

Приду взглянуть на друга моего,
 Молиться за него, полюбоваться
 На блѣдное прекрасное чело,
 Я прикоснусь къ устамъ его холоднымъ,
 И мертвому въ прощанье принесу,
 Обѣщанный живому поцѣлуй!

СТАРУХА.

Приди скорѣй!

ДОЛОРЭСЪ.

Вотъ слово вамъ мое!

Я въ жизнь мою ему не измѣняла. *(Старуха уходитъ).*

Не измѣню теперь!.. Гассанъ, ко мнѣ:

Ты нуженъ мнѣ!

ГАССАНЪ *(показываясь).*

Чѣмъ я могу служить?

ДОЛОРЭСЪ.

Ступай, Гассанъ, въ послѣдній разъ сегодня

Мнѣ службу сослужи! Поди, узнай:

Кто былъ у донъ-Санчи на пиру,

Какъ начался тамъ споръ, съ кѣмъ донъ-Алонзо

Сражался?.. Все спроси! Все нужно знать мнѣ!

Купи людей, иль смертью пригрози имъ!

Но чтобъ ты могъ развѣдать слово въ слово

Чтò было тамъ говорено, кто началъ?

Кто близъ кого сидѣлъ?.. Кто про меня

Безстыднѣй лгалъ?.. Ты слышишь, понимаешь?..

Бѣги же, мой Гассанъ! Все знать хочу!

Бѣги скорѣй!

ГАССАНЪ.

Сеньора, черезъ часъ

Узнаю все исправно!

ДОЛОРЭСЪ.

Нѣтъ! скорѣе!

Мнѣ некогда, Гассанъ... И мнѣ пора!..

(Карло уходитъ).

КОНХИТА.

Пора, куда?.. Сеньора замышляетъ

Недоброе, я вижу по лицу

Зачѣмъ всѣ эти свѣдѣнья? Зачѣмъ

Къ несчастью прибавлять еще отраву

Ударовъ мелочныхъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

Потомъ узнаешь!

Теперь съ вниманьемъ выслушай меня

И духомъ.

КОНХИТА.

Нѣтъ слезъ въ глазахъ?.. Нѣтъ радости во взорѣ?

Нѣтъ слабости въ душѣ?.. О, ты должна
Страдать невыразимо!.. Я тебя
Такъ знаю—не обманешь ты меня
Спокойствіемъ притворнымъ! Лучше бь мнѣ
Твой плачь, твое рыданье заглушать!

ДОЛОРЭСЪ.

Чтò нужды въ томъ, страдаю я, или нѣтъ?
Кому теперь жалѣть о мнѣ?.. Одна я...
Но ты меня разжалобить напрасно
Пытаешься! Тверда останусь я:
Мнѣ нужно твердой быть!.. Дай маску мнѣ,
Дай домино!.. Сегодня маскарадъ—
Я буду тамъ!

КОНХИТА (*съ ужасомъ*).

Сеньора, ради Бога,
Подумайте!..

ДОЛОРЭСЪ.

И думать не хочу!
Я знаю, что мнѣ дѣлать остается,
Я буду въ маскарадѣ непременно...
Ты, безъ меня, устроишь все какъ нужно!

КОНХИТА.

Алонзо на столѣ... Алонзо въ гробѣ...
Онъ за тебя погибъ...

ДОЛОРЭСЪ.

А за него—

Я отомщу!..

КОНХИТА (*живо*).

Теперь я понимаю!
Приказывай—раба твоя готова!

СЦЕНА VI.

Богатый залъ въ неизвѣстномъ домѣ. Посерединѣ накрытъ пыльный столъ, ярко освѣщенный. По сторонамъ двери, завѣшанныя малиновыми бархатными занавѣсками.

ДОЛОРЭСЪ *(входитъ въ маскѣ и домино, за нею Конхита)*.

Готово ли?..

КОНХИТА *(тайно)*.

Исполнено точь-въ-точь,

Не только то, что было мнѣ сеньорой

Приказано, но даже то, чего

Она мнѣ не успѣла досказать...

ДОЛОРЭСЪ.

Какъ?.. ты мою предупредила волю?..

КОНХИТА *(показываетъ ей что-то въ коробочкѣ)*.

Сеньора,

Я такъ давно всѣ ваши мысли знаю,

Какъ замысловъ мнѣ вашихъ не понять?..

(На ухо своей госпожѣ).

Вотъ, если хочешь дѣйствовать ты втайнѣ,

И отомстить безъ шума... это мнѣ

Давно дано моимъ покойнымъ братомъ.

(Ты помнишь, инквизитору служилъ

Онъ много лѣтъ!..) Но если ты рѣшилась

На мщеніе открытое, тогда,

Готовы у меня, вотъ здѣсь за дверью,

Пять-шесть контрабандистовъ молодцовъ...

Мнѣ всѣ съ-родни... отличные ребята,

За нихъ могу я смѣло отвѣчать!..

ДОЛОРЭСЪ.

Не нужно никого и ничего!..

Ошиблась ты!.. Въ моей душѣ искала ты

Того, чего въ ней нѣтъ, а между-тѣмъ

Не видишь, чѣмъ полна она, Конхита!

КОНХИТА.

Возможно ли?.. Не угадала я!..
 Зачѣмъ же эти сборы?.. Этотъ праздникъ?..
 Къ чему намъ эти гости?.. Но сеньора
 Нашла не всѣхъ, ей нужныхъ; можетъ-быть,
 Не всѣхъ позвать еще успѣла?

ДОЛОРЭСЪ.

Нѣтъ,

Я всѣхъ нашла, со всѣми говорила:
 Въ комъ пробудить успѣла любопытство,
 Въ комъ гордость, въ комъ нечистой страсти жаръ...
 Всѣ будутъ, всѣ придутъ сейчасъ сюда!..
 О какъ легко управиться съ людьми,
 Кто подольститъ сѣумѣть ихъ порокамъ!
 Легко задѣтъ слабѣйшія ихъ струны,
 Податлива ихъ совѣсть на дурное!..
 Я не умѣла ими завладѣть,
 Когда я въ нихъ искала правды, чести
 И чувствъ возвышенныхъ. Сегодня, я
 Къ ихъ слабостямъ разумно обратилась,
 И вотъ — они въ рукахъ моихъ теперь!..

КОНХИТА.

Такъ всѣ придутъ?

ДОЛОРЭСЪ.

О, всѣ, до одного!..

КОНХИТА *(нерешительно)*.

Сеньора, ничего вы не забыли?..
 Вторично я напомнить вамъ должна,
 Ни карлу вы, ни мнѣ не говорили
 О томъ... что...

ДОЛОРЭСЪ.

Ну! кончай же?..

КОНХИТА.

Я не смѣю!..

Услуги и заботы вы мои
 Отвергли. Но вѣдь есть же цѣль у васъ?..
 Но не вотще сойдутся здѣсь они,
 Враги моей сеньоры и убійцы
 Несчастливаго Алонзо?..

ДОЛОРЭСЪ.

Не вотще!

А дальше, чтожь?..

КОНХИТА.

Я жду: ужель не будетъ

Мнѣ новаго приказа?

ДОЛОРЭСЪ.

Нѣтъ, не будетъ,

Мнѣ больше ничего не нужно!..

КОНХИТА (робко).

Но,

Чѣмъ кончится великолѣпный ужинъ?..

ДОЛОРЭСЪ.

А вотъ посмотримъ!..

КОНХИТА.

Кажется, плутъ!..

(Подходитъ ближе къ Долорэсъ и говоритъ шопотомъ).

Ты не измѣнишь крови славныхъ предковъ,
 Обычаю испанской старины?
 Ты не отпустишь ихъ безъ страшной казни,
 Ты отомстишь?..

ДОЛОРЭСЪ (дѣлалъ ей знакъ удалиться).

Утѣшься, отомщу!

Оставь меня!.. Ты помнишь приказанья?..
 Чтобъ весь мой домъ явился въ полу-маскахъ,
 И не снималъ ихъ прежде, чѣмъ сама я
 Сниму свою!.. Чтобъ вина дорогія
 Лились рѣкой!.. Чтобъ пиръ мой былъ на славу?..
 Я на тебя, Конхита, полагаюсь!..

(Конхита уходитъ въ боковую дверь, у главнаго входа показывается донъ-Мануэль въ маску, и плащъ; карло, переряженный и въ маску встрѣчаетъ его и останавливаетъ).

ДОНЪ-МАНУЭЛЬ. (отдавалъ ему что-то).

Условіе я помню. Вотъ залогъ,
 Мнѣ ввѣренный: изъ опухала кость,
 Легко, непрочно, мило: настоящій

Символь для женскихъ чувствъ и женской страсти!..
Теперь, пусти меня, мой скромный паждь!..

(Гассанъ кланяется и пропускаетъ).

ДОНЪ-МАНУЭЛЬ (подходъ).

А вотъ и вы, таинственная Нимфа!
Незримое покуда божество!..
Ну, что жъ?.. Когда васъ видѣть я сподоблюсь?
Когда обътъ свой сдержите вы, донья,
И скажете волшебное то слово,
Которое, какъ ключъ, откроетъ мнѣ
Блестящій путь ко власти, къ повышенью,
Къ богатству и всѣмъ почестямъ земнымъ.

ДОЛОРЭСЪ.

Теперь пока не время, подождите!..

(Донъ-Гонзалво является у входа, и Гассанъ точно также его останавливаетъ).

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО (тоже въ маскѣ; онъ отдаетъ другую костъ отъ опазала и подходитъ къ Долорэсъ).

Вы видите, сеьора, я пришелъ,
Но я ошибся, или вы меня
Невольно обманули: тамъ я вижу
Накрытъ у васъ великолѣпный столъ
На множество гостей, а я спѣшилъ,
Надѣясь съ вами быть наединѣ...

ДОЛОРЭСЪ.

Я васъ звала отуживать со мной,
Но больше ничего не общала...

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО (хочетъ взять ея руку).

Намъ вѣрится и снится такъ легко
Все то, что мы желаемъ (Тихо). Мнѣ приснилось
Свиданье безъ помѣхи, безъ зазрѣнья...
Свободное и нѣжное вполнѣ...

ДОЛОРЭСЪ (отстраняя его).

Такое, что дается вашей братии
Двусмысленной уловкой всякой маски,

На ловлѣ приключеній?.. Нѣтъ, сеньоръ,
Ошиблись вы!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО (*держко*).

Такъ здѣсь зачѣмъ же я?

ДОЛОРЭСЪ.

Узнаете потомъ! Еще не время,

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Охотно подожду! У васъ свѣтло,
Прохладно и раздольно... славный домъ!..
Судя по этимъ признакамъ, я долженъ
Ждать ужина отличнаго: дуракъ,
Кто, при такихъ условіяхъ, себя
Довольнѣйшимъ изъ смертныхъ не объявитъ!

ДОЛОРЭСЪ (*презрительно*).

И подлинно!.. Чего же лучше вамъ?..

(Входятъ вдругъ донъ-Педро, донъ-Діаго и донъ-Родригесъ, въ маскахъ; для каждаго возобновляется Гассаномъ церемоніалъ встрѣчи и отбиранья залога).

ДОЛОРЭСЪ (*раскланиваясь*).

Привѣтъ моимъ гостямъ!.. Прощу садиться!

Мы, кажется, сберемся скоро всѣ...

ДОНЪ-ПЭДРО (*разсматривая другихъ*).

Признаться—любопытное собранье!..
Пять человѣкъ подъ масками... пять лицъ
Таинственныхъ,—шестое, тоже маска, —
Хозяйка торжества... ни мы ее,
Ни насъ она не знаетъ.. Это ново,
И общаетъ намъ веселій вечеръ,
Неслыханный!..

ДОЛОРЭСЪ.

Ошиблись вы, сеньоръ,

Я знаю всѣхъ и каждаго изъ васъ,
И каждаго въ томъ порознь убѣдила!
Могу завѣрить я, что ни кому
Изъ васъ не стыдно здѣсь съ другими;
Вы можете по имени и званью,
Особенно по доблестямъ, сеньоры,

Вы можете всё на однихъ вѣсахъ
 Быть завѣшены, — ни кто не перетянетъ!...
 Вы равны межъ собой!.. Вы равны тоже
 И въ мнѣннн моемъ!..

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Когда о прочихъ
 Я долженъ по себѣ судить, то ихъ
 Вы привлекли, сеньора, обѣщаньемъ
 Повѣдать тайну, важную для нихъ:
 Но мы одинъ другому помѣшаемъ;
 Какъ справитесь со всѣми вы?

ДОЛОРЭСЪ.

Не бойтесь!

Я слово данное сдержу для всѣхъ,
 И каждому скажу, что до него
 Касается...

ДОНЪ-ДІЭГО (*осматривая Гонзалво*).

Прекрасный незнакомецъ,
 Вы очень любопытны быть должны,
 Что васъ такой приманкой соблазнили?
 Я не таковъ: я потому пришелъ,
 Что ужинъ былъ мнѣ лакомый обѣщанъ!

(*Другіе маски смѣются*).

ДОНЪ-МАНОЭЛЪ.

Признание простодушное, по чести!

ДОНЪ-ПЭДРО.

Одинъ изъ нихъ изобличенъ въ обжорствѣ,
 Другой такъ въ любопытствѣ: думать надо
 Что нынче здѣсь всё смертные грѣхи
 Сойдутся на совѣтъ въ особахъ нашихъ!

(*Общій смѣхъ*).

ДОЛОРЭСЪ.

Но васъ не семь здѣсь будетъ: я гостей
 Другихъ еще сегодня ожидаю...
 Да вотъ они!.

(*Входятъ донъ-Фернандо, донъ-Санхо и еще трое, все въ маскахъ и черныхъ плащахъ, со шпагами.*

При видѣ донъ Фернандо, Долоресъ вздрагиваетъ и отворачивается невольно. Карло отбираетъ у нихъ залого).

ДОНЪ-САНХО.

Привѣтствую усердно
Почтенныхъ собесѣдниковъ моихъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Благодаримъ! благодаримъ покорно!
Добро пожаловать, учтивый гость!

ДОЛОРЭСЪ (*считая ихъ глазами*).

Всѣ на лицо!.. Сеньоры, столъ готовъ,
Прошу васъ не взыскать за скромный ужинъ
И трапезой смиренной не гнушаться.

(Она хлопаетъ въ ладоши, Гассанъ является съ слугами въ маскахъ и подаетъ блюда; Долоресъ садится въ серединѣ, приглашая съѣсть близъ себя дон-Маноэля и дон-Санху. Прочіе гости помпщаются какъ попало, донъ-Фернандо съ краю).

ДОЛОРЭСЪ (*подавая знакъ слугамъ*).

Вина!.. Заздравный кубокъ наливайте
Полнѣе!.. Чтобъ сейчасъ развеселить
Сердца моихъ гостей!..

(Слуги наливаютъ кубки; гости встаютъ, кланяясь хозяйкѣ; за главнымъ входомъ раздается громкая музыка).

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Клянусь вамъ честью,
Нечаянность пріятная! Намъ должно
Благодарить хозяйку за нее! (*кланяется*).

ДОНЪ-САНХО.

Ни что такъ не способно возбуждать
Веселья и безпечности разгульной,
Какъ музыка: за это наслажденье
Мы всѣ признательны, и прославляемъ
Радущіе привѣтливой хозяйки!

ДОЛОРЭСЪ (молча кланяется и обращает-
ся къ карлу).

Еще вина!.. Того, что корабли
Изъ Хіоса и Кипра привезли!..

(Карло и слуги подносятъ гостямъ полныя чарки, Долорэсъ подаетъ знакъ, завяпсы средняго входа пропускаютъ нѣсколько молодыхъ женщинъ въ костюмахъ разныхъ народовъ; онѣ пляшутъ разнохарактерныя танцы и, по окончаніи ихъ, остаются прислуживать гостямъ, которые рукоплещутъ съ восторгомъ).

ДОНЪ-ГОНЗАЛВО.

Ей-Богу, вотъ такъ пирь! Души своей
Отъ радости въ себѣ не слышу! Точно
Волшебный сонъ!..

ДОНЪ-ДІЭГО.

Роскошный, чудный праздникъ!
Устроенный съ умѣньемъ мастерскимъ!

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

Ни чудесамъ сегодня, ни волшебству
Я не дивлюсь: насъ позвала къ себѣ
Волшебница, и мы у ней пируемъ:

ДОЛОРЭСЪ (кланяется).

Лишь было бъ хорошо моимъ гостямъ!..

ДОНЪ-ПЭДРО (необдуманно).

Мы два дня сряду весело проводимъ...
Вчера...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Сеньоръ, вы, вѣрно, позабыли
Что въ маскѣ вы, и соблюдать должны
Инкогнито?..

ДОНЪ-ПЭДРО.

Пустое!.. Чтò за маски,
Когда душа и сердце на распашкѣ
Средь дружеской бесѣды?.. Мы друзья,
Хотя другъ друга мы въ глаза не видимъ,
Но потому друзья, что вмѣстѣ пьемъ,
Что вмѣстѣ намъ и любо и привольно.
Чтò за бѣда, что вышедши отсюда

Мы разойдемся всё по сторонамъ,
И никогда не встрѣтимся, быть можетъ.
Теперь мы наслаждаемся, смѣемся,
Теперь намъ ничего не нужно больше!..
Такъ не зачѣмъ скрыватьсь намъ, сеньоры!..
Прочь маски!.. я совѣтую ихъ бросить!..

(Хочетъ снять свою маску, Долорэсъ его останавливаетъ).

ДОЛОРЕСЪ.

Нѣтъ! я прошу еще повременить!
Увидите другъ друга вы въ лицо,
Но не теперь: пора придетъ, божусь вамъ!..
Теперь, — когда ужъ вы проговорились,
Окончите, скажите, гдѣ вчера
Вы пировали?..

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Гдѣ?.. У дона-Санхи!

ДОНЪ-ДИЭГО.

Богатаго креола, что недавно
Пріѣхалъ изъ Америки... Онъ насъ
На славу угостилъ...

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО.

Да жаль—случилось

Несчастіе и разогнало насъ...

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

А?!.. Такъ сеньоры всё тамъ были, видно?..
Прекрасно!.. Вотъ еще признание намъ!..
Нескромность заразительна!..

ДОЛОРЕСЪ (глухимъ голосомъ).

Но кто-то

Упомянулъ о грустномъ приключеньи...

Что тамъ произошло? .

ДОНЪ-САНХО.

Ужасный споръ,

Потомъ три поединка и убійство!..

А жертвой палъ прелестнѣйшій ребенокъ,

Нашъ бѣдный донъ-Алонзо...

ДОЛОРЕСЪ.

А... за что...

И съ кѣмъ... дрался...

ДОНЪ-ДИЭГО (съ досадой).

Вступился онъ не кстати

За женщину... презрительную тварь...
 Которой бы онъ имя знать не долженъ;
 Самъ за нее погибъ, и двухъ друзей
 Обезобразилъ, рани ихъ въ лицо...
 Не слишкомъ больно, правда; но за то,
 Уродами останутся они
 На весь свой вѣкъ: одинъ кривымъ, другой
 Съ рубцомъ отъ рта до шеи... Есть за что!..
 Проклятая Долорэсъ!.. Чтобъ ее
 Адъ поглотилъ, чтобъ тысячи чертей
 Злодѣйку ту въ лоскутья разорвали!
 Желалъ бы я держать ее теперь
 Въ своихъ рукахъ, чтобъ удушить на мѣстѣ
 Въ отмщеніе за то...

(Въ бѣшенствѣ бросаетъ кубокъ свой на полъ).

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Нѣтъ, мало!.. Мало!..

Смерть скорая не мщенье!.. Я бъ желалъ,
 Чтобъ можно было уличить Долорэсъ
 Въ хуленьи... въ колдовствѣ... въ какомъ-нибудь
 Ужасномъ преступленьи... чтобъ намъ
 Пришлось ее увидѣть на кострѣ,
 Или подъ колесомъ!..

ДОЛОРЕСЪ.

За что, сеньоръ,

Такъ гнѣвны вы на женщину? быть можетъ,
 На жертву безразсудной клеветы?..
 Вѣдь лично вы не врагъ ей; вамъ она
 Не слѣлала вреда, иль зла какого?..

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ.

Какъ я не врагъ ей?.. нѣтъ, я врагъ въ душѣ,
 Есть у меня давнишняя досада
 На эту многогрѣшницу... Она
 Когда-нибудь поплатится со мной!..

ДОЛОРЕСЪ.

Не отъ того ль вы злы на эту донью-
 Долорэсъ, что когда-то васъ она

Отъ явнаго избавила позора?..
 Когда въ Толедѣ вы при казначействѣ
 Служили и казенные червонцы
 Растратили, быть можетъ, проиграли..
 И вамъ она взаймы довольно денегъ
 Дала, чтобъ вы могли загладить слѣдъ
 Безчестнаго поступка?..

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ (*привставая въ бѣшенствѣ*).

Кто сказалъ вамъ?..

Вы почему узнали?..

ДОЛОРЭСЪ.

Стало быть,

Не выдумка разсказъ мой?..

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ (*опомнившись*).

Но, сеньора...

Я полагаю хочу, что это шутка..
 Обычныйъ вздоръ, болтаемый межъ масокъ?..
 Вѣдь вы меня не знаете?.. Ни личность,
 Ни честь моя не страдаютъ.

ДОЛОРЭСЪ.

Поздравляю

Васъ съ этимъ убѣжденьемъ! Но теперь,
 (*обращаясь къ донъ-Манозлю*).

Скажите мнѣ, сосѣдъ мой, вы вѣдь тоже
 Вчера, за пиршествомъ у донъ-Санхи,
 Долорэсъ эту защищать не стали
 Когда, при васъ, васъ назвали въ числѣ
 Любовниковъ ея?..

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ (*осторожно*).

Я?.. Но зачѣмъ

Отъ правды мнѣ напрасно отпираться,
 Иль отрицать прошедшіе грѣхи,
 Извѣстные давно всему Мадриду?..

ДОЛОРЭСЪ.

Какъ иногда событія и люди
 Въ различныхъ видахъ могутъ показаться,
 Смотри, откуда наблюдаютъ ихъ
 Различные свидѣтели!.. Сеньоръ,
 Я слышала, что вы искали долго

Руки Долорэсъ; зная, что она
Наслѣдница владѣній и помѣстьевъ
Тенорьо и Ортега?.. Вы прощали
За то ей всѣ проступки, всѣ пороки,
Которые молва такъ щедро ей
Умѣла приписать...

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

Не я, не я!

Моя семья женить меня хотѣла...
Долорэсъ мнѣ назначили въ невѣсты...
Я былъ взбѣшенъ, противился...

ДОЛОРЭСЪ (тихо ему на ухо).

Но какъ же

Въ Альгамбрѣ вы блаженствовали съ ней?..

(громко)

Признайтесь, что градецею ея
Вы думали возвыситься на службѣ?
Признайтесь, что она не захотѣла
Пожертвовать собою вамъ, и быть
Подножіемъ честолюбивыхъ видовъ?..

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

Я... не хочу солгать... я вправѣ былъ
Надѣяться, что женино имѣнье
Послужить мнѣ ступеню къ возвышеню...
Я чувствовалъ способности свои...
Призванье... я хотѣлъ полезнымъ быть,
Служить моей отчизнѣ...

ДОЛОРЭСЪ.

И когда

Отказъ Долорэсъ рушилъ эти сны,
Вы не простили ей?!.. Вы записались
Въ число ея хулителей, не такъ ли?..

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ.

Я другомъ ей не могъ ужъ быть.

ДОЛОРЭСЪ.

Конечно!..

Кто жъ другомъ намъ, когда обидимъ мы
Тщеславіе его?.. Но здѣсь другіе
Непримиримые враги Долорэсъ:

Мнѣ хочется узнать отъ нихъ самихъ,
За что они преслѣдуютъ ее?..

(обращаясь къ донъ-Педру).

Сеньоръ, вы какъ-то были подъ судомъ
За разныя съ закономъ недомолвки,
Желаю знать, кто спасъ васъ отъ изгнанья?
Кто, ради васъ, старался и просилъ
Вездѣ и всѣхъ кого просить лишь можно?..
Кто выручилъ васъ скоро изъ бѣды?
Ужъ не она ль... не эта ли Долоресъ,
Предметъ для васъ насмѣшекъ и хулы?..

ДОНЪ-ПЕДРО.

Я... право... не припомню... гдѣ и какъ?
Я точно былъ въ отвѣтъ... но за мнѣнья,
Не за дѣла...

ДОЛОРЕСЪ.

Богъ съ вами!.. Вѣдь не мнѣ
Вамъ отвѣчать теперь за вашу злобу!..
Но здѣсь у насъ всеобщій маскарадь,
Всѣмъ вамъ гадаю я о вашемъ прошломъ,
Какъ древняя Сивилла... Вы, сеньоръ,
(обращается къ донъ-Діаго).

Вы помните ль, что нѣкогда, въ Севильѣ,
Зарѣзанъ былъ коррехидоръ?.. Его
На улицѣ нашли съ кинжаломъ въ горлѣ,
И много толковъ было... Говорили
Что онъ убитъ преступникомъ изъ знати,
Чтобъ упредить открытіе другаго
Запутаннаго дѣла... Подозрѣнья,
Виновнаго открыто уличали,
Ему тюрьма грозила, а за ней
На висѣлицѣ смерть... Тогда его
Укрыла у себя родня одна
Далекая... Она была прекрасна
И молода... И свѣтъ надъ ней смѣлся,
И старики качали головой...
Она не убоялась осужденій,
Она своей пожертвовала честью,
И въ дальній, неприступный замокъ свой

Уѣхала съ убійцей, не изъ дружбы,
 Не изъ любви, — о нѣтъ! изъ состраданья!..
 И цѣлый годъ, пока опасность длилась,
 Она оберегала имя, честь
 И голову того, кто сталъ потомъ
 Ея любовью нагло похваляться,
 И за хлѣбъ-соль, за кровь гостепріимный,
 Воздалъ ей клеветой, безчестьемъ, злобой!..
 Слыхали ль вы, сеньоръ, объ этомъ странномъ,
 Но истинномъ событіи?.. До васъ
 Дошли ли имена обояхъ лицъ,
 Участвовавшихъ въ немъ?..

ДОНЪ-ДІЭГО (*исловко*).

Я?.. Нѣтъ!.. не помню,

Но можетъ быть...

ДОЛОРЭСЪ.

Вамъ память измѣняется?..

Хотите ли, я громко назову

Обояхъ вамъ?..

ДОНЪ-ДІЭГО (*живо привставая съ мѣста*).

О нѣтъ!.. не нужно, доиья!..

Не кстати здѣсь...

ДОЛОРЭСЪ.

Напротивъ, очень кстати!..

Одна была Долорэсъ... а другой!..

Другой былъ доиъ-Діэго Салаверда!..

НѢСКОЛЬКО ГОСТЕЙ (*вставая съ шумомъ*).

Гдѣ мы?.. въ какой насъ омутъ заманили?..

ДОНЪ-ГОНЗАЛЬВО (*съ жаромъ*).

Но это нестерпимо!.. Или здѣсь

Должны мы будемъ выслушать спокойно

Всю лѣтопись дѣяній и поступковъ

Одинъ другаго?..

ДРУГІЕ ГОСТИ.

Зачѣмъ же обижаться?..

Превесело, напротивъ!.. Продолжайте,

Таинственная маска!..

ДОЛОРЭСЪ.

На минуту

Прошу еще вниманья, господа!..

Я женщина: мнѣ больно стало слышать,
 Какъ женщину другую вы при мнѣ
 Топтали въ грязь... Не защищать ее,
 А только доискаться безпривстрасно
 Причины вашей злобы на нее
 Хотѣла я... Вы слышали, сеньоры,
 Изъ устъ ея враговъ непримаримыхъ,
 За что они преслѣдуютъ ее,
 Какъ зломъ они ей платятъ за добро:
 Теперь осталось намъ еще спросить
 Послѣдняго, но злѣйшаго изъ нихъ...
 (*обращаясь къ донъ-Фернанду*).

Сеньоръ, я васъ прошу, во имя чести
 И совѣсти, признайтесь: вы шутили,
 Когда вчера несчастному Алонзо
 Вы назвали любовникомъ Долорэсъ?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Нисколько!.. я хотѣлъ спасти его
 Отъ женщины безнравственной и вредной;
 Хотѣлъ слѣпцу открыть глаза; хотѣлъ
 Безумнаго ребенка образумить...

ДОЛОРЕСЪ (*дрожащимъ голосомъ*).

И вы, теперь, упорствуете въ томъ,
 Что точно право вамъ дала Долорэсъ
 Назвать ее любовницей своей? .

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

Помилуйте, какое тутъ сомнѣнье!..
 И есть чѣмъ хвастать мнѣ! Я, какъ другой,
 Другой, какъ я!.. Что было, то прошло...
 Я счета не веду всѣмъ женскимъ ласкамъ,
 И женскимъ поцѣлуямъ ..

ДОЛОРЕСЪ (*настоятельно*).

Но Долорэсъ...

Долорэсъ васъ любила ли, сеньоръ?..

Въ числѣ своихъ любовницъ записныхъ,
 Ее назвать вы можете ль по чести?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*кладя руку на сердце*).

По чести, да!.. Она была моею...

Покуда я хотѣлъ... потомъ...

ДОЛОРЭСЪ (встаетъ въ негодованьи).

Вы лжете!!!

Вы лжете, донъ-Фернандо!.. Никогда
Не жали вы ее въ своихъ объятыхъ,
Мизинчика ея не цѣловали!

(Донъ-Фернандо и всѣ гости встаютъ изъ-за стола).

ДОНЪ-ФЕРНАНДО (пытался смѣяться).

Вотъ мило!.. Вотъ заступница за честь
И чистоту прекрасной половины
Людскаго рода!.. Нѣтъ, дружокъ мой, маска,
Нѣтъ, милая хозяйка наша, вы
Напрасно защищаете Долорэсъ!..
И гдѣ вамъ знать, что было между нами,
Межъ ей и мной?..

ДОЛОРЭСЪ (сбрасываетъ съ себя маску).

Вы лжете, донъ-Фернандо!

Какъ воръ, на дѣлѣ пойманный... какъ рабъ
Несвѣрный и презрѣнный, лжете вы!!!
Смотрите всѣ: узнайте, кто предъ вами?..
И говорите, мнѣ ли всѣхъ васъ здѣсь
Не презирать?.. Могу ли я забыть
Какой обманъ, какая ложь гиѣздятся
Въ изгибахъ недостойныхъ вашихъ душъ!..

ВСѢ (вставалъ въ безпорядкѣ).

Она!!! Сама Долорэсъ да Ортега!
Прямая дочь Жуана-да-Тенорью!..

ДОЛОРЭСЪ.

Прочь маски!.. Маски всѣ сейчасъ долой!..
Пора теперь открыто объясняться!..
Въ лицо должны другъ друга видѣть мы!..
Въ глаза смотрѣть другъ другу и
Краснѣй — кому краснѣть прикажетъ совѣсть,
Блѣднѣй — всѣ тѣ, кто знаетъ за собою
Сокрытое отъ свѣта преступленье!
Я всѣхъ сегодня здѣсь изобличу!..

(Никто не двигается, молчаніе).

Долой всѣ ваши маски, говорю я,
Снимите ихъ вы сами, а не то,
Я съ васъ велю стащить насильно ихъ!

(Она бьетъ въ ладоши, люди ея показываются у дверей).

Прошу, не принуждать меня забыть,
Что вы въ гостяхъ сегодня у меня!..

(Гости молча снимаютъ маски и переглядываются между собою, узнавая одинъ другаго; слуги опять исчезаютъ).

ДОНЪ-РОДРИГЭСЪ *(у него повязка на глазу).*

Въ гостяхъ у васъ?! Скажите лучше просто —
Въ вертепѣ, въ западнѣ, куда вы насъ
Коварно заманили, чтобъ обидѣть
Чтобъ оскорбить... О, благо вамъ, сеньора,
Что женская васъ слабость защищаетъ!

ДОЛОРЭСЪ *(съ язвительнымъ смѣхомъ).*

Дѣ! вамъ убить меня желѣзомъ стыдно!..
Вамъ на меня нельзя руки поднять...
Но ядомъ языка, но клеветой
Мужчина можетъ женщину зарѣзать,
По вашему?..

ДОНЪ-ФЕРНАНДО.

А кто увѣритъ насъ,
Что не грозитъ намъ здѣсь еще измѣна...
Быть можетъ, смерть?..

(Многіе изъ гостей перешептываются между собою подозрительно).

ДОНЪ-ДІЭГО.

Не мудрено, что ядъ...

ДОЛОРЭСЪ.

О, нѣтъ, я не Лукреція Борджія!
Къ чему мнѣ ваша жизнь? Убивши васъ,
Спасу ли я поруганное имя?..
Погибшаго Аловзо воскрешу ли?..

(молчаніе)

Нѣтъ!.. крови не хочу я!.. Къ жизни вашей
Не прикаснусь!.. Мнѣ было бы легко
Васъ погубить: вы всѣ сознались здѣсь
Въ такихъ дѣлахъ, въ такихъ поступкахъ тайныхъ,
Что еслибъ здѣсь доказчикъ спрятанъ былъ,

Или судья, то право, не одинъ
Изъ васъ сегодня бѣ почевалъ въ тюрьмѣ...

(гости оглядываются съ безпокойствомъ).

ДОЛОРЭСЪ.

Не бойтесь!.. Здѣсь измѣна не грозитъ вамъ!

Предателей не будетъ, кромѣ васъ!..

Есть у меня свидѣтели, но тѣ

Не тронуть васъ!..

(Она звонитъ: занавѣсъ у боковыхъ дверей нальво
раздвигается и за нимъ видны докторъ Нуньесъ,
карло, Конхита и прочая прислуга Долорэсъ).

Свобода, состоянье,

И личность ваша будутъ безопасны...

Но есть кому вступить за меня.

Когда бѣ вы стали распускать по свѣту

Нелѣпныя рассказы о послѣднемъ

Моемъ свиданьи съ вами, господа!..

Я только уличить хотѣла васъ!..

Теперь, довольна я!.. Отнынѣ вы

Не встрѣтитесь другъ съ другомъ безъ стыда...

Безъ громкаго, презрительнаго смѣха,

Другъ другу не посмотрите въ глаза!..

(Гости невольно оглядываются другъ на друга, по-
томъ отворачиваются).

Да!.. Честъ за честы!!! Мою вы очернили,

Я вашу уничтожила теперь!..

Вамъ всѣмъ мое поруганное имя

Посмѣшищемъ служило много лѣтъ,

Отнынѣ я насмѣшку и позоръ

На вѣкъ пришила къ вашимъ именамъ.

Но не одинъ изъ васъ своей руки

Другому не протянетъ добровольно.

И не одинъ изъ васъ меня не вспомнить

Чтобъ волосъ у него не сталъ бы дыбомъ!..

Подите!.. Я довольна!.. Въ ваши души

Мои слова впились, какъ змѣи мщенья...

И за меня другъ другу вы не разъ

Сторицей воздадите!.. Вы сюда

Пришла въ ладу, собратьями, друзьями,

Но отъ меня уйдете вы врагами
 На весь вашъ вѣкъ!.. Я знаю васъ, сеньоры,
 И смѣло вамъ свою ввѣрю мечь!..
 Я женщина: я только защищаюсь
 Неловко... какъ могу... Но честь за честь!
 Меня моею лишили вы?.. Я вашу
 Беру у васъ!.. Сыгрались мы, сеньоры?!..

ДОНЪ-САНХО.

Я здѣсь чужой... Я ничего не знаю...
 Я повторялъ безъ умысла о васъ
 Лишь то, что мнѣ другіе говорили...
 Я противъ васъ не виноватъ!

ДОЛОРЭСЪ.

И вы

Приглашены сюда, чтобъ видѣть, слышать
 Узнать людей, въ которыхъ вы искали
 Друзей себѣ... Падѣюсь, что отвынѣ
 Вашъ справедливый судъ разсудитъ насъ!..

(Донъ-Санхо кланяется ей низко; молчаніе; прочіе гости стоятъ опустья голову).

ДОЛОРЭСЪ.

Сеньоры, мнѣ осталось васъ поздравить
 Съ успѣхомъ вашей злобы: вы убили
 Невиннаго, прекраснаго ребенка...
 Въ отчаянье повергли древній родъ...
 Герцогъ да-Сильва при смерти, а мать
 Сошла съума... Не правда ли, что шутки
 Вамъ удались?..

(Она звонитъ: занавѣсъ правой двери поднимается, за нимъ раскрывается стѣна сосѣдняго дома и видна зала, обитая чернымъ; Алонзо въ гробѣ, окруженный факелами, и около него плачущая мать и другіе родственники).

Смотрите, ваша жертва

Упрекомъ вамъ предстала!..

ДОНЪ-МАНОЭЛЬ *(съ испугомъ).*

Jesus-Marial..

Спаси насъ, Царь небесъ!..

ДОНЪ-САНХО (преклоня коленно).

О, бѣдный мальчикъ!

Твой сладокъ сонъ, а слезы наши горьки!..

Молись за насъ, какъ мы здѣсь за тебя

Помолимся!

ДОЛОРЭСЪ (повелительно).

Сеньоры, на колѣни!..

Просите всѣ прощенья у него!..

(Показываетъ на гробъ. Всѣ гости преклоняютъ колѣни; Долорэсъ идетъ къ донъ-Фернанду и кладетъ ему руку на плечо).

Онъ вамъ былъ порученъ; а вы, измѣнникъ,

Вѣ, вѣроломный, какъ съ нимъ поступили!..

Не легкомысленно, не безъ сознанья,

Изъ краснаго словца, какъ всѣ другіе,

Дразнили вы и мучили ребенка;

Нѣтъ, вы изъ тайной злобы на меня,

Изъ зависти къ нему его убили!

Вы предали его... Онъ былъ для васъ

Живымъ укоромъ вашего безчестья...

Проклятiе на васъ!.. Вамъ одному

Ни я, ни Богъ, ни совѣсть, не простимъ!..

Пусть кровь Алонзо вопiетъ на васъ!..

Другимъ — прощаю... Помните, сеньоры,

Что женщину не должно оскорблять!..

(Она вынимаетъ изъ-подъ платья золотую стекля-
ночку и, выпивши изъ нея поспышно, падаетъ мерт-
вая на руки донъ-Санха).

ДОНЪ-САНХО И ДОНЪ-ЖАНОЭЛЬ.

Что съ нею?.. Обморокъ?.. Скорѣе помощь!..

Ей дурно...

ДОКТОРЪ НУНЬЭСЪ (объявъ изъ ближней ком-
наты).

Нѣтъ, ей хорошо теперь!..

Она скончалась!..

ГОСТИ (съ ужасомъ).

Боже правосудный!..

НѢКОТОРЫЕ ГОЛОСА.

Какой конецъ!!.. Несчастливая Долорэсъ!..

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Что съ нами будетъ?..

ДОКТОРЪ НУВЪЭСЪ (*презрительно*).

Ничего!!..

Вы мирно разойдетесь по домамъ,
Усталые отъ ужина, заснете;
Дни два еще поговорите тайно
О вечерѣ сегодняшнемъ, о двухъ
Погибшихъ вашихъ жертвахъ, а потомъ
Забудете о нихъ!.. Вы безопасны;
Раскаянье одно могло бы казнить васъ,
Но чтобъ взростить его, какъ горькій плодъ
Постыдныхъ дѣлъ, рѣчей и преступлений,
Нужна душа въ злодѣѣ, нужно сердце,
А гдѣ сердца у васъ?..

КОНХИТА (*бросаясь къ тѣлу Долорэсъ*).

Моя сеньора!..

КАРЛО.

Оставь ее, она теперь спокойна!..

(*поднимаетъ упавшую стеклянку съ ядомъ*).

А вотъ и мнѣ есть чѣмъ купить покой...

(*оборачивается съ бѣшенствомъ къ гостямъ*).

Ступайте прочь, клеветники, убійцы!

Не то, я положу сейчасъ дворець!

И всѣхъ васъ съ нимъ отправлю въ адъ!.. Пусть трезной

По жертвамъ вашимъ будетъ ваша смерть...

Пусть зарево пожара погребальнымъ

Послужитъ факеломъ сеньорѣ нашей!..

Дочь донъ-Жуана!.. Отдохни отъ жизни

Въ объятыхъ тихой смерти!.. Спи спокойно!..

Миръ праху твоему, дочь донъ-Жуана!..

(*Онъ схватываетъ канделябру со стола, всѣ гости разбѣгаются; докторъ и Конхита уносятъ тѣло Долорэсъ къ гробу Алонзо*).

ЛЕКАРЬ.

Н. М. Ковалевскаго.

«Привычка — вторая натура».

I.

Семень Семенычъ, проснувшись, по своему обыкновенію довольно рано, немного потянулся, причемъ ноги его уперлись въ заднюю спинку кровати и извлекли изъ нея скрипъ. Семень Семенычъ привыкъ къ этому скрипу; и еслибы случилось, что кровать какъ-нибудь ошибкою не произвела его, то онъ бы вѣрно на цѣлый день разстроился... Итакъ, онъ уперся ногами въ спинку, а руки приподнялъ надъ головою и потрясъ ими совершенно такимъ образомъ, какъ потрясаютъ актеры въ трагедіяхъ. Это онъ тоже привыкъ дѣлать, любя вообще, чтобы все совершалось одинаково и въ свое время. Какъ лекарь, онъ, можетъ-быть, прописалъ себѣ для этого рецептъ, и каждый день принималъ по порціямъ невкусную микстуру, которую мы, въ простотѣ, называемъ жизнью. Никто не зналъ навѣрное, только всѣ готовы были показать подъ присягою, что Семень Семенычъ никогда не отступалъ отъ однажды заведеннаго порядка, а въ уѣздномъ городѣ всякій можетъ смѣло гово-

рять за другаго, потому-что въ уѣздномъ городѣ всякій знаетъ въ подробности всѣ обстоятельства другаго: знаетъ и то, когда Семень Семенычъ ходитъ въ баню, и яйцомъ ли моетъ онъ себѣ голову или мыломъ, и что происходитъ у него послѣ бани въ спальнѣ; знаетъ даже слова, какими онъ когда-то чистилъ въ сердцахъ своего Ермошку послѣ бани, за какое-то упущеніе въ спальнѣ... короче, все знаетъ— всѣ малѣйшіе оттѣнки характера и привычекъ ближняго. Разумѣется, Семень Семенычъ жилъ въ уѣздномъ городѣ, и жилъ онъ въ немъ со временъ давно— прошедшихъ. Люди, уже значительно полинявшіе отъ времени, помнили, что въ одинъ пренехорошій день (лѣтъ двадцать назадъ), Семень Семенычъ пріѣхалъ въ городъ очень молодымъ чѣловѣкомъ и поселился на казенной квартирѣ. Вѣроятно, къ тому же времени должно отнести и составленіе рецепта; по-крайней-мѣрѣ, съ перваго дня своего пріѣзда, Семень Семенычъ, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, началъ просыпаться довольно рано и упираться ногами въ кровать (можетъ-быть, только не производившую въ то время скрипа). Съ перваго же дня пріѣзда онъ и руками потрясалъ надъ головою трагически, когда просыпался.

— Ермошка! закричалъ Семень Семенычъ, и вошелъ въ спальную крѣпко-поддержанный Ерёмка, съ такою недоумѣвательною миной, какъ будто баринъ звалъ его въ первый разъ въ жизни. Но это было съ его стороны то же родъ обыкновенія, отъ котораго онъ привыкъ не отступать съ давнихъ поръ.

— Который часъ? спросилъ совершенно механически Семень Семенычъ, зная навѣрное, что было 45 минутъ осьмага; потому-что онъ всегда просыпался ровно въ 45 минутъ осьмага.

— Да оно, кажется, должно быть восьмой часъ,— отвѣчалъ Ермошка, все еще не приходя въ себя отъ изумленія.

Семень Семенычъ зѣвнулъ. Онъ любилъ зѣвать, узнавши, что уже пришло время и можно зѣвнуть, не опасаясь разогнать сонъ.

— Чаю!

И Ермошка отправился въ другую комнату—стучать ложечкой и наливать давно кипѣвшій на самоварѣ чай, не позабывъ, однако, спросить сначала: «чего изволите? чаю-съ?» какъ-будто двадцать лѣтъ повторявшееся приказаніе было для него совершенной новостью.

Семень Семенычъ напился чаю въ постели, и хотя самъ признавался, что дѣлалъ это «съ величайшимъ отвращеніемъ»—выпилъ два стакана, по своему обыкновенію. Выпивши два стакана, онъ всталъ и подошелъ къ зеркалу, чтобы пощупать бородавку, сѣвшую очень-давно у него подъ носомъ. Затѣмъ послѣдовало умовеніе членовъ холодною водою, какъ то: рукъ, лица. Семень Семенычъ очень радъ о продолженіи своей молодости. За умовеніемъ послѣшило одѣванье, и Семень Семенычъ, въ темнозеленомъ фракѣ, съ воротникомъ, порыжѣвшимъ отъ времени, прошелъ въ гошпиталь, гдѣ не позабылъ выпустить нѣсколько человекъ больныхъ, имѣвшихъ обычай пациентовъ извѣстнаго Земляники—выздоровливать, подобно мухамъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и соблюденіемъ интереса со стороны начальства. Въ девять часовъ дрожки Семена Семеныча выѣхали изъ воротъ, и каурая лошадь, надъ которою природа немножко подшутила, обсыпавъ ей спину какою-то бѣлою дрянью, повезла лекаря единственною улицею,

называвшеюся главною, потому—что на ней была вывѣска «*партиныхъ делъ мастера Касяна Кривухина*» и подъ золотымъ кренделемъ написано: «*сихъ делъ мастеръ*;» а далѣ качалась вывѣска какого-то «*мужского мастера*». Дрожки, не доѣзжая вывѣсокъ, остановились у дома, котораго фундаментъ и стѣны, казалось, были между собою въ ссорѣ и пятились другъ отъ друга, вовсе не замѣчая того, что образуютъ уголь, тогда—какъ давно принято всеми порядочными домами стоять по одной прямой вертикальной линіи.

Но мы не войдемъ въ странный домъ за Семеномъ Семенычемъ, и не станемъ подсматривать, что онъ тамъ будетъ дѣлать. Мы напередъ все знаемъ и ручаемся, что сегодня онъ будетъ поступать также, какъ поступаетъ каждый день, втеченіе двадцати лѣтъ сряду. Семень Семенычъ, просидѣвши 30 минутъ, и перещупавъ у всехъ пульсы—у больныхъ и у здоровыхъ—опять сядетъ на дрожки и поѣдетъ въ другой домъ—тоже не безъ странностей—длинный, но такой низкій, что Семень Семенычъ каждый день боится набить себѣ на головѣ шишку, влѣзая въ двери, и хоть никогда не набиваетъ шишки, но все-таки боится и никогда не забываетъ бояться. Въ этомъ домѣ со странностями онъ напьется кофею, въ кругу одиннадцати барышень—невѣсть отъ 25 до 40 лѣтъ включительно. А отсюда поѣдетъ еще къ какой-то больной помѣщицѣ, у которой два среднія окошка въ домѣ наклонились другъ къ другу, какъ-будто о чемъ-то сплетничаютъ ... И до двѣнадцати часовъ, дрожки, съ неизмѣннымъ соблюденіемъ вездѣ положенныхъ минутъ, совершаютъ путешествіе съ одного конца города (улицы тожъ) до другаго. Въ двѣнадцать часовъ, онъ высадытъ Семена Семеныча у дома съ колоннами, полулишенными штукатурки, отчего проглядываетъ

ихъ деревянная клѣть, очень похожая на канву для вышиванья. Надъ канвою, кривляющіяся золотыя буквы мелко гласятъ «Apotheke» и гораздо крупнѣе «Аптека». Семень Семенычъ отобѣдаетъ у аптекаря. Отобѣдавъ у аптекаря, Семень Семенычъ сядетъ опять на дрожки, разбудить кучера Игната, который всегда успѣваетъ заснуть на козлахъ, воткнувши очень искусно голову въ свои колѣна; кучерь разбудить лошадь,—и Семень Семенычъ благополучно достигнетъ своей квартиры, даже кровати, гдѣ уже ждетъ его, до шести часовъ вечера, порція крѣпкаго сна, съ нестерпимо-оглушительнымъ храпѣньемъ. Проснувшись въ шесть часовъ, Семень Семенычъ накушается чаю, и опять та же осмѣянная природою лошадка повезетъ его въ одинъ изъ утреннихъ домовъ, зная напередъ, передъ которымъ слѣдуетъ остановиться. Дома не просидитъ вечера Семень Семенычъ—этого онъ не любитъ, или, лучше сказать, этого онъ не привыкъ любить. Въ гостяхъ, Семень Семенычъ сядетъ за преферансъ, взявши сначала кончиками пальцевъ одну изъ подносимыхъ картъ и пощупавши потомъ сукно на столѣ—неизвѣстно по какой причинѣ: вѣроятно по привычкѣ постоянно шупать пульсы. Онъ постоянно проигрываетъ, къ своему постоянному удивленію, нѣсколько копеекъ серебромъ, которыя переводитъ постоянно на ассигнаціи, и тотчасъ послѣ ужина уѣзжаетъ домой. Приѣхавши домой, Семень Семенычъ, однакожь, не прямо отдается въ распоряженіе своего пріятели Морфея; но раздѣвшись, читаетъ постоянно одинъ какой-то журналъ, положивъ себѣ за правило прочитывать непременно по четыре страницы въ вечеръ. Отъ этого книжки журнала достаетъ ему очень надолго и нерѣдко январскія новости доставляютъ пищу его любопытству въ исходѣ мая. При послѣднихъ стро-

какъ четвертой страницы, полузакрытыя чтеніемъ глаза закрываются совершенно; свѣча гасится кое-какъ ощупью и вслѣдъ затѣмъ минутный скрипъ кровати покрывается знакомымъ ей двадцать лѣтъ храпѣніемъ—до знакомаго читателю утра.

II.

Такимъ-образомъ протекла безпорочная служба-жизнь лекаря, украшенная наградами и уваженіемъ цѣлаго города или улицы, и протекла бы она до самаго гроба, какъ вода въ тихой канавѣ, не подверженной вѣтрамъ, еслибы человѣку не было суждено испытать хоть нѣсколько толчковъ, трясаясь проселками этого длиннаго пути, называемаго жизненнымъ.

Въ томъ самомъ домикѣ, съ фундаментомъ и стѣнами, такъ странно неладившими между собою, жила маленькая старушка, совершенно похожая на клубокъ пряжи, которую вѣчно разматывала, и катившаяся какъ клубокъ, когда ходила. Рассказывали однакожь, — а это довольно вѣроятно, — что старушка была когда-то молода и даже (что гораздо невѣроятнѣе) имѣла возможность вести жизнь довольно пріятную, и принимая гостей, по большей части изъ молодежи, къ совершенному ущербу жалованья своего покойнаго мужа, очень кстати догадавшагося умереть заблаговременно. Прасковья Кононовна, сокращенная мѣстнымъ произвошеніемъ въ простую Прасковь-Конну, зажила, говорятъ, послѣ этого событія гораздо лучше, поставивъ въ совершенный тупикъ все догадливыя головы, которыя отказались рѣшить: откуда посѣтила благодать неутѣшную вдовицу? Говорили разное—всякій свое;

большинство, однакожь, остановилось на родственной пріязни городничаго—лихаго усача, служившаго когда-то въ кавалерійскомъ полку и знавшаго тогда еще наизусть «Людмилу» Жуковскаго. Рассказывали, что онъ какъ-то особенно направилъ съ нѣкотораго времени свою неусыпную бдительность на ту часть улицы, гдѣ жила Прасковь-Конна и даже украсилъ городъ фонаремъ, прибитымъ у самага дома Прасковь-Конны. Онъ нашелъ, что освѣщеніе тутъ было совсѣмъ плохое, хоть можно было замѣтить тоже самое и о прочихъ частяхъ города.

Но все это одни только слухи... а дѣло въ томъ, что мужъ, не оставивши по себѣ рѣшительно ничего въ наличности, ни даже въ видѣ задатка, — обрадованъ былъ явленіемъ на свѣтъ премилаго созданія, которымъ разрѣшилась Прасковь-Конна... Городничій, почтая вдову, подарилъ штуку самой лучшей матеріи, только-что привезенной съ ярмарки, на зубокъ Людмилѣ. Дитя было названо Людмиллой, въ угоду воспріемнику и въ честь Людмиллы Жуковскаго. А матерія, вмѣсто зубка, очутилась, какъ водится, на цѣлой Прасковь-Коннѣ, превратясь въ парадный капоть для пріема гостей.

Разумѣется, Милочка выросла; разумѣется, Милочка была прехорошенькая. И въ шестнадцать лѣтъ, темные ея глазки горѣли такъ заманчиво, что всѣ наши въ ней рѣшительное сходство съ прежнею Прасковь-Конною, хоть никто не заикнулся сказать о чертахъ ея подобія съ папенькой. Милочка носила холстинковое платье и бѣлую пелеринку, которая, приподнявшись иногда, нечаянно показывала круглившіяся плечики, способныя погубить человѣка, по выраженію какого-то автора. Каштановые волосы ея были всегда гладко причесаны гребеночками на

вискахъ , въ видѣ колець. Милочка была веселенькое , милое созданыще , богатое всѣми уѣздными прелестями здоровья и кокетства... Вотъ почему , лѣтъ за десять до описаннаго пробужденія Семена Семеныча , знакомая намъ лошадка лекаря заставалась дольше у воротъ домика , котораго фундаментъ только-что начиналъ еще вздорить со стѣнами , угрожая со временемъ нарушить прямолинейность зданія. Лѣтъ десять назадъ , Семень Семенычъ былъ , естественно , гораздо моложе и потому самому , можетъ-быть , кровь его позволяла себѣ говорить иногда гораздо громче. Семень Семенычъ , привыкшій каждый день шупать пульсъ , еще у шестилѣтняго ребенка Милы , какъ-то нечаянно замѣтилъ вдругъ , что пульсъ шестнадцати-лѣтней Людмилы Ивановны бьется совершенно иначе... Съ этого же утра онъ почувствовалъ , что и собственный пульсъ его принималъ какое-то особенное , не совсѣмъ ровное бѣненіе , когда кончики его пальцевъ дотрогивались до гладкой , горячей ея руки. Онъ даже увидѣлъ въ первый разъ необходимость — долѣе испытывать состояніе этого пульса , хотъ онъ оказывался обыкновенно совершенно-здоровымъ.

И вдругъ у Семена Семеныча замотался около шеи какой-то цвѣтной галстухъ и прическа на головѣ понесла слѣды нѣкотораго рода обдуманности. Борода его начала чаще чувствовать непріятное прикосновеніе бритвы и сѣоблилась помимо принятыхъ дней. А Ермошка , къ неописанному своему недоумѣнію , принужденъ былъ иногда чистить совершенно не то платье , какое обыкновенно чистилось прежде , въ извѣстные сроки. Все шло по иному... И , можетъ-быть , эта-то тревожная эпоха въ жизни Семена Семеныча и размотала его кровать въ часы , или , по-крайней-мѣрѣ , по-

лучасы, бессонницы и безпокойнаго ворочанья лекаря послѣ обѣда и послѣ ужина.

Пять лѣтъ Семень Семенычъ надѣвалъ цвѣтной галстухъ, обдумывалъ прическу и останавливался у домика, котораго фундаментъ между-тѣмъ всё болѣе и болѣе вдавался въ войну со стѣнами; пять лѣтъ замираніе пульса не утихало у Семена Семеныча, какъ только кончики его пальцевъ приступали къ испытанію горячаго пульса Милочки, и пять лѣтъ Семень Семенычъ полагалъ себѣ всякое утро непременно, сдѣлать рѣшительное предложеніе — и пять лѣтъ останавливался на однихъ намекахъ... Наконецъ, продумавши и проворочавшись цѣлую ночь на кровати, которая къ утру скрылась просто неприлично, — лекаръ рѣшилъ, что ему до-зарѣза нужно Милочку.

Но и тутъ представилась еще остановка: надо было предварительно испросить благословеніе у стариковъ своихъ, жившихъ гдѣ-то въ деревнѣ, за тридевять-земель, за цѣлымъ лабиринтомъ проселочныхъ дорогъ. Хоть человѣку его лѣтъ можно бы, повидимому, обойтись и безъ этого, или уже испросить письменно такого родительскаго вѣвки нерушимаго благословенія, но Семень Семенычъ видѣлъ одну только возможность — кинуться въ лабиринтъ проселкомъ со своею бричкой, съ Ермошкой и съ собственною своею персоной... Воспитанъ онъ былъ такъ, что въ сорокъ лѣтъ, онъ не успѣлъ еще привыкнуть считать себя взрослымъ человѣкомъ. До четырнадцати лѣтъ, онъ выросталъ въ сѣренькой дереушкѣ больного отца и полуглухой матери, и выросъ между няньками и разнаго домашняго издѣлія лакомствами, вареными на меду, отчего у него болѣлъ нерѣдко животъ. Четырнадцать лѣтъ его отвезли въ городъ — въ гимназію; тутъ онъ сильно ревѣлъ и за нимъ го-

лосила старуха-мать и вся обшарканная дворня. На двадцать-первомъ году, Семень Семенычъ попалъ какъ-то въ университетъ и очутился почему-то въ медицинскомъ факультетѣ. Неизвѣстно, съ какою пользою, только онъ прошелъ всѣ свои назначенные курсы, причемъ не преминулъ отличиться большою скромностью и какою-то вовсе несвойственною студентамъ аккуратностью. Каждый каникулы и годовые праздники онъ ѣздилъ къ «дражайшимъ родителямъ», получая отъ нихъ въ остальное время масло и куръ, иногда носки матушкиной работы, которая за то получала письма, исполненныя сыновнихъ чувствъ... Наконецъ волею начальства (потому-что онъ былъ воспитанъ на казенный счетъ) препровожденъ Семень Семенычъ въ знакомый намъ уѣздный городъ — на мѣсто уѣзднаго лекаря. Родители крѣпко перекрестили Сеню, да заказали ему еще крѣпче не забывать стариковъ и всегда слушаться и спрашиваться во всемъ; положили на телѣжку тощій чемоданъ да узелокъ съ жаренымъ каплуномъ въ дорогу. Старый баринъ погрозилъ Ермошкѣ, приказавъ «не грубить молодому барину да не обкрадывать его, не таскать сахару» — причемъ Ермошкѣ удалось сдѣлать такую глупую мину, какой послѣ во всю жизнь даже онъ не дѣлалъ. Такимъ-образомъ Семень Семенычъ уѣхалъ. Старики долго еще махали съ крыльца платками; наконецъ и все пропало. Осталась одна дорога позади, да дичь кругомъ, да Ермошка передъ носомъ, осматривающійся во всѣ стороны съ недоумѣніемъ.

И вотъ, спустя десять слишкомъ лѣтъ, Семень Семенычъ опять подѣзжалъ къ убогой деревушкѣ, но уже не хилый, а исполненный самой здоровой толстоты, чемоданъ былъ привязанъ позади его довольно-покойной брички. И опять увидѣлъ Семень Семенычъ

сильно пошатнувшійся домикъ и окривѣвшее то самое крыльцо, съ котораго ему—такъ еще кажется—недавно махали старики платками... И лекаръ какъ-будто разшевелился и сталъ ближе къ прежнему дѣйствительному студенту. Онъ выѣзъ до половины изъ брички и привялся разсматривать еще не позабытыя мѣста. Садикъ за домомъ разросся и превратился въ густой, совершенный садъ; забора не было уже видно сквозь зеленую его густоту; голубятня прилегла маленько на бокъ; кладовая, сарай и все остальное строеніе просило себѣ тоже покоя, утомясь, повидимому, такъ долго стоять на свѣтѣ. Семень Семенычъ въѣхалъ на широкій дворъ, въ которомъ и дорога къ крыльцу уже заросла травой, и надо было объѣзжать костерь дровъ, помѣстившійся тутъ совершенно произвольно... Сердце нашего лекаря забилося не такъ ровно; пульсъ измѣнился, и онъ, просто, не понималъ, что такое съ нимъ дѣлается? Онъ готовъ былъ разомъ и смѣяться и плакать, видя все окружающее... По привычкѣ находить истолкованіе всякаго рода припадкамъ, Семень Семенычъ попробовалъ было поискать причину и латинское названіе новому состоянію своего организма, но ничего удовлетворительнаго не отыскалъ... Семень Семенычъ не зналъ, что ощущенія такого рода, просто—неизбѣжная собственность всѣхъ, и что каждому, хоть на одну минуту, суждено въ жизни перестать быть Семениемъ Семенычемъ...

III.

Въ уѣздномъ городкѣ между-тѣмъ случились переломы необыкновенные. На другой день по отъѣз-

дѣ лекаря, жители города увидѣли офицера съ усами и съ краснымъ воротникомъ, замелькавшего по улицѣ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера; а послѣ прогулки этихъ гостей на воротахъ всѣхъ домовъ явились какіе-то странные іероглифы, начертанные мѣломъ. Все это означало: прійдетъ-де на стоянку пѣхотный полкъ въ городъ, — и офицеръ, безъ всякихъ іероглифовъ, просто квартиргеръ. Мѣщане засуетились, мѣщанки округлили свои талии, до-тѣхъ-поръ похожія на распущенные мѣшки. Дворянки и чиновницы — словомъ, аристократическая половина городского населенія, — зашнуровались до дурноты, переругавшись кстати съ одѣвавшими ихъ дѣвками... Погребщикъ Пузиковъ — авторитетъ въ городѣ — слилъ всѣ остатки винъ въ одинъ боченокъ и объявилъ на эту виноградную амальгаму цѣну, по его увѣренію, безобидную, но на самомъ дѣлѣ неслыханную. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ начали выбираться въ свои берлоги, перепуганные предстоящею дороговизной городской жизни...

Скоро заходили по улицамъ солдаты, снимая безпрестанно фуражки и неся ихъ въ лѣвой рукѣ. Офицеры, высунувшись изъ оконъ, курили трубки, поглядывая на проходившихъ мимо горожанокъ.

Не прошло недѣли, какъ все прикочевавшее воинство перезнакомилось съ цѣлымъ городомъ. Даже въ тихомъ домикѣ Прасковъ-Конны закраснѣли воротники, заблестѣли эполеты: Марсъ посѣтилъ мирное убѣжище Психей. Психея-Милочка, по мифологіи уѣзда, сначала было испугалась отчаянной свѣтскости кочующаго рыцарства; но послѣ очень скоро смекнула, что не вѣкъ же въ самомъ дѣлѣ дожидаться Семена Семеныча; что есть почище Семена Семеныча (въ чемъ она прежде сомнѣвалась); что Семень Се-

менячъ, просто, *лекаршика* и ему только бы людей морить... и кончила тѣмъ, что его, по настоящему, даже неприлично брать за руку, потому-что онъ въ ней держалъ всякую нечистоту... А офицеры все будутъ майорами и ихъ занятіе благородное...

И вотъ, Семень Семенычъ (бѣдный Семень Семенычъ!), возвратившись черезъ два мѣсяца съ благословеніемъ и даже съ бричкою, наполненною подарками для невѣсты, странно былъ пораженъ, когда въ передней у Прасковъ-Конны увидѣлъ шинель съ краснымъ воротникомъ и узналъ, что она не принадлежала городничему, а была достояніемъ какого-то поручика.

— Шинель фицерская, батюшка! объясняла Маришка, у которой ноги были необыкновенно толсты. — Фицеры, вишь ты, пришли въ городъ, батюшка... Такъ значить ихнія шинели все такія, не одну, Семень Семенычъ, приходилось снимать-то... Здѣсь она махнула рукой, то же замѣчательно-плотною и голою по локоть.

Семень Семенычъ уже не слушалъ и шелъ въ залу. Но тутъ онъ потерялся совершенно, когда рядомъ съ Милочкой увидѣлъ поручика съ усами, который, по видимому, былъ очень доволенъ собою. Онъ замѣтилъ даже, что Милочка переглянулась съ поручикомъ насмѣшливо, когда лекарь, по обыкновенію людей своего званія, поклонился довольно неловко, то есть такъ, какъ будто кто-нибудь, подойдя сзади, толкнулъ его въ спину. Сама Прасковъ-Конна довольно равнодушно протянула ему руку, которую онъ, однакожь, не приминувъ освидѣтельствовать со стороны пульса; а когда, передъ ужиномъ, онъ заговорилъ было съ нею о причинѣ своей отлучки изъ уѣзда, то она притворилась совершенно глухой и принялась

его спрашивать о какой-то ярмаркѣ, хоть Семень Семенычъ ни на какой ярмаркѣ не былъ. Поручикъ во весь ужинъ не переставалъ угождать то Милочкѣ, наливая ей воду въ стаканъ, то самой Прасковь-Коннѣ, крича съ нею во все горло о ярмаркахъ.

Семень Семенычъ воротился домой, мучимый страшнымъ недоумѣніемъ и даже чѣмъ-то въ родѣ почти оскорбленнаго самолюбія. Ермошка совершенно изумился, когда баринъ легъ спать, не захотѣвши потерять членовъ холодною водою, которую оттолкнулъ довольно рѣзко, и даже не прочитавши ни одной страницы журнала, читаемаго съ апрѣля мѣсяца (а дѣло подходило къ октябрю). На другое утро, и лошадка, и кучеръ были поражены гораздо болѣе, когда Семень Семенычъ велѣлъ ѣхать мимо дома со сквернымъ фундаментомъ и остановиться прямо у длиннаго низкаго дома. Здѣсь-то ему предстояло узнать отъ одиннадцати барышень-невѣстъ, отъ 25 до 40 лѣтъ включительно, всю подноготную; потому-что одиннадцать барышень-невѣстъ, отъ 25 до 40 лѣтъ включительно,—не могутъ не знать всего, что бы ни дѣлалось на свѣтѣ. Дѣйствительно, хоръ женщинъ, какъ это бываетъ нерѣдко въ операхъ, объявилъ Семену Семенычу, что Милочка и помолвлена за поручика, и даже чуть ли уже и не болѣе; что это, впрочемъ, не удивительно; что Милочка вѣшалась на шею всякому мужчинѣ—это всѣмъ извѣстно. А онѣ не такія, и потому только не выходятъ замужъ, что не хотятъ прослыть такими, и лучше онѣ всю свою молодость погубятъ въ дѣвкахъ, только уже не прослывутъ такими и ни за-что не повѣсятъ никому на шею... Хоръ былъ длинный, точно какъ въ Нормѣ. Кофе, приправленный подобнымъ хоромъ, не могъ не показаться лекарю хуже самой скверной микстуры. Когда онъ подѣ-

ѣзжалъ къ аптекарю, то орель на аптекъ ему показался поручикомъ, и солдатъ на улицѣ, шедшій безъ фуражки, напоминалъ ему о поручикѣ; за столомъ у аптекаря, даже какое-то блюдо подъ хрѣномъ намекнуло ему все о томъ же ненавистномъ поручикѣ. После обѣда, Семень Семенычъ успѣлъ кое-какъ заснуть, но и тутъ ему приснился поручикъ, въ той самой рамкѣ, въ которой висѣлъ противъ его кровати портретъ Тальони. Стаканъ, съ перехватомъ посерединѣ, изъ котораго Семень Семенычъ пилъ чай, тоже чрезвычайно походилъ на поручика...

Семень Семенычъ началъ скучать. Первый разъ онъ провелъ вечеръ дома и въ первый разъ ему показалось, что жизнь его какъ-будто пуста и ему недостаетъ чего-то... Онъ принялся поговаривать даже, что поѣдетъ въ Петербургъ, что ему беречь деньги не для чего и что онъ хочетъ пожить. Но натуры Семеновъ Семенычей падаютъ передъ малѣйшей перемѣной, не зная надъ собою другой власти, кромѣ деспотіи привычки; она замѣняетъ у нихъ всѣ душевныя привязанности, и только подъ ея желѣзный глухой звукъ умѣетъ стучать ихъ сердце... Семень Семенычъ черезъ мѣсяцъ уже вошелъ въ свои привычныя границы—и жизнь его потекла своею тихою канавой, неподверженною вѣтрамъ. Лошадка съ бѣлою спиною, къ великой своей радости, могла опять останавливаться у домика, хозяйкой котораго сдѣлалась Людмила Ивановна—поручица: и останавливалась бы, можетъ-быть, еще долго, еслибы однажды, пока Семень Семенычъ кушалъ у аптекаря, а Игнатъ, по обыкновенію своему, спалъ, заткнувши голову въ колѣна, ей не пришла охота сложить на покой свои старыя ноги. Покойницу смѣнила другая лошадь, уже безъ снѣгу на спинѣ, подкидывавшая довольно странно заднія ноги, когда

принималась бѣжать послѣ продолжительнаго отдыха у поручичьяго дома. Ермошка опять ставилъ холодную воду въ спальнѣ; апрѣльская книжка журнала дѣятельно дочитывалась къ серединѣ ноября... И такимъ-образомъ прошелъ весь остатокъ жизни лекаря, во всемъ похожій на свою первую половину. И легла какимъ-то пробѣломъ эта жизнь лекаря на общей страницѣ жизней!.. Когда болѣзни взяли свое и смерть уже грозила разрушить порядокъ этого покойнаго тѣла, Семень Семенычъ радовался, что не нарушилъ около себя порядка, женившись. Одна Милочка жалѣла объ этомъ крѣпко, да жалѣла также Прасковья Ковна, которую, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, выгналъ изъ ея собственнаго дома зять, не упутившій выйти въ отставку и обзавестись демикотоновыми шароварами, шириной въ главную улицу уѣзднаго города.

ДОМОГИЛЬНАЯ ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОДИСТКИ.

В. В. ТОЛБИНА.

Отнимите у человѣка воспоминанія, что́ будетъ жизнь его? часто думала я, то сидя въ магазинѣ дежурною, — разряженная, какъ кукла, въ свою и чужую собственность, затянутая, причесанная, въ тирбушонкахъ и распомаженная, по приказанію мадамы, чтобы показывать посѣтителѣмъ весь товаръ лицомъ, — то возвращаясь домой съ прогулокъ по островамъ, съ танцевальныхъ вечеровъ и маскерадовъ. Я была вправѣ такъ думать. Вѣдь съ каждымъ человѣкомъ случается въ жизни что-нибудь особенное, чего не случается съ другимъ. Каждый что-нибудь испыталъ, чувствовалъ, радовался и грустилъ иначе. Во всякомъ состояніи, во всякомъ быту есть свои особенности. Я долго думала, какъ-бы передать другимъ, такимъ же модисткамъ, какъ я, достовѣрныя сказанія о всемъ, что я испытала, но боялась, полагая долгое время, что писать записки дозволено лишь однимъ замѣчательнымъ людямъ, какъ наприимѣръ герцогинѣ д'Абрантесъ, Жилблазу, Видоку

и актрисамъ; но я прочла недавно записки какого-то камердинера, переведенные даже на русскій языкъ и рѣшилась. Чѣмъ, спрашиваю, модистка хуже лакея, и развѣ ея жизнь

не можетъ обратить на себя хоть чьего-нибудь вниманія? Воля ваша — ничѣмъ! Съ чего только начать мнѣ? съ какой поры, съ какого чувства, съ какого произшествія? Начну съ той достопамятной минуты, въ которую рѣшилась окончательно моя будущность и я, изъ простой крестьянской дѣвочки, босоногой, грязной и

вѣчно-покрытой синяками, должна была преобразиться волею барыни въ петербургскую модистку. Это счастливое, или несчастное (не знаю какъ сказать), обстоятельство произошло по слѣдующему очень обыкновенному случаю. Впрочемъ, нѣтъ! Лучше я расскажу моимъ подругамъ всю жизнь мою, горемычную съ самого начала до настоящей минуты, не смотря на то, что и теперь вспоминаю о Петербургѣ, какъ о какомъ-то пріятномъ снѣ.

Я родилась въ селѣ Гнилушкахъ. Кто былъ мой отецъ — могла знать только мать моя, умершая тотчасъ послѣ моего рожденія. Родныхъ не было у меня никого; я выросла въ семьѣ совершенно чужой, призрачной, ради Божьяго имени, въ толпѣ однихъ мальчиковъ, и потому, чуть-ли не до самыхъ тѣхъ поръ, покуда барыня взяла меня въ дворовыя дѣвочки, я совершенно не знала, какого я пола. Я дралась на кулачки, лазила на деревья за вороньими и галочьими гнѣздами, крада горохъ, переплывая для этого рѣчку, играла въ бабки и въ чехарду, ѣздила верхомъ на гругихъ мальчишкахъ, точно также, какъ и они на

миѣ ѣздили, и говорила всегда не иначе какъ: «Я былъ, я купался, я игралъ въ бабки, я разбилъ тому-то зубы». Ругаться также я нисколько не чуждалась. Женскаго стыда во миѣ нисколько не было, потому-что за мною никто не смотрѣлъ и никто обо миѣ не заботился, хоть впрочемъ колотушекъ и доставалось миѣ на долю не мало отъ всѣхъ, не исключая моихъ названныхъ благодѣтелей, царство имъ небесное. Такъ жила я до одного зимняго дня, въ который всѣ ожидали барыню, еще никогда не бывшую въ нашей деревнѣ. Какъ теперь помню, въ самое Рождество, когда однажды, запряженная на пристяжку, везла я сани съ моимъ названнымъ братомъ Ермилкой, который брыкалъ меня, представляя горячаго коренника, такъ часто и такъ больно, что я, просто, выла, а между-тѣмъ все-таки везла и должна была гнуть голову, потому-что сзади меня сильно подстегивали кнутомъ, а съ боковъ летѣли въ грудь, плеча и голову крупные комки снѣгу отъ постороннихъ бѣжавшихъ мальчишекъ. Показавшаяся изъ-за поворота карета и громкій крикъ: «Пади, пади, лѣшій-бы васъ дралъ!» приостановилъ нашъ поѣздъ.

— Барыня, барыня! раздался вслѣдъ за этимъ возгласъ, и всѣ мои товарищи разсыпались, кто куда, и даже Ермилка. Вся перепутанная веревками, я осталась одна посрединѣ дороги, запуталась и упала. Положеніе мое было самое невыгодное, не картинное и длинный кнутъ разсерженнаго кучера провелъ самую ловко-принаровленную полосу по моему огрубѣлому тѣлу. Я вскрикнула отчаяннымъ голосомъ и вѣроятно такъ-же отчаянно дрягнула ногами, потому что наша барыня вскрикнула въ свою очередь:

— Стой, стой, что ты это дѣлаешь, разбойникъ! Вѣдь ты этакъ убьешь ребенка!

— Ничего, встанетъ, не барская кожа! отвѣчалъ на это кучеръ и приударилъ было по лошадямъ, но барыня вторично приказала ему остановиться. Я все еще лежала, уткнувшись лицомъ въ снѣжный сугробъ, выла и сильно

почесывала открытую вѣтромъ и паденіемъ спину. Добрая барыня вышла изъ кареты и приказала приподнять меня. На всѣ ея распросы, я отвѣчала только плачемъ, нисколько не понимая, что предо мною стояла та, отъ которой зависѣли и все мое благо и всѣ мои невзгоды. Наконецъ я немного успокоилась и могла уже понять, какъ мнѣ слѣдовало поступать. Я отвѣчала удовлетворительно на всѣ вопросы, съ приличнымъ покорнымъ видомъ, потупивъ голову, ковыряя въ носу и почесываясь.

По моей косичкѣ, похожей на крысій хвостъ, она только и могла догадаться, что я дѣвочка, пока не спросила, какъ меня зовутъ и не узнала, что я называюсь Хавроньей. Болѣе всего тѣшили ее, кажется, мои отвѣты совершенно мужскіе.

Барыня поминутно улыбалась и повторяла:

— Какъ? какъ, моя милая?

Меня приказано было посадить на козлы и я величественно подѣхала къ самому крыльцу барскаго дома, горделиво и самодовольно посматривая на крестьянъ, которые, стоя на дорогѣ безъ шапокъ, кланялись въ поясъ. Въ ту минуту я была такъ счастлива, какъ будто весь этотъ почетъ относился прямо ко мнѣ. Меня приказано было умыть, причесать и поскорѣе одѣть и обуть, какъ слѣдуетъ. Я помню, съ какимъ восторгомъ осматривала я свое затрапезное толстое платье, любуясь его шумомъ, и какъ поминутно приподнимала одну ногу за другую, чтобы полюбоваться башмаками, первыми еще съ самого дня моего рожденія. Такое неожиданное счастье не обошлось правда безъ новыхъ огорченій. Не знаю почему, мое новое положеніе возбудило общую зависть и чуть-только оставалась я одна съ дворовыми, какъ на меня сыпались насмѣшки, проклятія и побои. Меня упрекали всѣмъ, начиная съ моего темнаго происхожденія, и я, не смотря на все вниманіе ко мнѣ барыни, не смѣла жаловаться. Счастье мое продолжалось впрочемъ недолго. Лишь только выучилась я говорить, какъ слѣдуетъ дѣвочкѣ, мои мальчишескіе хватки начали смягчаться, барыня стала смѣяться рѣже-и-рѣже; потомъ начала звать въ моемъ присутствіи и наконецъ совершенно перестала звать къ себѣ въ комнаты. Съ моимъ преобразованіемъ я потеряла

для нея всю прелесть оригинальности; она не называла меня уже ни Аталой, ни Робинзоновой Пятницей, а просто-запросто стала кликать, какъ и всѣ другіе, Хаврошкой. Потомъ ей наскучила также и деревня и она уѣхала въ Петербургъ. Почти ровно черезъ годъ, пришло отъ нея приказаніе, и въ одно прекрасное утро обозъ, наваленный разною живностію, гусями, курами, утками и индѣйками, двинулся изъ нашего села, вмѣстѣ со мною, сидѣвшею на самой верхушкѣ, въ нагольномъ тулупѣ. Пѣлую дорогу я предавалась самымъ отраднымъ мечтамъ. Не знаю почему, мнѣ вообразилось, будто барыня соскучилась безъ меня и требуетъ къ себѣ, для того, чтобы, какъ говорится, озолотить. Всѣ эти предположенія оказались напрасными. По приѣздѣ въ Петербургъ, барыня не пожелала даже меня и видѣть. Ее въ это время занималъ вполне сѣрый попугай, котораго она сама образовывала и учила говорить, когда оставалась дома. Я же находилась въ кухнѣ, прохаживаясь днемъ изъ угла въ уголъ, а ночью укладываясь спать на чемъ попало, подостлавъ подъ себя дорожный нагольный тулупъ и подложивъ подъ голову то, что кидали мнѣ изъ состраданія къ молодости и сиротству, или поварь, или судомойка. Прошло мѣсяца съ два, покуда рѣшилась моя участь и я оставалась въ совершенномъ невѣденіи, что со мной хотятъ дѣлать. Напрасно спрашивала я и у повора, и у лакѣевъ, и у горничныхъ:

— Дяденька, тѣтенька зачѣмъ меня привезли? Мнѣ отвѣчали одними насмѣшками.

То говорили мнѣ:

— Тебя хотятъ выдать замужъ за Китайскаго принца; то увѣряли, что на Святой недѣлѣ будутъ меня показывать въ балаганахъ, то стращали, что меня привезли на расклеваніе попугаю. Глупая, забитая, запуганная съ самого младенчества деревенская дѣвочка, я всему вѣрила и плакала бывало по цѣлымъ часамъ. Мнѣ было скучно невыносимо и единственнымъ моимъ развлеченіемъ было выходить на улицу и всматриваться въ ѣдущихъ и проходящихъ. Все дивило меня и заставляло выпаливать глаза: и лица, и одежды, и звуки неизвѣстныхъ мнѣ словъ, пока рука котораго нибудь изъ нашихъ лакеевъ не хватала

меня за косичку или за ухо и не поворачивала съ замѣчаніемъ:

— Что ты тутъ прохлаждаешься, сиволапая? Пошла поскорѣй въ кухню!

Я уходила, чувствуя только досаду, но не боль, довольная тѣмъ, что насмотрѣлась на многое новое и диковинное. Болѣе всего желалось мнѣ посмотрѣть на нѣмцевъ, на французовъ и англичанъ, о которыхъ часто слыхала и вмѣстѣ съ прочими, бывши еще въ деревнѣ, отъ стараго отставнаго солдата Михеича. Не знаю почему, я воображала ихъ совершенно другими людьми, не похожими на насъ, и вотъ наконецъ представился этому случай. Однажды, въ именины нашего повара, жена его велѣла мнѣ накинуть шубѣнку, дала въ руки два двугривенныхъ и приказала идти въ штофную лавку купить водки.

— Гдѣ же это, тетинька? спросила я.

— Какъ выдешь изъ воротъ, сейчасъ направо, а потомъ налево, вотъ тутъ и будетъ.

— Направо? повторила я.

— Ну да, глуха что-ли?

Я принялась хныкать; какая была правая рука, какая лѣвая, я не знала. Меня спросили о причинѣ слезъ, дали двѣ затреушину и съ прибавленіемъ, что языкъ доведетъ и до Кіева, выпроводили въ дверь. Последнія слова, которыя долетѣли до меня, были:

— Разбей, разбей только, смотри, такъ лучше ужъ и не приходи, до полусмерти заколочу, слышишь?

Я очень хорошо слышала и бережно сжимая въ объятіяхъ пустой данный мнѣ штофъ, дошла наконецъ, благодаря ежеминутнымъ вопросамъ, до мѣста своего назначенія и съ точностію, акуратно, выполнила возложенную на меня комиссію. Радостно возвращалась я домой, обнимая на груди заповѣдную влагу. Безъ всякихъ приключеній приблизилась я уже почти къ самымъ нашимъ воротамъ, какъ вдругъ взглядъ мой упалъ нечаянно на противоположный тротуаръ. На немъ стояла группа людей, насколько не похожая на всѣхъ тѣхъ, которыхъ удавалось мнѣ видѣть до-сихъ-поръ. Женщины были въ какихъ-то

странныхъ повязкахъ, на груди у нихъ блестяли металлическія бляхи; у мужчины волосы развивались, какъ у нашего дьячка, курточка его походила на курточку нашего Михеича.

— Петербургскіе мужики, подумала я съ перваго разу и вдругъ потомъ вскрикнула:

— Нѣтъ, должно быть нѣмцы! и тутъ же спросила у проходившаго водовоза:

— Дяденька, дяденька, кто это такіе?

— Маймисты, отвѣчалъ мнѣ водовозъ.

Я вскрикнула отъ радости и въ нѣсколько прыжковъ была уже на другомъ тротуарѣ. Разинувъ ротъ, загнувъ голову на спину, остановилась я передъ разговаривавшими чухонцами, жадно прислушиваясь къ ихъ непонятнымъ словамъ и думала:

— Каково! съ лица точно такіе же, какъ и всѣ мы грѣшныя, только понять ихъ нельзя.

Чухонцы разошлись, а я все еще стояла и смотрѣла имъ вслѣдъ. Начинало уже темнѣть, и вдругъ мое сосредото-

ченное вниманіе было прервано самымъ неожиданнымъ приключеніемъ. Кто-то вырвалъ у меня штофъ и прежде, чѣмъ я успѣла опомниться и вскрикнуть отъ испуга и отчаянія, пронзительнымъ голосомъ, скрылся за угломъ ближняго переулка. Я упала на колѣна и голосила изо всѣхъ силъ. Не прошло минуты, меня окружила толпа и росла постепенно. Меня всѣ спрашивали, но вмѣсто утѣшенія и какихъ-нибудь совѣтовъ, раздавались только насмѣшливыя восклицанія и самый чистосердечный, веселый смѣхъ. Не понимаю, что смѣшнаго могутъ находить люди въ человѣческомъ несчастіи и въ оплошности, отъ которой должны произойти непріятныя послѣдствія. Рѣшительно до-сихъ-поръ не понимаю. Въ ушахъ моихъ раздавалось грозное предостереженіе жены повара. Меня пугала мысль: какъ я вернусь безо всего? Желая отдалить ожидавшую меня грозу, я безсознательно начала бродить по улицамъ: было уже темно и я заблудилась.

Вопли мои опять собрали толпу. Меня спрашивали: гдѣ я живу? Я только твердила:

— Не знаю!

Я могла только уловлительно отвѣчать о своемъ собственномъ имени и объ имени и фамиліи моей барыни, о существованіи которой, какъ оказывалось, никто даже и не подозрѣвалъ изъ петербургскихъ жителей. Два дня провела я внѣ дома, покуда не собрали справокъ и не привели меня обратно съ городovýmъ. Люди дразнили меня бѣглянкой и бродягой, барыня, не постаравшись выслушать оправданій, приказала меня наказать за побѣгъ. Я сильно страдала и временно возненавидѣла невольную причину моего несчастія—всѣхъ чухонцевъ, настоящихъ и будущихъ. Все что только ни случалось у насъ: мелкіе пропажи, нечистота, неопрятность—всѣ это складывали на одну меня. Я исполняла самыя тяжкія, черныя работы и не терялась ни на минуту изъ виду. Я уже перестала надвѣяться на лучшую участь, когда однажды мнѣ приказали причесться, умыться и повели къ барынѣ. Отъ страху я начала было плакать; мнѣ дали нѣсколько колотушекъ, приказали казаться какъ можно веселѣе и ввели въ гостиную. Барыня сидѣла въ ней съ какою-то дамою, разряженною,

какъ тѣ женщины на картинкахъ, которыя были прилѣплены хлѣбомъ къ стѣнѣ нашей кухни.

Когда я вошла, и дама, и барыня разговаривали и разсматривали какую-то бумагу. По долгу почтенія и по старой памяти, я бросилась было къ рукѣ барыни, но она приостановила меня:

— Не смѣй, не смѣй подходить ко мнѣ, чумарзая, произнесла она довольно грозно.

Куда дѣвались ея прежнія ласки, ея прежнее вниманіе, и отчего они перемѣнились на такое гнѣвное обращеніе—я не могла понять. Полагая, что причиной тому было мое невольное исчезновеніе изъ барскаго дому, я открыла было ротъ, чтобы оправдаться, но барыня, постучала по столу пальцемъ и снова гнѣвно произнесла:

— Цыцъ, цыцъ!—и я умолкла и какъ-будто приросла къ полу близъ дверей.

Барыня указала потомъ на меня и снова начала говорить долго, то понижая, то возвышая голосъ. Изъ всѣхъ словъ ихъ, которыхъ значеніе потомъ я узнала, въ памяти моей остались только: *же ву при*, которыя постоянно повторяла барыня, и—*требьенъ, требьенъ, мадамъ*, которыя произносила гостья, сопровождая ихъ легкимъ наклоненіемъ головы. Во время разговора, французенка часто на меня взглядывала и проговаривала слово—*жолм*, на что наша ба-

рыня, вмѣсто всякаго отвѣта, пропускала только сквозь зубы:

— Фи!

Зачѣмъ приводили меня къ барынѣ, я не могла понять; у людей спросить я боялась и потому еще дня три оставалась въ полномъ невѣдѣніи, что со мною будетъ и къ чему меня готовятъ. Я догадывалась только, что мнѣ предстоитъ новая жизнь и должно быть не совсѣмъ тяжелая, потому-что мнѣ приказано было поскорѣе сшить два новыя затрапезныя платья и купить три пары чулокъ и башмаки. На четвертый день меня снова позвали къ барынѣ. Она сидѣла и любезничала съ своимъ попугаемъ, называя его самыми нѣжными именами: душкой, милочкой, мамашечкой и другими еще нѣжнѣйшими, которыя я встрѣчала потомъ въ стихахъ. Барыня приказала мнѣ подойти поближе и произнесла:

— Ну, ты нынче отправишься въ ученье. Прошу вести себя хорошенько, стараться и слушаться во всемъ, что тебѣ прикажутъ. Да избави Богъ, если случится съ тобою вторично подобное произшествіе. Сейчасъ же сошлю тебя въ деревню свиней пасти. Слышишь?

У меня брызнули слезы и я дрожащимъ голосомъ высказала все, что только могла въ свое оправданіе.

— И ты не врешь? спросила меня барыня.

— Ей-Богу.

— Не божись, не божись; я сейчасъ справлюсь.

Справки были собраны, правда восторжествовала и призванная жена повара разругана, какъ слѣдуетъ.

Барыня сдѣлалась со мною поласковѣе.

— Можешь поцѣловать руку, сказала она.

Я поцѣловала и барыня тотчасъ-же приказала принести о-де-колону и вытерла свои пальцы, хотя я была причесанная и умытая, и притомъ красивенькая дѣвочка, сколько барыня не произноси своихъ презрительныхъ—фи!

Въ тотъ день я получила и отъ повара, и отъ жены его, и отъ прочихъ нашихъ людей по послѣдней колотушкѣ за мнимыя клеветы и ябеды, и переселилась на Невскій проспектъ, въ модный французскій магазинъ. Новыя мои подруги, нѣсколько дѣвочекъ однихъ со мною лѣтъ, окружили меня съ распросами, добра ли барыня, есть ли у меня

родня и знакомые. Я отвѣчала, какъ могла и умѣла, осматриваясь на нихъ изъ подлобья. Всѣ онѣ были почти въ такихъ же затрапезныхъ платьяхъ, какъ и я, но только всѣ тщательно причесаны и не безъ нѣкоторыхъ украшеній. У кого торчалъ въ волосахъ листокъ отъ искусственнаго цвѣтка, у кого былъ приколотъ бантикъ изъ обрывка какой-нибудь шелковой яркой матеріи. Даже самыя прімы ихъ и обращеніе показались мнѣ совершенно барскими. Онѣ называли другъ друга *ма-шеръ*, и на зовъ которой-нибудь:

— Матрешка, Матрешка, поди поскорѣй сюда, отвѣчали:

— *Тутъ свить!* или: *лесе муа транкиль*, *кошонъ*, если были чѣмъ-нибудь недовольны или сильно заняты работою.

Не прошло и часу по окончаніи работъ, какъ я уже совершенно подружилась со всѣми моими новыми подругами и узнала всѣ тайны прочихъ мастерицъ, уже взрослыхъ. Про нашу мадамъ узнала я, что она женщина, хотя вообще хорошая, но часто бываетъ и совершенной вѣдьмой, что она съчь никого не съчетъ, но за то, чуть кто провинится, задушить работой и заморить на водѣ и хлѣбѣ, что впрочемъ ни-почемъ, потому-что дѣвицы (такъ всегда мы величали другъ друга) имѣютъ у себя знакомыхъ лавочниковъ, которые, за разныя тряпички, постоянно готовы накормить и пирогами, и колбасой, и студнемъ, и тешкой съ трескою въ постные дни.

Въ первый день моего пребыванія меня ни чѣмъ почти не занимали. Я только накормила мадамину болонку и вывела ее на веревочкѣ погулять по двору. Когда я брала ее на руки, проклятая собаченка укусила мнѣ руку, за что мадамъ погрозила ей померанцовымъ цвѣткомъ, а меня погладила по головѣ и утѣшила словами:

— Ничего, ничего, будешь скоро знакомъ!

Дѣвочки, Матреша и Стѣша тутъ же совѣтовали мнѣ расправиться самой и научали недоброму, но я не рѣшилась.

— Откатай на дворѣ эту шершавку, говорила мнѣ Стѣша,

когда я выносила болонку. Посмотри, какъ я съ нею распоряжаюсь.

— Вы съ нею вѣжливо распоряжаетесь, возразила я, вы сейчасъ ее гладили.

— Да, это при мадамъ и при мастерицахъ, которыя всѣ фискалы, отвѣчала Стеша, а посмотрѣла бы ты, какую я на дворѣ заставляю ее польку-мазурку танцовать, любо—такъ-что раза три повернется.

Нечего грѣха таить, и я, вполнѣдствіи времени, заставляла-таки Розку также кое-когда танцовать польку-мазурку, которой мы всѣ учились сами по вечерамъ, иногда даже безъ свѣчей, танцуя другъ съ другомъ не только этотъ танецъ, напѣвая его сквозь зубы, но и другіе, какъ то: кадрили, вальсъ и польку-транбланъ.

Когда я возвратилась съ болонкой, лампы въ мастерской были уже погашены, наемныя мастерицы ушли по своимъ квартирамъ и комнату нашу освѣщала только одна нагорѣлая сальная свѣча. Стеша и Матреша танцовали, причемъ Стеша поминутно твердила Матрешѣ:

— Да легче дьяволь! что ты топаешь, какъ копытами, тебя ангажировать никто не будетъ. Ну вотъ теперь бьень, тре бьень... Да дусманъ же, товорять тебѣ, лѣшій! Третья дѣвочка, Акуля, была за чѣмъ-то позвана къ мадамъ и прочія ожидали ея возвращенія съ какимъ-то тревожнымъ нетерпѣніемъ. Она возвратилась, прыгая, дѣлая антраша и приподнимая ноги, какъ любая балетная сильфида.

— Медамъ! сказала она, радуйтесь, мадамъ куда-то несетъ нелегкая. Какъ только она изъ дверей, мы тотчасъ на Невскій.

— Еще бы сидѣть! подтвердила Стеша. И точно, съ уходомъ мадамы, всѣ выбѣжали на Невскій и утащили меня. Я стояла у воротъ, какъ очарованная. Рядъ фонарей казался мнѣ длиннымъ огненнымъ ожерельемъ. Разнородныя толпы двигались и жужжали, какъ заглушенный чѣмъ-нибудь пчелиный улей; кареты, сани, коляски перепутывались, какъ шнуры. Передо мной мелькали картузы, шляпы, пальто, шубы, лица, и ни одинъ изъ картузовъ, шляпъ,

шубъ, и людей не были нисколько однообразны. На каждомъ челоѣкъ все принимало свой собственный, особенный видъ.

Недолго стояли мы спокойно все вмѣстѣ подъ воротами Стеша замѣтила какого-то офицера и тотчасъ же сказала Матрешѣ:

— Констансъ, пойдемъ, пойдемъ за нимъ! Это тотъ, который всегда заходитъ къ намъ въ магазинъ, когда бываетъ дежурною Ѳекла Семеновна.

И все ушли. Со мной осталась только Акуля, но и та оказалась не безъ знакомыхъ. Раза три называла она какого-то господина по имени, покуда онъ не оглянулся и не сказалъ ей:

— А, здравствуй Люба, я тебя и не замѣтилъ. Ну что? есть что-ли ко мнѣ что-нибудь или нѣтъ?

— Хорошенькаго по немножку, вишь вы какіе лакомые, отвѣчала Акуля и сдѣлала такую сладкую гримасу и глазами и ртомъ, что я удивилась и подумала: Какъ она это ухитрилась изъ такой безобразной рожи, какъ у нея, сдѣлать такое пріятное личико?

— Охъ ты, шельма! проговорилъ господинъ и удалился.

— Къ этому шуту я раза три носила записочки отъ нашей мастерицы Ѳеклы Семеновны, замѣтила мнѣ Акуля,

да онъ мнѣ даже орѣха выѣденнаго не далъ, такъ вотъ пускай теперь и прохаживается. Только отъ него и добра, что: «Спасибо душечка, Люба, поцѣловаль бы тебя, еслибъ была покрасивѣе»... Самъ ты пугало воронье! вотъ что!

— Кто жъ это Люба? спросила я простодушно.

— Разумѣется я, экая ты дурафья!

— Какъ же эта такъ? повторила я въ совершенномъ недоумѣннн.

— Да такъ! Вотъ и Стеша—Жанета, вотъ и Матреша—Констансъ. Чтò мнѣ за охота Акулиной зваться. Это совершенно не нѣжное имя. Сама наша старшая мастерица Оекла Семеновна не иначе называется всѣми, какъ Текла Семеновна. Назовись и ты хоть Аделью; чтò за радость, если тебя будутъ Хаврошкой звать. Послѣдннй мальчишка станетъ на смѣхъ подымать, подумай, вѣтъ ты модистка, да еще Невскаго проспекта.

И стала я съ той минуты, внѣ своего домашняго круга, называться Аделью, и даже сама наша мадамъ, затруднявшаяся называть меня, какъ слѣдовало, не иначе призывала, какъ моимъ названнымъ именемъ.

Первое время всѣ мои занятн ограничивались прогулкою собаченки, мытьемъ половъ, побѣгушками въ мелочную лавочку, къ знакомымъ мадамы и въ ношенн картонновъ за Оеклой Семеновной, которая на улицѣ принимала такой важный, строгнй и недоступный видъ, что ее можно было почестъ за какую-нибудь знатную барыню. Оекла Семеновна, взрослая во французскомъ модномъ магазинѣ, обратилась почти въ настоящую иностранку. Она говорила порядочно по-французски, помадилась не иначе, какъ французскою помадою, носила французскня перчатки и была у насъ какою-то второю хозяйкой. Модная, деликатная, вѣжливая до крайности съ заказщицами, которыя были въ восторгѣ отъ ея обращенн, только съ нами сохраняла она свои прежння русскня привычки. Слова:

— Чтòбъ васъ раздуло горой! чтòбъ вамъ подавиться! чтòбъ васъ розорвало! не сходили у нея съ языка.

Я была ея любимицей, потому-что была всѣхъ робче, тише, скромнѣе, молчаливѣе и услужливѣе. Нерѣдко, когда посылали меня за чѣмъ-нибудь въ мелочную лавоч-

ку, Текла Семеновна подзывала меня къ себѣ и говорила шопотомъ:

— Хаврушка! ты идешь въ лавочку?

— Да-съ!

— За чѣмъ?

— Мадамъ приказала дѣвицамъ чернаго хлѣба купить, чтобъ размѣнять двадцати-пяти рублевую депозитку.

— Такъ ты вотъ что: подожди у уголка, покуда пройдетъ одинъ господинъ въ очкахъ, лицо не много рябоватое, съ сѣдыми бакенбартами; дерни его за пальто и скажи: приказали вамъ отъ Теклы Семеновны напомнить о томъ, что вы обѣщали ей нынче къ четыремъ часамъ.— Понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала я утвердительно, когда въ первый разъ дано мнѣ было такое порученіе.

— Смотри же, не ошибись!

— Не ошибусь!

— А если мадамъ ругаться станетъ, что долго ходила, отвѣчай, что—моль долго деньги мѣняли,—слышишь?

— Слышу-съ!

— Ну, дай Богъ счастливо!

И что же! Какъ на зло, не смотря на всю мою увѣренность въ моей смѣтливости, я какъ нарочно ошиблась и чуть-было не попала въ большую бѣду. Я точно остановила какого-то господина, и толстаго, и низенькаго, въ

очкахъ, рябоватаго и съ свѣдыми бакенбартами, но онъ оказался не тѣмъ, котораго было нужно дернуть за пальто, по приказанію Феклы Семеновны.

Онъ грозно посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Что тебѣ нужно? Стыдно въ твои лѣта милостыню просить.

Я тогда щеголяла еще въ своемъ деревенскомъ нагольномъ тулупѣ.

— Я не милостыню, баринъ, прошу, отвѣчала я.

— Такъ что же тебѣ нужно?

— Текла Семеновна приказала вамъ напомнить о томъ, что вы ей обѣщали къ четыремъ часамъ, произнесла я.

— Какая Текла Семеновна? Какое обѣщаніе? вскричалъ онъ, притопнувъ ногой. Ахъ ты, страмница! чуть отъ земли поднялась и уже берешься за такія комиссіи; постой, постой, вотъ я тебя въ полицію!

Я бросилась со всѣхъ ногъ и прибѣжала въ магазинъ, запыхавшись. Фекла Семеновна пожелала мнѣ, чтобъ меня раздуло горой, а мадамъ выдрала за уши и долго допытывалась, отчего я такъ запропастилась и пришла въ магазинъ, едва переводя духъ отъ усталости. Насилу я отбожилась. Этой дурной привычкѣ научилась я отъ Акули, которая, пойманная даже съ какимъ-нибудь личнымъ на самомъ мѣстѣ преступленія, всегда принималась такъ клясться, что становилось срашно и совѣстно вчужѣ. Первый примѣръ этому я видѣла по прошествіи недѣли, въ субботу, когда мадамъ призвала всѣхъ дѣвочекъ и приказала отворить наши сундуки.

— Зачѣмъ это? шепнула я, стоявшей близъ меня Шешъ-Жанетѣ.

— Ревизія, отвѣчала она мнѣ также шопотомъ.

— Какая ревизія?

— Что за распросы, увидишь.

Мадамъ перешарила все наше имущество, ощупала даже насъ самихъ и отпустила.

Дошла очередь до сундучка Акули.

— Мадамъ, я потеряла ключъ отъ замка, отвѣчала она.

— Bien, bien, возразила мадамъ, отворяй.

— Да что отворять, только напрасно руки марать; ни чего нѣтъ; вотъ, ей-Богу: чтобы мнѣ не сойти съ мѣста!

А между тѣмъ, не смотря на эту божбу, въ сундучкѣ Акули оказались вершка два какой-то ленточки, лоскутъ шелковой матеріи и бутончикъ васильковъ. Улики были на лицо, но и тутъ Акуля принялась божиться, что она не знаетъ, какъ это все къ ней попало, и что вѣроятно и ленточку, и лоскутъ, и васильки затащила къ ней въ сундукъ болонка. Мадамъ пожала только плечами, назвала ее калмыкомъ и приказала посадить на хлѣбъ и воду; но Акуля, что называется, и въ усь не дула.

— Ладно, ворчала она, вотъ такъ я и буду тебѣ твой хлѣбъ одинъ глотать, французская сорока. Найдешь ты у меня что-нибудь впередъ; мало развѣ мѣста на чердакахъ. Вишь какъ взбѣленилась изъ тряпокъ. Ты лучше бы искала у Феклы Семеновны; тамъ бы полюбовалась не вершками, а аршинами; не даромъ она себѣ каждое воскресенье новыя перчатки покупаетъ!

Осмотру этому мы подвергались постоянно и рѣдко когда удавалось мадамъ находить что-нибудь у дѣвиць. А между тѣмъ всегда она чего-нибудь не доискивалась изъ мелочей, бранилась, пожимала плечами и честила насъ калмыками и казаками.

Всѣхъ дружище была я съ Стешей-Жанетой. Она была старше меня годами тремя, бойкая, рѣшительная, и имѣла на всѣхъ насъ какое-то непонятное вліяніе. Мы всѣ боялись ея, не за то, что она была всѣхъ насъ сильнѣе, не за то, что она могла бы наущничать и ябедничать, какъ Акуля, но . . . ужъ я не знаю, за что мы всѣ ее боялись и вмѣстѣ съ тѣмъ любили. У всѣхъ у насъ былъ одинъ упрекъ, когда мы были въ чемъ нибудь виноваты другъ передъ другомъ:

— Вотъ Стеша, такъ бы не сдѣлала!

И точно! Не было добрѣе, находчивѣе и сострадательнѣе Стѣши, даромъ, что она бранилась почти ежеминутно и готова была даже драться при малѣйшемъ несогласіи или возраженіи. Все, что только принадлежало Стѣшѣ, могло принадлежать и всѣмъ намъ; она никому ни въ чемъ не отказывала, за то не любила, чтобы и ей отказывали въ чемъ-нибудь, когда случалась ей надобность. Стѣша учила меня читать и писать, и часто, чтобы заработать что-нибудь на наряды, мы просиживали вмѣстѣ безсонныя ночи,

за сальной свѣчей. Барыня моя уѣхала и я рѣшительно никуда не выходила. Всѣ частные заказы доставала Стѣша, выходявшая со двора каждый праздничный день и имѣвшая много знакомыхъ, такъ-что нерѣдко, даже въ самый нашъ магазинъ, приходили на ея имя по городской почтѣ письма, на которыя Стѣша, смотря по прихоти, то отвѣчала, то оставляла безъ всякаго вниманія. Отъ ней одной получала я разныя свѣдѣнія о прелестяхъ петербургской жизни, которою можно было пользоваться, видѣть стѣнь нашего моднаго магазина. Стѣша нерѣдко возвращалась къ намъ очень поздно — бывали дни — очень весело и раскраснѣвшеюся. Она обыкновенно будила меня, и я чувствовала, что отъ нея вѣтъ чѣмъ-то неприятнымъ, и спрашивала:

— Что это съ тобою, Стѣша?

— Жуировала.

— Съ кѣмъ?

— Что тебѣ за дѣло, — тѣхъ уже нѣтъ.

— Ты, миѣ кажется, того...

— Есть немножко!

— Ахъ Стѣша, Стѣша, восклицала я, неужели ты не бережешь себя?

— Это почему?

— Да потому, что при такой веселой жизни трудно удержаться отъ чего-нибудь дурнаго.

Но Стѣша гордо приподнимала голову и смотрѣла на меня такимъ спокойнымъ, младенческимъ взглядомъ, что миѣ становилось вдругъ легко и радостно за нее. Иногда Стѣша припадала ко миѣ на грудь и смѣялась самымъ безумнымъ смѣхомъ.

— Чему ты такъ радуешься, Стѣша? спрашивала я ее.

— Ахъ, лучше не спрашивай, умру. Или ужъ сказать?

— Какъ хочешь.

— Ну такъ слушай: меня страшно мучить совѣсть.

— Отчего?

— Да я кое-кому наклеила носъ; въ знакъ благодарности за угощеніе заставила скушать фигу, да не одного, четырехъ... Представь: четыремъ назначила завтра рандеву въ одинъ и тотъ-же часъ, въ различныхъ мѣстахъ; одного послала даже чуть ли не за тридевять земель въ

тридцатое царство. Пусть меня ждуть, какъ вчерашняго дня.

— Ахъ, Стёша, вѣдь за это ты можешь поплатиться; это шутки плохія.

— Вотъ ужъ не таковская, чтобы поплатилась!.. Пусть ищутъ меня по Петербургу; вѣдь я по улицамъ не рыскаю.

У Стёши не было отъ меня ничего сокровеннаго, точно какъ и у меня отъ нея, съ тою только разницею, что мнѣ очень долго нечего было ей рассказывать и повѣрять. Стёша часто упрекала меня моею, какъ она называла, нелюдимостію и говорила:

— Ахъ, Адель, просто мнѣ плакать хочется, когда посмотрю, какой ты медвѣдь; хоть бы ты нашего домоваго управляющаго поводила немного за носъ, благо ты ему больно приглянулась.

— Почему же ты думаешь, что я ему приглянулась? спрашивала я Стёшу.

— Да по всему; это ты только такая рохля, что ничего не видишь. Что нибудь съ него бы и сорвала.

— Грѣхъ, замѣчала я.

— Грѣхъ что-нибудь худое дѣлать, отъ чего-бъ можно было предъ добрыми людьми краснѣть, возражала Стёша, чего нельзя на исповѣди, не краснѣя, открыть, а глазами поиграть—ничего, на то намъ и хорошинькіе глаза даны. Сколько было у меня адоратѣровъ, а я все таже: съ чѣмъ подѣдуть, съ тѣмъ и отѣдуть.

Но я отрицательно качала головою и отвѣчала:

— Боюсь, Стёша: какъ разъ можно маху дать.

— Э, волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Будь только честною дѣвушкой, никто про тебя худова слова не скажетъ, развѣ только выбранять кокеткой.

И вслѣдъ за этимъ Стёша предлагала мнѣ свои услуги, чтобы дать нѣсколько уроковъ въ кокетствѣ.

— Ты думаешь, что это такъ трудно, говорила она, напротивъ, равно нѣтъ ничего такого мудренаго. Хочешь, покажу?

— Покажи, соглашалась я.

Стёша подходила къ окну и начинала выглядывать на улицу изъ-за кисейныхъ драпировокъ.

— Смотри, смотри, вскрикивала она: видишь этого красиваго статскаго. Хочешь, онъ пройдетъ разъ десять мимо нашихъ оконъ.

— Вотъ ужъ не пройдетъ.

— Анъ пройдетъ. Давай о чемъ-нибудь спорить.

Споръ заключался и Стёша высовывалась въ окно, слегка кашляла, обращала на себя вниманіе и потомъ быстро пряталась, выразивъ лицомъ какую-то такую полуулыбку, которой я никогда не умѣла подражать, какъ ни старалась. И что же? статскій точно проходилъ нѣсколько разъ мимо нашего магазина и между нимъ и Стёшей завязывался нѣмой разговоръ, понятный вѣроятно имъ обоимъ; потомъ слѣдовали письма или черезъ дворника нашего, или черезъ нашу кухарку, или черезъ нашего мелочнаго лавочника, но тѣмъ все и кончалось, и Стёша не порывалась уже болѣе къ окну.

— Стёша, говаривала я ей бывало, скоро долженъ будетъ пройти твой статскій, что же ты не подходишь къ окну?

— Ну его! отвѣчала Стёша: онъ ужъ миѣ надоѣлъ. Теперь у меня есть другой предметъ: позабавилась, потѣшилась и довольно.

Съ новымъ предметомъ Стёши бывало то же самое, и ничто, никакія увѣренія, никакіе подарки не могли поколебать ея рѣшимости или склонить на какой-нибудь поступокъ, который обоимъ намъ казался дурнымъ и безчестнымъ. А между тѣмъ, если бы Стёша была похожа на многихъ другихъ знакомыхъ намъ модистокъ, чего-бы казалось не могла имѣть она, потому-что въ самомъ дѣлѣ была очень миловидна и ловка. Но Стёша только тѣшилась и даже выходила изъ себя, когда услужливые петербургскіе кавалеры начинали съ нею любезничать. Она становилась въ тѣ минуты настоящимъ героемъ и такъ поражала и словами, и взглядомъ, что поклонники ея отходили, иные съ бранью, иные нахлобучивъ отъ стыда на глаза шляпу. Чтобы избавиться какъ-нибудь отъ докучной уличной вѣжливости, Стёша придумала преоригинальное средство. Она обратила вниманіе на маленькую дѣвочку, дочь одного бѣднаго нѣмца-ремесленника, жившаго въ одномъ съ нами домѣ, и од-

Нажды сказала мнѣ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ:

— Адель, поздравь меня, я скоро буду маменькой и тогда мы можемъ съ тобою прогуливаться преспокойно, гдѣ намъ угодно.

— Какъ маменькой? вскричала я.

— Да, маменькой чужаго ребенка; я буду выпрашивать у нѣмцевъ ихъ дѣвочку, обошью ее поприличнѣе и стану съ нею ходить гулять. Меня стануть почитать за замужнюю даму и не такъ будутъ приставать съ любезностями, только-бъ не подавать никакого повода.

И точно, Стѣша выпрашивала съ-тѣхъ-поръ дочь ремесленника, сшила ей бурнусъ, купила шляпку и полусапожки, и, выходя гулять, наряжала, какъ куколку. Послѣ прогулки нарядъ весь снимался, укладывался бережно въ сундукъ и маленькая нѣмка отправлялась къ отцу и матери въ томъ лишь, въ чемъ приходила къ намъ въ магазинъ.

Правду говоритъ пословица, что человекъ не знаетъ, гдѣ

найдетъ, гдѣ потерять. Я тоже не знала, что-бы въ бѣдной квартирѣ нѣмецкаго ремесленника и для меня оты-

скалось счастье. И что же? я сама долго отъ него отказывалась и не смотря на постоянныя приглашенія нѣмки, никогда не соглашалась идти къ нимъ по сосѣдству, побесѣдовать, погоревать вмѣстѣ и выпить кофе. Мнѣ не нравился, во-первыхъ, очень-долго самъ нѣмецъ, который, работая усердно цѣлую недѣлю, каждый праздникъ почиталъ будто обязанностію напиваться сильно пьянымъ, лѣтомъ, на Крестовскомъ островѣ, куда отправлялся онъ иногда на цѣлыя сутки, а зимою — въ нѣмецкой полпивной, въ которую онъ таскалъ частенько и своего сынишку и возвращался съ нимъ въ очень безобразномъ видѣ, ссорясь съ женой и шумя такъ, что рѣдко дѣло обходилось безъ вмѣшательства дворника, а иногда даже самаго управляющаго. Кромѣ этого, отъ знакомства съ нашими сосѣдями удерживало меня еще одно обстоятельство. Въ одномъ изъ оконъ ихъ маленькой квартиры я почти постоянно замѣчала чье-то блѣдное молодое мужское лицо, которое смотрѣло на меня всегда такими глазами, какъ будто хотѣло проглотить. То былъ ихъ нахлѣбникъ, тоже нѣмецъ, приготовлявшійся въ доктора. Я всегда пугалась его неотвязчиваго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ издали казался мнѣ какимъ-то безсмертнымъ кощеємъ. Но видно суженаго конемъ не объѣдешь! Однажды Стѣша насильно утѣшила меня. Въ трезвомъ нѣмцѣ и въ его женѣ нашла я людей очень добрыхъ и радушныхъ. Мы допили уже по третьей чашкѣ кофе и собирались домой, когда возвратился ихъ жилецъ. Онъ вошелъ скромно, тихо и весь вспыхнулъ, увидя насъ; сѣлъ на стулъ и смѣшался, какъ красная дѣвушка. Напрасно Стѣша, по своей привычкѣ, старалась съ нимъ заговаривать и любезничать. Онъ отвѣчалъ застѣнчиво и полусловами. По всему видно было, что онъ не петербургскаго воспитанія, что и оказалось впослѣдствіи справедливымъ. Изъ распросовъ Стѣши я узнала, что онъ такой же сирота, какъ и я, и кромѣ Бога и самого себя не могъ ожидать ни отъ кого помощи. Мнѣ стало какъ-то вдругъ жаль его и я начала пристально въ него всматриваться. Онъ былъ очень красивъ, хотя сильно худъ и блѣденъ.

— О, какой! какой головъ! произнесъ нѣмецъ, постукивая себя по лбу и указывая на него.

— Доброе сердце, вотъ что, добавила нѣмка.

— Очень не дурень, подшепнула мнѣ Стѣша, но я и безъ нея замѣтила уже это очень хорошо сама.

Молодаго нѣмца звали Карломъ Карлычемъ и чтобы существовать въ Петербургѣ, онъ, бѣднякѣй, долженъ былъ постоянно трудиться денно и ночно. Днемъ онъ ходилъ на лекціи и давалъ кое какіе-уроки, ночью переписывалъ лекціи другимъ товарищамъ и учился. Никакихъ развлеченій, никакихъ прогулокъ не зналъ Карлъ Карлычъ, кромѣ длиннаго пути пѣшкомъ съ Невскаго на Выборгскую сторону. Подъ конецъ разговоръ нашъ оживился, Карлъ Карлычъ тоже заговорилъ и каждое его слово казалось мнѣ и умнымъ и вѣжливымъ вмѣстѣ. Онъ даже приснился мнѣ въ тотъ день и знакомство наше началось. Я уже не пугалась ни его блѣднаго лица, ни его пронизательныхъ глазъ и отвѣчала ласковою улыбкой и поклономъ на его вѣжливые поклоны изъ окна. Привязанность моя къ Карлу Карлычу росла и мнѣ становилось какъ-то скучно, когда я не могла дня два три урвать къ нѣмцамъ: Карлъ Карлычъ былъ ко мнѣ внимателенъ, какъ нельзя больше, и вѣчно предлагалъ какія нибудь услуги. Онъ доставалъ мнѣ книгъ, училъ меня писать и даже предлагалъ учить по-нѣмецки, чтобы имѣть возможность читать какихъ-то Шиллера и Гете, но я отказалась, отвѣчая, что вся ихъ мудрость мнѣ ни къ чему не послужитъ въ моемъ званіи и тѣмъ болѣе въ моемъ зависимомъ состояніи.

— Нѣтъ, возражалъ мнѣ на это Карлъ Карлычъ, не можно этого говорить, Адель Прохоровна; Шиллеръ и Гете это я вамъ скажу... нѣтъ не говорите этого, прошу васъ, Адель Прохоровна...

— Ужъ лучше учите меня по-французски, замѣтила я, говорить я таки и съ мадамой нашей разговариваю и понимаю все, только писать не умѣю; научите меня писать и читать, а я васъ буду за это благодарить галстухами или манишками.

Карлъ Карлычъ отказался отъ всякаго вознагражденія и мы начали уроки. Я училась съ такою охотою, что

сама мадамъ замѣтила, что во мнѣ, не извѣстно ей почему, а кажется прибавляется ума. Но я и сама это чувствовала. Мнѣ самой казалось, что всякое понятіе дѣлается во мнѣ свѣтлѣе, движенія мои стали не такъ рѣзки, я перестала браниться совершенно и какъ будто сдѣлалась добрѣе. Этимъ всѣмъ я была обязана одному Карлу Карлычу. Онъ поминутно останавливалъ меня, замѣчалъ мои недостатки, краснѣя самъ пуще меня. Когда я чувствовала себя не такъ здоровою, на лицѣ его изображался ужасъ и я видѣла, что въ то время онъ почти самъ становился боленъ, а между-тѣмъ онъ никогда ни слова не говорилъ мнѣ о любви. Разъ только правда онъ какъ-то невольно высказался.

— О, еслибъ я только сдѣлался поскорѣе медикусомъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, о еслибъ я только имъ поскорѣе сдѣлался!

— Тогда что-же бы было? спросила я.

— Тогда-бъ... отвѣчалъ онъ и замолчалъ, покраснѣвъ, какъ вареный ракъ.

— Ну, что же вы остановились?

— Не смѣю продолжать.

— Такъ стало быть что-нибудь не хорошее, замѣтила я.

— О, нѣтъ воскликнулъ онъ, но невозможное, невѣроятное для меня — тогда бы я предложилъ вамъ сдѣлать мнѣ честь и счастье быть моею женою.

Я захохотала.

— Вы кажется съ ума сошли или смѣетесь надо мною, это вамъ грѣшно, я не заслужила этого, сказала я.

Карлъ Карлычъ смѣшался и поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Да, отвѣчалъ онъ, это правда, я долженъ остаться безъ жены; я бѣденъ, вы можете имѣть лучше партію.

Я опять захохотала громче прежняго.

— Да кто меня возьметъ? спросила я. Во-первыхъ, я завишу отъ барыни.

— О, барынь это ничего!

— Во-вторыхъ, я не хочу васъ обманывать. Вы можете быть полагаете, что я точно Адель, а я по настоящему Хавронья. Пріятно вамъ будетъ имѣть жену Хавронью Прохоровну.

— Хавронь? — греческое имя, возразилъ онъ.

Я только пожала плечами. Дальнѣйшему нашему разговору и объясненію помѣшалъ нѣмецъ. Я ушла въ магазинъ, сильно взволнованная. Слова Карла Карлыча не выходили у меня изъ головы.

Почему же и не случиться такому обстоятельству, думала я, ворочаясь съ боку на бокъ на своей постелѣ. Чего не бываетъ на свѣтѣ, надъ кѣмъ не проносится иногда такое счастье, о которомъ, кажется, и во снѣ не посмѣешь думать. Вѣдь вышла же одна знакомая намъ дѣвица, да еще не модистка, а простая швея, поштучная работница, за одного очень-порядочнаго чиновника, занимающагося по письменной части. Правда онъ не богатъ, за то и она ничего не имѣетъ, кромѣ десяти пальцевъ да наперетка съ иголками, а между-тѣмъ живутъ счастливо и помогаютъ другъ другу, такъ-что любо-дорого смотрѣть на нихъ. Поутру до четырехъ часовъ мужъ занимается должностью, а вечеромъ клеитъ тулья у шляпокъ, выкраиваетъ лифы и юбки по бумажнымъ выкройкамъ, собираетъ фалборки, подшиваетъ розетки, оплетаетъ листики около стебельковъ и работа кипитъ, какъ на огнѣ. Отчего же мнѣ не быть женою лекаря? отчего? и вдругъ среди этихъ надеждъ — я какъ-то вспомнила, кто я, и горько-горько заплакала. Между мною и небогатымъ, неизвѣстнымъ Карломъ Карлычемъ лежала огромная бездна препятствій которыхъ не могла никакъ преодолѣть наша обоюдная любовь и рѣшимость. Я призналась во всемъ Стѣшѣ. Стѣша отвѣчала на это очень благоразумно:

— Чтò думать о томъ, чтò можетъ случиться или не случиться завтра; нужно знать проживемъ ли мы до него. Что будетъ, то и будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

— И то правда, подтакнула я и немного успокоилась, но все-таки предложеніе Карла Карлыча сильно меня за-

нимало. Я уже воображала себя лекаршею, хлопотала о хозяйствѣ, заботилась о небывалыхъ дѣтяхъ.

Однажды, когда голова моя была занята такими мыслями, Стѣшѣ подарили нѣсколько билетовъ на *антре-балъ*, великолѣпный антре-балъ, съ даровымъ чаемъ, яблоками и ужиномъ. Ни я, ни Констансъ, не выпускали изъ рукъ иглы до самаго вечера, стараясь разукрасить себя, какъ можно лучше. Я помню, что я утащила даже у мадамы нашей немного пудры — кто Богу не грѣшнень! Всѣ происшествія того дня такъ еще живы въ моей памяти, что я могу рассказать всѣ малѣйшія обстоятельства, не скрывая ничего, ни худаго, ни хорошаго, тѣмъ болѣе, что этому прошло уже много лѣтъ. Какъ теперь помню, я сидѣла и работала, когда подошла ко мнѣ Стѣша и, не говоря ни слова, дыхнула прямо въ носъ. День былъ праздничный и она только-что возвратилась въ магазинъ отъ своей тѣтки что-ли или какой другой родственницы. Я приподняла голову отъ розоваго корешка, который пришивала къ наколкѣ, и спросила:

— Что это вздумалось тебѣ вдругъ раздушиться?

— Насморкъ, что-ли у тебя! развѣ не чувствуешь, чѣмъ пахнетъ?

И съ этимъ словомъ онадохнула на меня снова.

— Ахъ, воскликнула я.

— Тише, проклятая, удержала меня Стѣша, дружески закрывъ ладонью губы.

— Тебя угощали? прошептала я.

— Вуй, отвѣтила она.

— Не ужели водкой, срамъ какой!

— Фуи, какъ тебѣ нестыдно такъ думать, какъ будто я простая портниха. Это золотой ликеръ.

— Гдѣ, кто и какими судьбами?

— Да вотъ такими, знай нашихъ! Да что ликеръ!... Ликеръ самъ по себѣ пустяки; ты лучше понюхай-это чѣмъ пахнетъ.

Тутъ она поднесла мнѣ также къ носу три билета на балъ и поцѣловала меня крѣпко прекрѣпко.

— Хочешь кутить, Адель? прибавила она, навеселимся, натапцуюмся и наѣдимся на славу.

— Кто себѣ врагъ, еще бы нѣтъ! подтвердила я.

— Такъ бросай свою тряпку и приготовляйся.

Я вспрыгнула со стула быстрѣе ласточки и вдругъ остановилась. Я вспомнила, что у меня не было башмаковъ и всей моей радости словно не бывало.

— Что ты, какъ будто угорѣла? спросила меня Стѣша.

Чуть не плача, призналась я ей тогда въ моемъ несчастіи; имѣть случай ѣхать въ первый разъ на балъ, гдѣ будутъ кавалеры, гдѣ будутъ танцовать и не имѣть приличныхъ башмаковъ, кого бы это не поразило пуще грома. Теперь я разумѣется только бы посмѣялась надъ такимъ обстоятельствомъ, но тогда я была еще во многомъ такая глупая и невинная, что въ эту минуту самой становится за себя совѣстно.

— Ну, ужъ признаюсь, не даромъ же назвали тебя Хавроньей, прямая Хавронья, замѣтила Стѣша есть о чемъ задумываться; да у меня у самой платье хорошее въ закладѣ, а развѣ я плачу? Фі-і-ю просвистала Стѣша есть о чемъ безпокоиться! Посмотри-ка какой павой буду отличаться, бѣсамъ будетъ тошно.

— Какъ же это такъ? прошептала я.

— Да вотъ такъ!

— Какъ, вотъ такъ?

— Вотъ увидишь какъ. Очень просто. У Легранжихиныхъ у кого-нибудь одолжусь, или у Леклершиныхъ — вотъ и вся недолга! Коротко будетъ — рюшевую фалборочку какую-нибудь надбавлю, длинно — укорочу, и такъ сойдетъ съ рукъ, что половина Петербурга не замѣтитъ.

— А если не одолжатъ? замѣтила я.

Стѣша опять просвистала.

— Тогда они мой бурнусь впередь только и видѣли, отвѣчала она рѣшительно; шляпки моей никому, какъ своихъ ушей, не видать, сплетенъ такихъ про всѣхъ надѣлаю, что лучше умирай. Ахъ, Хавруша, Хавруша, ахъ Адель, Адель, когда прибавится у тебя мозгу, а кажется ужъ пять лѣтъ въ Петербургѣ живешь.

Отъ этихъ словъ у меня какъ-будто отлегло отъ сердца; подлинно правду говорить пословица: чужую бѣду бобами разведу, а къ своей ума не приложу. Дѣло было точно самое обыкновенное изъ обыкновенныхъ. Сколько разъ у меня самой, и наши дѣвицы и дѣвицы другихъ знакомыхъ магазиновъ, одолжались, уходя куда-нибудь въ гости, то ленточкой, то шейнымъ платкомъ, то чистыми тонкими чулками. Я помню даже, какъ однажды я долго плакала, когда чулки мои возвратили мнѣ разъ заштопанными на пяткѣ. Въ головѣ моей все прояснилось, я приударила себя сильно по лбу и не могла не произнести:

— Стѣша, ты вправѣ ругать меня, какъ хочешь; я точно большая дурында.

Пользуясь правами мастерицы, я объявила мадамѣ, что мнѣ необходимо идти повидаться съ нашимъ приѣхавшимъ изъ деревни управляющимъ, выпросила у ней при этомъ позволеніе быть также вечеромъ на именинахъ у Стѣшиной тетки и скорымъ шагомъ пустилась съ Невскаго проспекта чуть-ли не на самый край свѣта, въ Коломну, къ одной общей нашей знакомой, у которой чего другаго можетъ быть не могло оказаться, а хорошіе башмаки уже навѣрное были, потому-что у ней, какъ сама она говорила, хвастаясь поминутно, то новыми туфлями, то ботинками, находился въ гостинномъ ряду какой-то магазинъ, гдѣ ей вѣрили въ кредитъ, хоть на тысячу рублей. Жалѣя единственнаго цѣлковаго, который могъ пригодиться къ вечеру, потому что мало-ли бываетъ непредвидимыхъ случаевъ, я пришла къ Машѣ, вся покрытая крупнымъ потомъ, едва переводя дыханіе и, слава Богу, застала ее дома. Она только что отпила кофе.

— Сама виновата, замѣтила она, что опоздала, а то бы

напились вмѣстѣ, а подогрѣвать теперь новаго некогда; спѣшу; нужно застать дома одну почтенную особу да разбранить на всѣ корки, какъ говорится.

— За что? спросила я, по безотчетному любопытству.

— Да такъ, — здорово живешь. За то, что ей же я съѣдала добро; доставила отличное знакомство, а она, въ знакъ благодарности наплела на меня такихъ кружевъ, понашила такой канвы, что, просто, кажись, татаринъ иной посовѣстился бы. Впрочемъ и по дѣломъ. Сколько разъ давала я клятву не дѣлать никому ни на волосъ никакого одолженія, да нѣтъ! глядишь и прорвешься: сама не просясь подсунешься, такое ужъ видно у меня глупое сердце. За то ужъ съ этой минуты — баста, никому ничего.

— Ужъ будто бы! воскликнула я съ невольнымъ страхомъ.

— Клянусь.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! подумала я, но все-таки рѣшилась проговорить:

— Такъ-таки никому?

— Хоть родная мать съ того свѣта приди, вотъ какъ! Такъ я зла на весь свѣтъ.

— А я-то бѣдная, прошептала я, только на одну тебя и надѣялась, какъ на каменную гору. Маша, ангелъ мой, я, просто, въ отчаяніи и ты только одна и можешь спасти меня.

— Ну? произнесла Маша.

— Нѣтъ, что за «ну», если ты уже положила такое рѣшеніе. Лучше вернусь домой да проплачу цѣльный вечеръ; этимъ все дѣло и кончится.

— Да ну-же, ну? продолжала Маша.

— Нѣтъ, что по-пустому языкъ ломать.

— Не мучь! какая ты, вижу я, негодная, только поддразниваешь, вскричала Маша съ такимъ добродушнымъ выраженіемъ, что у меня возродилась надежда. Говори сейчасъ или разсержусь, что тебѣ нужно?

Я ей объяснила тогда все мое горе и мою надобность.

— Только-то! протянула она, а я думала Богъ знаетъ какія сокровища. Покажи ногу!

Я выставила и вытянула передъ ней ногу. Маша расхохоталась. Я смотрѣла на нее съ удивленіемъ, не-зная чему приписывать такой порывъ ничемъ необъяснимой веселости.

— Чему нашла ты смѣяться? спросила я. Ботинки какъ ботинки, разумѣется, только дешевенкія.

— Я смѣюсь не на ботинки, а на тебя, отвѣчала она. Не ужели ты могла думать, чтобы на такую медвѣжью лапу могли годиться мои башмаки, да еще атласные. Кажется, ты отъ радости совсемъ съума сошла.

Я вся вспыхнула и покраснѣла, какъ макъ. Стыдъ, досада, негодованіе такъ взволновали меня, что я вся задрожала. Называть, безъ всякаго основанія, мнѣ въ глаза мою ногу медвѣжьей лапой было уже слишкомъ.

— По моему, ужъ лучше имѣть медвѣжью лапу, возразила я, выпрямясь во весь ростъ, чѣмъ кабаньи клыки!

— Какіе кабаньи клыки?

— Такіе, какіе бываютъ: гнилые, кривые, отвратительные.

— У кого же это? спросила Маша.

— Чтó напрасно спрашивать, посмотритесь въ зеркало — такъ узнаете. Слишкомъ ужъ заважничили; подавитесь вашими башмаками; прощайте.

Я вышла уничтоженная, озлобленная и съ тѣхъ поръ наша дружба рушилась навсегда. Я и Маша сдѣлались врагами непримиримыми. Я возвратилась въ магазинъ въ самомъ сердитомъ и дурномъ расположеніи духа и въ первый разъ прибила подвернувшуюся мнѣ въ дверяхъ дѣвчонку, какъ колачивали когда-то самую меня. Насилу достали мы общими хлопотами у кого-то бархатныя теплыя туфли и должны были спарывать съ нихъ горностаевый мѣхъ, чтобы обратить въ маломальски—приличные танцевальные башмаки. Всѣ мы были одѣты очень прилично и я только сожалѣла о томъ, что на головахъ нашихъ не было никакого другаго украшенія, кромѣ самыхъ жиденькихъ розетокъ. Я передала Стѣшѣ свое сожалѣніе.

— Молчи, утро вечера мудренѣе, возразила мнѣ она.

— Чтожъ пользы, если что у насъ будетъ утромъ, когда нѣтъ теперя, когда нужно.

— Заткни пожалуста ротъ, когда тебѣ говорятъ; положи на меня и будь увѣрена, что и наши головы будутъ убраны не хуже прочихъ. Если хочешь, такъ пожалуй цѣлую оранжерею тебѣ въ волосы натыкаю.

— Какъ же это?

— Не твое дѣло, одѣвайся только поскорѣе и поѣдемъ.

— Въ чемъ же, замѣтила я?

— Разумѣется въ чемъ, на Ванькѣ, отвѣчала Стѣша.

— Какъ можно, вскричала я, въ такихъ бальныхъ платьяхъ, съ открытыми головами, въ то время, когда идетъ такой крупный и густой снѣгъ?

— Да, въ то время, когда идетъ такой крупный и густой снѣгъ, повторила Стѣша. Развѣ ты желала бы ѣхать въ каретѣ, чтобъ на насъ на балу всѣ пальцами показывали и шушукали — нѣтъ слуга покорная; я не желаю напрашиваться на скандалы.

Когда мы пріѣхали куда-то въ Гороховую и перешедши тѣсный дворъ, взобрались на четвертый этажъ, въ передней была сильная давка и шумъ. Какая-то женщина и мущина, стоявшіе по обѣимъ бокамъ двери, ведущей въ залу, изъ которой раздавался звукъ настроиваемаго контрбаса, скрестя руки, удерживали какого-то кавалера, пытавшагося войти и о чемъ-то спорившаго.

— Что это такое? спросила я Стѣшу.

— Ничего; вѣрно хотѣлъ пробраться на Фуфу, не заплативъ за антре—вотъ и все!

— Чѣмъ же все это можетъ кончиться? полюбопытствовала я.

— Разумѣется ничѣмъ: или сжалятся, пустять даромъ, чтобъ избѣжать грѣха, или вытолкаютъ.

Дѣло однако обошлось безъ этого второго принудительнаго средства, довольно миролюбиво.

— Я вамъ говорю, что я только сейчасъ вышелъ изъ залы, чтобы подышать въ коридорѣ чистымъ воздухомъ, восклицалъ кавалеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возражала нѣмка, вы сейчасъ только вошолъ, пожалуйста билетъ.

— Десять ихъ что ли тебѣ нужно, пошарь у себя въ карманѣ, такъ найдешь тамъ билетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы сейчасъ пришолъ, заговорилъ въ свою очередь мущина, заслонявшій входъ своимъ туловищемъ.

— А шинель то моя гдѣ? надворѣ—то вѣдь не баня!

— Шинель вашъ вы у дворникъ оставилъ; этому мы видалъ примѣръ.

— Врешь, колбаса проклятая, возразилъ заносчиво кавалеръ; говорятъ тебѣ, что я уже былъ и успѣлъ чуть было не задохнуться въ вашей залѣ; не сама ли ты мнѣ вонъ въ той комнатѣ водку наливала и слупила пятиалтынный за наперстокъ, а? хочешь пойду сейчасъ въ кварталъ и донесу, что у тебя мелочная продажа, вотъ тебѣ и будетъ балъ. Нечего качать головой; пиль, говорятъ тебѣ, пиль. Это послѣднее доказательство возымѣло полную силу. Нѣмка вздернула плечами и кавалеръ шмыгнулъ въ двери, какъ угорь.

— Стѣша, Стѣша, замѣтила я, какъ же этотъ кавалеръ пріѣхалъ на балъ въ сюртукѣ!

— Ну такъ чтожъ, возразила Стѣша, хоть въ халатѣ, заплатилъ бы деньги; какіе ты право дѣлаешь все глупые вопросы, лучше пойдемъ поскорѣй раздѣнемся, благо нѣтъ толкотни.

— За нумерочикъ пожалуйста, замѣтилъ Стѣшѣ лакей, подавая ей кусочикъ карты съ головой бубноваго валеа.

— Послѣ, возразила Стѣша.

— Этакого порядка здѣсь нѣтъ.

— На, подавись, сказала Стѣша, бросая лакею пятиалтынный.

— За двѣ одежды маловато.

— Не хочешь ли ты вотъ чего, рѣшительно произнесла

Стёша, дѣлая жестъ пальцемъ и таща меня за собой. Покуда мы не отдали билетовъ, стоявшій у двери мужчина приподнялъ передъ нами ногу и уперся ею въ косякъ. Зала была полна народу, въ ней было нестерпимо-жарко. Я было, пріостановилась, но Стёша продолжала тащить меня.

— Пойдемъ dokonчимъ свой туалетъ, шептала она.

— Какой еще туалетъ?

Стёша ничего не отвѣчала на это, а только такъ повернула мнѣ съ досады руку, что я чуть не закричала. Мы пришли въ какую-то, не то темнеющую кухню, не то чуланъ.

— Подсунь мнѣ руку подъ кисейный чахоль, сказала тогда Стёша.

— Что у тебя тамъ случилось?

— Ахъ, какая любопытная, подсунь только говорить, такъ узнаешь... Правѣй... еще поправѣ немного; ну, нашла, ощупала, а?

— Что то ощупала, отвѣчала я.

— Такъ тащи поскорѣе.

Подъ кисейнымъ чахломъ Стёши оказались цвѣточная гирляндочка и маленькая женская наколка.

— Ну, вотъ на, надѣвай, что хочешь, на голову, сказала Стёша.

— Ахъ, вѣдь это изъ нашего магазина; эта наколка заказана, помнишь, тою купчихой.

— Счастливѣе будетъ носиться, если на балѣ обновлена; да притомъ, что ей сдѣлается, завтра же вѣдь опять на тоже мѣсто положимъ. Пойдемъ—слышишь ужъ полькуютъ.

Въ началѣ балъ, на который привезла меня Стёша, шелъ какъ балъ и все было болѣе или менѣе чинно, но потомъ все какъ-то ужъ черезъ-чуръ оживилось. Нѣкоторые кавалеры начали танцовать кадрили не иначе, какъ въ присядку, двѣ дамы поссорились и отъ словъ чуть было

не дошли до рукъ; танцоры стали заниматься больше буфетомъ, и я не смотря на то, что была таки довольно голодна, упрашивала Стёшу ѣхать поскорѣе домой, но она оставалась глуха и непреклонна къ моимъ словамъ и только отвѣчала:

— Погоди; если пріѣхали, такъ ужъ нужно дождаться конца, обѣщаны были яблоки, а яблоковъ не разносятъ, сулили ужинъ, а по справкамъ, кромѣ бутербродовъ, ни чѣмъ не попотчуютъ; погоди, пожалуста, дай дождаться Ивана Ивановича, ужъ онъ вѣрно тутъ будетъ съ своею компаніей, и тогда посмотримъ, дадутъ ли намъ ужинать.

— Кто такой Иванъ Ивановичъ? спросила я.

— Я и сама хорошенько не знаю, кто онъ, отвѣчала Стёша, знаю только, что онъ бываетъ постоянно на всѣхъ такихъ танцевальныхъ вечерахъ и всегда съ компаніей. Онъ-то мнѣ и подарилъ эти билеты. Смотря по расположенію духа, Иванъ Ивановичъ бываетъ то щедръ и добръ, то привязчивъ, а это зависитъ оттого, въ какой мѣрѣ онъ на-веселѣ. Чѣмъ Иванъ Ивановичъ пьянѣе, тѣмъ онъ и великодушнѣе, и благороднѣе, и вѣжливѣе.

— А трезвый? добавила я.

— За копѣйку удавится, но это случается только до полудня.

— Да можетъ быть онъ не будетъ?

— Скорѣе свѣтъ перевернется; онъ главный распорядитель бала.

И точно, не прошло и получаса, какъ ужасный шумъ и топанье на лѣстницѣ, пѣсни и свистъ возвѣстили о чемъ-то особенномъ.

— Никакъ драка, прошептала я въ испугѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала обрадованная Стёша, это Иванъ Ивановичъ. Поздравляю тебя, Адель! Теперь мы будемъ пить шампанское и потребуемъ и винограду, и грушъ, до которыхъ до-сихъ-поръ ни одна изъ дамъ еще недотрогивалась.

— Тушь! закричалъ музыкантамъ, игравшимъ въ ту ми-

нугу польку, голосъ Ивана Ивановича, вваливагося въ залу въ шубѣ и къртузѣ, въ сопровожденіи четырехъ или пяти товарищей.

— Тушь! тушь! повторила за Иваномъ Ивановичемъ хозяйка, махая обѣими руками.

Музыканты повиновались и полькировавшія пары должны были пріостановиться на неоконченномъ кружкѣ.

— Играй польку, закричало нѣсколько голосовъ нѣмецкимъ выговоромъ; что это такое... Мы то же гости, мы также заплатили чистыя деньги.

Напрасно хозяйка подбѣгала то къ одному, то къ другому изъ недовольныхъ танцоровъ и твердила имъ что-то. Напрасно нѣкоторыя изъ дамъ, знавшія Ивана Ивановича, подбѣгали къ нему самому и называя, то Ваней, то папашей, уговаривали не мѣшать начатому танцу. Иванъ Ивановичъ оказывался неумолимымъ я, топая ногами, кричалъ вмѣстѣ съ товарищами еще неистовѣе:

— Тушь! или всѣ убирайтесь вонъ!

— Самъ вонъ! Мы тоже заплатили свои деньги, кричали въ свою очередь нѣмцы, пріудерживая за талю своихъ танцовщицъ.

Споръ увеличивался все болѣе и болѣе, не смотря на общее увѣщаніе. Сама неустрашимая Стѣша видимо перепугалась.

— Адель, сказала она, Иванъ Ивановичъ ужъ нынче что-то черезъ-чуръ перепустилъ, не понимаю, съ какой радости; давай поскорѣе улепетывать по-добру по-здорову, безъ городского, я вижу, дѣло не обойдется.

— Такъ чтожъ, замѣтила я, вѣдь мы никакого безпорядка не дѣлаемъ, что намъ городской; подождемъ и посмотримъ издали, чѣмъ все кончится.

— А тѣмъ, отвѣчала съ досадою Стѣша, что переписутъ и правыхъ и виноватыхъ, а тамъ поди и объясняйся. У Ивана Ивановича вѣрно было уже положено нынче пошумѣть на славу — поди, пойми его иной разъ!

И въ самомъ дѣлѣ Иванъ Иванычъ продолжалъ кричать:

— Милліона не пожалѣю, а переверну всё вверхъ дномъ! тушь, и вонъ нѣмцевъ!

И онъ точно принялся кидать депозитки и музыкантамъ, и гостямъ безъ разбору, и съ новымъ крикомъ ура бросилъ даже въ группу остановившихся танцоровъ тарелку съ какимъ то вареньемъ.

— Улизнемъ, улизнемъ, потихоньку твердила мнѣ Стѣша, таща за руку. Съ Ивана Иваныча, какъ съ гуся вода, все скатится, за что же намъ въ чужомъ пиру похмѣлье хлебать.

Мы вышли и отыскиали свои салоны.

— Адель, сказала мнѣ тогда Стѣша, у тебя кажется каша немного поистоптана, такъ выбирай себѣ, которыя лучше.

— Какъ можно! возразила я.

— Ничего, выбирай! Долгъ платежемъ красенъ; у меня самой нѣсколько разъ мѣняли.

Но я не рѣшилась. На другой день вечеромъ я увидилась съ Карломъ Карлычемъ и рассказала ему обо всемъ случившемся.

— Адель Прохоровна, сказалъ онъ мнѣ, хотите вы быть хорошей дѣвицей?

— Разумѣется.

— Такъ не ѣздите на подобные балы, невинно вы можете когда нибудь помести петербургскую улицу...

Я была того же мнѣнія, и не знаю, по трусости ли, по нелюдимому ли характеру,—но никогда болѣе не пускалась на эти танцевальныя вечера. Лучшимъ временемъ и самымъ счастливымъ было для меня лѣто, когда мадамъ, нанимавшая всегда дачу въ Чухонской деревнѣ, брала попеременно которую-нибудь изъ насъ къ себѣ на нѣсколько дней. Правда, что тогда мы изъ модистокъ превращались вмѣстѣ и въ служанокъ, но все-таки намъ было очень весело. Раза три удавалось мнѣ даже быть у Излера,

благодаря смѣлости и находчивости Стѣши. Она всегда какъ-то ухитрялась доставать контрмарки, и мы отправлялись пѣшкомъ, и туда, и обратно, не чувствуя никакой усталости. Выходя изъ саду Минеральныхъ водъ, мы никогда не позабывали брать новыя контрмарки и надѣялись ими какихъ-нибудь нашихъ знакомыхъ дѣвицъ, дожидавшихся нашего подарка гдѣ-нибудь по близости въ Новой деревнѣ, и такимъ образомъ на двѣ даровыя контрмарки мы дѣлали иногда до десяти счастливицъ. Пять лѣтъ моего ученья прошли почти незамѣтно и я только однажды испытала сильное, настоящее горе, почти передъ самымъ окончаніемъ моего ученическаго срока. То была смерть одной молодой швеи, которая работала на нашъ магазинъ поштучно, получая за каждое сшитое ею платье отъ нашей мадамы рубль, хотя послѣдняя брала восемь и десять. Бѣдная умерла отъ чахотки, отъ изнуренія силъ, не смотря на все свое искусство, не заслуживъ ни отъ кого ни похвалы, ни благодарности.

Я долго—долго стояла надъ ея свѣжею могилой и думала:

— Какая участь ждетъ меня самое, въ глуши, въ деревнѣ, въ которой, можетъ-быть, засадятъ меня работать на цѣлый уѣздъ, и къ чему училась я читать и писать, и зачѣмъ мнѣ французскій языкъ?.. Среди всѣхъ этихъ мыслей мелькало предо мной блѣдное, доброе лицо Карла Карлыча съ его восторженнымъ возгласомъ:

— Ахъ, Адель Прохоровна, еслибъ вы только когда-нибудь сдѣлались больны серьезно, какъ бы я желалъ этого! Вы бы посмотрѣли, какъ бы я васъ искусно вылечилъ.

Какъ я желала въ ту минуту, чтобы онъ могъ меня уморить!

И вотъ роковой день приблизился. Вчера приходилъ въ магазинъ нашъ староста и показывалъ мадамѣ приказъ барыни взять меня и вести въ деревню.

— На чемъ же мы поѣдемъ? спросила я.

— На дровняхъ, на которыхъ привезена живность.

— Въ такой морозъ! вскричала я, когда у меня салонъ на такой легкой подкладкѣ.

— Присланъ тебѣ тулупъ.

Мнѣ, привыкшей носить бурнусы, шляпки, камали, одѣться въ нагольный тулупъ, который, уже чрезъ недѣлю, презирають всѣ наши дѣвчонки и выходя куда-нибудь за посылками, обыкновенно выпрашиваютъ у другихъ какое-нибудь тряпье, скроенное саломомъ—это ужасно! Я, просто, умру со стыда, если увидятъ меня въ тулупъ мои знакомыя. Что подумаетъ обо мнѣ Карлъ Карлычъ, какъ будутъ смѣяться и Стѣша и Эме и всѣ прочія. О, еслибъ Карлъ Карлычъ согласился уморить меня! Прости, прости моя веселая петербургская жизнь!..

II.

О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ ЗЕМНАГО ШАРА.

П. М. НОВОСИЛЬСКАГО.

I.

Человѣкъ, величающій себя владѣтелемъ земнаго шара, еще не взялъ во владѣніе мнимаго своего царства. По словамъ Гомера, онъ дышетъ, ползая по земной поверхности; онъ заключенъ въ нижнихъ предѣлахъ атмосферы и, если пытается подняться немного вверхъ, недостатокъ воздуха и холодъ его останавливаютъ. Но ограничиваясь и доступными человѣку предѣлами, онъ не занялъ и даже не изслѣдовалъ еще всѣхъ странъ, гдѣ родъ человѣческой могъ бы размножаться, пользуясь произведеніями животнаго и растительнаго царствъ, которыя такъ обильно даритъ ему земля и море. Пятьдесятъ милліоновъ жителей Америки, большею частію произошли отъ недавнихъ переселенцевъ изъ Европы, преимущественно отъ англичанъ и испанцевъ. Что сказать объ Австраліи, Калифорніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ земнаго шара, гдѣ такъ быстро развивается теперь народонаселеніе? Географія, вмѣщая предметомъ своимъ описаніе нашей земли, еще дале-

ко неолпа. Метеорологія идетъ выше, владычество ея — воздушный океанъ, называемый атмосферою, который безбрежными своими волнами окружаетъ землю верстъ на шестьдесятъ въ высоту. Астрономъ, оставляя землю, возносится еще далѣе и, по выраженію Аристотеля, наблюденіями и мысленнымъ окомъ проникаетъ за предѣлы едва зримаго міра.

Но человекъ, уносясь мыслию и наблюденіями въ міры надзвѣздныя, кажется, пренебрегъ изученіемъ собственной своей планеты, къ которой, можно сказать, навсегда прикованъ, потому-что рѣдкія восхожденія на вершины снѣжныхъ горъ и еще рѣдчайшія подытія на аэростатахъ, находятся въ такомъ же отношеніи ко всѣмъ людямъ, въ какомъ летучія рыбки, на секунду подымающіяся въ воздухъ, ко всѣмъ обитателямъ морей. Только недавняя наука собрала итогъ любопытныхъ свѣдѣній о внутреннемъ устройствѣ земли изъ разсмотрѣнія горъ и земныхъ пластовъ, поднятыхъ послѣдовательными переворотами въ нашей планетѣ, измѣнившими видъ ея и всю климатологію.

Человекъ, погребая себя въ нѣдра земли и извлекая отсюда драгоценныя камни и металлы, сдѣлалъ любопытныя замѣчанія о возрастающей теплотѣ по мѣрѣ углубленія въ земную почву и о порядкѣ расположенія различныхъ пластовъ. Въ тоже время наука возсоздала изъ уцѣлѣвшихъ въ землѣ остатковъ и частей—гигантскихъ, четвероногихъ, птицъ, рыбъ, морскихъ раковинъ, деревьевъ, растений, нынѣ не существующихъ. Но что находится ниже этихъ, еще доступныхъ человеку, слоевъ? Изъ какихъ именно веществъ состоитъ земной шаръ? Имѣемъ ли какія-нибудь сообщенія съ внутренностію нашей планеты? Земля, горы, дно морей—простираются ли твердою массою до самаго центра земли, или же, за твердою корою, жидкая огненная масса носитъ на себѣ материкъ и дно морей, подобно тому, какъ полярное море носитъ на себѣ ледяныя поля и горы? Или, пойдемъ далѣе: не состоитъ ли центральная внутренность нашей планеты изъ упругой, весьма сжатой, газообразной матеріи, дѣйствующей снизу вверхъ на твердыя массы, которыя на себѣ носятъ, и способной выбрасываться наружу, коль скоро сдѣлается трещина или отверстіе гдѣ-либо въ наружной оболочкѣ земнаго шара? Вотъ какіе вопросы предложены не болѣе пятидесяти лѣтъ Геологію, наукою еще въ

младенчества. Прежде успѣшныхъ разысканій, умъ человѣческій задаетъ себѣ вопросы, что именно долженъ искать. Опытъ подтверждаетъ, что вопросъ, ясно предложенный, этимъ самымъ вполнѣ уже разрѣшается. Для науки и то уже успѣхъ, когда она можетъ отчетливо сказать: чего не знаетъ и что должна искать.

Прежде всего вспомнимъ, что всѣ тѣла въ природѣ являются въ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ. Первые два вида всѣмъ извѣстны, къ третьему отнесемъ, для примѣра, воздухъ, которымъ дышемъ; газъ, которымъ освѣщаемъ дома и улицы; газъ, которымъ наполняютъ воздушные шары; газъ, находящійся въ нижней части знаменитой собачьей пещеры, близъ Неаполя. и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ которомъ умираютъ бросаема туда животныя. Водныя пары принадлежатъ также къ газообразной жидкости, которой расширительная сила сообщаетъ столь изумительную скорость движенію.

Всѣ эти упругія жидкости и газы имѣютъ удивительную легкость и, будучи заключены въ большихъ сосудахъ, почти не увеличиваютъ ихъ тяжести; такъ незначительна удѣльная ихъ тяжесть. Нельзя однакожъ безусловно приписывать большую легкость каждой газообразной жидкости. Заключая такіе газы въ желѣзные сосуды или въ толстыя стеклянныя трубки и подвергая ихъ сильнѣйшему жару, г. Каньяръ де ла Туръ, членъ парижскаго института, успѣлъ дать имъ великую плотность и упругость. Вода, алкоголь, эфиръ—получали такія удивительныя свойства, и если представить себѣ, что земная матерія дѣйствіемъ внутренняго огня приведена въ такое сжатое газообразное состояніе, то почему не допустить, что этотъ сгущенный упругій газъ носитъ на себѣ всѣ земныя пласты, составляющіе кору земнаго шара.

По Лапласовой Космогоніи, земля и планеты образовались изъ уругой, газообразной, солнечной матеріи въ шарообразныя, обращающіяся вокругъ осей своихъ, тѣла, заключающія во внутренностяхъ заимствованный ими отъ солнца огонь. Бюффонъ также полагалъ, что земля составила изъ огненной жидкости, отдѣленной отъ солнца ударомъ кометы; но онъ допускалъ, что въ теченіе тысячелѣтій расплавленная матерія земли успѣла охладиться и отвердѣть отъ поверхности до са-

маго центра. Предположеніе, не подтверждающееся фактами новѣйшей науки, которая, согласно съ теоріею Лапласа, полагаетъ что земля состоитъ большею частію изъ жидкости.

Однакожь земля кажется намъ твердою и неподвижною, почва ея—холодная и влажная, и когда роюгъ колодцы, достаютъ не огонь, а воду! Поэтому насъ засыпають слѣдующими возраженіями: 1) неужели скалы и утесы могутъ плавать на какой-нибудь возлухообразной жидкости? 2) по вашей системѣ стѣитъ только вырыть глубокій колодець, чтобъ черпать оттуда теплоту? 3) почему же земля не трясется каждый день, если плаваетъ на жидкой массѣ? 4) отчего центральный огонь не выходитъ на поверхность земли, какъ вода выходитъ на поверхность льда, когда дѣлаются на ней трещины? 5) почему не чувствуемъ мы подъ ногами этой страшной теплоты, полагаемой вами въ центрѣ земли и почему не разтаютъ отъ нея полярные льды и ледники въ горахъ? 6) почему отъ подземныхъ огней не закипаетъ вода въ колодцахъ? 7) какъ изяснить дѣйствіе volcanовъ при допущеніи центрального огня? Постараемся дать на всё точные отвѣты.

Прежде всего надо убѣдиться не теоретическими доводами, а чѣмъ-нибудь болѣе положительнымъ, что внутренность земли состоитъ дѣйствительно изъ жидкой матеріи. Какъ ни великъ авторитетъ Лапласа, мы далеки отъ временъ пифагоровскихъ, когда довольствовались бездоказательными словами мудреца.

По мѣрѣ углубленія въ землю, температура нижнихъ слоевъ увеличивается, такъ-что на каждые 123 ф. термометръ показываетъ однимъ градусомъ Р. болѣе. Отсюда слѣдуетъ, что на глубинѣ весьма незначительной, въ сравненіи съ размѣрами нашей планеты, всё должно находиться въ расплавленномъ состояніи, въ особенности, если принять въ соображеніе, что вещества, находящіяся во внутренности земнаго шара, какъ напр. лава, порфиры, трахиты, роговые камни и всё volcanическія изверженія, легче плавятся, нежели гранитъ, кремль, глиназѣмъ и другія тѣла, освободившіяся дѣйствіемъ воды и воздуха отъ элементовъ, способствующихъ расплавкѣ. Въ запискѣ члена французскаго института г. Кордье, приведено много любопытныхъ фактовъ изъ наблюденій въ глубочайшихъ рудоковняхъ, для подтвержденія возрастающей теплоты по мѣрѣ приближенія къ центру земли, такъ-что въ большихъ

глубинахъ необходимо уже предохранять себя отъ слишкомъ высокаго жара. Въ каменоломняхъ Корваллиса и въ подземныхъ соляныхъ галлерейхъ Велички, температура бываетъ всегда лѣтняя, лошади получаютъ тамъ шерсть темную, завивающуюся, что конечно, приписать должно вліянію жара. Сверленіе гренельскихъ колодцевъ въ Парижѣ дало воду въ 21° Р. Г. Вальфердицъ, занимавшійся подобными изслѣдованіями во Франціи и Германіи, подтвердилъ, что съ увеличиваніемъ глубины на каждыя 123 ф. теплота увеличивается на одинъ градусъ Р. Еслибъ посредствомъ геологическихъ указаній можно было найти воду на углубленіи отъ 1000 до 1500 саж., то посредствомъ гренельскихъ колодцевъ получили бы горячую воду и могли бы употреблять ее для разныхъ потребностей, не прибѣгая къ топливу, которое вообще и въ особенности въ столицахъ весьма недешево.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ столь простому и понятному факту, скажемъ, что теплыя минеральныя воды происходятъ отъ потоковъ, проникающихъ въ глубокія разсѣлины или впадины съ горячимъ дномъ, и которыя оттуда выбрасываются отъ новаго притока холодной воды.

При землетрясеніяхъ нерѣдко случается видѣть массу кипящей воды, выбрасываемую изъ земныхъ разсѣлинъ. Вотъ новое доказательство величайшаго во внутренности земли жара. Всѣ подземныя воды, находящіяся на глубинѣ болѣе трехъ верстъ, должны имѣть температуру отъ 80 до 100° Р. слѣд. кипѣть.

Но прежде, чѣмъ пойдемъ далѣе, мы должны опровергнуть одно ошибочное мнѣніе. Нѣкоторые геологи полагаютъ, что водяные пары способны производить замѣчаемыя въ материкахъ поднятія; что будто бы этотъ могучій дѣятель, сокрытый въ нѣдрахъ земли, гдѣ нѣтъ нѣдостатка въ теплотѣ, можетъ воздымать пласты и каменные края горъ, не смотря на толщину земной коры въ шестьдесятъ верстъ. Такое мнѣніе — великая погрѣшность въ физикѣ. Надо припомнить, что сила водяныхъ паровъ можетъ доходить только до извѣстныхъ предѣловъ. Если это покажется для нѣкоторыхъ читателей новымъ, то просимъ ихъ обратить вниманіе на слѣдующее: положимъ, что вода и водяные пары заключены въ замкнутый желѣзный сосудъ, могущій выдерживать великую разши-

рительную силу и что этотъ сосудъ подверженъ сильнѣйшему нагрѣванію. По мѣрѣ того, какъ новая теплота проникаетъ чрезъ стѣнки сосуда въ воду, изъ нея отдѣляются новыя пары къ прежнимъ и упругость ихъ увеличивается. Если сосудъ непроченъ, онъ лопается какъ бомба и разлетается въ куски; но если проченъ, вотъ что бываетъ: скопляющіеся пары дѣлаются такъ густы, что взаимное притяженіе ихъ частицъ увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ упругость ихъ уменьшается. Тоже случается и съ сгущаемыми газами. Во многихъ подобныхъ, довольно опасныхъ съ водороднымъ газомъ, опытахъ, увеличеніе разширительной силы не было пропорціонально ихъ сгущенію. Поэтому и надлежитъ отказаться отъ теоріи Аристотеля, который приписывалъ подземнымъ газамъ и парамъ землетрясенія и поднятія материковъ. Овидій разсказываетъ, что близъ Трезевъ находилась высокая голая скала, явившаяся отъ подземныхъ вѣтровъ, которыя вздули землю подобно мѣхамъ. Земля окрѣпла въ этой новой формѣ и сдѣлалась высокою скалою.

Оставимъ волянымъ парамъ свойственныя имъ дѣйствія; пусть мчатъ они вагоны со скоростію по верстѣ въ минуту, или гонять легкія суда по волнамъ морей и океановъ. Но для колебанія материковъ нужны другіе, болѣе могущественныя дѣятели.

Чтобъ дать движеніе каретѣ, не запрягаютъ въ нее собакъ; чтобъ летѣть въ вагонѣ, не запрягаютъ въ него лошадей, чтобъ дать движеніе континентамъ, имѣющимъ до 60 верстъ толщины — силы паровъ недостаточно.

Кора, или черепъ земнаго шара, представляетъ нынѣ твердую поверхность, между — тѣмъ въ наружной оболочкѣ земли совершались великія измѣненія. По мѣрѣ того, какъ ядро земли охлаждалось и уменьшалось въ объемѣ, многія части материка, не имѣвшія прочной между собой связи и твердаго основанія, проваливались, другимъ угрожаетъ и нынѣ еще разрушеніе. Первые упали вчера, вторые обрушатся завтра, къ послѣднимъ преимущественно отнести должно края континентовъ — рубежи морей и суши.

Подземный гулъ, нерѣдко устрашающій мѣстныхъ жителей, представляетъ физикамъ задачу для разрѣшенія столь стран-

наго явленія въ природѣ. Предположеніе, что континенты посятся на жидкой расплавленной массѣ — дастъ намъ легчайшее объясненіе этого феномена. Въ странахъ полярныхъ, подъ ледяными на морѣ полями, не слышатъ ли иногда отважные путешественники страшнаго гула, происходящаго отъ ударовъ ледяныхъ глыбъ, приносимыхъ пижвыми теченіями подъ ледяную поверхность. Эти страшные удары не имѣютъ ли сходства съ подземнымъ шумомъ внутри нашей планеты отъ обломковъ скалъ и утесовъ, носимыхъ расплавленною жидкостію и ударяющихся о нижнюю оболочку земной коры, между-тѣмъ какъ на верхней или наружной стоятъ спокойно города, деревни, или находится дно океановъ и морей.

Но изъ всѣхъ проявленій центральнаго огня самое ошутительное есть дѣйствіе вулкановъ, которыми земля буквально изрѣзана, особенно, если примемъ въ расчетъ не одни вулканы, дѣйствующіе или дѣйствовавшіе, но и тѣ, существованіе которыхъ указывается вулканическими произведеніями, какъ н. п. потоками лавы, базальтомъ, вулканическимъ пескомъ и всѣми горными породами огненнаго происхожденія.

Направленіе вулкановъ соотвѣтствуетъ прямой или извилистой линіи разрыва земной оболочки. Такова знаменитая вулканическая линія, слѣдующая по хребту кордильеровъ на западномъ берегу Америки, отъ Калифорніи до Чили. Вездѣ длинная линія разрыва произвела длинную цѣпь вулканическихъ жерлъ. Легко понять, что когда земная кора прорывается, огненная жидкость, не имѣя на себѣ тяжести материка въ шестьдесятъ верстъ толщиною, подымается въ разсѣлину, подобно водѣ, втекающей въ трещины ледянаго поля. Огненная матерія, возвысясь немного надъ поверхностію земной коры и выбросивъ жидкую массу, которая тяжелѣе и плотнѣе плавающихъ на ней материковъ, входитъ опять въ жерло и держится тамъ на извѣстной высотѣ, соразмѣрно своей тяжести. Сравненіе будетъ самое точное, если допустимъ, что какъ стужа сковываетъ выступившую изъ разсѣлинъ ледяныхъ полей воду, такъ и лава, поднявшись на высоту, соотвѣтствующую ея удѣльной тяжести, отвергается и уничтожаетъ сообщеніе наружной поверхности земли съ ея внутренностію, спавшая, такъ сказать, разорванную оболочку. Многіе вулканы, между которыми можно указать на Мона-Роа на островахъ сандвиче-

выхъ, какъ бы служатъ сообщеніемъ между центральнымъ огнемъ и наружною оболочкою земнаго шара. Съ пятиверстныхъ высотъ огромнаго жерла можно наблюдать центральную огненную массу, которая въ послѣдствіи обратится въ отверженную лаву и замкнетъ внутренность земли, соединясь съ ея оболочкою.

Вулканическія изверженія естественно должны сопровождаться землетрясеніями. Трудно предполагать, чтобъ кора земли растрескивалась такъ тихо и покойно, чтобъ поверхность земли не колебалась. Но при землетрясеніяхъ не всегда бываютъ вулканическія изверженія, потому—что земные пласты могутъ приходить въ новое состояніе равновѣсія, не давая выхода огненной жидкости, на которой плаваютъ материки.

Гумбольдтъ полагаетъ, что центральная масса земнаго шара дѣйствуетъ на наружную его оболочку, извергая огненную жидкость чрезъ разсѣлины. Этотъ фактъ также легко объясняется давленіемъ материковъ на огненную жидкую массу, которая и восходитъ чрезъ это въ отверстія земной коры. Впрочемъ, такое давленіе не довольно объясняетъ нѣкоторыя сильнѣйшія изверженія, въ которыхъ являлась не лава, но высокій огненный столбъ, выбрасываемый въ атмосферу съ непостижимою силою, и котораго упругая, газообразная матерія падала тончайшимъ вулканическимъ дождемъ. Это была газообразная лава, вырывающаяся изъ нѣдръ разверзтой земли, служащая неопровержимымъ доказательствомъ существованія упругой матеріи, которую Лапласъ допускалъ въ земномъ ядрѣ ниже жидкой лавы, выходящей изъ кратеровъ съ меньшимъ стремленіемъ, чѣмъ газъ центральный.

Чтобъ лучше изяснить порядокъ трехъ веществъ, изъ которыхъ состоитъ земной шаръ, мы прежде всего упомянемъ о твердой его корѣ или наружной оболочкѣ, состоитъ ли она изъ континентовъ, поднимающихся въ атмосферу, или дна океановъ и морей. Судя по глубинѣ, въ которой всѣ извѣстныя вещества должны находиться въ расплавленномъ состояніи, толщина земной коры не должна превосходить шестидесяти верстъ. Это почти равняется высотѣ воздушной атмосферы до границъ ея, доступныхъ нашимъ чувствамъ, и составляетъ одну сотую часть земнаго радіуса. Итакъ, самая малая часть земнаго шара охладилась и находится въ отверженномъ состоя-

ни, главнѣйшая же состоитъ изъ огненной сферы, покрытой тонкою оболочкою, подобно кожицѣ, покрывающей сливу или виноградную ягоду. Говоря сравнительно, земная оболочка гораздо тоньше кожицы многихъ плодовъ, какъ на примѣръ апельсина, котораго сжатая фигура очень похожа на форму земнаго шара.

Пониже земной оболочки находится слой расплавленной жидкости. Назовемъ ее лавою, изъ которой, по мнѣнію многихъ геологовъ, состоитъ вся внутренность земнаго шара, такъ-что на этомъ огненномъ морѣ, какъ-бы плаваютъ материки. Но это едва ли справедливо. Не правильнѣе ли полагать съ Лавласомъ, что середина земли наполнена весьма сжатымъ, упругимъ, газообразнымъ веществомъ, которое носитъ на себѣ лаву, какъ лава носитъ на себѣ твердую землю. Такимъ-образомъ сжатый газъ и составляетъ настоящее ядро нашей планеты, потомъ слѣдуетъ лава и потомъ твердая земля.

Если нестись изъ небесныхъ пространствъ къ центру земнаго шара, то прежде всего надо вступить въ легкій газъ или воздушную атмосферу, которая окружаетъ всю землю и покоится на материкахъ и океанахъ, океаны покоятся на земной оболочкѣ или корѣ, которая покоится и плаваетъ на лавѣ и наконецъ лава покоится и плаваетъ на внутреннемъ газѣ.

Нерѣдко, при сильныхъ волканическихъ изверженіяхъ, лава замѣнялась газомъ, который съ неимоверною силою огненнымъ столбомъ выбрасывался въ атмосферу и, охлаждаясь, ниспадалъ пепельнымъ дождемъ. Подобный дождь изъ Везувія задушил ученаго Плинія, котораго благородное любопытство влекло къ наблюденію столь величественнаго явленія. Греческій философъ Эмпедоклъ также погибъ, наблюдая слишкомъ въ близкомъ разстояніи жгучій огонь Этны.

Приведемъ еще одно доказательство, почему землетрясенія не могутъ происходить отъ водяныхъ паровъ: причина этому самая простая — на извѣстной глубинѣ, по высокой температурѣ, не можетъ быть воды, слѣдовательно, нѣтъ и водяныхъ паровъ. Внутренній жаръ земли не позволяетъ водѣ глубоко проникать въ земную оболочку; на глубинѣ четырехъ уже верстъ почва земли должна быть совершенно суха при весьма высокой температурѣ.

Нѣкоторые приписываютъ землетрясенія и дѣйствию луны.

Извѣстно, что притяженіе нашего спутника, усиливается во время сизигій * и притяженіемъ солнца — производитъ морскіе приливы и отливы. Но дѣйствіе этихъ свѣтилъ на твердыя части нашей земли ничтожны. Вычисленіе показываетъ, что притягательная сила луны произведетъ на материкахъ не болѣе дѣйствія, какъ тяжесть слоя земли въ аршанъ толщиною. Но подобная тяжесть, конечно, не въ состояніи разрушить материка. Итакъ, притягательная сила луны и солнца столь же невинны въ произведеніи землетрясеній, какъ и водяные пары.

Чтобъ еще лучше понять ничтожность дѣйствія луны на твердыя тѣла, скажемъ, что тѣло, имѣющее вѣсу около пяти пудовъ, отъ наибольшаго дѣйствія луны уменьшится въ вѣсѣ своемъ на 0. 16 грана. Стало-быть человекъ, имѣющій въ самомъ зенитѣ луну, уменьшитъ свой вѣсъ на сотую долю серебрянаго пяточка.

Оканчивая теорію о внутреннемъ устройствѣ нашей планеты и выходящихъ изъ того слѣдствій, намъ остается еще упомянуть о паническомъ страхѣ, поражающемъ время отъ времени жителей земли. Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія появленіе кометъ наводило всеобщій ужасъ. Преставленіе свѣта было у всѣхъ на языкѣ, не вѣрили даже успокоительнымъ публикаціямъ правительства. Подобный страхъ, хотя не всюду распространившійся, памятенъ въ 1825 г., по поводу вкравшейся во Французскій морской альманахъ ошибки, гдѣ показанъ былъ морской приливъ 1133 вмѣсто 113 метровъ **. Во Франціи и Бельгіи многіе ожидали всеобщаго потопа и конца свѣту, яныя со страху заболѣли. И теперь есть люди, вѣрящіе, что фазисы луны имѣютъ вліяніе на ходъ болѣзней. На востокѣ рассказываютъ слѣдующую басню: оливъ дerviшъ, въ окрестностяхъ Каира, на обычной при восхожденіи солнца молитвѣ, видитъ призракъ, направляющійся въ городъ.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Морская язва.

— Куда идешь?

* Новолуній и полнолуній.

** Метръ равняется 1. 406 аршина т. е., почти полусаженю.

— Въ Каиръ.

— За чѣмъ?

— Уморить пятнадцать тысячъ человѣкъ.

— Нельзя ли отворотить эту бѣду.

— Нельзя. Такъ опредѣлено.

— Смотри же : не смѣй умертвить на одняхъ человѣкомъ болѣе.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда повальная болѣзнь прекратилась, моровая язва и дервишъ опять встрѣтились.

— Ты изъ Каира?

— Да!

— Что ты тамъ сдѣлала?

— Уморила пятнадцать тысячъ человѣкъ.

— Джешь, ты уморила тридцать тысячъ человѣкъ.

— Нѣтъ, я уморила только пятнадцать тысячъ, другіе же пятнадцать тысячъ померли со страха.

II.

На вопросъ: не должно ли быть ежедневныхъ землетрясеній; отвѣтъ будетъ утвердительный. Дѣйствительно, на всемъ земномъ шарѣ не проходитъ дня, чтобъ въ томъ или другомъ мѣстѣ не было колебаній, происходящихъ отъ осадки твердыхъ массъ земли къ центру ея. Эти легкіе колебанія и разрывы коры земнаго шара — миниатюрные образчики великой катастрофы, которая назадь тому нѣсколько тысячелѣтій вдавила и потопила древніе континенты, выдвинула и осушила нынѣшніе матеріи, измѣнила климаты и произвела новыя растенія и новыя животныя на мѣсто прежнихъ органическихъ породъ.

Извѣстно, что все балтійское побережье продолжаетъ постоянно подниматься; берега Франціи, прилежащія атлантическому океану, также съ каждымъ столѣтіемъ чувствительно поднимаются.

Во многихъ мѣстахъ море какъ-бы отступаетъ отъ береговъ, но это такъ только кажется, море остается неизмѣннымъ, а поднимается земля.

Впрочемъ, мы должны упомянуть, что великіе катастрофы, измѣняющія наружный видъ земли, раздѣляются между собою многими тысячелѣтіями. Катастрофа съ земнымъ шаромъ, т. е. всемірный потопъ, сравнительно говоря, была недавно, и земные обитатели могутъ быть покойны, что съ нашею планетою долго еще ничего не случится, кромѣ небольшихъ развѣ выступовъ и проваловъ, небольшихъ кое-гдѣ разрушеній, которые ничего не значатъ въ отношеніи къ цѣлому, хотя и много значатъ иногда въ отдѣльности, примѣръ не далекъ въ разрушеніи Лиссабона и другихъ городовъ.

Астрономы и физики, овладѣвшіе безконечно великими и безконечно малыми предметами посредствомъ удивительно точныхъ и сильныхъ наблюдательныхъ орудій, жалуются на *непостоянство земли*. Отъ Европы до Америки, отъ Индіи до Мыса Доброй Надежды, повсюду телескопы обнаруживаютъ нѣкоторую въ нашей планетѣ колеблемость, подобно едва замѣтному движению палубы большаго корабля, стоящаго въ спокойной гавани. Иногда замѣчаютъ, что полярная звѣзда колеблется, между тѣмъ какъ звѣзда эта неподвижна, а видимое ея колебаніе происходитъ отъ дѣйствительнаго колебанія нашей планеты. Не должно думать чтобъ эти малѣйшія движенія, вводящія астрономовъ въ погрѣшности, мало для нихъ значили. Не говоря уже о старинной сказкѣ, что Аристотель, не умѣя объяснить причины дѣйствія приливовъ и отливовъ, бросился съ досады въ море, мы имѣемъ недавній примѣръ, что два астронома умерли съ горя отъ несходства ихъ наблюденій. Когда астрономы посредствомъ телескоповъ замѣчаютъ колебаніе въ небесныхъ свѣтилахъ, можно быть увѣрену, что въ то время дѣйствительно земля наша неправильнымъ образомъ колеблется. Мы скоро увидимъ, въ какой степени могутъ дѣйствовать на положеніе земной оси сильнѣйшія землетрясенія.

Нѣкоторые при мысли объ огненной пропасти, почти подъ нашими ногами, задаютъ, какъ мы упомянули выше, вопросъ: отъ чего не чувствуемъ мы жара, когда онъ такъ къ намъ близокъ? Другіе полагаютъ, что подземный огонь дѣйствуетъ и на растительность, что однако жъ несправедливо. Случалось, что землю

воздѣлывали на оледѣнѣлой внизу землѣ и хлѣбъ выросталъ, какъ на обыкновенной почвѣ. Въ Сѣверной Сибири, н. п. въ Якутскѣ, земля оттаиваетъ лѣтомъ на какую-нибудь сажень, а между-тѣмъ всѣ растенія быстро на ней зрѣютъ; стало-быть не центральный огонь, а солнце имѣетъ вліяніе на растительность.

Теплота легко проникаетъ чрезъ тѣла тонкія, но когда толщина значительна, распространяется чрезъ нихъ медленно, хотя бы тѣло было и металлическое. На литейныхъ расплавленная мѣдь въ сосудѣ кубическаго фута сохраняетъ нѣсколько дней жаръ, такъ-что нѣкоторыя тѣла, полагаемыя на ея поверхность, могутъ еще воспламеняться. Приведемъ другой примѣръ: путешественники, заблудившись, на пустынныхъ высотахъ Этны, посреди волканическаго пепла, чувствовали, какъ и должно было ожидать, жажду въ странѣ, гдѣ владычествуетъ жаръ и расплавленная матерія. Одинъ изъ проводниковъ, вонзивъ случайно окованную желѣзомъ палку въ жгучій пепелъ, замѣтилъ, что желѣзное острее попало во что-то необыкновенное: это былъ слой льда и снѣга, покрытый волканическимъ пепломъ. Вотъ доказательство, какъ медленно проникаетъ теплота чрезъ толстыя массы. Путешественники, разумѣется, воспользовались столь нужною для нихъ находкою, пощаженною внутреннимъ и наружнымъ огнемъ Этны. Всѣ возвращающіеся съ Везувія рассказываютъ, что между огненною рѣкою и подошвою обуви бываетъ весьма незначительный промежутокъ, однако жъ послѣдняя остается невредима. Фурье, по указаніямъ новѣйшей физики, вычислилъ, что теплота, могущая проникнуть чрезъ всю кору земнаго шара, полагая, что она имѣетъ проводимость металла, не окажетъ на наружную оболочку дѣйствія большаго одной-тысячной части термометрическаго градуса; слѣдовательно дѣйствіе теплоты чрезъ всю земную оболочку будетъ на поверхности ея безконечно малое или равное нулю.

Но вотъ еще нѣчто менѣе серьезное для желающихъ убѣдиться, что и малѣйшій слой посредствующей матеріи можетъ приостанавливать дѣйствіе жара. Одинъ французскій ученый, и именно историкъ Мезере, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и предавался думамъ. Входитъ къ нему маленькая дѣвочка и проситъ огонька. Въ ту эпоху подобныя просьбы въ Парижѣ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ, и почти въ каждомъ небогатомъ хозяйствѣ хранился старыи деревянный башмакъ, съ

которымъ ходили къ сосѣду за огнемъ, когда свой потухалъ.— Очень радъ, отвѣчалъ важный историкъ, но гдѣ же, душенька, твой деревянный башмачекъ?—«Только позвольте, сударь, я и безъ него обойдусь.» «Хорошо», сказалъ любопытный ученый, смотря, что будетъ далѣе. Дѣвочка, присѣвъ передъ камнемъ посыпала на свою лѣвую ладоньку немного золы и положивъ на этотъ слой горячіе угольки, понесла ихъ, не боясь обжоги. Хотя я ученый, подумалъ Мезере, но никогда бы не пришло мнѣ въ голову обращаться такъ съ горячими углями.

Въ допотопную эпоху, болѣе или менѣе было материковъ? или другими словами: болѣе или меньшее пространство занимали прежніе океаны? Можно предполагать, что прежняя почва земли, когда кора ея была тоньше, имѣла менѣе неровностей, и слѣдовательно первыя обвалы произвели менѣе морскихъ бассейновъ. Впрочемъ новѣйшей наукѣ предлежитъ разрѣшить точнѣе этотъ вопросъ, по собранію недостающихъ еще данныхъ. На новѣйшихъ физическихъ картахъ означены не только различныя племена народовъ, но и различные породы четвероногихъ животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ, земныхъ и морскихъ растений. Еслибъ мы имѣли всѣ эти данныя для другой эпохи, намъ легко бы было указать предѣлы морей и суши. Геологи усердно трудятся надъ разрѣшеніемъ этой задачи, отыскивая погребенныя въ земныхъ слояхъ окаменѣлости изъ царствъ животнаго и растительнаго. Къ сожалѣнію, океанъ, поглотившій большую часть прежняго материка, препятствуетъ человѣку собрать полнѣйшія для прежней эпохи свѣдѣнія.

Посмотримъ, что остается еще теперь рѣшить. Бютъ справедливо сказалъ: что открыто вчера—кажется весьма легкимъ, что будетъ открыто завтра, кажется весьма труднымъ. Всякій вопросъ, получившій рѣшеніе, теряетъ уже цѣну, между-тѣмъ умъ человѣческій едва успѣваетъ вносить въ лѣтопись знаній новѣйшія открытія и безпрестанно стремится къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Первое слѣдствіе, вытекающее изъ устройства земли, есть наружная ея форма. Жилкое, обращающееся вокругъ своей оси, тѣло, натурально должно было получить сферическую, сжатую на полахъ и возвышенную на экваторѣ, форму,—такова и есть наша земля. Точнѣйшимъ опредѣленіемъ сжатія земнаго шара занимались ученые различныхъ націй; работы въ этомъ отноше-

ній русскихъ ученыхъ—едвали не превышаютъ колоссальностію и точностію всё прочія. Довольно упомянуть здѣсь, что въ недавнее время окончено измѣреніе великой дуги меридіана отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря.

Кромѣ сжатія земли на полюсахъ на $\frac{1}{3000}$ земнаго діаметра, точнѣйшія измѣренія показываютъ, что земля не имѣетъ даже и правильной формы элипсоида. Въ среднихъ широтахъ и Европѣ оказывается напр. нѣкоторое утолщеніе или какъ-бы надбавочный на землѣ поясъ. По мнѣнію Бабине, материкъ обращается около земной оси отъ запада къ востоку скорѣе, нежели центральная газообразная масса. Отъ этого всё магнитныя меридіаны вѣскольکو отстаютъ и подвигаются немного къ западу. Чтобы пояснить это, припомнимъ, что въ Парижѣ, при учрежденіи въ 1666 г. академіи наукъ, магнитная стрѣлка показывала прямо на сѣверъ, т. е. магнитный меридіанъ совпадалъ съ истиннымъ. Спустя вѣскольکو лѣтъ, магнитный полюсъ отошелъ немного къ западу и магнитная стрѣлка показывала прямо на сѣверъ уже въ Лондонѣ; еще чрезъ нѣкоторое время—въ Ирландіи, а въ наше время надо переплыть атлантическій океанъ и достигнуть до 96° з. д. отъ Гринвича, чтобы найти магнитный меридіанъ, совпадающій съ истиннымъ. Чрезъ—полторы тысячи лѣтъ магнитныя меридіаны сдѣлаютъ полный оборотъ и въ тоже время земныя материкъ обратятся однимъ разомъ болѣе противъ центральной газообразной массы.

Оставляя область гипотезъ, замѣтимъ, что шаръ земной, по своему внутреннему устройству, походитъ на великую электрическую машину, въ которой земная кора безпрестанно трется о внутреннюю жидкость. И вотъ мы имѣемъ, такъ сказать подъ руками, причину для произведенія невъяснимыхъ доселѣ сѣверныхъ и южныхъ сіяній. Всё, что мы знаемъ объ этихъ чудныхъ небесныхъ огняхъ, заключается въ томъ, что они имѣютъ связь съ движущимся электричествомъ и, освѣщая небо, дѣйствуютъ въ продолженіе своего явленія на магнитную стрѣлку. Въ самомъ дѣлѣ: не страннѣе ли феноменъ, что стальная намагниченная полоска, висѣщая подъ сводомъ парижской обсерваторіи, дрожитъ и колеблется отъ сѣвернаго сіянія, озаряющаго полночныя страны Европы.

Ученый путешественникъ Фидлеръ однажды рассказывалъ астроному Араго о странствованіяхъ своихъ по сѣверу Европы для открытія рудниковъ.—А случилось ли вамъ наблюдать сѣ-

вѣрныя сіянія? спросилъ Араго.— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Фидлеръ и, въ началѣ 1825 г, я видѣлъ одно изъ самыхъ великолѣпнѣйшихъ...— Остановитесь, прервалъ его Араго, и не говорите мнѣ числа, я могу отыскать въ запискахъ моихъ магнитическихкихъ наблюденій. Когда Араго вышелъ за своими записками, Фидлеръ записалъ число необыкновеннаго сѣвернаго сіянія въ портфель находившагося тутъ же астронома Бабинне, оно было очень памятно Фидлеру, потому-что случилось въ день рожденія его сына. Араго возвратился съ своими записками и показалъ присутствующимъ мѣсяць и число замѣченнаго имъ наибольшаго колебанія магнитной стрѣлки ночью въ Парижѣ. Число было то самое, которое за минуту Фидлеръ написалъ Бабинне. Здѣсь, какъ и вездѣ, можно замѣтить одно: чего не знаемъ мы теперь узнаеть то наше потомство.

Изъ всѣхъ наблюдаемыхъ нами астрономическихкихъ періодовъ какъ н. п. луннаго мѣсяца, солнечнаго года, обращенія вокругъ солнца планетъ, ни одно не представляетъ намъ совершенной правильности. Только одни земные сутки неизмѣнны и могутъ служить для измѣренія времени. Нашъ годъ короче однакожъ нѣсколькими секундами года, бывшаго при началѣ лѣтосчисленія. Движеніе луны довольно неправильно. Итакъ за мѣру времени мы принимаемъ сутки. Но дѣйствительно ли обращеніе земли вокругъ своей оси не подлежитъ ни какому измѣненію? Да, если принять въ соображеніе, что земныя массы, падающія къ центру земли, почти ничтожны въ сравненіи съ массою всего земнаго шара,— иначе суточное движеніе земли ускорилось бы, а продолженіе сутокъ уменьшилось. Но мы знаемъ, и знаемъ непогрѣшительно, что величина дня отъ начала астрономіи до нашихъ временъ пребываетъ неизмѣнною, потому-что древніе измѣряли разныя астрономическіе періоды сутками ихъ эпохи и результаты выходили одинакіе съ нынѣшними, когда тѣ же періоды измѣряются сутками XIX вѣка.

Всѣмъ извѣстно, что земля обращается вокругъ своей оси, концы которой составляютъ земные полюсы. На глобусѣ земномъ полюсы постоянны, но нельзя того же сказать въ строгомъ смыслѣ о полюсахъ настоящихъ. Тѣло можетъ обращаться вокругъ своей оси и въ тоже время ось его можетъ обращаться около другой постоянной линіи. Если при обращеніи сферическаго тѣла подѣйствуетъ на него какая-либо сила, то можетъ

произвеста въ его оси колебаніе. Такое дѣйствіе послѣдовало съ нашимъ земнымъ шаромъ при великой катастрофѣ, ибо нельзя допустить, чтобъ провалы материковъ къ центру землѣ были такъ правильны, чтобъ ось землѣ и полюсы не поколебались. Вотъ всё, что можно предполагать. Извѣстный астрономъ Петерсъ замѣтилъ малѣйшее движеніе въ земныхъ полюсахъ, не превышающее осьми-сотыхъ секунды. Періодъ этого движенія совершается въ 10 мѣсяцевъ или 304 дня. Это движеніе, или колебаніе земныхъ полюсовъ, соотвѣтствуетъ на землѣ двумъ съ половиною сажениамъ—величина весьма незначительная. Указаніе г. Петерса обратило на себя вниманіе ученыхъ и, стало-быть, принесло пользу. Точность наблюденій этого профессора не подлежитъ ни какому сомнѣнію.

Въ нашъ вѣкъ надлежитъ изъ всего извлекать пользу, даже и изъ внутренняго устройства земнаго шара. Но, спросятъ, какое же можетъ быть отношеніе между внутреннимъ строеніемъ нашей земли и промышленностію, развѣ употребить внутренней огонь земли въ дѣло? На это можно отвѣчать—да. И дѣйствительно задача воспользоваться огнемъ нашей планеты не представляетъ непреодолимаго затрудненія. Постараемся доказать.

Теплота играетъ большую роль въ практикѣ. Посредствомъ теплоты небольшое количество угля замѣняетъ дневную работу человѣка. Теплота уничтожаетъ суровость климата, не только усиливаетъ развитіе растений, но и усваиваетъ холоднымъ климатамъ произведеніе нѣжнѣйшихъ тропическихъ плодовъ; наконецъ посредствомъ теплоты разлагаютъ и соединяютъ всѣ вещества. Итакъ надлежитъ идти во внутренность земли и черпать изъ нея драгоценный элементъ, находящійся тамъ въ такомъ изобиліи. Въ землѣ заключаются рудники золота, серебра, мѣди, желѣза, соли, каменнаго угля; но, можно сказать, что вся земля составляетъ огромнѣйшій рудникъ теплоты.

Здѣсь не нужно сверлить знаменитыхъ колодезевъ Мопертюи, который будто бы хотѣлъ прорѣзать всю землю, чтобъ имѣть сообщеніе съ антиподами, — намъ достаточно углубиться въ землю на четыре версты. Уже на трехъ верстахъ, мы встрѣтили бы температуру кипящей воды; дальнѣйшая же глубина дала бы намъ неизчерпаемый резервуаръ сильнѣйшей теплоты.

Мы живемъ въ вѣкъ чудесъ; кто бы повѣрилъ при началѣ нынѣшняго столѣтія, что люди будутъ переноситься изъ одного

мѣста въ другое съ изумительною скоростію и разговаривать другъ съ другомъ чрезъ отдаленныя пространства съ быстротою молніи. Чудеса эти произвели паръ и электричество!

Сколько же новыхъ чудесъ увидитъ наше потомство въ началу XX столѣтія?

III.

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

Статья П. М. Шпилевскаго.

---

15) Родины и вѣстины.

Бѣлоруссія, отъ предковъ своихъ Русскихъ Славянъ, сохранила безчисленные памятники славянорусскихъ вѣрованій въ своихъ пѣсняхъ, пословицахъ, ворожбѣ и всякомъ знахарствѣ. Нѣтъ ни одного обряда, ни одного, повидному, самого обыкновеннаго случая въ жизни, который бы не былъ отмѣченъ какими-нибудь преданіями или пѣсями; нѣкоторыя изъ пѣсней и преданій остались въ народѣ почти неприкосновенно. Бѣлоруссецъ не можетъ жить безъ пѣсень, сказаній о ворожбѣ и разныхъ знахарскихъ тайнъ. Да и неудивительно: не успѣетъ онъ родиться, какъ его со всѣхъ сторонъ окружаютъ знахарки, лекарки, ворожбиты и т. п. Мало того, еще до рожденія, во чревѣ матери, какъ бы готовятъ его услышать или увидѣть какой-то волшебный міръ, какой-то хаосъ чаръ, колдованій, заговоровъ и пошептовъ, и еслибъ онъ могъ видѣть или слышать, такъ и въ то время онъ слышалъ бы много фан-

тастическаго и знахарскаго. Такъ, едва узнаютъ въ деревнѣ о наступленіи времени рожденія младенца, какъ въ домъ родильницъ стекаются всѣ возможные знахарки и эскулапки, кто съ травами и сѣменами завѣтнаго зелья, кто съ курительными снадобьями, кто просто съ совѣтами или тайнами заговариванья и шептанья.. Бѣдной родильницѣ не даютъ покоя: кто окуриваетъ ее, кто шепчетъ надъ ея головой какія-то таинственныя слова, кто прямо приступаетъ къ ней въ качествѣ бабки: этихъ бабокъ или просто *бабъ* (такъ называются повивальныя бабки) такое множество въ деревняхъ, что за ними нѣтъ и приступу настоящимъ докторамъ; всѣ онѣ стараются держать народъ въ какомъ-то мистическомъ невѣденіи на счетъ себя и угрозами *уроковъ* (сглазенье), чаръ и причитаній заставляютъ повиноваться себѣ, такъ-что поселяне не смѣютъ не принимать ихъ помощи въ извѣстныхъ, критическихъ обстоятельствахъ. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ бабки, бываютъ полезны, но многія, напротивъ, даже вредны, особенно въ случаѣ тяжкихъ родовъ: тутъ онѣ часто суевѣрно и по-знахарски поступаютъ; и хотя сами увѣрены, что шарлатанятъ, но дѣлаютъ это по привычкѣ и главное, чтобъ поддержать славу своего знахарства, особенно, если оно когда-нибудь удавалось имъ и приобрѣло извѣстность въ околоткѣ... Такъ, наприимѣръ, если родильницѣ приходится страдать на послѣднихъ порахъ рожденія, то знахарки окутываютъ ее въ вывороченный на изнанку кожухъ (тулупъ) изъ черныхъ барановъ и кладутъ ее на полу у порога и заставляютъ мужа ея перейти черезъ нее. Если и это не помогаетъ, то растворяютъ тѣсто для хлѣба, и усадивъ больную на дежѣ, въ которой растворено тѣсто, переносятъ родильницу въ уголъ къ печкѣ и кладутъ ее на полъ въ такъ-называемомъ *кочережникѣ*, гдѣ обыкновенно помѣщаются разныя принадлежности бѣлорусской кухни: кочерга, ухватъ, чепела, метла, заслонка, ступачи, вилы и даже сковороды—принадлежности, которымъ нѣкоторые изъ современныхъ нашихъ славянистовъ дали какое-то символическое значеніе и возвели ихъ въ званіе кумирныхъ или жертвенныхъ снарядовъ древняго служенія нашихъ предковъ. Быть можетъ, по ихъ понятію, и описываемое мною знахарство бѣлорусскихъ бабокъ имѣетъ какую-нибудь связь съ значеніемъ кочерги, ухвата и пр. Пожалуй скажутъ, что это значить то, что младенца посвящали какому-нибудь духу, хранителю кочерги и

проч. А такъ отчасти и можно заключать, потому-что, по свидѣтельству одного польскаго археолога, дѣйствительно новорожденнаго младенца, котораго рожденіе сопряжено было съ ужасными мученіями матери, посвящали карпатскіе славяне какому-то духу: посвященіе это состояло въ томъ, что въ седьмой день послѣ рожденія остригали младенцу волоса и сожигали ихъ на желѣзномъ кружкѣ (ужь не на сковородѣ ли?); по свидѣтельству того же ученаго, обычай этотъ существуетъ въ Полѣсьи, Мазовіи и у Сербовъ и вообще у карпатскихъ славянъ * Въ Бѣлоруссіи тоже нѣчто подобное бываетъ; только это остриженіе совершается въ самый день рожденія, и обстриженные волоски не жгутъ, а сохраняютъ знахарки, которыя впоследствии дѣлаютъ изъ нихъ употребленіе, именно во время вырѣзыванія зубовъ, окуриваютъ дитя этими волосками.

Впрочемъ, остриженіе не составляетъ главнаго обряда при родинахъ: при родинахъ бываетъ много другихъ знахарскихъ церемоній. Такъ, болѣе извѣстная и съ авторитетомъ бабка *равняетъ, распрямляетъ, или суживаетъ* головку новорожденнаго и тутъ же своимъ порядкомъ произноситъ *таинственныя урочныя* слова. По понятію знахарокъ, ребенокъ долженъ вскрикнуть тотчасъ, какъ увидитъ свѣтъ; если же не вскрикнетъ, то бабка шепчетъ ему на ухо какія-то причитанія, и будто отъ этого онъ долженъ непременно закричать. Новорожденнаго не показываютъ въ первый день ни мужу, ни вообще взрослымъ, а даютъ его поддержать на рукахъ маленькимъ (пятилѣтнимъ, или шестилѣтнимъ) дѣтямъ. Потомъ начинаются омовенія младенца, купаютъ въ теплой водѣ, вскипяченной на *руть* и *ясельникъ* (травы цѣлительнаго свойства); замѣчательно, что, купая, младенца закутываютъ въ то самое бѣлье, въ которое одѣта была его мать во время родовъ. Купанья эти продолжаются до самаго крещенія; и купать можетъ только знахарка, но отнюдь не сама мать, еслибъ, предположимъ, ** мать могла быть здорова въ эти дни. Выкупавши въ первый разъ, знахарки надѣваютъ на шейку и ножки младенца красныя пояски и сами его кладутъ въ люльку и укачиваютъ спать, конечно, давъ прежде ма-

* L. Gottenbiowski - Lud. Polsk. Warszawa, 1830 r. str. 246, 247, 248.

** А какъ часто случается, что родильница въ день родовъ работаетъ и стряпаетъ дома; мало-того, часто, родивши на полѣ, во время жатвы, чрезъ нѣсколько часовъ продолжаетъ жать...

тери накормить его. — Говоря объ укачиваніи, Считаю нужнымъ привести пѣсни по этому случаю: я уже нѣсколько разъ говорилъ и опять повторяю, что безъ пѣсень Бѣлорусецъ не можетъ ни родиться, ни жениться, ни умереть; это можно видѣть изъ описанія свадебныхъ (см. выше) и похоронныхъ (см. ниже) обрядовъ.— Вотъ какія пѣсни поются въ Бѣлорусеи при укачиваніи дѣтей.

I.

Люли, люли, люли! приляѣли кúры;
 Сѣли на ворогахъ, у чирвоныхъ богахъ;
 Стали сакатаци, што дзицяци даци?
 Ни бобу каробу, ни гороху троху,
 Ни канпель чарапень, ни ячменю жменю;
 Ни ковиу варанюю, ни быка палавога;
 Цялушку рабушку — дзицяци на юшку.

(Люли! люли! люли! прилетѣли куры, сѣли на воротахъ, въ красныхъ сапогахъ; стали совѣщаться, что дать (покушать) дитяти? Нельзя ему дать ни бобовъ, ни гороху, ни конопель тертыхъ, ни ячменя; ни коровьяго, ни бычачьяго мяса; можно сдѣлать супъ изъ телятины).

Начальныя слова этой пѣсни: люли-люли! какъ будто напоминаютъ Лелю или Лелію, древне-славянское языческое божество, или купидона, какъ думаетъ простонародье бѣлорусское: по понятію его, баюканье: лели, люли! люли! есть призываніе купидона для охраненія младенцевъ во время ихъ сна. Это подтверждается другими пѣснями *

Ой, люли! люли!

Придзи къ дзицяци,

Да дай спади!

Ой, люли, люли!

Ой люли! люли!

Приснися Петрули!

Ой, лѣли, лѣли!

Придзи къ пасцѣли!

Здѣсь ясно приывается люли или лели, какъ духъ или какъ пѣкое божество: можетъ быть во времена язычества няньки говорили: съ дѣтми снятъ купидоны...

* Журн. Мин. Нар. Пр. 1846 г. Прибавл. кн. I. — Сравн. Извѣстія Академіи Наукъ, Том. I. стр. 115.

II.

Ой, ходиць сонъ
 Каля ваконъ,
 А дрымота
 Каля плота;
 Дай пытаецца
 Сонъ дрымоты:
 Гдѣ вдыбаецца
 Начаваць?
 Гдѣ хатка цѣпленъка,
 Гдѣ дѣтка маленька.

(Ой, ходитъ сонъ возлѣ
 окошекъ; а дремота воз-
 лѣ забора, — и спраши-
 ваетъ сонъ у дремоты:
 гдѣ придется ночевать?
 — А та въ отвѣтъ: въ
 теплой комнатѣ, гдѣ ле-
 жить ребенокъ).

III.

Спи дзиця, калышися!
 А якъ заснешъ, палешися!
 Выду я, выду палъ вербами,
 Зъ малыми я знахарками;
 Будзетъ снаць, будзетъ ѣсьци
 Кашу — въ ланскамъ мѣсьци.

(Спи, дитя, какъ бы мнѣ тебя укачать. Какъ уснешъ, какъ
 бы тебѣ поздоровѣть (сдѣлаться лучшимъ). Пойду я, пойду къ
 вербамъ съ милыми знахарками. Спи, младенецъ. Если будешь
 спать, накормлю тебя кашею изъ господскаго дома).

IV.

Пашовъ катокъ у лясокъ, пашовъ катокъ паясокъ.
 А котачка адняла и дзицяци аддала.
 Пашовъ катокъ на таржокъ, знашовъ катокъ пирожокъ;
 Чи самому ѣсьци, чи дзицяци ѣсьци?
 И самъ трошки укусивъ и дзицяци привасивъ.
 Ага, ага — люльки! пашовъ котъ у дульки,
 Памаровивъ лапки, узлезъ на палатки;
 Стали лапки грѣтца, нѣгдѣ катку дѣтца...

(Пошелъ котенокъ въ лѣсокъ, нашелъ онъ тамъ *поясокъ*, а
 кошечка отняла у него *поясокъ* и отдала ребенку. Пошелъ
 котенокъ на торгъ (на рынокъ), нашелъ *пирожокъ*: самому-ль
 (говорилъ котенокъ) съѣсть *пирожокъ*, или ребенку снести? —

И самъ немножко съѣлъ и ребенку принесъ. Ага-ага, люльки пошелъ катенокъ срывать груши,—заморозилъ лапки да и забрался на полати (на печь): стало жарко котенку, негдѣ бѣдному дѣться...)

Эта пѣсня тѣмъ замѣчательна, что въ ней упоминается о пояскѣ, какъ будто имѣющемъ какую-то связь съ тѣмъ краснымъ пояскомъ, который надѣваютъ знахарки-бабы младенцу на шею и на ножки (см. выше въ этой же статьѣ). Кромѣ того въ ней говорится о котенкѣ: а нужно замѣтить, что коты, равно какъ пѣтухи, и разныя домашнія птицы принадлежали у предковъ нашимъ зоомирфическимъ божествамъ. Не даромъ, пѣтухи и коты играютъ важную роль въ сказкахъ бѣлорусскихъ, гдѣ они служатъ чародѣямъ и чаровницамъ орудіемъ для исполненія ихъ волшебныхъ, замысловъ или помощниками въ дѣлѣ чарованій ихъ.

Когда ребенокъ окрѣпнетъ, то есть, по прошествіи семи дней, иногда и раньше, но никогда не позже, знахарки обязаны избрать кума (воспріемника) и куму (воспріемницу) для крещенія младенца: кумовья и кумы избираются большею частію изъ родныхъ матери, но не отца, по преимуществу, люди холостые и только въ крайности—замужнія женщины или же патые мужнины; бываютъ впрочемъ случаи, когда воспріемниками избираются и чужіе, но это тогда, когда нѣтъ никого изъ родныхъ вблизи: собственно-же стараются приглашать родныхъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ. Но вотъ что замѣчательно. — Простой народъ въ Бѣлоруссіи избѣгаетъ воспріемниковъ или воспріемницъ изъ вышаго сословія; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ берутъ въ кумовья или въ кумы кого бы ни попало. Напримѣръ, если у кого не растутъ дѣти, а постоянно умираютъ, такъ выбираютъ *спатыканныхъ кумовъ* (встрѣчныхъ). То есть, бабка и отецъ новорожденнаго беретъ младенца и отправляются съ нимъ на большую дорогу и перваго встрѣчнаго, равно какъ и первую встрѣчную, приглашаютъ въ кумовья и въ кумы. Кто бы ни былъ встрѣчный, проѣзжіи ли знатный господинъ и госпожа, простой ли крестьянинъ, или какой горожанинъ, (конечно христіанинъ) не можетъ и не долженъ отказаться: не можетъ, потому—что бабка и отецъ новорожденнаго неотступно просятъ, объясняя причину приглашенія; не долженъ потому отказать въ такой просьбѣ, что это значитъ оскорбить бѣднаго отца, который вѣритъ, что именно

такіе-только кумы, именно спатыканые, могутъ спасти его дитя отъ смерти. Со мной былъ подобный случай, и я, не смотря на то, что спѣшилъ дальше по дѣлу, не могъ отказать отцу, который почти со слезами умолялъ принять его предложеніе: да и какъ станетъ духу у христіанина отказать въ подобномъ случаѣ.—Кромѣ того, если въ день родовъ заѣдетъ кто-нибудь нечаянно въ домъ родильницы, такъ его просятъ въ кумы. Равно, если бы кому пришлось быть у священника въ то время, когда пріѣдутъ поселяне для окрещенія младенца, такъ непременно попросятъ быть воспріемникомъ или воспріемницею; и хотя бы уже были избранные кумовья, все-таки проѣзжіе или случайные становятся на первое мѣсто и записываются въ метрическихъ книгахъ.

Избравши воспріемника и воспріемницу; бабка снимаетъ съ шеи и ножекъ младенца красные пояски и передаетъ ихъ отцу для сбереженія. Затѣмъ, снаряжаютъ въ дорогу избранныхъ съ ребенкомъ; если ребенокъ слабъ, или нужно далеко ѣхать къ священнику, такъ вмѣстѣ съ кумами посылаютъ молодую здоровую замужнюю женщину, кормящую свое дитя, съ тѣмъ, чтобъ она кормила и новорожденного во время дороги. Во всякомъ случаѣ, новорожденного везутъ въ домъ священника, но нѣтъ примѣра, чтобъ приглашали священника къ себѣ на домъ, не потому, чтобъ не хотѣли этимъ обезножить своего духовнаго отца, но потому, что и въ этомъ видятъ какую-то необходимость, вытекающую единственно изъ того народнаго понятія, что новорожденный долженъ подвергнуться до крещенія нѣкоторымъ дорожнымъ чарамъ. Такъ, напримѣръ, подѣзжая къ мосту, кумы должны остановиться и пройти чрезъ него пѣшкомъ съ младенцемъ; перейдя, должны плюнуть на мостъ и бросить горсть сѣна изъ телѣги, на которой ѣхали.— При проѣздѣ мимо кладбища, кумъ долженъ выпречь изъ телѣги лошадь, и, оставивъ куму одну, верхомъ шагомъ объѣхать вокругъ кладбища, держа на рукахъ ребенка. Если ребенокъ заплачетъ въ это время, кумъ слѣзетъ съ лошади и несетъ младенца къ телѣгѣ, а кума обязана привести лошадь: плачь ребенка въ такомъ случаѣ считается предзнаменованіемъ недолгой его жизни; если же младенецъ преспокойно будетъ лежать на рукахъ кума во все время его объѣзда кругомъ кладбища, а особенно, если уснетъ еще, то это считаютъ предвѣстіемъ долгой жизни его.—Подѣзжая къ до-

му священника, кумъ слазитъ съ телѣги и ведетъ лошадь подъ уздцы до самаго дома; подѣхавши къ самому дому, кума остается въ телѣгѣ—*аблублиць* (въ которыхъ обыкновенно вѣзятъ для крещенія дѣтей), а кумъ является къ священнику и потомъ выходитъ вмѣстѣ съ послѣднимъ на встрѣчу къ младенцу, котораго принимаетъ кумъ отъ кумы...

Кумы привозятъ священнику подарки отъ имени родильницы и отца новорожденнаго, состояще въ кускахъ полотна, льну, воску, или зерноваго хлѣба, — а отъ себя водку, яйца, цѣлый хлѣбъ и *наметки* (длинное полотнище, которымъ обвиваютъ головы замужнія женщины). Всѣ эти вещи передаются послѣ крещенія. Водка идетъ тутъ же на угощеніе *кумовъ*. Случается иногда, что священникъ проводитъ кумовъ до дому, но это бываетъ тогда, когда онъ живетъ въ одномъ селѣ съ новорожденнымъ; если же не въ одномъ, то на дорогу окропляетъ кумовъ святою водою и они сами отправляются домой. Бываетъ иногда, что, подѣзжая къ дому родителей новорожденнаго, кумъ играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ и въ свою очередь его встрѣчаетъ музыка. Во всякомъ случаѣ кумовъ встрѣчаютъ гости и, замѣчательно, по преимуществу женщины: на крестинахъ почти не бываетъ мужчинъ, но за то собираются женщины чутьли не со всей деревни.

У кумы беретъ новорожденнаго главная *баба* или знахарка и, закутавъ его въ кожухъ, вывороченный на изнанку, внести въ комнату, гдѣ на нее и, конечно, на младенца сыплютъ зерна ржи или пшеницы. Въ это время подходитъ мать и принимаетъ отъ знахарки свое дитя... раздается музыка, начинаются угощенія и затѣмъ слѣдуютъ пѣсни, которыя поются большею частью *бабами* и вообще старыми женщинами. Привожу нѣсколько пѣсень, съ означеніемъ, въ какой губерніи онѣ поются.

1.

Старухи поютъ отъ имени воспріемниковъ:

А мы прійшли зъ Божяго дому
Принесли у красную харому
Дѣтцину
Хрищову

Зѣ дѣткѣ Божіихъ асвящену.

Кума кумѣ даецъ дѣщину

Кума каже: халзи мой сыну!

Маленьки

Красненьки

Бѣлаго личка повненьки

Кума куму привитае,

Баба за столъ запрашае

В-акѡла

Весела

Бѣщи—пищъ принесѣна.

Баба тамъжа при кумахъ стаиць,

Хорошіе квиточки страиць,

Чащуе,

Пріймуе,

И квиточками даруе.

Пачинае адъ дробнага

Не мивае, а ни годнага,

Чащуе,

Пріймуе

И перапечками даруе.

Вы кумочки веселы будзьце

И бесѣлакъ не забудзьце

Гуляйце,

Сьпѣвайце

Никамуль не вѣскажайце.

Гуляйце, скакайце за дѣщину,

Шгобъ ему Богъ пославъ гадзину

И хорошую

И пригожую

На пацѣху матцѣ гожую.

(А мы пришли изъ Божія храма, принесли въ вашъ домъ окрещеннаго ребенка, освѣщеннаго вмѣстѣ съ дѣтьми божіими. Кума кумѣ передаетъ ребенка; кума говоритъ: поди ко мнѣ, мой сынокъ маленькій, хорошенькій, бѣлолицый, полнощекій! Кума куму привѣтствуетъ, а бабка приглашаетъ къ столу: кругомъ стола весело, ѣсть и пить принесли. Бабка тутъ же при кумовьяхъ стоитъ, выбираетъ хорошіе цвѣтки, и угощаетъ, и тутъ-же даритъ цвѣтами: всѣхъ безъ разбору угощаетъ пирогами, ни дѣтей ни кого не забываетъ. Будьте веселы, говоритъ бабка кумамъ, говорите, веселитесь, пойте, только ни кому не мѣшайте. Веселитесь. пляшите за ребенка,

чтобъ Богъ послалъ ему счастливую судьбу, которая бы утѣшила его мать.

Эта пѣсня записана въ Минской губерніи, Слуцкомъ уѣздѣ; но она поется въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, граничащихъ съ Рѣчицкимъ и Бобруйскимъ Минской губерніи.

II.

Хтожъ у насъ у полазѣ ляжиць?
 Пёкалка наша да у полазѣ ляжиць.
 Да зажидала вишневаго соку;
 Сыщыце майго милага мужа въ току,
 Нехай дабудзецъ вишневаго соку.
 Пытаецца, да хтожъ та радзівся?
 Кали сынъ радзівся, я и соку дабуду;
 Кали дачушка, садвицай адбуду.
 Кали сынъ радзівся, владѣнь городъ ставлю;
 Кали дачушка, я и шацёръ не справлю.

(Кто у насъ на кровати лежитъ? Родильница наша лежитъ на кровати (въ пологѣ). Захотѣлось ей вишневаго соку; поищите (говорить) въ гумнѣ моего милаго мужа, пусть онъ достанетъ мнѣ вишневаго соку. А мужъ спрашиваетъ: «а кто такой родился? если сынъ родился, достану и соку; если дочь—угощу водой. Если сынъ родился, выстрою славный городъ; если дочь—не поставлю и шатра).

Эта пѣсня поется въ Витебской губерніи, Лепельскомъ уѣздѣ, и Могилевской губерніи, Оршанскомъ уѣздѣ: — ее больше поютъ въ то время, когда родильница долго бываетъ больна. Но такъ-какъ подобная продолжительная болѣзнь рѣдко случается въ простонародьи, то нужно думать, что эта пѣсня нѣкогда пѣлась въ дворахъ княжескихъ или господскихъ, гдѣ отецъ погорожденнаго или, мужъ родильницы, могъ обѣщать *построить городъ*... Это выраженіе даетъ право думать, что пѣсня сложена въ то время, когда пѣлись еще на Руси подобныя пѣсни въ знатныхъ хороммахъ; а такъ-какъ это время было давно, то можно предполагать, что и происхожденіе означенной пѣсни относится къ отдаленной древней эпохѣ русскаго, или бѣлорусскаго быта.

III.

Кумъ ходиць па саду, кума па гароду;
 Сойземся, абоймемся, нашьемся меду.
 Кумачка п'яна на ганачку пала;
 Поглядзице госьци, чи у тонкай сарочцы?
 Кали яна у тонкай, дайце ей пакой.
 А кали у зребнай, дайце ей пакой, б'ѣднай.
 А кали у пласкуннай, зведзице яе у пакой,
 Да не будзежъ ена такой саромненькай!

(Кумъ ходитъ по саду, а кума въ огородѣ. Пойдемъ вмѣстѣ, (говорятъ) обнимемся, нашьемся меду. Вотъ (кончилось тѣмъ, что) кумушка опьянѣла и упала на порогѣ. Посмотрите (говорить кумъ), тонкая ли на ней рубашка? Если тонкая, оставьте ее въ покоѣ, а если толстая, не троньте ее, б'ѣдную, если же очень толстая, такъ отведите ее въ комнату, чтобъ она не срамилась здѣсь).

Эта пѣсня записана въ Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, но ее поютъ и въ другихъ уѣздахъ этой же губерніи, да кромѣ того въ Могилевской.

IV.

Знахарки поютъ отъ имени родильницы, въ случаѣ, если гости недовольны угощеніемъ или пріемомъ неласковаго, необходимаго мужа:

Охъ, вы столики мае цисовенькіе
 Чагожъ вы стаице не засланенькіе?
 Охъ, вы госьцики мае любовинькіе,
 Чи мой хлѣбець пушонъ, чи мой мужъ на весѣль?
 Кали, хлѣбець пушонъ, то я выпажаю,—
 Мужиковы наравы да я вывѣдаю.
 Куня, рыся сабали на вароцькахъ висяць;
 Мужиковы наравы на плечкахъ висяць;
 На плечкахъ висяць и у галовкахъ шумяць—
 А абъ дзицяци и госьцахъ сны не рупяць...

(Охъ, вы столики мои тесовые! Чтожъ вы стоите не покры-

тые ничемъ? Охъ, вы миленькіе мои гости! или мой хлѣбъ нездоровъ, или мой мужъ не веселъ? Если хлѣбъ не хорошъ, такъ я его передѣлаю, а капризы мужа разужаю. И куницы и рыси и соболи висятъ на воротахъ, а мужъ все не веселъ, все капризень: все капризить, все шумить, а объ ребенкѣ и гостяхъ и не думаетъ онъ).

Эта пѣсня чуть ли не во всей бѣлорусской землѣ поется: мнѣ самому доводилось слышать ее въ двухъ мѣстахъ, въ Могилевской и Витебской губерніяхъ; записана же въ Могилевской губерніи и Могилевскомъ же уѣздѣ.

16) **Похороны и поминки.**

Убавокаяный, такъ сказать, въ колыбели, сказками и потомъ постоянно окружаемый фантастическими повѣрьями, чарами, заговариваніями и колдованіями, Бѣлорусецъ какъ бы неволью сродняется съ понятіями предковъ своихъ, зафѣщавшихъ ему преданія о давнопрошедшей жизни. Привязанный къ родному пепелищу, онъ любитъ вспоминать объ этой жизни съ безотчетнымъ довѣріемъ своимъ дѣдамъ и прадѣдамъ: Оттого-то онъ такъ часто прибѣгаетъ къ преданіямъ страны, какъ знакомымъ ему чуть ли не съ перваго дня появленія его на свѣтъ; на основаніи этихъ преданій у него явилась своя лекарская наука, свой календарь, своя опытность въ жизни; въ критическихъ обстоятельствахъ онъ прибѣгаетъ къ гаданьямъ, ворожбѣ и леченію по примѣтамъ. Заболѣтъ онъ, — у него есть свое зелье, свой настой изъ какихъ-нибудь лѣсныхъ растеній: будь эта болѣзнь опасна, случись какое-нибудь особенное, по его понятіямъ, явленіе въ ту пору, онъ гадаетъ о своей смерти, о своемъ послѣднемъ днѣ. И дѣйствительно, суевѣрный отъ природы, онъ еще болѣе суевѣренъ во время болѣзни. Какой нибудь глухой стонъ здороваго человѣка, спящаго въ одной съ нимъ комнатѣ, тоскливый лай собаки на дворѣ, ржаніе лошади въ ночное время, страшное завываніе вѣтра подъ его окномъ, сильный трескъ горящихъ дровъ, карканье воронъ на кровлѣ дома — все это относитъ къ своей судьбѣ и считаетъ предназначенованіемъ смерти. А случись, что въ окно влетитъ ла-

сточка и обкружится надъ головою больного, такъ ужъ послѣ этого несомнѣнное заключеніе о смерти его. Тутъ ужъ напрасны утѣшенія родныхъ и знакомыхъ: да и не смѣютъ они приступить къ нему съ своими утѣшеніями, потому-что и сами раздѣляютъ мѣтніе его. Мало того, родные завремению приготавливаются къ предстоящей печали. Они даже какъ бы помогаютъ исполниться зловѣщаньямъ ворожбы. Видя, что больной находится въ предсмертной агоніи, они посылаютъ за *мертвечихами*, т. е. за женщинами-старухами, ухаживающими за больными въ послѣдніе минуты ихъ жизни, и потомъ моющими и одѣвающими покойниковъ *. Эти старухи, замѣтивъ ослабленіе больного, снимаютъ его съ постели и кладутъ на полъ на голой соломѣ, хотя бы то было зимою, въ самый сильный морозъ. Напрасно говорятъ имъ, что, снимая больного съ теплой постели и кладя на холодную солому, ускоряютъ смерть его, — они все-таки дѣлаютъ свое; мало того, часто даже самъ больной, чувствуя свои послѣднія минуты, тотчасъ велитъ роднымъ перенести его на полъ. Случалось, что благо-разумные помѣщики старались объяснить своимъ поселянамъ вредныя послѣдствія такого страннаго обычая, — но доброе намѣреніе на этотъ разъ встрѣчало возраженіе въ самыхъ больныхъ. «Дайце какой, панокъ! замѣчалъ больной; такъ умиравъ мой бацька (отецъ) и мнѣ такъ казавъ (велѣлъ)». Вотъ каковъ отвѣтъ у поселянина!

Не смотря, однако, на странность этого обычая, нѣкоторые поселяне дѣлаютъ изъ него что-то торжественное. Я былъ свидѣтелемъ, однажды, довольно поучительной сцены. Умиравшій старикъ, имѣвшій огромное семейство, собралъ возлѣ себя всѣхъ родныхъ отъ мала до велика, и поддерживаемый внуками и правнуками, стоявшими на колѣняхъ при немъ, благословивъ всѣхъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею прощальною рѣчью. «Скоро не станеть меня у васъ, говорилъ маститый

* Мертвечихи, въ нѣкоторыхъ деревняхъ бѣлорусскаго края, составляютъ особый классъ людей: онѣ живутъ въ концѣ деревни и питаются сборомъ хлѣба и денегъ во время похоронъ. Имъ приписываютъ свойства чаровницъ и боятся ихъ оскорблять: говорятъ, будто онѣ выкапываютъ трупы на другой день послѣ погребенія и обрѣзываютъ на нихъ жиръ, изъ котораго дѣлаютъ волшебныя свѣчи, негараемыя и никѣмъ невидимыя, кромѣ самихъ мертвечихъ.

старецъ; живите согласно и не раздѣляйтесь на малыя семейки, будьте вмѣстѣ всегда, какъ эта связка соломѣ, на которой благословляю я васъ. Пусть эта солома будетъ *въ науку* вамъ: пока она лежитъ въ хорошемъ мѣстѣ и не расбросана по частямъ, до-тѣхъ поръ она крѣпка и не уносится вѣтромъ; но какъ скоро попадетъ скотинѣ подъ ноги, или разнесется вѣтромъ въ разныя стороны, то начинаетъ гнить и дѣлается никуда не годною. Такъ и вы: пока будете жить въ моемъ домѣ, гдѣ все оставляю въ порядкѣ и чистотѣ, пока будете согласны между собою, и не разойдетесь врозь, до-тѣхъ-поръ благословленіе мое надъ вами; но какъ только раздѣлитесь и попадете въ нечистый домъ, то сгниете, какъ солома полъ ногами коровъ»... Какъ ни просто это нравоученіе, но оно очень умно и дѣльно!

Замѣчательно, что въ то время, когда умирающему даютъ въ руки свѣчу, мертвечихи растворяютъ всѣ двери въ домѣ и ворота въ хлѣвахъ: говорятъ, это дѣлается для того, чтобъ умирающему легче было ковать (отходить). Въ это время воспрещается въ домѣ умирающаго всякая стряпня, и даже если случайно топится въ печи или тлѣютъ въ золѣ горячіе угли, такъ гасятъ огонь, а угли заливаютъ водою.

Какъ только скончается больной, мертвечихи тотчасъ топятъ печи и раскладываютъ большіе огни, частью на основаніи какого-то повѣрья, частью для сваренія воды, которою онѣ должны мыть покойника. Воду варятъ съ примѣсью разныхъ травъ, которыя тоже имѣютъ какое-то значеніе; болѣе извѣстными и общеупотребительными травами для этого считаются: рута, барвинокъ, бѣлица, расходникъ, папоротникъ, козельница и жабыя-лапка. Обмывши тѣло, кладутъ его на той же соломѣ, на которой умеръ больной и прикрывъ его соломой или сѣномъ, оставляютъ такъ до-тѣхъ-поръ, пока не приготовить гробъ. Гробъ дѣлаютъ изъ новыхъ досокъ, но не лежащихъ и вообще не изъ такихъ, которыя были уже назначены для какого-нибудь употребленія. Приготовленіе гроба и копаніе могилы составляютъ предметъ безчисленныхъ обрядовъ. Такъ гробъ нельзя дѣлать въ томъ домѣ, гдѣ есть черный пѣтухъ или сивая корова; равно не можетъ дѣлать гроба вдовецъ или бездѣтный семьянинъ. Щепки и всѣ стружки, оставшіяся послѣ дѣланія гроба, кладутся въ гробъ же, но не тѣмъ, который дѣлалъ его, а мертвечихами; сохрани Господь оставить

Хоть малѣйшую щенку въ домѣ: это значитъ пророчить смерть кому-нибудь изъ живущихъ въ немъ. Сдѣлавши гробъ, работникъ несетъ его какъ можно скорѣе, чтобъ не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь; въ случаѣ встрѣчи, работникъ ни съ кѣмъ не здороваётся и ни слова не говоритъ, опасаясь что, въ противномъ случаѣ, повредитъ себѣ или тому, съ кѣмъ заговоритъ. Замѣчательно, что при встрѣчѣ съ беременною женщиною, работникъ бросаетъ гробъ на землю и заставляетъ эту женщину три раза обойти задомъ вокругъ гроба. — Могилу копаютъ старики или большею частью нищѣ бесплатно; при копани избѣгаютъ разговоровъ о покойникѣ, для котораго готовится могила. При копани могилы не можетъ присутствовать жена покойника или какая-нибудь женщина, недавно потерявшая мужа или кого бы то ни было изъ родныхъ. Выкопавши могилу, гробокопатели даютъ знать мертвечихамъ и тѣ являются съ водою, которою обмывали тѣло покойника: эту воду вливаютъ или въ могилу, или же только окропляютъ ее.

Если покойникъ холостой, то на гробъ его кладутъ вѣнокъ изъ руты, а если женатый или вдовецъ, то изъ папоротника. Кромѣ того въ гробъ ставятъ иногда волку, блины или кашу, также почти всегда кладутъ деньги и, случается, — нѣкоторыя принадлежности домашняго хозяйства, наприм. ножъ, топоръ, или серпъ. Очевидно, это доказываетъ, что въ бѣлорусскомъ народѣ сохранился обычай предковъ нашихъ русскихъ славянъ, снабжать покойника веѣми этими предметами, вслѣдствіе вѣрованія въ загробную жизнь: такое вѣрованіе ихъ еще яснѣе обнаружилось въ обычаяхъ *помянуть дзѣдовъ* (см. дальше) и совершать тризны на могилахъ родныхъ — и вообще близкихъ сердцу, — въ обычаяхъ, который, какъ мы увидимъ ниже, съ большими обрядностями сохраняется въ Бѣлоруссіи въ настоящее время.

На покойника никогда не надѣваютъ того платья, которое онъ носилъ при жизни, напротивъ это платье большею частью закапываютъ въ землю или сжигаютъ, особенно, если покойникъ умеръ отъ какой-нибудь заразной болѣзни. Для этого случая дѣлаютъ изъ новаго бѣлаго, никогда нестираннаго полотна, какой-то саванъ въ видѣ длинной рубашки съ широкими рукавами, который называется *сглищемъ* (т. е. предназначеннымъ для истлѣнія платьемъ); саванъ этотъ такъ длиневъ, что онъ покрываетъ ноги, которыя въ свою очередь за-

кутываются въ небольшія полотнища. На голову надѣваютъ шапочку тоже изъ новаго полотна; рукава у кисти руки перевязываютъ красною тесемкою (жичкою). На груди кладутъ, небольшой образокъ, а за пазуху нѣчто въ родѣ платка, въ который завертываютъ мелкія монеты. — Если у покойника не закрываются глаза или губы, то ихъ прикрываютъ мѣдными деньгами или холодными углями, которыя и остаются въ гробѣ до самыхъ похоронъ: при опущеніи тѣла въ могилу, деньги снимаютъ и отдаютъ нищимъ; — угли же забираютъ мертвечихи, которыя обращаютъ ихъ въ предметъ своихъ чаръ. Этими углями, говорятъ, мертвечихи *заговариваютъ* вѣдьмъ и мѣшаютъ имъ *оборачиваться* въ разныхъ животныхъ; для этого мертвечихи толкутъ угли въ порошокъ и посыпаютъ ими перекрестки: пройдя по этому порошку, вѣдьмы теряютъ всякую силу чародѣйства и подчиняются власти мертвечихъ, которыхъ тоже въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаютъ *вѣдьмарками*. — Если у покойника покажется изъ носа или изъ рта такъ-называемая *рана* (матерія), то ее стараются обтереть родные, но не даютъ обтирать мертвечихамъ, потому будто, что онѣ и изъ нее дѣлаютъ какое-то чародѣйское употребленіе, могущее вредить людямъ, съ которыми не въ ладахъ или въ ссорѣ.

Не смотря на то, что покойника положить уже въ гробъ, все-таки не трогаютъ соломы, на которой онъ лежалъ, до тѣхъ-поръ, пока тѣло его находится въ комнатѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гробъ ставятъ на особо-устроенной колодѣ; обыкновенно же на скамейкѣ и рѣдко на столѣ. Когда же тѣло вынесутъ изъ комнаты, въ это время мертвечихи спѣшатъ жечь солому, чтобъ успѣть присутствовать при самомъ погребеніи. Когда жгутъ солому (на дворѣ), смотрятъ, куда, въ какую сторону идетъ дымъ, и на основаніи этого гадаютъ, въ какомъ мѣстѣ деревни постигнетъ кого-нибудь смерть. Гробъ большею частью везутъ, очень рѣдко несутъ, хотя бы кладбище было въ самомъ близкомъ разстояніи отъ деревни. При выносѣ тѣла изъ дома, осторожно гасятъ свѣчи, опасаясь уронить или сломать ихъ; въ противномъ случаѣ пойдутъ толки-предположенія, что опять умретъ кто-нибудь въ томъ же домѣ. Когда вынесутъ тѣло на дворъ, всѣ приуτευующіе и преимущественно родные бросаютъ по горсти ржи или пшеницы на гробъ: при этомъ смотрятъ, чтобъ не подбирали зеренъ домашнія птицы; и потому велѣдъ за выносомъ изъ дво-

ра гроба, разсыпанную рожь или пшеницу сметають и потомъ бросаютъ въ могилу. — Когда везутъ гробъ чрезъ деревню, то избѣгаютъ встрѣчи съ беременною женщиною или съ людьми, везущими солому и сѣно: для этого посылають кого-нибудь впередъ и въ случаѣ означенной встрѣчи заставляютъ женщину и проѣзжихъ своротить куда-нибудь во дворъ или въ противоположную дорогу.

За гробомъ, кромѣ родныхъ и близкихъ, всегда идутъ нищие (старцы), которые обязаны нести *кутью* или *канунъ*, также водку и разныя кушанья, состоящія изъ пироговъ и блиновъ. Все это вѣдутъ на могилѣ, тотчасъ по опущеніи въ нее тѣла. Что останется, то нищие забирають съ собою.

По опущеніи гроба въ могилу, когда родные покойника бросятъ въ нее по горсти земли, гробокопатели бросаютъ туда же всѣ остатки полотна, изъ котораго шьютъ саванъ, равно иглы и пятки. Особенно помнятъ на этотъ разъ объ иглахъ; потому-что, говорятъ, эти иглы, называемыя *мертвицами*, въ рукахъ чародѣевъ и знахарей могутъ причинить много вреда тѣмъ, на кого они сердиты. При посредствѣ этихъ иглъ, чародѣи могутъ наслать на людей самыя тяжкія болѣзни, особенно слѣпоту и трясеніе въ тѣлѣ. Говорятъ, будто знахари этими иглами выкапываютъ изъ земли *жапъ-рапухъ* (земляныхъ лягушекъ) и, изсушивъ ихъ, дѣлають порошокъ, который, отъ малѣйшаго прикосновенія къ нему, сушитъ человѣка незамѣтно и доводитъ его до сумасшествія.

Послѣ похоронъ, жена покойника или мужъ покойницы переходятъ на нѣсколько дней въ чужой домъ и тамъ скрываются отъ взоровъ своихъ родныхъ: въ этомъ какъ бы состоитъ трауръ. Случается, что такого рода трауръ продолжается цѣлую недѣлю и только усиленныя просьбы родныхъ или близкихъ знакомыхъ могутъ несчастныхъ возвратиться въ свой домъ, гдѣ осиротѣлая семья нуждается въ ихъ помощи. — Но въ продолженіе всего этого траура не ходятъ на могилу ново-умершихъ: для этого назначается седьмой день, въ который совершается особенный обрядъ, извѣстный подъ именемъ *прикладанъ* и *голошенія*. — Но прежде, нежели скажемъ объ этомъ, замѣтимъ о похоронахъ неокрещенныхъ дѣтей и самоубійць.

Подобные случаи, особенно самоубійства, очень-рѣдко бы-

вають въ Бѣлоруссіи, и потому они ознаменовываются особыми обрядами, вопліѣ впрочемъ характеризующими непріятныя чувства народнаго сожалѣнія о первыхъ * и отвращенія къ послѣднимъ событіямъ. Если дитя родится неживое, то его закутываютъ въ солому и хоронятъ гдѣ-нибудь въ углу сада, огорода и, чаще всего, на гумнищѣ: при этомъ на новонасыпанной могилѣ младенца раскладываютъ маленькій костеръ изъ *осиновыхъ* сучьевъ и произносятъ какія-то заговариванія, которыя, къ сожалѣнію, хранятся въ тайнѣ у знахарей и знахарокъ и потому не могу познакомить съ ними читателя. Если же дитя живетъ нѣсколько часовъ или два-три дня и умретъ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, безъ крещенія, то его хоронятъ внѣ ограды кладбища и вмѣсто креста ставятъ простой камень, или, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, треугольникъ изъ *осиноваго* дерева: въ подобномъ случаѣ мать обязана держать недѣльный постъ и исповѣдываться. — Что же касается до самоубійць, то ихъ хоронятъ безъ всякихъ омовеній и окуриваній въ томъ же платьѣ, въ какомъ они лишили себя жизни. Ихъ не провожаютъ нищія, а только нѣкоторые родные и мертвичихи; даже женамъ и мужьямъ ихъ воспрещается быть при самомъ опущеніи гроба въ могилу. Замѣчательно, что гробъ самоубійць дѣлается изъ *осиноваго* дерева; кромѣ того на лицо самоубійцы кладутъ *осиновые* щепки; а когда опустятъ гробъ въ могилу, то мертвичихи бросаютъ въ нее золу и холодныя угли. Закопавши могилу, насыпаютъ на ней большой холмъ или курганъ и наваливаютъ камни. Кромѣ того, впоследствии времени, всякій прохожій считаетъ обязанностью бросить на этотъ курганъ хоть малый камень. Могилы для самоубійць избираются на перекресткахъ или на возвышеніяхъ въ лѣсу, которыя обыкновенно прочищаются для того, чтобъ онѣ могли быть видны издали для всякаго прохожаго или профъзага. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Витебской губерніи, на верхушкѣ кургана салятъ осиновое дерево, и когда выроститъ оно большое, вѣшаютъ на немъ убитыхъ вѣроновъ, совъ, лягушекъ и змѣй: все это составляетъ предметъ чаръ вѣдьмарей, которые будто собираются на этихъ

* Потому-что эти случаи бываютъ невольные, особенно *заспаніе* или *приспаніе* дѣтей: — даже, какъ-бы въ оправданіе матерей, говорятъ, будто вѣдьмы и чаровницы насылаютъ на нихъ такой тяжелый сонъ.

курганахъ и отправляютъ тамъ по своему тризны по самоубійцахъ... За то, на могилахъ самоубійць, въ Бѣлоруссіи не совершается ни поминокъ, ни голошенья, ни прикладницъ. Всѣ эти обрядности совершаются только на могилахъ *покойниковъ*, * умершихъ обыкновенною смертию.

Когда же именно совершаются эти обрядности и въ чемъ онѣ состоятъ?

Прежде всего дѣлаются *прикладины*, на седьмой день послѣ похоронъ покойника. Обрядъ этотъ исполняется въ точности родными умершаго или умершей. Мужъ, жена, отецъ, сынъ, мать или дочь или внукъ и внучка обязаны явиться въ седьмой день на могилу родного своего и положить камень или доску съ какимъ-нибудь знакомъ: это дѣлается для того, чтобъ отмѣтить могилу, потомъ можно было пайти ее для поставленія на ней креста изъ дерева или изъ камня; такимъ образомъ прикладины замѣняютъ, такъ сказать, *положеніе основанія* памятника. Во время прикладницъ не могутъ присутствовать посторонніе; и если прикладины дѣлаеть женщина, такъ въ подобномъ случаѣ не избѣженъ обрядъ *голошенья*, который имѣеть характеръ вполне Бѣлорусской народной сантиметальности. Голошенье значитъ усиленное рыданіе съ прерывающимися рѣчами, — именно рѣчами; потому голошенье въ томъ и состоитъ, что женщина на могилѣ близкаго, любимаго ею челоуѣка, произноситъ въ честь покойника почти цѣлый панегирикъ, въ которомъ сама про себя рассказываетъ всю прошедшую его жизнь, пересчитываетъ его добродѣтели, описываетъ несчастное свое положеніе, выражаетъ свою горькую печаль о томъ, что не могла умереть вмѣстѣ съ нимъ и такимъ образомъ никогда не разлучаться съ своимъ милымъ; наконецъ, проситъ прошенія у покойника за оскорбленіе и обиды, которыя она сдѣлала ему при жизни. Все это произноситъ съ рыданіями и воплями на распѣвъ и необыкновенно жалостно, такъ-что, слушая, со стороны невольно прослезиться и пожалѣешь о бѣдной вдовѣ или сиротѣ. — И нужно замѣтить, что хотя этотъ обычай имѣеть характеръ обряда, но болѣею

* Замѣчательно, что Бѣлорусскій народъ не называетъ самоубійць *покойниками*: онъ придумалъ для нихъ другое названіе: *загубокъ*, т. е. тотъ, который самъ умышленно погубилъ себя, и потому душа его не найдетъ покоя на томъ свѣтѣ.

частью онъ совершается влѣдствіе дѣйствительной скорби и непритворнаго сожалѣнія, какъ необходимаго исполненія обычной дѣдовъ и прадѣдовъ.

Голошенье это такъ замѣчательно, что считаю не лишнимъ привести здѣсь въ подлинникѣ надгробный панегирикъ жены мужу, слышанный мною въ Минской губерніи, Борисовскомъ уѣздѣ, деревнѣ Лошницѣ: панегирикъ этотъ можетъ служить образчикомъ голошенья.

«А мой-жежъ ты миленьки, да мой-жежъ ты харошеньки, пташачка родненькая! Чижъ я табѣ не спадручна была, неумѣла цябе гутариць? Мы зъ табою жили, якъ рыбка зъ водою. Ты жъ бывало устанешъ зъ расою працуемъ у поли, робишь за усихъ, — пачинае и сканчае усѣ зъ цябе. Ты жъ таки не бывъ ни пъянипей, а ни лайдакомъ, небадзявся у карчмѣ; ты любивъ парадки усюды. И азѣжка чысьценька, и пожки прибраны — чтобъ было у цябе, ты казавъ завсюды: чижъ не спадабила я табѣ, чижъ ня шанцавала табѣ за мной? А мой ты родненьки! А мой ты залаценьки каласокъ! Штожъ мнѣ зробиць сираце безъ тебе? Надаремна плачу тольки, не дагнаць цябе, не убичиць майго сакалка... Чижъ на тое я зъ табою жила, штобъ цяпяръ толька плакаць на миглицѣ тваей? Ой, прилзи, хадзи ты къ намъ, мой ты пригожиньки! Паглядзи на сванхъ узбѣей: што пачну я безъ цябе? Цяжка жиць безъ мужика у хаць. Ты спишь, мой любы, и виколи не устанешъ паглядзѣть на сваю галубку, што ева безъ цябе не варкуе, тольки плаче и сердца драгуе... Ты жъ таки бывъ жаластливы чижъ переставъ жалаваць сваю (такую-то). Ой Божа нашъ, Божа! Горькая мая доля! А бадай жажъ я зъ табой апенулася! А мой ты сизы галубокъ! Прабачай мяне дурную: можа я цябѣ не сцерегла? можа я табѣ наприкрылася? Можа ты не залюбивъ сваей печки-лавки и папробаваць пришлося землю сырую, студзеную... Чи жъ тавѣ не лепѣй цейла было жиць? А мой ты малосеньки! А вей! а вей!.. А бѣдная — я, бѣдная... Ой цяжка мнѣ цяжка! а вей! а вей! а вей!..

(О мой же ты миленькій! Мой ты добренькій? птичка родная! Развѣ я не угождала тебѣ? ужъ я ли не умѣла приголубивать тебя? Вѣдь мы жили съ тобою, какъ рыбка въ водѣ. Бывало, ты ранехонько встанешъ, работаешъ на полѣ, труднишься за всѣхъ (т. е. домашнихъ); ты одинъ и начиналъ

и оканчивалъ работу. Ты не былъ ни пьяницей, ни гулякой, не валялся въ корчмахъ. Ты любилъ во всемъ порядокъ. Ты приказывалъ мнѣ, чтобъ для тебя всегда была чистая одежда и обувь; неужели жъ я не любя была тебѣ? неужели жъ не хорошо было тебѣ со мной? О, мой ты родненькій, мой золотой колосикъ! Что я стану дѣлать? безъ тебя я — сирота. Но напрасно плачу я: не догнать * мнѣ тебя, не видать моего сокола. Неужели для того я вышла за тебя, чтобъ теперь только плакать на твоей могилѣ? Ой, приди, приди ты къ намъ, мой прекрасный! Посмотри на своихъ дѣтей: что я стану дѣлать безъ тебя? Тяжело жить безъ мужа въ домѣ. Ты спишь, мой любезный и не встанешь никогда, чтобъ посмотреть на свою голубку, что она безъ тебя не воркуетъ, а только сердце надрываетъ отъ печали. Вѣдь ты былъ такой сострадательный, — неужели жъ ты пересталъ жалѣть свою (такую-то?) Ой, Боже нашъ! Боже! Горькая моя доля! чтобъ она не воротилась! Лучше бы мнѣ съ тобой очутиться (въ могилѣ). О, мой ты сизый голубчикъ! Прости меня глупую: быть можетъ я неумѣла тебя беречь? Быть можетъ я надобла тебѣ? Можетъ быть, ты не влюбилъ своего житья-бытья, и вотъ пришлось тебѣ пожить въ сырой, холодной землѣ. Не лучше ли было тебѣ жить въ тепломъ мѣстѣ вмѣстѣ со мной? О, мой ты миленькій! — охъ-охъ-охъ! охъ, я бѣдная — охъ я бѣдная! Ой тяжело мнѣ, тяжело!.. О-охъ-о-охъ!..

Кромѣ обыкновеннаго голошенья есть еще историческія причитанья; я называю историческими, потому-что, по началу, они относятся къ извѣстному историческому событію, которое довольно излагается въ подобныхъ голошеньяхъ. Вотъ одно изъ этихъ историческихъ голошеній или причитаній. Оно списано со словъ старухи въ Могилевской губерніи, Оршанскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Крупкѣ, на границѣ съ Борисовскимъ уѣздомъ Минской губерніи. По излагаемому въ немъ событію, оно относится къ эпохѣ Шведской войны. Въ этомъ голошеньи жена оплакиваетъ мужа, павшаго въ сраженіи со Шведами.

* Выраженіе *догнать* умершаго очень ясно говоритъ о томъ, что бѣлорусскій народъ представляетъ загробную жизнь гдѣ-то далеко, куда нужно долго бѣжать.

Да ходивъ жажъ ты, мой милы.
 Подъ Берозу на Шведскую моць.
 Да разтрачивъ тамъ свое ты силы,
 Ба скававъ неразъ, гарцовавъ всю ночь..
 Ой вернутца треба было табѣ дамевки.
 Да пришлося имъ цябе переняць да Шведамъ;
 Кабъ загибли ихъ паганск!я галовки.
 Дзегнемъ, да смалой кирмили, а не хлѣбамъ.
 Зратавали тебе, мой ты любы, зъ неволи,
 Ты йшовъ черезъ Гумѣна на высокіе бары,
 Ой упавъ ты, и небочивъ вже николи,
 Што тамъ робитца на твоємъ двары:
 Плаче жонка, плачуць дзѣци да безъ бацьки;
 Горко стогне хата безъ свайго господара,
 Тяжко сиротинцѣ мнѣ въ сабѣ вайци,
 Не узвидзѣць тамъ бабрицѣ да свайго бабра.
 Прапаdzi жъ ты шведская ты моць!
 Пакарае Маци Божа Крупскай святосыы!
 Разлецитца надъ тобою цемвы клѣць.
 И да слезъ тагды табѣ, не до радосыци!
 Якъ згубивъ ты мойго (такого-то) любку,
 Такъ дабудзе табѣ, вражи злыдзень,
 Чорну долю за его (такую-то) галубку.
 Божа кара и будзешъ ты загіджень..
 Ой, напасць была адъ васъ поганцы,
 Разцъ гали людзямъ дзѣтакъ, мужиковъ,
 Не зъ чымъ будзе вамъ адъ васъ прици,
 Да своихъ *разчухранскихъ* дваровъ!
 Ой, якъ цяжка мнѣ па табѣ плакаць,
 Мой ты, волотъ лебядзь! што я цяперъ?
 Да чамужъ табѣ было паць.
 Не вернувся, мой сокаль на свой шацеръ.
 Заванили въ усѣ званы да па табѣ:
 Ой якъ звониць, звониць сердце у мене!
 Да ревнули валы у новамъ Ярмѣ,
 Пахавали милага (такого-то) на *чужой* старанѣ.
 Да ревнули валы степомъ идучи;
 Пахавали милага (такого-то) зъ Берозы идучи...

Да ходилъ ты, мой милый подъ Березино (мѣстечко Игуменскаго уѣзда, Минской губ.) противъ Шведовъ; тамъ потерялъ ты здоровье, потому-что не разъ былъ въ стычкѣ, воевалъ всю

ночь (съ врагомъ). Ужь нужно было бы тебѣ воротиться домой, да переняли тебя Шведы: пропади ихъ головы,—кормили они тебя не хлѣбомъ, а дегтемъ да смолой. Наконецъ, освободили тебя изъ неволи, уже возвращался ты домой чрезъ Игумень (городъ), чрезъ высокій-боровый лѣсъ,—но вдругъ палъ (въ сраженіи съ Шведами), и съ тѣхъ-поръ не видалъ ужъ ты больше, что дѣлается у тебя дома. Тамъ плачетъ жена, плачутъ дѣти—вѣтъ у нихъ отца; стонетъ домъ безъ своего хозяина: тяжело мнѣ сиротинушкѣ входить въ этотъ домъ: не увидѣтъ тамъ *бобрлицы* своего бобра. Пропали же ты Шведская сила! Накажетъ тебя Пресвятая Крупская (въ Крупкѣ) Богоматерь! Нашлетъ она на тебя ночную мглу (пелену, собственно вѣчто въ родѣ толстаго огромнаго бревна): будешь плакать ты тогда, и не радоваться. Какъ ты погубила моего милаго, такъ Она пошлетъ на тебя черную долю и пропадешь ты, этакая гадость! Ой, жутко было отъ васъ, поганые; отняли вы у людей дѣтей и мужей: вотъ и вамъ же ни еъ чемъ придется возвратиться въ свои нищенскіе (собственно грязные) дома.—Охъ, какъ тяжело мнѣ плакать по тебѣ, мой ты золотой лебедь! Что такое я теперь? Зачѣмъ ты палъ, отчего не возвратился, мой соколъ, въ свой домъ?—Зазвоили во все колокола по тебѣ: охъ какъ грустно раздается этотъ звонъ въ моемъ сердцѣ!—Заревѣли волю въ новомъ плугѣ (о томъ, что) схоронили моего милаго въ *чужой* * сторонѣ—Заревѣли волю, возвращаясь изъ поля домой (о томъ, что); похоронили моего милаго близъ Березино, откуда онъ уже возвращался домой. Подобное причитаніе встрѣчается въ Галиціи: только въ немъ описывается походъ Русскихъ въ Крымъ противъ Татаръ—и смерть *Чумака* (развощика соли, приставаго на службу въ качествѣ волонтера); упоминается также о рѣкѣ Донѣ, объ атаманѣ и о нѣкогда бывшей крѣпости Самарѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра при впаденіи въ него рѣки Самары, построенной

* Замѣчательно, что Бѣлорусецъ всякій другой уѣздъ, не только всякую другую губернію, гдѣ онъ не жилъ и не бывалъ, называетъ *чужою* стороною; но его, родная сторона тотъ уѣздъ и даже та деревня, гдѣ родился; изъ этого видно, что Бѣлорусцы не любятъ, подобно великорусцамъ, выходить изъ своихъ оселищъ: ихъ не заманишь въ Москву или въ Петербургъ.

въ 1686-мъ году подъ надзоромъ князя Голицына, для усмиренія татарскихъ грабителей *.

Послѣ голошенья, оставляють на могилѣ кутью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закапываютъ ее въ землю у изголовья покойника. Этимъ доказываютъ Бѣлорусцы, что у ихъ предковъ была вѣра въ загробную жизнь; только жизнь-то эту они представляли по своему, имъ думалось, что покойники нуждаются въ пищѣ, одеждѣ, деньгахъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, этимъ объясняются довольно-свѣтлыя понятія древнихъ Русскихъ-Славянъ о новой, загробной жизни. Снабжая покойниковъ разными вещами, они высказывали при этомъ любовь къ своимъ умершимъ и память объ нихъ. Память эту они особенно обваружили въ такъ называемыхъ *тризнахъ*, сохранившихся въ преданіи вышшняго Бѣлорусскаго народа подъ названіемъ *Дзѣдовъ* или поминокъ. Обычай этотъ чтить память усопшихъ, даетъ право намъ представлять себѣ характеръ нашихъ предковъ съ самой свѣтлой стороны. Сохранившійся же этотъ обычай въ Бѣлорусскомъ народѣ даетъ ему почетное мѣсто въ ряду прочихъ племенъ, населяющихъ земной шаръ, и хотя исповѣдующихъ Христіанство, но не имѣющихъ высокаго религіознаго обряда поминovenія умершихъ, составляющаго исключительно достояніе Греческой Православной Церкви.

Древніе Славяне Русскіе, Чешскіе, Лузацкіе и Польскіе совершали поминovenіе усопшихъ предковъ и отцовъ своихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, именно 1-го числа. Въ этотъ день они обыкновенно отправлялись съ факелами на кладбища и тамъ, по совершеніи жертвъ, жертвенные остатки разкладывали на могилахъ. Славяне точно также имѣли земныя воздушныя божества, какъ адскія или подземныя. Первые изъ нихъ соответствовали божествамъ свѣта, а вторыя — божествамъ тьмы. Представленіе Славянъ о жизни загробной было чувственное: они считали душу какимъ-то воздушнымъ существомъ, которое, послѣ смерти

* См. Piesni ludu ruskiego w Galicyi, Pauli. Zegoty. Tom: II, str. 38.—Lwow—1840 г. Кромѣ того, очень похожіе на первое приведенное выше причитаніе встрѣчается въ Гродненской губерніи близъ Возковиска: его вложилъ въ стихахъ въ формѣ легенды г. С.—Слав...ій; такъ-какъ легенда переведена по-польски, то она вышла слабѣе подлиннаго причитанія: легенда собственно хороша, какъ прекрасное поэтическое произведеніе, См. Poezye A. S.—S. T. II, str 70.—78. Warszawa, 1852 г.

человѣка, выходитъ изъ него и до самаго погребенія его какъ бы птица перелетаетъ съ одного дерева на другое. Въ древнія времена, по языческому обычаю, мертвыя тѣла жгли, какъ это видно изъ найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Славянскаго края уриѣ. Не задолго предъ введеніемъ Христіанства въ земляхъ Славянскихъ, обычай этотъ измѣнился и, вмѣсто жженія тѣлъ, ихъ хоронили въ цѣлости въ могильницахъ: явились насыпи на кладбищахъ; на этихъ-то насыпяхъ подъ открытымъ небомъ разъ въ годъ совершались *тризны* или *стыны*, тоже, что у Литовцевъ *chauturas*, которыя были не иное что, какъ пиры на гробахъ усопшихъ. Во время этихъ пирушекъ, сохраняя глубокое молчаніе, и какъ-бы прислушиваясь къ малѣйшему движенію подъ собою, пировавшіе разбрасывали остатки разныхъ яствъ по холмамъ или курганамъ, подъ которыми будто двигались въ то время покойники: бросавшіе думали, что умершіе цепенѣнно оживали на ту пору, чтобъ собрать разбросанные по кладбищу куски пироговъ и мяса. По свидѣтельству Нарбута, пировавшіе, по окончаніи тризны, произносили слѣдующія слова, опустивъ голову внизъ и какъ бы бесѣдуя съ покойниками: простите, мертвыя душечки! будьте здоровы, мертвыя душечки, благословите насъ живыхъ и пошлите покой въ наши дома!»..

Со введеніемъ Христіанства у Славянъ въ обрядъ тризны многое измѣнилось и очистилось, приняло характеръ Христіанскаго поминовенія и даже самое названіе тризны переименовано. Тризну называли *Дѣдами*. Со введеніемъ Христіанства у Русскихъ Славянъ, *Дѣды* сохранились * всего болѣе въ тѣхъ земляхъ, гдѣ жили племенами или родами первые обитатели обширной земли Русской, именно по преимуществу между Днѣпромъ, Сожею и Западною Двиною, или же въ болѣе сосѣднихъ съ ними, то есть въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Но такъ-какъ я имѣю въ виду повѣрья Бѣлорусскаго края, то и опишу здѣсь *Дѣды* Бѣлорусскіе.

Названіе *Дѣды*, или, какъ произносятъ въ Бѣлоруссіи, *Дѣды* произошло отъ того, что въ день этого обряда живые вспоминали своихъ отцовъ и дѣдовъ. Воспоминанія эти заключались

* Нужно помнить, что, говоря о подобныхъ повѣрьяхъ и преданьяхъ, какъ остаткахъ язычества нашихъ предковъ Русскихъ-Славянъ, я имѣю въ виду простой народъ Бѣлорусскій.

въ пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣвались геройскіе подвиги умершихъ, ихъ добродѣтели, благодѣянія и домашняя жизнь: отсюда вѣроятно получили свое начало и вышеописанныя мною голошенья или причитанья надгробныя.—Главнымъ распорядителемъ при обрядѣ дѣдовъ сначала былъ жрецъ, а впоследствии просто какой-нибудь старикъ—пѣвецъ, называемый *Гусляромъ*, *Козляромъ* или *Дударомъ* отъ имени инструментовъ: гуслей, козы, дуды, на которыхъ онъ игралъ обыкновенно, когда пѣлъ: отсюда и самое собраніе по случаю обряда дѣдовъ называлось *учтою* (пирушкою *гуслярскою*, *козлярскою* или *дударскою*).

Въ настоящее время, въ Бѣлоруссіи совершаются дѣды три раза въ годъ, лѣтомъ, осенью и зимою. Кромѣ того есть еще дѣды весеніе, но они значительно отличаются отъ первыхъ трехъ и кромѣ того получили особенное названіе *Радовницы*, а потому объ немъ скажемъ отдѣльно.—Что же касается до первыхъ трехъ дѣдовъ, то одни изъ нихъ называются *ставровскими*, другіе *змитровскими*, третьи—*передзапустными*.

Происхожденіе *ставровскихъ* или *лѣтнихъ* дѣдовъ приписываютъ какой-то легендѣ о князѣ Бой и о его двухъ борзыхъ собакахъ *Ставры* и *Гавры*. Вотъ эта легенда или преданіе народа, сохранившееся въ Витебской губерніи. Надъ рѣкою Дриссою (рѣка въ Дрисскомъ уѣздѣ) есть хуторъ Краснополь, окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ, стариннымъ лѣсомъ. Близъ этого Краснополя, въ одной изъ непроходимыхъ чащъ лѣса, нѣкогда, еще во времена русскославянскаго язычества, жилъ богатый князь, владѣтель обширныхъ помѣстій, безчисленныхъ замковъ и остроговъ, лежавшихъ вдоль по берегамъ р. Дриссы: онъ славился по всей Бѣлой-Руси наѣздничествомъ и стрѣльбой, отчего и прозвали его княземъ Боемъ. Любимымъ его удовольствіемъ была охота съ луками и стрѣлами за лосями, дикими кабанамъ и другими лѣсными звѣрями въ самыхъ глухихъ пушахъ и оврагахъ: для такой охоты онъ имѣлъ двухъ борзыхъ собакъ, изъ которыхъ одна называлась *Ставры*, а другая *Гавры*, и обѣ были необыкновенно сильны, такъ-что самый огромный медвѣдь не могъ выдержать борьбы съ ними: въ одну минуту разрывали его на части. Сколько разъ случилось, что Бой, отправлявшійся съ сосѣдами на охоту, заходилъ въ такія глухія мѣста, что не-зналъ, какъ и куда выйти изъ

нихъ; въ этомъ случаѣ помогали ему вѣрныя его слуги, вывели на дорогу и провожали до самаго замка; мало того, въ случаѣ нападенія разбойниковъ на Боя, слуги спасали его отъ нихъ, убивая незваныхъ гостей. За такия услуги, Бой чрезвычайно дорожилъ своими слугами и требовалъ отъ подчиненныхъ своихъ дворчанъ, чтобъ они оказывали почтеніе имъ, какъ самымъ важнымъ особамъ при его замкѣ. Когда же Ставры и Гавры умерли, то онъ похоронилъ ихъ съ большими обрядами и назначилъ въ честь ихъ ежегодныя торжественныя поминки. Народъ собирался на мѣстѣ, гдѣ похоронены были Ставры и Гавры, приносилъ съ собою разные пироги и кушанья и, разложивъ огни, пиравалъ до поздней ночи: остатки яствъ и кости бросали въ огонь, произнося громко имена: Ставры, Гавры, и потомъ вызывали ихъ тѣни... *

Какъ ни странна легенда, а все-таки нельзя не привести ее для свѣдѣнія, потому-что она какъ будто имѣетъ какую-то связь съ дѣдами *Ставровскими*, какъ сейчасъ увидимъ.—При наступленіи вечера, собирается въ домъ богатаго семейства множество народа и всякъ приноситъ съ собою изображеніе человѣка изъ тѣста. При этомъ бываетъ музыка—и пляски продолжаются до полночи. Въ полночь готовится столъ, на которомъ ставятъ какъ можно больше пироговъ, *коржовъ*, и очень-немного жидкихъ похлѣбокъ. Народъ ѣстъ и пьетъ до тѣхъ-поръ, пока наконецъ не постучать въ окошко; стучитъ кто-нибудь изъ гостей;—въ это время, всѣ встаютъ изъ-за стола и, открывъ окошко, бросаютъ въ него человѣческія изображенія изъ тѣста, и что-есть-мочи кричатъ: «Ставры, Гавры, гдѣ вы тамъ? приходите къ намъ,» Стучавшій въ окошко обязанъ собрать всѣ изображенія и принести въ комнату: эти изображенія опять поступаютъ во владѣніе прежнихъ ихъ владѣтелей, которые сушатъ тѣсто и потомъ раздаютъ его своимъ паробкамъ (прислугѣ), думая, что отъ этого слуги привязываются къ дому и дѣлаются вѣрными.

Обрядъ ставровскихъ дѣдовъ въ такомъ видѣ соблюдается въ минской, витебской и могилевской губерніяхъ: описанный мною здѣсь заимствованъ въ минской губерніи, мѣстечкѣ Докшичахъ, что при р. Березинѣ.

Дѣды змптровскіе болѣе имѣютъ право на названіе дѣдовъ,

* Barszczewski—Białorus u fantastycznych opowiadaniach. Petersburg. Здѣсь разсказана легенда съ измѣненіями.

потому-что во время ихъ дѣйствительно совершается поминование усопшихъ родныхъ. Названіе: змитровскіе (т. е. Дмитровскіе) вѣроятно произошло отъ дня Св. Димитрія, въ который обыкновенно совершается этотъ обрядъ. Вотъ обрядность этихъ Дѣдовъ. Еще съ утра въ домахъ замѣтно какое-то особенное движеніе; весь день проходитъ въ приготовленіяхъ; варятъ, жарятъ, чистятъ комнаты и особенно выметають малѣйшій соръ въ углахъ и за печкою; мало того, весь дворъ чистятъ и посыпають ельникомъ или пескомъ, точно будто ожидаютъ гостей. И дѣйствительно ожидаютъ; думаютъ, что вечеромъ въ домахъ родныхъ явятся тѣни умершихъ, которые не могутъ явиться въ томъ домѣ, гдѣ не чисто, гдѣ не хорошо приготовлены кушанья и напой. Таковы вѣрованія предковъ нашихъ въ лицѣ бѣлорусскаго народа, которые питали большое уваженіе къ духамъ или тѣнямъ умершихъ родныхъ.

Когда соберутся гости, состоящіе изъ родныхъ и отчасти пищихъ, то отецъ семейства, или старшій въ домѣ, зажегши восковую свѣчу, ставитъ ее въ углу почетнаго мѣста и произноситъ молитвы: Отче нашъ! Богородице! дѣво радуйся! Вѣрую... Произнесши молитвы, гаситъ свѣчу. Затѣмъ всѣ садятся за столъ, на которомъ число приборовъ должно быть нечетное. Хозяинъ наливаетъ полную рюмку водки и выливъ часть на скатерть для дѣдовъ, пьетъ остальное самъ; ему подражаютъ во всемъ гости. Потомъ начинаютъ кушать что-нибудь жидкое, но и здѣсь не безъ особенности: всякъ долженъ отлить изъ тарелки хоть ложку похлебки въ особенно-приготовленную для того миску, которая, будучи наполнена до верха, кушаньемъ ставится на окно тоже для дѣдовъ. Затѣмъ ѣдятъ и пьютъ молча, и постоянно оглядываются то назадъ, то по сторонамъ, то смотрятъ на потолокъ или на двери, не являются ли тѣни дѣдовъ? Малѣйшій шорохъ, шелестъ въ комнатахъ приводитъ всѣхъ въ радостное содроганіе: думаютъ, вотъ-вотъ входятъ духи умершихъ родственниковъ и невидимо присутствуютъ вмѣстѣ съ ними; при этомъ постоянно слышатся вздохи и—думаетъ народъ про себя: отчего бы духамъ не явиться въ видѣ людей?... Пролетѣвшій мимо окна надъ столомъ мотылекъ считается посланцомъ покойниковъ: говорятъ, будто онъ прилетѣлъ за волосами и ногтями усопшихъ, которые забыли взять ихъ съ собою и оставили въ обуви за печью; случись же, что мотылекъ полетитъ за печь, непременно всѣ

бросаетъ за нимъ туда и ищутъ *этой обуви...* По окончаніи ужина, расходятся гости и на прощаніи хозяинъ дома говоритъ имъ: «Дзѣды! Ыли—пили, пдзице жъ да себѣ (къ себѣ—домой!)»

Оставленныхъ кушаній для дзѣдовъ не трогаютъ съ мѣста всю ночь: найдутся охотники, которые съѣдятъ и потомъ говорятъ, что духи съѣли. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эти кушанья отдаютъ ищимъ, которые очень хорошо помнятъ дни дѣдовъ и являются за своею частью.

Дѣды *предзапустные* тѣ, которые бываютъ предъ заговѣнами Филиповаго поста. Обрядность ихъ почти вся та же, что и въ день змитровыхъ дѣдовъ. Различіе то, что во время предзапустныхъ дѣдовъ готовятъ блины и колбасы, часть которыхъ тоже предназначается для усопшихъ. Въ день этихъ дѣдовъ женщины одѣваются во все бѣлое, а мужчины снимаютъ съ себя поясной ремень, на которомъ обыкновенно вѣшаютъ ножъ, кресиво и шабету (сумку) съ трупомъ.

Но все эти дѣды празднуются въ домахъ и проходятъ безъ слезъ и вообще безъ печали, потому-что въ это время поминается какъ бы весь родъ человѣческой умершей; тогда-какъ совѣтъ иначе совершается обрядъ такъ-называемой *Радавницы* *.

Радавница совершается во вторникъ на Оуминой недѣлѣ, утромъ, даже съ разсвѣтомъ дня, подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ, которое въ это время принимаетъ видъ ужаснаго зрѣлища: къ какой могилѣ ни обратись, вездѣ слышишь странный плачь и рыданія, вездѣ видишь печальныя лица и отчаянно-грустныя выраженія ихъ. И неудивительно: не одна мать оплакиваетъ недавно схороненнаго сына, послѣднюю опору и

* Многие производятъ слово: *Радавница*—отъ глагола *радоваться*, или отъ *Родъ, Рожаница*. Но первое значеніе не имѣетъ никакой связи съ печальнымъ обрядомъ; второе требуетъ доказательствъ: были ли божеества «Родъ и Рожаница», имѣли ли они влияние на умершихъ и у кого изъ славянскихъ племенъ сохранились преданія объ этихъ божеествахъ?—Мнѣ кажется, *Радавница* происходитъ отъ слова: *рада, радить*,—совѣтовать совѣтоваться. — И дѣйствительно, въ Бѣлорусскихъ причитаніяхъ, въ день Радавницы, живые совѣщаются съ мертвыми, просятъ у нихъ совѣта, какъ жить, что дѣлать; кромѣ того, въ сказкахъ и пѣсняхъ не только бѣлорусскихъ, но великорусскихъ и вообще славянскихъ, очень часто упоминается, что сынъ приходитъ на гробъ отца, чтобъ увидѣть тѣнь его и побесѣдовать съ нимъ, а болѣе всего, чтобъ испросить у него совѣта, какъ ему поступить въ известномъ случаѣ. И вообще существуетъ въ Бѣлоруссіи повѣрье, что кто раньше всѣхъ явится на кладбище въ день Радавницы, тотъ услышитъ отъ родныхъ покойниковъ очень—важный совѣтъ, какъ добыть въ землѣ кладъ.

надежду семейства; не у одной дѣвицы рвется сердце на часъ и при видѣ свѣжей могилы жениха! Не одинъ мужикъ тоскуетъ о потерѣ милой жены! Не одна дочь рыдаетъ беззутѣшно надъ гробницею осиротившаго ея отца, съ потерею котораго она потеряла все, потому-что давно уже лишилась матери: и сколько такихъ трогательныхъ сценъ! И всѣ эти сцены очень-очень продолжительны! Плачь, стоны и рыданія оглашаютъ грустное и безъ того поднебесье кладбища до самаго полудня. Но вотъ мало-по-малу стихаютъ вопли и настаетъ могильная тишина. Начинаютъ разныя обрядности. — Катаютъ крашенныя яица на могилахъ и потомъ отдаютъ ихъ нищимъ; затѣмъ покрываютъ могилы скатертями, ставятъ кушанья и отвѣдавъ кое-чего, все прочее оставляютъ нищимъ *. Приступая къ кушанью, обливаютъ могилы разными настоями изъ благовонныхъ травъ, затѣмъ обращаются къ умершимъ съ слѣдующими словами: «милые радицели! ходице къ намъ ѣсьци, што Богъ давъ!» Покушавъ, начинаютъ прощаться съ покойниками, приговаривая; наши радицели! выбачайце, ня дзивнцесея; чымъ хата богата, тымъ и рада (наши родные! Извините! Не прогнѣвайтесь! Чѣмъ богаты (мы), тѣмъ и рады): — тутъ слѣдуютъ разныя причитанія, въ которыхъ желаютъ мертвымъ роднымъ *здоровья*, молятъ Бога, чтобъ земля не душила ихъ тѣмъ и не заглушала ихъ чувствъ къ своимъ близкимъ.

Въ этотъ день очень часто ставятъ на могилахъ кресты, камни или просто нѣчто въ родѣ гроба изъ дерева съ разными рѣзными изображеніями головы, руки, ноги: послѣднія вырѣзываются тогда, если у кого-нибудь изъ живыхъ родныхъ болятъ означенные члены; дѣлается это, по словамъ народа, для того, чтобъ покойники вымолили у Бога здоровье или излеченіе больныхъ частей тѣла: здѣсь опять видно, что живые, какъ-будто совѣщаются, ведутъ переговоры съ мертвыми: новое подтвержденіе того, что слово *рада* можно производить отъ *рада* совѣтъ или *радитъ*, совѣщаться, вести переговоры (см. выше выноски).

Возвращаясь домой, родственники умершихъ стараются не оглядываться назадъ; въ противномъ случаѣ, говорятъ, покойнику сдѣлается тяжело, — земля придавитъ его.

* Замѣчательно, что число кушаньевъ должно быть *четное*: самыя кушанья приготавливаются для этого больше густыя, а не жидкія.

МОЛДАВІЯ И ВАЛАХІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОСТИ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА).

Статья первая.

1.

Переходъ черезъ рѣку Прутъ и вступленіе нашихъ войскъ въ Княжество Молдавію въ 1853 г.—Яссы.—Пріемъ, сдѣланный Русскимъ войскамъ Молдаванами.—Ночь въ столицѣ Княжества.—Характеръ народа.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1853 года, вслѣдствіе политическихъ несогласій Россіи съ Портою Оттоманскою, войска наши перешли рѣку Прутъ и вступили въ Молдавію. Наша 2-я егерская бригада 10-й пѣхотной дивизіи, переступила чрезъ границу, въ мѣстечкѣ Скулянахъ, 21-го іюня и направилась на Яссы.

Я, съ однимъ изъ моихъ полковыхъ товарищей, отсталъ отъ полка, по случаю даннаго мнѣ отъ начальства позволенія остаться для покупки лошадей въ городѣ Бѣльцахъ, Бессарабской области. Купивъ лошадей на ярмаркѣ, мы поспѣшили въ дорогу, чтобъ какъ можно скорѣе догнать полкъ. Вечеромъ, 21-го іюня, мы перѣехали чрезъ р. Прутъ, въ мѣстечкѣ Скулянахъ и покатили на Яссы. Сейчасъ за Прутомъ начинается широкая долина, а впереди на горизонтѣ тянется цѣпь высокихъ холмовъ—одна изъ отраслей Карпатскихъ горъ.

Былъ лѣтній жаркій вечеръ; солнце сѣло и на небѣ гасла заря. Облака пыли стали рѣже, потому-что роса не много смочила пересохшую землю. Странно, что въ воздухѣ не бы-

ло той ароматной свѣжести, которой мы привыкли наслаждаться у насъ, въ лѣтнія ночи. Самыя растенія почвы Дунайскихъ Княжествъ не издають такого бальзамическаго запаха, какъ у насъ; въ атмосферѣ разлито было что-то удушливое, неприятное. Влѣво отъ насъ, на вершинѣ самой высокой горы, бѣлѣлся монастырь, окруженный густыми садами, а отлогости горъ, покрытыя виноградниками, производили пріятное впечатлѣніе своею разнообразною и роскошною растительностью.

Вообще почва тамъ очень жирна и плодородна; растительность богата: виноградъ, персики, абрикосы и другіе южные плоды, всегда дозрѣваютъ на открытомъ воздухѣ и очень изобильны. Но климатъ нельзя назвать благопріятнымъ; онъ нездоровъ и тяжелъ, особенно для жителей сѣверныхъ странъ. Но, вотъ, заря гаснетъ; тѣни становятся длиннѣй и ночной сумракъ покрываетъ наконецъ всѣ предметы. Мы поднялись на возвышенность и дорога пошла по холмамъ, которые тянутся до самыхъ Яссъ. Вдругъ до насъ долетѣлъ какой-то пѣвннй шумъ, онъ становился слышнѣе и слышнѣе и я наконецъ догадался, что мы приближаемся къ столицѣ Княжества. Наконецъ фургонъ нашъ сталъ подниматься на послѣднюю гору и я узналъ, не смотря на мракъ, знакомую заставу, чрезъ которую я вѣзжалъ въ Яссы въ 1849 году. Колеса нашей повозки застучали по мостовой, — мы уже вѣхали улицей. Справа и слѣва замелькали разноцвѣтные огни—это были графинны съ цвѣтными водками и настойками, разставленные на полкахъ безчисленныхъ лавочекъ. Лавочки эти представляютъ съ наружной стороны огромное, четырехугольное окно безъ стеколъ, или со стеклами, какъ случится; поперегъ этого отверстія надѣланы полки, на полкахъ ставятся графинны съ водкой и ликеромъ, если корчма (такъ называются тамошніе лавочки) богата. Сзали все это освѣщается свѣчей или лампой, потому представляется взору рядъ разноцвѣтныхъ огней, смотря по цвѣту жидкостей, налитыхъ въ графинны. Надъ окошкомъ устроена доска, которая движется на петляхъ, на подобіе нашихъ подвальныхъ дверей. Когда нужно закрыть лавку, доска, поднятая къверху и привязанная веревкой къ кольцу, вбитому въ стѣнѣ, опускается;—все это дѣлается легко и скоро. Вечеръ и большую часть ночи корчмы бываютъ отперты или затворены только снаружи, а внутренность на-

полнена чернымъ народомъ, который очень любитъ выпить послѣ дневныхъ трудовъ своей *ротицы* (сливная волка, по Румынски), а потому на улицахъ, во всѣхъ городахъ Княжества, особенно большихъ, даже далеко за полночь видно движеніе, и какой-то гулъ носится надъ городомъ. Это напоминаетъ невольные подвижные кибиточные города степей глубокой Азіи, вѣчно движущіеся, вѣчно шумящіе. Въ этомъ шумѣ есть своего рода поэзія,—онъ дѣйствуетъ какъ-то страстно на душу и рождаетъ желаніе чего-то сильнаго, кипучаго.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, мы остановились и зашли въ одну изъ кофейнь; насъ встрѣтилъ самъ *кофеджу*, (содержатель заведенія), молодой молдаванъ, одѣтый щеголевато, даже очень для небогатаго владѣтеля кофейни; но такова уже страсть молдаванъ одѣваться по парижской модѣ, нисколько не соображаясь съ своимъ состояніемъ и карманомъ. Кофеджу принялъ насъ съ громкимъ крикомъ:—«*binî avenicia senatos*»—говоритъ онъ: т. е. «какъ я радъ, что вы пришли здоровые» или «что вижу васъ здоровыми».—*Vinê qu'á ayvasoute, senatos:*»

Молдаване всегда принимали радушно Русскихъ и это очень понятно, потому что сильный характеръ Русскаго, всегда тороватаго человѣка, какъ нельзя лучше соединяется съ вольнымъ и безпечнымъ характеромъ этого народа. Мы спросили по чашкѣ чернаго Турецкаго кофе съ пѣнкой наверху, которая называется *Каймакъ*; закурили папирсы и разговоръ завязался:

— Давно ли пришли войска наши въ Яссы? спросилъ я.

— Утромъ, господинъ офицеръ.

— Вы ожидали нашего прихода?

— Какъ не ожидать, *долнуле!* (господинъ.) Мы всегда узнаемъ задолго о приходѣ Русскихъ войскъ къ намъ; и какъ рады мы бываемъ, когда вы приходите. *Домнета ну синтъ, турчъ синтъ христинъ.* (ты не Турка, Христіанинъ, значить братъ нашъ по вѣрѣ. Турки много сдѣлали намъ зла; *адракули Турчи!* (чертовскіе Турки).

Я знаю Валахскій языкъ и могу довольно хорошо объясняться на Румынскомъ нарѣчій и потому мнѣ легко было выпросить у содержателя кофейни все, что намъ нужно было знать. Напившись кофе, мы отправились въ полицію, для вытребованія квартиръ. Кофеджу далъ намъ мальчика и мы снова потащились по длиннымъ, неправильнымъ улицамъ Яссъ.—

Яссы большой городъ, но неправильный, разбросанный по неровной, узкой долинѣ, между горъ. Множество садовъ, опоясывающихъ городъ, дѣлаютъ изъ него видъ громадной, прекрасной виллы, особенно, когда спускаешься съ возвышенности, подъѣзжая къ Яссамъ, по дорогѣ изъ Бухареста; но въѣзжая въ городъ и очарованіе пропадаетъ,—видишь неправильный лабиринтъ знаній всевозможныхъ архитектуръ; впрочемъ, нѣкоторыя улицы Яссы довольно широки, особенно улица *Домняска* (т. е. улица княжеская.) Во время дождей, улицы представляютъ море жидкой грязи, а полиція вообще мало заботится о чистотѣ города. Лѣтомъ страшная пыль и духота; всѣ, кто имѣетъ возможность, переселяются на дачи и въ деревни.

Общій характеръ Яссы—это вѣчная суета, шумъ, движеніе; жизнь кипитъ вокругъ васъ и вы сами невольно заражаетесь этою энергичностью, отличительной чертой характера южныхъ народовъ. Только шумъ и движеніе бываетъ утромъ часовъ до 9-ти, и потомъ, снова, начинается вечеромъ часовъ въ 7-мъ; середина же дня проходитъ въ безмолвіи и покоѣ. Эти жаркіе часы Молдаване проводятъ въ домахъ или кофейняхъ, играютъ въ кости, курятъ и пьютъ холодную воду съ *дульчацомъ* (съ вареньемъ.)

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія по переулкамъ и улицамъ, мы достигли дома городской полиціи. Ага Ясскій, оберъ-полицмейстеръ, сейчасъ же велѣлъ отвести намъ квартиры въ той части города, въ которой расположенъ былъ нашъ полкъ.

При вступленіи нашихъ войскъ въ Яссы, жители изъявили желаніе принять насъ, какъ дорогихъ гостей и угостить, какъ слѣдуетъ. Это выраженіе ласки и привязанности было принято нашимъ отряднымъ командиромъ, и вмѣсто того, чтобы расположиться биваками, какъ слѣдовало въ военное время, мы размѣщены были по квартирамъ, и жители кормили нашихъ солдатъ на убой, угощая всѣмъ, кто что имѣлъ лучшаго. *Эпистатъ* (квартальный) повелъ меня на квартиру и, между прочимъ, сказалъ мнѣ дорогой, что на моей квартирѣ старая хозяйка и хорошенькая *куконица* (барышня, дѣвушка), которая очень любитъ военныхъ. Я звалъ, чего хотѣлъ хитрый эпистатъ и далъ ему цванцогеръ. Нравы Молдаванъ были мнѣ уже знакомы. Наконецъ, вотъ и домъ; растворились ворота, зала-

яла цѣпная собака и я, взобравшись по лѣстницѣ, впрочемъ невысокой, очутился въ комнатѣ. Меня встрѣтила хозяйка дома, дѣйствительно старая молдаванка; она просила меня садиться и сейчасъ мнѣ подали дульчацу съ водой. Вслѣдъ за дульчацомъ явился кофе; его принесла дѣвушка лѣтъ 14-ти; не красавица, но ея черные глаза такъ и пылали. Этотъ взглядъ волновалъ кровь и возбуждалъ страстныя желанія. Хозяйка рекомендовала мнѣ дочь свою и вслѣдъ затѣмъ просила, чтобы я, какъ походный человекъ, не церемонился, а раздѣвался бы и ложился спать, когда мнѣ вздумается. Комната обставлена была широкими диванами; на одномъ изъ нихъ мнѣ приготовлена была постель. На окошкахъ стояли цвѣты и испускали сильный раздражающій запахъ.

Выпивъ кофе, я легъ и хотѣлъ потушить свѣчу, какъ дверь отворилась и мнѣ внесли ужинъ. Ужинъ былъ не роскошный, но сытный;—онъ состоялъ изъ *мамалыги* въ сметанѣ и маслѣ. Мамалыга—это родъ каши, круто сваренной, изъ довольно крупной кукурузной муки; она замѣняетъ у Молдаванъ хлѣбъ за обѣдомъ, а приправленная масломъ и сметаной, обращается во вкусное, хотя очень тяжелое блюдо, къ которому не всякій привыкнетъ, особенно мы, Русскіе, никакъ не могли приучить наши желудки къ этому странному, сладковатому и крутому хлѣбу. Еще было блюдо, въ чисто-молдаванскомъ вкусѣ, особенно приготовленное,—жирная говядина въ листьяхъ вареной свѣжей капусты,—и все это было изобильно приправлено жгучимъ стручковымъ перцемъ. Молдаване такъ любятъ этотъ красный перецъ, что ѣдятъ его зеленый, какъ обыкновенную огородную зелень, а особенно любятъ закусывать имъ послѣ водки. Къ ужину подали мнѣ полъ-ока Одобѣскаго вина; это вино собирается близъ города Фокшанъ, въ одномъ мѣстечкѣ. Наказавъ служанкѣ поблагодарить внимательную хозяйку за угощеніе, я съ приятнымъ чувствомъ сытости закурилъ папиросу. Тутъ вошла въ комнату, знакомая мнѣ, молоденькая куконица и стала рыться въ шкафѣ съ платьемъ. Я не упустилъ случая назвать ее *формашкой* (хорошенькой) и завести съ нею разговоръ обыкновенный и пустой, который однакожь на Молдаванскомъ языкѣ имѣетъ свое особенное, таинственное значеніе и нравится женщинамъ. Молдаванки очень нецеремонны съ мужчинами и говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ наши дѣвушки не всегда имѣютъ понятіе. Не смотря на мою

смѣлость, я видѣлъ, что разговоръ не клеится и дѣвушка скоро ушла, оставивъ меня мечтать на свободѣ о прекрасныхъ глазахъ своихъ; однако я скоро уснулъ и все было забыто.

Рано утромъ меня разбудили, — полкъ нашъ выступалъ изъ Яссъ. Одѣвшись и выпивъ чашку кофе, я поблагодарилъ еще разъ мою хозяйку за радушный приемъ, сѣлъ на мою верховую лошадь и поѣхалъ на сборный пунктъ. Заря чуть занималась, а на улицахъ Яссъ все уже было въ движеніи и чѣмъ ближе я подѣзжалъ къ базару, тѣмъ шумъ становился громче и движеніе замѣтнѣе.

Въ 8-мь часовъ утра мы оставили столицу Княжества, унося съ собой сожалѣніе о томъ, что судьба не позволила намъ поболѣе пожуривать въ этомъ городѣ, гдѣ жизнь весела и гдѣ удовольствія на распашку. Колонны наши шли по Букарестской дорогѣ и путь подымался на высокую гору. Справа и слѣва тянулись безковечные сады; въ садахъ виднѣлись красивые загородные дома Молдаванскихъ *боеровъ* и дворянъ. Всюду зелень, цвѣты, смоченные утренней росой; пріятная свѣжесть садовъ дѣлала походъ нашъ пріятной прогулкой. Но между тѣмъ, какъ Яссы мало-по-малу, тонули въ зелени и въ волнахъ утренняго тумана, мы поднимались все выше и выше; наконецъ взобрались на плоскую возвышенность и дорога потянулася лѣсомъ. Еще разъ бросилъ я взглядъ на исчезавшіе Яссы и передомной воскресла печальная картина прошедшаго... Я вспомнилъ кровавыя войны господарей Молдавскихъ съ вѣчными врагами Христіанства — Турками; вспомнилъ рядъ бѣдствій бѣднаго народа, неустройство въ самомъ управленіи, недостатокъ народнаго богатства, наконецъ эпоху возстановленія Молдавской независимости сильнымъ протекторствомъ Россіи, когда судьба этого народа стала измѣняться къ лучшему, годъ-отъ-году. Но дорогю цѣною купили Молдаване настоящее свое благостояніе, не даромъ выпустили Турки изъ своихъ рукъ этотъ лакомый кусочикъ. Прежде рѣки крови пролились, цѣлыя поколѣнія Молдаванъ погибли въ хаосѣ борьбы, внутреннихъ неустройствъ и потрясеній, пока Россія, поразивъ Порту, рѣшила судьбу Дунайскихъ Княжествъ и показала возможность лучшей будущности. Теперь жители Молдавіи и Валахіи пользуются всѣми удобствами жизни. Торговля развилась и преобразовалась къ лучшему, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ побывали тамъ Рускіе войска

и пустили въ ходъ огромную массу звонкой монеты. Мудрая Русская политика преобразовала, мало-по-малу, и административное устройство въ этихъ государствахъ, не боявшихся больше насилій со стороны поклонниковъ лжепророка.

Пробывъ довольно долгое время въ Молдавіи и Валахіи, я имѣлъ возможность вполне познакомиться съ характеромъ жителей обѣихъ Княжествъ. Молдаване и Валахи почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Оба эти народа принадлежатъ къ Ромынскому племени, исповѣдуютъ Православную Греческую Вѣру, имѣютъ одинакіе обычаи и законы, говорятъ однимъ языкомъ, въ которомъ, правда, есть нѣкоторыя видоизмѣненія; но эти видоизмѣненія ничто иное, какъ принадлежности нарѣчій и суть черты частныя. Валахъ всегда пойметъ Молдавана, потому-что корни и граматическій составъ языковъ одинаковъ. Ромынское племя есть ничто иное, какъ одна изъ отраслей Римскаго племени. Ромыны сами себя считаютъ, единогласно, потомками древнихъ Римлянъ; это, кажется, и справедливо, потому-что во время Римской Имперіи эти пустынные страны служили мѣстомъ ссылки. Римскіе императоры ссылали туда, на поселеніе, множество людей всѣхъ классовъ, особенно во время возмущеній областей или городовъ; владыки Рима переселяли въ Придунайскія земли огромныя массы жителей изъ этихъ непокорныхъ или опасныхъ участковъ своей всемірной Монархіи. При возмущеніи войска, иногда цѣлые легіоны, (смотри Тацита), бывъ обезоружены, отсылались туда же. Тамъ занимались они земледѣліемъ и вели болѣе спокойную жизнь, чѣмъ близъ распавшагося, дряхлаго Рима. Итакъ потомки Римскихъ ссыльныхъ, иногда преступныхъ, иногда невинныхъ жертвъ Римскихъ законовъ, мало-по-малу, образовали населеніе Дунайскихъ Княжествъ и составили впоследствии одинъ народъ, съ особою формою правленія, который только въ обычаяхъ и преданіяхъ своихъ сохранилъ нѣкоторыя черты своихъ племена-чальниковъ.

Характеръ жителей Дунайскихъ Княжествъ Ромынскаго племени энергичный, страстный, вмѣстѣ съ этимъ вѣтранный, какъ всѣ южные характеры. Эти люди, съ своимъ легкимъ нравомъ, не имѣютъ въ душахъ своихъ прочнаго нравственнаго основанія, да и самыя отношенія ихъ къ религіи незапечатлѣны тѣмъ чувствомъ глубокаго благоговѣйнаго уваженія,

съ которымъ мы, православные, привыкли всегда думать и говорить о высокихъ предметахъ нашей Церкви, а тѣмъ еще болѣе о главныхъ догматахъ Св. Восточной вѣры. Ромыны, ревностные исполнители всѣхъ наружныхъ религіозныхъ обрядовъ, мало имѣютъ уваженія къ предметамъ высоко-священнымъ. Онѣ легкомысленно произносятъ эти предметы, что всегда поражало меня ужасомъ. Я всегда съ особеннымъ стараніемъ отыскивалъ причину такого неуваженія къ предметамъ вѣры въ народѣ Православно-Христіанскомъ; мнѣ всегда казалось страннымъ и даже невозможнымъ, чтобы человѣкъ высшій идеалъ свой—религію могъ унижать съ сознаніемъ. Послѣ долгихъ наблюденій, я наконецъ убѣдился, что этотъ бѣдный народъ самъ не понимаетъ той ужасной, богохульной безнравственности, которая унижаетъ не только достоинство Христіанина, но и достоинство человѣка. Эти люди получаютъ такое скудное, небрежное семейное воспитаніе, особенно въ Законѣ, что въ сердцахъ ихъ не укореняется чувство сознательнаго уваженія ко всему священному, а потомъ вольная, безнравственная жизнь уничтожаетъ даже природный инстинктъ, существующій въ человѣкѣ ко всему высокому. Дѣти, не видя въ своихъ родителяхъ добрыхъ примѣровъ, пріобрѣтаютъ ту же легкость и безнравственность характеровъ, которая и составляетъ главную, отличительную черту характера Молдаванъ и Валаховъ. Другія черты ихъ характера—открытость мнѣній и неспособность удерживать втайнѣ ни своихъ убѣжденій, ни всего того, что составляетъ тайну намъ близкихъ, которую они намъ вѣрили, или которую мы узнаемъ случайно. Валахи всегда привѣтливы, радушны, веселы, готовы раскрыть передъ вами свою душу; но не вѣряйте имъ ничего священнаго, если не хотите, чтобы оно сдѣлалось игрушкой. Гостепріимство составляетъ прекрасную черту характера Ромыновъ; съ гостемъ и бѣднымъ они всегда готовы раздѣлить кусокъ хлѣба. Они любятъ свободную и открытую жизнь и двери ихъ домовъ никогда не затворены. Живой, вольный, открытый, жаждущій вѣчно новаго,—Ромынь всегда живетъ настоящимъ; скучное завтра для него не существуетъ.

II.

Города: Васлуй, Бакео, Текучь, Бырладь, Фокшаны, Рымникъ на р. Рымникъ Бузео. — Видъ и характеръ этихъ городовъ. — Церкви, монастыри, частные дома, внутреннее устройство ихъ.

Первый городъ, въ который мы вступили послѣ Яссъ, Васлуй. Это почти не городъ, а большое мѣстечко, полное Евреевъ, въ рукахъ которыхъ вся почти мѣстная торговля. Двѣтри улицы, чрезвычайно узкія и грязныя до непроходимости во время дождей; пять церквей, очень небогатыхъ; около дюжины каменныхъ домовъ, — вотъ, всѣ примѣчательности этого города. За Васлуемъ, за двѣ Валахскія почты, — около 40 верстъ разстоянія, — лежитъ другой городъ Бакео, строеніями и внутреннимъ устройствомъ ничѣмъ не отличающійся отъ Васлуя. Онъ тоже торговое и нечистое жидовское мѣстечко. Его миновали мы, не останавливаясь, и 29 числа вступили въ Текучь. Текучь былъ бы красивый городокъ, еслибы зданія были расположены правильнѣе и улицы шире. Въ Текучѣ былъ учрежденъ нашъ этапъ и провіантскій магазинъ, для проходящихъ войскъ. Недалеко отъ Текуча, видны развалины древняго Монастыря, разрушеннаго Турками при Молдавскомъ Господарѣ Стефанѣ Храбромъ. Во время дневки, я любопытствовалъ посмотрѣть эти руины: уцѣлѣла часть стѣны, на которой еще видны слѣды живописи; — остальное — огромная груда камней, поросшихъ травой и кустарникомъ; немного поодаль, въ травѣ, я замѣтилъ нѣсколько каменныхъ плитъ изъ бѣлаго известняка, покрытыхъ надписями — это были могильныя плиты. Разматривая эти бѣдные памятники — остатки стараго кладбища, я невольно остановился предъ шестиугольной плитой огромнаго размѣра; на ней былъ видѣнъ чрезвычайно странный гербъ, или можетъ-быть изображеніе какого-нибудь событія, выраженное въ фигурахъ. На камнѣ высѣчены были турецкая чалма, на чалмѣ крестъ, самая чалма проткнута была семью шпагами; — вокругъ всего этого надпись вполонину стертая. Вотъ, что я разобралъ изъ надписи: *«кындъ аин-атратъ турчи ла утро бисериче, иш афакутъ не буніи амаре, войникъ костакі, амъ скокъ сабія афаре а бирутъ апо душманы ши афакутъ друмъ ларна ти...»* далѣе надпись была истерта; вотъ переводъ выше выписанныхъ строчекъ

надписи: «когда вошли Турки внутрь церкви и начали дѣлать неистовства, храбрый Константинъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ, разогналъ и побѣдилъ непріятелей, проложивъ мечомъ своимъ широкую дорогу...»

Горя нетерпѣніемъ узнать какое-нибудь историческое событіе, описанное въ надписи могильной плиты, я обратился къ одному изъ Текучскихъ старожиловъ, почтенному старику Дмитраки Боричану, у котораго въ лавкѣ я покупалъ разные вещи, и просилъ его растолковать мнѣ значеніе надписи на надгробной плитѣ, и онъ разсказалъ мнѣ старое надгробное преданіе, которое передаю и я моимъ читателямъ:

«Полтора вѣка назадъ, на мѣстѣ города Текучъ, былъ небольшой хуторъ, принадлежавшій Молдаванскому боюру Константину Веронеско. Въ то время Молдавія была совершенно подъ властію Турокъ; въ ней она хозяйничала безо всякаго ограниченія и тяжелое иго мусульманъ было истиннымъ бичемъ для бѣднаго народа. Особенно страдала вѣра, — первый предметъ ненависти Турокъ, а вслѣдъ за этимъ народъ угнетаемъ былъ налогами; — безначаліе царствовало повсюду. Тщетно, нѣсколько героевъ, возвысивъ голосъ за угнетенныхъ братій своихъ по вѣрѣ и собравъ вокругъ себя толпы воинствъ, съ саблей въ рукѣ, пробовали возстановить свою христіанскую свободу: — бились съ заклятыми врагами христіанства, не просили пощады и все ложились трупами на полѣ сраженія. Ихъ геройская храбрость угасала вмѣстѣ съ жизнію, не облегчавъ нисколько участи оставшихся въ живыхъ. Бояринъ Веронеско провелъ всю свою молодость въ этихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ Турокъ; наконецъ, наскучивъ тревогами наѣзднической жизни, онъ поселился на своемъ хуторѣ, женился на молодой красавицѣ Гречанкѣ и зажилъ на славу; денегъ у него было много и жизнь покатила спокойно и ровно. У Веронеско были два сына и дочь. Сыновей онъ готовилъ для военнаго дѣла, а дочь берегъ, какъ драгоценное сокровище, давное ему небожь для утѣшенія его старости. Гола летѣли; сыновья Веронеско выросли; ловко владѣли оружіемъ и крѣпко сидѣли на сѣдлѣ. Закипѣла молодая кровь юношей; сидячая жизнь надоѣла; они отпросились у отца поискать счастья. Отецъ радовался, видя воинственный духъ въ своихъ дѣтяхъ, благословилъ ихъ и два молодые витязя уѣхали въ Яссы. Старикъ погоревалъ и сталъ

было уже утѣшаться, какъ новое горе постигло его внезапно: у него занемогла опасно дочь. Куконицѣ Люксицѣ было 14 лѣтъ; она была красавица; свѣжая и здоровая дѣвочка, любимая дочь отца, не знала ни какихъ заботъ и порхала по саламѣ, какъ красивая бабочка; — но, вдругъ, внезапный и непонятный недугъ поразилъ малютку. Отецъ послалъ въ Яссы за врачомъ, но врачъ въ тогдашнее смутное время не могъ пріѣхать скоро, а Люксицѣ дѣлалось все хуже и хуже. Старый Костаки, жена его и нѣкоторые дворовые люди собрались въ небольшой комнатѣ, гдѣ лежала больная, потому-что, лечившая ее женщина объявила, что Куконица въ слѣдующую ночь отдастъ Богу душу, что недугъ этотъ не можетъ излечить никакая человѣческая сила. Веронеско былъ убитъ совершенно, онъ стоялъ у кровати, устремивъ неподвижный взоръ на умирающую и взоръ несчастнаго отца, не смоченный слезами, былъ ужасенъ. Мать Люксицы молилась передъ иконой Пресвятой Дѣвы, — остальные безмолствовали.

Вдругъ раздался звонъ колокола; всѣ вздрогнули, потому-что церковей по близости не было; но звонъ еще разъ повторился и въ комнату вошелъ старый монахъ. — «Костаки! — сказалъ монахъ, подойдя къ Веронеско, — Богъ вспомнилъ, что ты проливалъ свою кровь за вѣру отцовъ: — дочь твоя будетъ жива.» Тутъ старецъ вынулъ изъ кожаной сумки маленькій крестикъ, на волосяномъ снуркѣ и надѣлъ на умирающую, благословивъ ее прежде крестнымъ знаменіемъ. Дѣвушка вздрогнула, перекрестилась и встала съ постели совершенно здоровая, — слѣды болѣзни исчезли мгновенно и чудо совершилось. Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, упали на колѣна, а Костаки Веронеско заплакалъ и поклонился въ ноги иноку. — «Встань, бояринъ, — сказалъ черноризецъ, — молись Богу, а не мнѣ; я только орудіе Его воли. Двадцать лѣтъ жилъ я въ Иерусалимѣ у Гроба Господня; облегчалъ, какъ могъ, страданія угнетенныхъ Христіанъ — братій моихъ; но наконецъ, захотѣлось мнѣ побывать на родинѣ. Я уроженецъ здѣшней стороны, сюда и пошелъ я. Близъ твоего дома я могъ отдохнуть въ саду и едва заснулъ, какъ громкій голосъ, подобный звуку трубы, разбудилъ меня, сказавъ: «встань рабъ Іоакимовъ, иди и сними недугъ съ дочери боярина Константина; я приведу тебя въ горницу его, а отецъ изцѣленной построитъ храмъ,

во имя мое; тамъ сооруди обитель и въ этой обители упокою я твою старость.

Бояринъ Веронеско, въ память спасенія своей дочери отъ смерти, дѣйствиємъ небеснаго промысла, построилъ церковь во имя Всемилостиваго Спаса, а монахъ Іоакимъ построилъ себѣ возлѣ храма келію. Мало-по-малу жизнь благочестиваго инока привлекла и другихъ, жаждавшихъ спасенія и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени образовалась обитель. Прошло около полувѣка со времени основанія монастыря: въ домъ стараго Костаки Веронеско жилъ его внукъ, тоже Константинъ. Зная его богатство, Турецкій Паша потребовалъ отъ Молдавскаго боярина большую сумму денегъ, обѣщаясь впрочемъ возвратить ее. Но кто зналъ Турокъ, тотъ никогда не вѣрилъ ихъ обѣщаніямъ, потому-что въ отношеніяхъ къ Христіанамъ коранъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ нарушеніе всякаго честнаго слова, и даже ублажаетъ того, кто сдѣлаетъ какой-либо вредъ гяуру-христіанину. Не повѣривъ обѣщаніямъ Пашы, бояринъ Константинъ отказалъ въ требуемой суммѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ спокойной жизни и Веронеско думалъ, что Турки не будутъ мстить ему; но они не забыли своего врага, тѣмъ болѣе, что слухъ о его богатствѣ достигъ Константинополя. Паша пожаловалъ на него Султану и участь гордаго боярина была рѣшена.

Осенней темной ночью, внезапно, напали толпы Турокъ на домъ Веронеско. Большая же часть этого отряда, подъ начальствомъ самого пашы, окружила монастырь. Въ это время совершалось въ монастырской церкви всенощное бдѣніе. Турки отбили ворота, зажгли монастырскія кельи и окружили церковь. Нѣсколько иноковъ, умѣвшихъ владѣть оружіемъ, вооружились саблями и топорами и, заперевъ двери, стали передъ ними съ наружной стороны. Но что могла сдѣлать эта малая горсть подвижниковъ? Турки съ бѣшенствомъ ринулись на нихъ и защитники церкви Христовой пали всѣ до одного, смертію мучениковъ. Турки отломали церковныя двери и обагрили помость церковный потоками человѣческой крови, — и когда неистовство ихъ обратилось на иконы, въ это время явился бояринъ Веронеско съ своей дружиной. Онъ успѣлъ ускользнуть изъ дому, поскакалъ въ ближайшее мѣстечко и наскоро собралъ охотниковъ. Всѣ любили Веронеско и знали его храбрость, потому, кто только услышалъ его при-

звѣтъ, схватилъ оружіе и шелъ по его слѣдамъ. Отдѣливъ часть охотниковъ для пораженія «поганыхъ», грабившихъ его домъ, онъ самъ съ большею частью поспѣшилъ къ монастырю, — но уже было поздно! — Монастырскія зданія, объятія пламенемъ, разрушались съ страшнымъ гуломъ; Костаки бросился въ церковь, но и тамъ все было кончено — всѣ монахи пали отъ сабель мусульманъ, которые грабили внутренность храма. Какъ громъ Небесный, ударилъ Веронеско на жадныхъ грабителей; ударъ былъ внезапный, — все смѣшалось и побѣжало, но спасенія не было, — Турки гибли подъ ножами Молдаванъ. Самъ Константинъ Веронеско съ шестью боярами товарищами захватилъ самого пашу; его связали и прибили гвоздями къ церковному помосту. Константинъ Веронеско, смѣясь, спросилъ пашу, не хочетъ ли онъ принять Христіанскую вѣру? Паша отвѣчалъ, что готовъ на это и клялся, что сейчасъ же крестится. — «Я самъ буду твоимъ восприемникомъ, — сказалъ съ улыбкой Веронеско и велѣлъ на чалму Турка пришить крестъ. Когда это сдѣлали, Веронеско сказалъ, обращаясь къ боярамъ; «теперь окрестимъ его» — и въ тоже время семь шпагъ пронзили голову предводителя Турокъ.

Съ-тѣхъ-поръ монастырь не былъ возобновленъ, а вокругъ дома боярина Веронеско построилось множество зданій и мало-по-малу образовался городъ.»

Изъ Текуча мы выступили въ городъ Бырладъ, куда прибыли 2 Іюля. Бырладъ одинъ изъ лучшихъ городовъ Молдавіи, послѣ Яссы; но страшный пожаръ, въ 1849 году, истребилъ множество хорошихъ домовъ и лучшіе магазины и лавки. Съ-тѣхъ-поръ Бырладъ еще не можетъ обстроиться и далеко не достигъ до прежняго своего состоянія. Въ Бырладѣ множество кофеенъ и лавокъ съ красными товарами, Евреевъ гибель, они ведутъ свою торговлю въ городѣ и служатъ факторами по дѣламъ комерческимъ и по дѣламъ частныхъ лицъ; — вообще вся мелкая промышленность въ ихъ рукахъ. Въ городѣ есть и теперь нѣсколько хорошихъ домовъ. Церкви вообще не богатыя; — богатыхъ церквей очень мало въ обоихъ княжествахъ; причина этому та, что, во время владычества Турокъ, опасно было украшать церкви, потому-что лишь только мусульмане замѣчали богатство какого-нибудь храма, сейчасъ начинали требовать разныхъ подарковъ, придирались къ каждому случаю, чтобъ ограбить Христіанъ. Въ тѣ грозныя времена, только монастыри, построенные на горахъ и огражденные самой природой отъ алчности и ненасытныхъ притѣсне-

ній враговъ христіанства, имѣли значительныя сокровища и тщательно скрывали ихъ.

Наконецъ, перелъ нами на широкой долинь, открылся г. Фокшаны. Справа тянулись высокія горы и вершины ихъ поднимались одна надъ другой, исчезая въ туманной дали. Городъ Фокшаны выстроенъ на ровномъ мѣстѣ и издали, окруженный фруктовыми садами, очень красивъ. Фокшаны городъ историческій, по извѣстному миру съ Турками. Онъ дежитъ на границѣ княжествъ; пограничная черта раздѣляетъ Фокшаны на двѣ половины, на Молдавскую и Валахскую. Молдавская часть города несравненно обширнѣе и богаче Валахской. Всѣ лучшіе дома, кофейни, лавки и магазины сосредоточены въ Молдавскихъ Фокшанахъ. Въ городѣ много церквей и два монастыря; купечество богато и ведетъ торговлю съ Австріей. По движенію и богатству торговли, Фокшаны, послѣ Букареста, самый замѣчательный городъ въ обоихъ княжествахъ, а по положенію своему — на границѣ Молдавіи и Валахіи важенъ и въ политическомъ отношеніи. Пожаръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ 1854 году, опустошилъ Фокшаны. Къ счастью больше пострадала отъ него Валахская часть; но за то сгорѣлъ богатый Георгіевскій монастырь.

Въ Фокшанахъ, во время пребыванія Русскихъ войскъ въ 1853 и 1854 годахъ, учреждено было главное военное артиллерійское депо и туда назначенъ былъ комендантомъ артиллеріи Полковникъ Князь К.

Въ тридцати верстахъ отъ Фокшанъ, недалеко отъ Австрійской границы, находится мѣстечко Одобъшти, славное превосходнымъ виномъ, выдѣлываемымъ изъ собираемаго тамъ винограда. Это прекрасное вино, простоявъ три-четыре года, не уступаетъ мадерѣ и даже гораздо пріятнѣе на вкусъ.

Въ Фокшанахъ мы простояли два дня. Наканунѣ выступленія я получилъ предписаніе начальства отпраться въ городъ Бузео для исполненія должности воинскаго или этапнаго начальника. Вечеромъ 7 Іюля я переѣхалъ съ биваковъ въ Фокшаны. Отдохнувъ и нагулявшись вдоволь по городу, я отправился къ Фокшанскому капитанъ-исправнику или *кырмонтору*. Въ дверяхъ встрѣтилъ меня Арнаутъ и отворилъ двери безъ доклада. Такъ сильно уваженіе къ Русскимъ офицерамъ въ Молдавіи и Валахіи, что мы почти во всякое время имѣемъ входъ во всѣ дома и отказовъ для насъ не существовало. Исправникъ принялъ меня съ любезностью, и узнавъ, что я назначенъ комендантомъ въ г. Бузео, разсыпался въ комплиментахъ. Сейчасъ явился кофе, но прежде кофе — дульчацъ съ хо-

лодной водой. Арнауть подошелъ ко мнѣ съ огромнымъ подносомъ, уставленнымъ блюдечками съ разнымъ вареньемъ и стаканами съ холодной водой.

Такъ подчивалъ меня боерь Баронеско, Фокшанскій Валахскій исправникъ. Я забылъ сказать, что въ Фокшанахъ два исправника—Валахскій и Молдавскій. Каждый управляетъ своею половиною города и своимъ уѣздомъ. Напившись кофе, я просилъ г. исправника сейчасъ же дать мнѣ почтовыхъ лошадей, такъ-какъ я долженъ былъ спѣшить къ назначенному мѣсту моего новаго служенія. Баронеско распорядился и сказалъ, чтобы я не беспокоился, что лошади черезъ десять минутъ будутъ у моей квартиры. Поблагодаривъ исправника за ласковый и даже черезъ-чуръ вѣжливый пріемъ, я пошелъ на мою квартиру и черезъ полчаса услышалъ знакомое мнѣ хлопанье бича, выглянулъ въ окно и увидѣлъ на дворѣ каруцѣ почты, а возлѣ нея *суруджіо* съ огромнымъ и длиннымъ бичомъ.

Въ Валахія странное устройство почтовой ѣзды: маленькая почтовая повозка, на подобіе круглой плетеной корзины на низкихъ колесахъ, которую мы, шутя, называемъ фараоновой колесницей, — запрягается четверкой лошадей цугомъ. *Суруджіо* (ямщикъ) помѣщается на лѣвой лошади задней пары въ сѣдлѣ; сбруя веревочная, большею частью дурно пригванная; лошади маленькія, не красивыя, но весьма способныя для быстрой ѣзды, особенно на-легкѣ.

Уложивъ мой походный выучный чемоданъ, я сѣлъ въ эту странную повозку въ очень неприятномъ расположеніи духа, потому-что зналъ, по опыту, какая пытка ждала меня въ дорогѣ: въ 1849 году, когда мы были въ Дунайскихъ княжествахъ, послѣ Венгерской компаніи, я былъ командированъ изъ города Плоешть въ Букарестъ. — Дорога была не ровная, чортова корзина дѣлала ужасные скачки; но не смотря на эту адскую ѣзду, я, утомленный до чрезвычайности трехдневной-безостановочной ѣздой, задремалъ. Едва только глаза мои сомкнулись, какъ я со всего размаха шлепнулся въ лужу грязи, и каковъ былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что проклятый суруджіо, крича во все горло и хлопая бичомъ, скрывался вдаль по дорогѣ съ моими вещами и повозкой. Кричать было бы бесполезно и я по неволѣ покорился моей судьбѣ. Къ счастью ѣхала обратная почта, и я, промокшій до костей и облепленный толстымъ слоемъ грязи, пріѣхалъ на почтовую станцію, гдѣ нашелъ мою повозку и ямщика, хладнокровно покуряющаго трубку. Вотъ, какая почтовая ѣзда въ Молдавіи и Валахія; а я покатался тамъ довольно; изѣздили нѣсколько

тысячъ верстѣ и былъ свидѣтелемъ смѣшныхъ и вмѣстѣ непріятныхъ происшествій и нѣсколько разъ бывалъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ трагикомедіяхъ. Иногда, вдругъ на всемъ скаку ломается ось; колесо отскакиваетъ въ сторону, а отчаянный суруджію, ни чего не слыша и не видя, летитъ во весь духъ, кричитъ немилосердно и угрожаетъ при первомъ не ровномъ мѣстѣ сломить пассажиру голову. Но за то ни гдѣ нѣтъ такой быстрой ѣзды, какъ въ Валахіи, — тамъ лошади несутъ васъ, не останавливаясь; остается только крѣпче сидѣть и не дремать.

Часовъ въ шесть вечера пріѣхалъ я въ г. Рымникъ. Рымникъ не большой городокъ на р. Рымникѣ, въ долині между горъ. Въ самомъ городѣ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, ни церквей, ни зданій, — все бѣдно и грязно. Но Рымникъ памятенъ, особенно для каждаго Русскаго, славною побѣдою великаго Суворова, одержанною надъ огромнымъ полчищемъ Турокъ и Татаръ, подъ личнымъ предводительствомъ самаго верховнаго визиря. Но нѣтъ въ жизни ни одной радости, которую бы не помрачало горе; — двадцать два года послѣ побѣды при Рымникѣ, въ мутныхъ волнахъ горной рѣчки потонулъ сынъ Суворова. Сторожилы мнѣ показывали даже мѣсто, о которомъ сохранило преданіе память, откуда снесенъ былъ бурнымъ потокомъ сынъ великаго полководца.

Я почевалъ въ Рымникѣ и на другой день утромъ еще разъ прошелся по изсохшему руслу рѣки, которая теперь не больше, какъ ручеекъ, гдѣ не утонетъ и курица; въ этой-то несчастной рѣчкѣ утонулъ сынъ Суворова, право, становится грустно за жребій человѣческой. Вотъ, воображеніе рисуетъ ужасную картину битвы Рымникской, какъ будто видишь эти огромные, беспорядочно бѣгушіе толпы Турецкаго войска, гонимые ужасомъ при имени грознаго Русскаго Топалъ-Паши, такъ звали Турки Суворова. На высотахъ, по ту сторону рѣчки, какъ бы служившихъ когда-то берегами большой рѣки, еще и до-сихъ-поръ видны остатки валовъ и окоповъ; земляные брустверы батарей и всѣ признаки бывшаго тамъ укрѣпленнаго лагеря. Теперь всѣ эти мѣста — пустыня. Осталось одно воспоминаніе о славной битвѣ и побѣдѣ Русскаго вождя надъ войсками заклятыхъ враговъ христіанства.

Въ Рымникѣ я отыскалъ одного старика, который помнитъ о великой битвѣ, происходившей на берегахъ рѣки Рымника. Онъ рассказывалъ, что братъ его служилъ Туркамъ и былъ повѣшенъ Визиремъ за невѣрное донесеніе о положеніи и объ отдаленности Русскихъ войскъ, когда Суворовъ упалъ, какъ

снѣгъ на голову Оттомановъ и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ нашу пользу. Этотъ старшій Молдаванъ самъ служилъ проводникомъ нашимъ войскамъ, видѣлъ гибель страшныхъ Турецкихъ полчищъ и помнитъ нашего героя, — отъ него я слышалъ слѣдующій разсказъ о Суворовѣ. Послѣ одержанной побѣды надъ Турками, Суворовъ принималъ донесенія генераловъ и начальниковъ частей, говорили о потеряхъ съ нашей стороны, сознавая ихъ ничтожными, въ сравненіи съ потерями непріятелей. — «А что, господа, — спросилъ Суворовъ у окржавшихъ его, — сколько мы побили Турокъ?» — Тысячъ до 30-ти, — отвѣчалъ одинъ полковникъ; другіе говорили больше. — «Это много, помилуй Богъ, много, — говорилъ Суворовъ и велѣлъ позвать одного раненаго солдата, который взялъ въ плѣнъ Турецкаго штабъ-офицера. Солдатъ явился. — Здорово, унтеръ-офицеръ! сказалъ Суворовъ.» — Здравія желаю, ваше сіятельство! — отвѣчалъ рядовой. — «Сколько ты перебилъ Турокъ?» — продолжалъ Суворовъ — Всѣхъ, до одного, ваше превосходительство, — бодро отвѣчалъ солдатъ. — У! помилуй Богъ, молодецъ! Поздравляю тебя съ чиномъ прапорщика; — и Суворовъ поцѣловалъ въ голову солдата. Солдатъ, дѣйствительно, по ходатайству графа Рымникскаго, получилъ первый офицерскій чинъ.

Наконецъ, я оставилъ Рымникъ, унося въ душѣ пріятное чувство, возбужденное воспоминаніями о великомъ полководцѣ, о великой Екатерининской эпохѣ, — о всемъ, что дорого и мило для любящаго отчизну.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ Молдаванскихъ и Валахскихъ народовъ. Вообще всѣ города Дунайскихъ княжествъ имѣютъ въ себѣ болѣе Азіятскаго, чѣмъ европейскаго. Всѣ они, не исключая и столицы, выстроены неправильно, съ узкими кривыми улицами, всегда грязными, до непроходимости, во время ненастья; но жизнь и движеніе составляютъ главный характеръ этихъ полу-европейскихъ городовъ. Дома самой легкой, непрочной постройки и большею частію холодные, потому-что тонкія печи въ комнатахъ быстро накаливаются и также быстро охлаждаются. — и если зима бываетъ холодная, — что впрочемъ случается рѣдко, — то Валахи порядочно-таки зябнутъ въ своихъ жилищахъ. Каждый городъ почти окруженъ садами, — и внутри тоже вездѣ сады. Сады эти, большею частію состоятъ изъ фруктовыхъ деревьевъ, а лѣтомъ, сверхъ того, они представляютъ мѣсто для гуляній, въ пріятной прохладѣ, которая такъ дорога бываетъ въ жаркихъ климатахъ. Церкви въ Валахіи вообще бѣдны. Внутреннее устройство ихъ такое же, какъ и у насъ, только у стѣнъ

придѣланы мѣста для стоянья. Между двумя, вертикально-укрѣпленными деревянными стѣнками, на петляхъ движется дощечка, горизонтально прикрѣпленная къ стѣнѣ. Эта дощечка образуетъ скамеечку, на которую садятся, во время служенія. Монастырей въ княжествахъ не много и эти немногія обители почти всѣ построены въ мѣстахъ гористыхъ. Нѣкоторые монастыри получаютъ доходы съ деревень, къ нимъ приписанныхъ; другіе отъ земли и лѣсовъ; но вообще доходы монастырскіе не велики. Я знаю одинъ только монастырь, Маржененн, который славится богатствомъ. Онъ принадлежитъ Св. Афонской горѣ, куда и посылаетъ часть своихъ доходовъ. Обязанности обители я поговорю поподробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Еще надобно сказать нѣсколько словъ о частныхъ домахъ и ихъ внутреннемъ устройствѣ. Наружность этихъ зданій довольно грандіозна, — это легкіе, свѣтлые павильоны съ балконами, колоннами, высокими крыльцами, окруженные большею частью деревьями, которые преимущественно размѣщены передъ окнами съ наружной стороны дома и лѣтомъ служатъ проводниками прохлады во внутренность покоевъ, не впуская жгучихъ солнечныхъ лучей. Внутренняя расстановка комнатъ очень проста и неудобна; комнаты большею частью размѣщены одна возлѣ другой и каждыя двѣ соединяются одной дверью.

III.

Должность воинскаго и этапнаго начальника въ г. Бузео, какъ представителя мѣстной Русской, военной власти — Приѣмъ, сдѣланный мнѣ начальниками города и должностными лицами. — Старые знакомые. — Сандрафія. — Капитанъ-исправникъ Бузеевскаго округа, его обязанности и его помощники. — Прогулка по г. Бузео — Замѣчательности города.

Какъ офицера, знающаго языкъ края, меня назначили исправлять должность воинскаго начальника въ г. Бузео. Обязанность моя преимущественно состояла въ отправленіи командъ нижнихъ воинскихъ чиновъ нашей арміи, выписывавшихся изъ госпиталей или по другимъ какимъ-либо случаямъ слѣдовавшихъ къ мѣстамъ служенія; — довольствіе этихъ командъ и наблюденіе за безостановочнымъ ихъ слѣдствіемъ во время похода въ пространство вѣреннаго мнѣ этапа. Въ отношеніи къ жителямъ, я обязанъ былъ наблюдать за спокойствіемъ

края; я долженъ былъ разбирать всякаго рода жалобы и недоразумѣнія, случившіяся между туземцами и лицами, приналежащими къ Русской арміи; удовлетворять эти жалобы, если можно, на мѣстѣ, а въ важныхъ случаяхъ обо всемъ доносить дежурному генералу Русскихъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ.

На другой день, я, часовъ въ 9-ть утра, отправился съ визитомъ къ начальнику города — Бузевскому капитанъ-исправнику, г. Ярко-Скарлату. Исправникъ принялъ меня со всѣми признаками слишкомъ почтительнаго уваженія; безпрестанно называлъ меня «ломцуле комендантъ» и не зналъ чѣмъ подчивать. Послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ на вопросы, слѣданные мнѣ на счетъ движенія Русскихъ войскъ и тому подобнаго, я объяснилъ г. Скарлату цѣль моего прибытія въ городъ и главныя моя обязанности при отправленіи ввѣренной мнѣ должности.

Мнѣ отвели прекрасную и удобную квартиру у одного стараго Грека. Жена его была женщина лѣтъ 18-ти, хорошенькая, черноглазая Гречанка.

Прошло два дня со времени пріѣзда моего въ г. Бузео и я былъ заваленъ дѣлами, потому что проходила главная масса войскъ. Надо было заботиться объ удобномъ ихъ разквартированіи въ городѣ, о вылачѣ подводъ; къ этому присоединилось разбирательство недоразумѣній по разнымъ столкновеніямъ военныхъ лицъ съ Валахами; — однимъ словомъ хлопотъ было бездна.

На третій день, едва я успѣлъ выпить чаю, какъ ко мнѣ пріѣхали капитанъ-исправникъ съ главными чиновниками города. Г. Ярка рекомендовалъ мнѣ своего секретаря, президента городского магистрата, полиціймейстра города, президента трибунала и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ чиновниковъ. Поблагодаривъ отъ души за оказанное мнѣ почтеніе, я въ короткихъ словахъ рассказалъ цѣль моего пребыванія въ городѣ и объяснилъ намѣреніе нашего начальства, потомъ ласково попросилъ ихъ содѣйствовать мнѣ въ моемъ управленіи.

Послѣ этого Капитанъ-исправникъ пригласилъ меня сдѣлать ему и всѣмъ гг. служащимъ честь пожаловать къ нему на *сандрафію* (вечеринку) въ 8-мь часовъ вечера. Я еще разъ поблагодарилъ, давши слово быть непремѣнно, — и мы раскланялись.

Бузео на р. Бузео, небольшой городокъ, чище всѣхъ, которые я видѣлъ въ Валахіи, исключая Плоешть; улицы довольно широки и, главное, вымощены камнемъ, потому и грязь

не такъ непроходима; въ городѣ двѣнадцать церквей и два монастыря. Главный монастырь называется Епископіею, потому-что тамъ имѣетъ свое постоянное пребываніе Бузевскій Епископъ. Этотъ монастырь окруженъ каменной оградой, внутри ограды, кромѣ келій для монаховъ, два зданія обращаютъ на себя особенное вниманіе: въ одномъ изъ нихъ помѣщена семинарія, гдѣ обучается отъ 40 до 50-ти мальчиковъ, на счетъ монастырскихъ суммъ; другое зданіе такъ называемая *касса Гомнянска* (Княжескій домъ); оно довольно-красиво снаружи, а внутри всѣ комнаты убраны со всевозможною роскошью и вкусомъ. Въ большихъ залахъ постоянно царствуетъ полусвѣтъ отъ саваныхъ ставней, которыми закрыты окна; тамъ даже и въ лѣтніе жары бываетъ прохладно и недурно. Въ этомъ домѣ Архіерей принимаетъ Господарей Валахскихъ, а также и всѣхъ знаменитыхъ лицъ, посѣщающихъ монастырь. Въ бытность мою въ г. Бузео, въ этомъ домѣ принимались были многіе наши генералы; ихъ роскошно угощали завтраками, обѣдами, кофеемъ, чаемъ, фруктами, — все это на счетъ монастырской. Къ монастырю примыкаетъ прекрасный фруктовый садъ. Этотъ садъ вмѣстѣ съ тѣмъ главное мѣсто гуляній Бузевскихъ жителей. Крытая виноградная аллея, роскошные цвѣтники, оравжеря, наконецъ большая высокая бесѣдка, откуда виднѣнъ весь городъ и наконецъ все это оживляется журчаніемъ бѣгущихъ, искусственныхъ ручейковъ, проведенныхъ изъ канала, соединяющагося съ р. Бузео, — представляетъ лѣтомъ много наслажденій. Сколько пріятныхъ часовъ провелъ я, въ лѣтніе вечера, въ этомъ саду и прогулки мои были такъ пріятны, что я долго буду вспоминать о нихъ съ сожалѣніемъ. Въ саду, вечеромъ, можно встрѣтить прекрасныхъ дамъ, въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ, а около нихъ всегда вертится какой-нибудь Валахскій левъ, потому-что и у Валаховъ есть эта порода людей и конечно вмѣстѣ съ тѣмъ, она не болѣе какъ пародія на нашихъ великосвѣтскихъ львовъ. Пріятнѣе всего гулять въ саду позднимъ вечеромъ, когда гаснетъ заря и звѣзды начинаютъ зажигаться на небѣ; вершины деревьевъ и монастырскихъ кровель еще окрашены послѣднимъ отблескомъ заката, а въ аллеяхъ уже темно. Тишина нарушается тихимъ журчаніемъ воды или пѣніемъ вечерней птицы; воздухъ становится тяжелымъ отъ сильнаго аромата цвѣтовъ, а кто имѣетъ слабые нервы, тому въ это время опасно гулять. Подъ воротами, которыми входятъ въ садъ, видны длинныя и узкія отверстія на подобіе бойничныхъ оконъ. Я спрашивалъ у монаховъ, что за подвалы находятся подъ мо-

настыремъ съ этой стороны. Миѣ сказывали, что отъ этихъ воротъ въ старину начиналось подземелье, которое шло на большое разстояніе отъ монастыря подъ садомъ. Стѣны этого провала были отвѣсны и гладки, какъ полированный камень. Напрасно опускали въ провалъ самыя длинныя веревки съ гириями, до дна достать не могли. Тяжесть, брошенная въ пропасть, не издавала звука, значить не достигала дна, или дно это было удалено отъ поверхности на страшное разстояніе. По преданіямъ монаховъ, подземелье было вырыто однимъ благочестивымъ отшельникомъ, который половину жизни своей провелъ въ этой работѣ, умерщвляя плоть свою послѣ молитвы. Это подземелье было засыпано 90 лѣтъ назадъ, во время землетрясенія, а на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ входъ, подъ землей образовалась каменная твердая масса, которая огромнымъ пластомъ шла на большое разстояніе; на этомъ же мѣстѣ, впоследствии, построены были кельи Бузевскаго монастыря и отъ всего осталось только преданіе и мѣсто, отъ котораго, по показаніямъ монаховъ, начиналось подземелье.

Въ монастырѣ двѣ церкви: соборный Храмъ во имя Рождества Спасителя и другая во имя Св. Василія Великаго, гдѣ обыкновенно совершается будничная служба. Монашествующей братіи въ Епископіи не много, человѣкъ двѣнадцать. Валахи любятъ ходить въ церковь и не пропускаютъ ни одного праздника. Каждую субботу увидишь въ церкви множество блюдовъ и тарелочекъ, на которыхъ лежитъ кутья, слѣланная на подобіе торта и сверху облитая сахаромъ, а у бѣдныхъ она осыпается макомъ. Этотъ обычай поминовенія душъ усопшихъ у Валаховъ свято сохраняется, также строго соблюдаютъ они посты и другіе обряды церкви.

Другой монастырь въ городѣ уже упраздненъ; кельи стоятъ пустыя и только одинъ старый монахъ-священникъ одиноко совершаетъ богослуженіе въ монастырской церкви.

Вечеромъ я принималъ почту, когда явился ко миѣ *Доробантъ* (нѣчто въ родѣ нашего жандарма), отъ капитанъ-исправника и объявилъ, что господинъ *кырмонторъ* дожидается меня съ нетерпѣніемъ, я отвѣчалъ, что сейчасъ буду, только кончу разборъ конвертовъ.

Къ исправнику я пришелъ часу въ 10-мъ вечера. Въ залѣ встрѣтилъ меня самъ Яркъ-Скарлатъ и съ радушіемъ повелъ въ гостиную. Большая комната, прекрасно меблированная и освѣщенная висѣвшей посрединѣ люстрой и свѣчами въ богатыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, — называлась *касса пен-тремусафиръ*. Прежде всего исправникъ рекомендовалъ меня

своей супругѣ, женщинѣ лѣтъ 33-хъ, съ самыми аристократическими манерами; она была далеко не красавица; но въ лицѣ ея было столько симпатической доброты и нѣжности, что она всякаго съ перваго взгляда располагала въ свою пользу. Послѣ этого меня окружила толпа гостей, которые, узнавши, не безъ удивленія, что я говорю по-валахски, закидали меня разными вѣжливостями и надавала тысячу вопросовъ, на которые я едва успѣвалъ отвѣчать. Наконецъ мы усѣлись по диванамъ и роскошнымъ кресламъ; подавали дульчацъ съ холодной водой (*apo речъ*); вслѣдъ затѣмъ въ маленькихъ чашечкахъ Турецкій кофе и сейчасъ же мнѣ подали предлинный чубукъ съ огромнѣйшимъ янтаремъ. Исправникъ рассказывалъ мнѣ, что этотъ янтарь стоитъ 200 червонцевъ. Началось куреніе табаку. Дамы въ Валахіи курятъ также крѣпкій турецкій табакъ въ папиросахъ, которые онѣ дѣлаютъ сами, въ то время, какъ захотятъ курить. Дѣланыхъ папиросъ въ Валахіи нѣтъ; тамъ обыкновенно на блюдѣ ставится на столъ ароматный Турецкій табакъ и кладется сигарочная бумага маленькими книжечками, и каждый желающій свертываетъ самъ себѣ папиросу, склеивая бумагу слюной; — все это дѣлается легко и скоро. Это самый дешевый и быстрый способъ курить папиросы.

Вскорѣ исправникъ пригласилъ мужчинъ въ кабинетъ, гдѣ мы сѣли играть въ преферансъ. Въ это время на балконѣ заиграла музыка; хоръ музыкантовъ состоялъ изъ пяти человекъ цыганъ со скрипками и съ особеннымъ инструментомъ въ родѣ торбана съ сопѣлкой. Они играли произительный, національный гимнъ или что-то въ родѣ пѣсни. Музыка эта деретъ уши до невѣроятности, къ ней надо привыкнуть, чтобъ слушать ее хладнокровно. Наконецъ заиграли французскую кадрили и я пошелъ посмотрѣть на танцы, попросивъ одного господина сѣсть за меня доиграть пульку.

Въ большой залѣ танцовало нѣсколько паръ французскую кадрили. Валахскія дамы страстныя любительницы танцовъ и танцуютъ не дурно. Я стоялъ и смотрѣлъ, любуясь хорошенькими личиками, черными жгучими глазами и страстными движеніями Валахскихъ красавицъ.

— Отчего вы не танцуете, господинъ комендантъ? — спросила меня одна дама, окончивъ кадрили.

— Я еще знакоплюсь съ куконами и куконицами, — отвѣчалъ я, — целовко танцовать съ незнакомой дамой.

— Такъ, — сказала она, устремивъ на меня свои страстные большіе глаза, — коль скоро вы пріѣхали на Сандрафію, гос-

подинъ комендантъ, — вы уже со всѣми знакомы. Хотите быть моимъ кавалеромъ на вальсъ?

Я поблагодарилъ хорошенькую женщину и протанцевалъ съ ней нѣсколько туровъ вальса, и, какъ бы въ награду за это, она страстно пожала мнѣ руку, на что я отвѣчалъ охотно такимъ же пожатіемъ. Первое знакомство было сдѣлано и куконица вызвалась познакомить меня со всѣми дамами и дѣвчушками бузевской аристократіи. Супруга исправника была такъ любезна съ гостями, что я невольно отдалъ ей преимущество передъ всѣми дамами въ умѣньи занимать и нравиться. Она нѣсколько разъ подходила ко мнѣ, знакомила меня со многими семействами, разсказывала разные случаи изъ жизни своихъ соотечественницъ, объясняла Валахскіе обычаи и обряды; въ заключеніе просила меня быть всегда ихъ постояннымъ гостемъ.

Въ Валахіи знакомства дѣлаются быстро; тамъ нѣтъ пустыхъ церемоній, которыя въ нашемъ модномъ свѣтѣ называются закономъ приличія и мѣшаютъ искренности между знакомиющимися.

Танцевали до 2-хъ часовъ по-полуночи и потомъ стали расходиться. Въ хорошую погоду, особенно лѣтомъ, никто почти не ѣздитъ; дамы и мужчины постоянно ходятъ нѣшкомъ на вечеринки и балы. Я простился съ хозяиномъ дома, отъ души полюбивъ его за открытый характеръ, а супругу его за вниманіе и особенную любезность, оказанную мнѣ на Саудрафій. Исправникъ, прощаясь, пожалъ мнѣ руки и сказалъ: — такъ какъ мы съ вами, домнуле комендантъ, теперь находимся въ тѣсныхъ отношеніяхъ по службѣ, то надѣюсь, что вы всегда и во всякое время, безъ церемоніи, будете ходить ко мнѣ въ домъ, какъ пріятный гость и какъ военный начальникъ города; — двери моего дома передъ вами всегда открыты. — Тутъ мы простились.

Была теплая, іюльская ночь; на улицахъ уже стихло; кой-гдѣ только около корчмы раздавался шумъ. Я пришелъ на квартиру въ три часа — занималась заря и только-что я легъ въ постель, какъ прискакалъ курьеръ съ важными конвертами и я всталъ, чтобъ принять бумаги.

Въ первое время пребыванія моего въ Бузео, по случаю непрестаннаго движенія войскъ, ко мнѣ заѣзжали ежедневно курьеры и фелдъегери съ нужными бумагами, для разсылки ихъ къ войскамъ, находящимся въ Бузевскомъ уѣздѣ, или для передачи разнымъ лицамъ, которые должны были проѣзжать черезъ Бузео. Все это, въ соединеніи съ другими обязанностями

моей службы, мало оставляло мнѣ свободного времени для наблюдений частныхъ. Едва успѣвалъ я отдохнуть, какъ уже ко мнѣ являлись разныя лица и тормозили меня часто въ продолженіи цѣлаго дня. Окончивъ дѣло съ курьеромъ, т. е. расписавшись у него въ книгѣ, въ принятіи адресованныхъ на мое имя конвертовъ, я сталъ пить чай, потому-что сонъ мой пропалъ. Напившись чаю, я вышелъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ и направился къ р. Бузео. Востокъ сіялъ, но солнце еще не показывалось: въ воздухѣ разлита была рѣзкая утрення прохлада. Я миновалъ Епископію и пошелъ садами, которые тянутся по берегу рѣки Бузео или, лучше, одного изъ рукавовъ ея, потому-что р. Бузео, какъ всѣ горныя рѣки, не имѣетъ постоянного правильнаго теченія, а потому жители города воспользовались нѣкоторыми склоненіями ея русла и провели множество канавъ и каналцовъ въ городъ; на этихъ каналахъ устроены мельницы, самые берега каналцовъ усажены деревьями, которые ничто иное, какъ продолженіе садовъ и безконечныхъ огородовъ, омываемыхъ водами р. Бузео. Во время весенней распутицы, эта рѣка, впрочемъ и всегда быстрая, обращается иногда въ страшный, всеокрушающій потокъ, котораго бурныя волны бывали иногда губельны и для города. Мнѣ рассказывали объ одномъ наводненіи, которое было лѣтъ пятнадцать назадъ и произвело въ Бузео порядочную кутерьму. Во время этого наводненія былъ одинъ трагическій случай, который мнѣ рассказалъ нѣкто папа Сондерико; я его передаю здѣсь вкратцѣ.

Это было въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка, въ домѣ боярина Уонаки Бузеяно, на Булгарской сторонѣ, все готовилось къ веселью; въ комнатахъ зажигали свѣчи; слуги сметали пыль со стѣнъ и съ мебели: оркестръ цыганской музыки настраивалъ скрипки на балконѣ. Бузеяно ожидалъ дочь свою, пятнадцатилѣтнюю куконицу Марицу, которая была помолвлена за одного милитарскаго капитана, и въ этотъ вечеръ должна была совершиться свадьба. Марица Бузеяно гостила въ это время у своей тетки, верстахъ въ пяти отъ города, по ту сторону рѣки, въ деревнѣ. Капитанъ Тенасъ, женихъ Марицы, поѣхалъ за своей невѣстой, чтобы везти ее къ отцу на радостный свадебный пиръ. Наконецъ начали съѣзжаться званые гости. Старый боеръ встрѣчалъ всѣхъ радушно и огромный домъ его закипѣлъ жизнью, освѣтился огнями; не доставало лучшаго перла—дочери Бузеяно,—ее ожидали. Уонаки послалъ двухъ Арнаутовъ дожидаться на дорогѣ куконицы, а самъ волнуемый ожиданіемъ и безпокойствомъ, вышелъ въ садъ. Ве-

черть былъ прохладный, какъ всегда бываетъ въ первыхъ числахъ марта; но трава уже зеленѣла и деревья покрылись почками, — весна прилетаетъ рано въ Валахію.

Вѣтеръ становился рѣзче; Ионаки Бузеяно вошелъ въ бесѣдку, изъ которой можно было видѣть дорогу до самой рѣки; но, вотъ, набѣжали тучи, сумерки превратились въ густую тьму и вѣтеръ грозно зашумѣлъ вершинами деревьевъ, какъ бы предсказывая что-то печальное. Бузеяно, грустный, поспѣшилъ домой. Вдругъ, подъ ногами его что-то зашумѣло, онъ наклонился и съ удивленіемъ увидѣлъ, что по аллеямъ струилась вода. Когда боеръ Уонаки вошелъ въ комнаты, глазамъ его представилось странное зрѣлище, — всѣ гости, до-тѣхъ-поръ веселые, находились въ страшномъ смятеніи; многіе изъ нихъ спѣшили уѣхать и вѣсть о наводненіи молніей пронеслась по всему дому. Веселый пиръ прервался въ самомъ началѣ. Между-тѣмъ потоки воды бушевали вокругъ дома Бузеяно, — дворъ, садъ, огороды — все было затоплено. Маленькіе домики Булгаръ были до половины въ водѣ и жители спасались на крышахъ и другихъ высокихъ мѣстахъ. Бузеяно сидѣлъ въ своихъ креслахъ въ кабинетѣ, ожидая возвращенія посланныхъ; не долго ждалъ онъ, дверь отворилась и два Арнаута явились передъ нимъ, — вода бѣжала съ нихъ рюями. Они рассказали боеру, какъ вода снесла экипажъ, въ которомъ ѣхала дочь его, что капитанъ едва самъ успѣлъ спастись, а куконица Марица потонула...

Во время этого наводненія, въ городѣ много снесло маленькихъ домовъ, особенно пострадали тѣ, которые находились на Булгаріи, какъ части города, ближайшей къ рѣкѣ. Погибло много скота, сады и огороды были размыты и опустошены; утонуло нѣсколько человекъ изъ бѣднаго класса людей, захваченныхъ внезапно въ своихъ хижинахъ и не успѣвшихъ спастись отъ наводненія. — Жители г. Бузео, до-сихъ-поръ, съ ужасомъ вспоминаютъ объ этомъ несчастіи, которое однако съ-тѣхъ-поръ не повторялось.

Я шелъ по берегу рѣки; вода бѣжала и кипѣла, унося въ теченіи не большіе камни, которые она, мимоходомъ, отрывала отъ берега. Солнце взошло, туманъ разсѣялся и я, обогнувъ сады, направился къ дому. На дорогѣ встрѣтился со мной Валахъ, одѣтый со вкусомъ, онъ пристально глядѣлъ на меня и когда я проходилъ мимо его, онъ радостно вскричалъ:

— Ахъ, господинъ офицеръ! неужели вы не узнаете меня?

Я, въ свою очередь, сталъ его разсматривать, но память

измѣнила мнѣ, и я вѣжливо отвѣчалъ, что не имѣю чести знать его.

— Да я былъ подъ вашимъ начальствомъ, въ 1850 году. Забыли вы, а я такъ помню васъ очень хорошо.

Тогда я вспомнилъ и, пожимая руку, господину В... просилъ меня извинить, что я не могъ узнать его, потому что время и родъ службы скоро изглаживаютъ изъ памяти моей прошедшее. В... рассказалъ мнѣ, что онъ живетъ теперь въ Букарестѣ и только изрѣдка приѣзжаетъ въ Бузео навѣстить городъ, въ которомъ онъ родился и служилъ. Онъ ѣздилъ въ Парижъ, путешествовалъ по Италиі, проѣхалъ Австрію и вернулся въ Валахію съ запасами новыхъ свѣдѣній, рѣшившись совершенно посвятить себя наукѣ. В. прощаясь со мною, просилъ, чтобы я зашелъ къ нему на квартиру и оттуда, — прибавилъ онъ, я поведу васъ на самую замѣчательную Сандрафію, гдѣ можно будетъ провести время не скучно, а главное имѣть успѣхъ у женщинъ.

Сандрафіей вообще въ Валахіи называется всякое вечернее собраніе, будетъ ли это званый балъ или просто сборъ гостей, кружокъ близкихъ и тому подобное, лишь бы играла музыка и танцевали. Вообще Валахскія вечеринки хороши тѣмъ, что тамъ все просто и на раснашку. Хозяинъ не занимается исключительно однимъ какимъ-нибудь гостемъ; онъ вводитъ каждаго въ кругъ женщинъ; если гость молодой человекъ, — дѣло сдѣлано, — женщины сами рекомендуются ему, особенно тѣ, которымъ онъ нравится. Дамы всегда сами ищутъ себѣ кавалеровъ на тавцы и ни сколько не стѣсняясь ангажируютъ мужчинъ и составляютъ кадрили. Вообще на сандрафіяхъ не соскучится молодой человекъ, никогда — тамъ все дышетъ южной, страстной свободой.

На другой день, я опять былъ у Бузевского капитанъ-исправника, Ярко Скарлата, говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, мнѣ не знакомыхъ и мало-по-малу узналъ отъ него и объ обязанностяхъ и власти Валахскихъ капитанъ-исправниковъ: капитанъ-исправникъ въ округѣ, ему ввѣренномъ, въ Валахіи есть не болѣе и не менѣе, какъ нашъ губернаторъ въ уменьшенномъ видѣ. Въ его рукахъ сосредоточена власть исполнительная и вообще онъ полный хозяинъ своего уѣзда. У него есть помощникъ, называемый *субъ-кырмонторъ*, въ родѣ нашего капитанъ-исправника, который также живетъ въ городѣ и завѣдуетъ вообще земскими дѣлами; подъ начальствомъ субъ-кырмонтора находится нѣсколько становыхъ приставовъ, *зачіева*. Зачіи живутъ въ деревняхъ, въ своихъ

станахъ и непосредственно подчинены канцеляріи субъ-кырмонта. Вообще капитанъ-исправники или кырмонторы въ Валахіи имѣютъ большую силу и выбираются больше изъ людей богатыхъ и знатныхъ, преимущественно изъ богатыхъ бояръ. Утверждается исправникъ на своемъ мѣстѣ *сфатомъ*, (верховнымъ совѣтомъ) и, разумѣется, ему высылается грамота *Воды* (Вода-князь) Валахскаго князя, который знаетъ лично почти всѣхъ исправниковъ въ своемъ маленькомъ государствѣ. О высшемъ административномъ управленіи въ княжествахъ буду говорить въ слѣдующихъ главахъ или отрывкахъ.

Теперь хочу немного познакомить читателя съ городомъ Бузео въ отношеніи характера его жителей и жизни въ немъ, также и о нѣкоторыхъ замѣчательностяхъ города:

Въ Бузео народонаселеніе состоитъ изъ Валаховъ, Булгаръ, Грековъ и Евреевъ. Торговля почти вся въ рукахъ Грековъ и Евреевъ; Валахи вообще не расторопны въ торговлѣ, хотя и между ними есть богатые люди, но они за то болѣе способны къ большимъ оборотамъ въ оптовой торговлѣ. Булгары составляютъ послѣ Валаховъ наибольшую часть жителей въ городѣ и занимаются преимущественно огородничествомъ. Всѣ огородныя овощи, которыя можно видѣть на Бузеовскомъ базарѣ, непремѣнно продаются Булгарами, лучше ихъ, напримѣръ, никто не сумѣетъ разводить картофель на землѣ, совершенно неспособной для его произрастанія, потому-что почва земли очень жирна и черноземна; — вообще булгары мирный, полезный народъ. Послѣ Булгаръ слѣдуютъ Евреи, которыхъ также довольно въ городѣ. Надо отдать полную справедливость честности Валахскихъ Евреевъ; это не тѣ корыстолюбивые, алчные ростовщики, которыхъ мы встрѣчаемъ у себя, въ западныхъ губерніяхъ; — нѣтъ, это, болшею частію, кушцы или честные мастеровые и обманъ между ними гораздо рѣже, чѣмъ между нашими жидами. Въ бытность мою въ г. Бузео, я познакомился съ однимъ евреемъ-купцомъ и удивился, когда увидѣлъ, что онъ почти при всякихъ оборотахъ непремѣнно что-нибудь терялъ въ пользу своихъ товарищей и никогда не гнался за конейкой, хотя и самъ отъ этого былъ очень не богатъ. Такой рѣдкой, безкорыстной души, какъ Шулемъ, не найдешь скоро и между Христіанами. Я всегда любилъ Шулема и посѣщалъ его маленькій домикъ, гдѣ все дышало утонченной нѣмецкой чистотой и свѣжестью. Семейство у него было не велико: жена, дочь и сынъ; онъ жилъ очень просто и даже бѣдно, потому-что торговля отъ его уступчиваго и безкорыстнаго характера, вовлекала его въ частыя потери, а барыши

были не велики и вообще онъ былъ несчастливъ въ оборотахъ.

Въ Бузео жизнь весела и народонаселеніе этого города не бѣдно. Народъ любитъ погулять и каждый праздникъ, передъ корчмами увидишь толпу мужчинъ и женщинъ, пляшущихъ *жюкь*. Общія черты характера жителей повторять не буду. Бузеяне также любятъ выпить и закусить перчикомъ, какъ и всѣ Валахи; даже еще, пожалуй, превзойдутъ обитателей другихъ городовъ въ этой страсти.

Замѣчательнаго въ г. Бузео особенно ничего нѣтъ, кромѣ монастырей, о которыхъ я говорилъ, и двухъ казино, о которыхъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ городѣ есть развалины старой Турецкой бани, — зданія — если судить по нѣкоторымъ остаткамъ колоннъ и плитъ — великолѣпнаго; но теперь это груда камней, а около нее пристроены маленькія мелочныя лавочки. Сказывали мнѣ, что въ этой банѣ отъ сильнаго жару задохся одинъ Турецкій ага, а въ другой разъ погибло человекъ 20 Турокъ, потому что землетрясеніе разрушило баню и погребло правовѣрныхъ подъ грудой камней; но это, впрочемъ, можетъ-быть, все сказки простаго народа. Въ Бузео много садовъ, гдѣ пріятно погулять въ лѣтнее время, не говорю уже про садъ Епископскій, — я отчасти познакомилъ съ нимъ читателей въ началѣ этого отрывка. Въ верстѣ отъ города есть прекрасная роща, принадлежащая собственно городу, которую берегутъ, какъ мѣсто самыхъ веселыхъ вольныхъ гуляній; туда въ праздникъ отправляется почти все населеніе Бузео; тамъ играетъ музыка, а народъ, составивъ отдѣльныя семейныя кучки, сидитъ на травѣ, между деревьями, пьетъ вино и закусьиваетъ. Высшій кругъ жителей, составляя также отдѣльные кружки, лакомятся мороженымъ, а дамы и дѣвушки танцуютъ *жюкь*, національный Валахскій танецъ. Все веселится и живетъ безо всякихъ заботъ о завтрашнемъ днѣ.

П. ЖАДОВСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ .

I. ЛИТЕРАТУРА: Баронъ Тайлоръ. Статья *Мирекура*. II. ИСКУССТВА: Современная музыка въ Испани. Статья *Фетиса*. III. НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Искусственное золото.—Новое средство предупреждать опасныя приключенія на желѣзныхъ дорогахъ. — Телеграфы, передающіе извѣстія печатно. — О послѣдствіяхъ поспѣшнаго погребенія мертвыхъ тѣлъ. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ: Индійскіе придворные нравы. V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ: Слѣдствія пьянства.—Взаимная рекомендація.—Правосудіе въ Англіи. — Благодѣтельная шляпа. — Обычаи американскихъ дамъ. VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ: Завистникъ, тюремная записъ временъ Карла II. Разсказъ *Чарльса Диккенса*.

I. ЛИТЕРАТУРА.

БАРОНЪ ТАЙЛОРЪ.

Не смотря на невзгоду и революціонныя бури Франціи, ни на поглощеніе всего индустриализмомъ, не смотря на биржевыя спекуляціи и ажіотажи, баррикады и торговую пронырливость, однимъ словомъ, не смотря на всѣ препятствія — поклонники искусствъ и науки не покинули храма изящнаго. Они всегда готовы на борьбу и защиту его. Они выгоняютъ изъ него торгашей и охраняютъ священный огонь на жертвенникѣ ихъ святыни. Терпѣливые, рѣшительные, неутомимые, поклонники изящнаго всегда готовы ратоборствовать съ препятствіями, преодолевать препоны. Они поддерживаютъ падшихъ духомъ, раздуваютъ

* Изъ журналовъ: *Edinburgh-Review*, *Révue de deux mondes*, *Révue britannique*, *Révue de Paris*, *Voleur*, *Lesefrüchte*, *Magazin der Literatur*, *Art-Journal*, *Artiste*, *Literary Gazette*, *Allgemeine Modezeitung*, *Illustration*, *Gartenlaube* и проч.

погасающее вѣрованіе и питаютъ священный огонь, горящій въ душахъ, не требуя за то ни похвалы, ни вознагражденій. Вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ портретъ барона Тайлора. Онъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ, дѣятельныхъ, неутомимыхъ и преданныхъ своему служенію, которыхъ назначеніе мы описали выше. Не имѣя другихъ богатствъ, кромѣ своего природнаго ума, другаго значенія, кромѣ своей воли и другой силы, кромѣ своего сердечнаго убѣжденія, онъ, въ продолженіе полувѣка, удивляетъ своими дѣяніями. Не переставая проповѣдывать новый крестовый походъ противъ новѣйшихъ Сарацыновъ, преграждающихъ путь къ изысному, онъ возбудилъ противъ нихъ не одного Карла Мартела, вручивъ своимъ героямъ оружіе и предсказывая имъ несомнѣнную побѣду.

Исидоръ-Юстинъ-Северикъ баронъ Тайлоръ родился въ Брюсселѣ въ 1789 году. По матери онъ принадлежитъ къ древней Ирландской фамиліи Вальвейновъ.

Во время покоренія родины Британскимъ оружіемъ, предки ихъ переселились въ западную Фландрію. Въ древнихъ Фламандскихъ хроникахъ и по нынѣ видно, что около 1297 года, одинъ изъ Вальвейновъ находился въ числѣ благородныхъ, сдѣлавшихся жертвою народнаго возстанія въ Ипрѣ. Спустя 30 лѣтъ послѣ этого, нѣкто Жанъ Вальвейнъ былъ главою управленія въ Брюгѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія господинъ Вальвейнъ, дѣлъ барона Тайлора, былъ назначенъ губернаторомъ этого города и въ послѣдствіи сталъ другомъ и совѣтникомъ императора Іосифа II, брата Маріи Антуанеты.

Гоненіе Католиковъ было поводомъ къ возмущеніямъ во Фландріи. Господинъ Вальвейнъ долженъ былъ скрыться, оставивъ домъ свой въ рукахъ бунтовщиковъ. Онъ поселился въ Марсели, гдѣ и умеръ. Дочь его вышла замужъ за Англійскаго лорда, въ послѣдствіи поселившагося во Франціи. Эта дочь и есть мать барона Тайлора.

Со стороны отцовской, баронъ имѣетъ родственниковъ тоже довольно знаменитыхъ. Генераль Тайлоръ, воевавшій въ Ирландіи, за защиту католицизма—дядя его. Въ послѣдствіи, генераль предложилъ свои услуги и шпагу Франціи.

Семейство Тайлоровъ понесло убытки и разореніе во время политическихъ смутъ. Послѣдній потомокъ этого рода не получилъ въ наслѣдіе никакого рода богатствъ фортуны, но за то

для его воспитанія употреблены всѣ возможныя средства, стоившія семьѣ многихъ лишеній и пожертвованій.

Тайлоръ началъ свое ученье въ пансіонѣ г. Сане. Подъ руководствомъ г. Жакоба, наследника Сане, Тайлоръ приготовлялся къ поступленію въ политехническую школу; но молодой ученикъ болѣе выказывалъ способностей къ изящнымъ искусствамъ, чѣмъ къ наукамъ. Онъ рисовалъ искусно. Первые опыты его кисти выказывали оригинальность и самобытность его дарованія. Ему позволено было идти по избранному имъ пути, что однако не препятствовало ему окончить курсъ наукъ въ College de France.

Въ восемнадцатилѣтній возрастъ свой, Тайлоръ предоставленъ уже былъ собственнымъ своимъ силамъ и идти одинъ по жизненному пути, безъ всякихъ покровителей. Перо и кисть стали его средствами къ жизни. Кое-кто изъ господъ издателей дѣлалъ ему заказы рисунковъ, а впоследствии, счастливый случай навелъ его на стезю журналистики. Его критическія статьи пріобрѣли извѣстность. Съ этой эпохи можно было предугадать въ немъ человѣка, одареннаго глубокимъ разумомъ, которому суждено было расширить горизонтъ въ области искусства и озарить его новыми лучами.

Баронъ Тайлоръ хотѣлъ пополнить свои артистическія познанія путешествіями. Избѣжавъ конскрипціи 1810 г., по причинѣ слабаго своего тѣлосложенія, онъ думалъ, что совершенно покончилъ съ нею — но ошибся. Императору понадобились новыя войска и, вслѣдствіе усиленныхъ наборовъ, слабость тѣлосложенія уже не была принимаема въ разсужденіе; нашъ журналистъ, признанный годнымъ въ службу, долженъ былъ представить за себя человѣка, или самъ стать подъ ружье.

Выставивъ подѣ знамена Цезаря война, взявши самого себя, Тайлоръ обратился къ своимъ кистямъ и рисункамъ, взялъ палку и кошель туриста и отправился за границы Франціи.

Прежде всего онъ посѣтилъ Франдрію, родину своихъ предковъ; поворотивъ отъ Запада къ Югу и перебравшись черезъ Германію, поклонился Италіи, этой странѣ художествъ. Римъ, Неаполь, Флоренція открыли предъ нимъ свои сокровища и музеумы. Два года сряду, голова и сердце его согрѣвались священнымъ огнемъ искусствъ.

Возвратясь во Францію въ 1813, онъ не мало удивился, узнавъ, что не совсѣмъ покончили дѣла свои съ военнымъ вѣдомствомъ и долженъ былъ поступить въ подвижную національную гвардію вмѣстѣ съ немногими молодыми людьми, уцѣлѣвшими отъ ядръ и пуль битвъ.

Тайлору, какъ племяннику генерала, дано было жалованье и чинъ офицерскій. Вскорѣ онъ понялъ все, что было полезнаго въ новомъ его положеніи. Въ ожиданіи очереди поступить въ дѣйствующую армію, онъ былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи и могъ располагать своимъ досужимъ временемъ, посвящая его работамъ по журналистикѣ. Соединенныя въ одной рукѣ перо и шпага могутъ жить въ большомъ согласіи.

Отъ журналистики до сцены одинъ только шагъ.

Нашъ молодой писатель захотѣлъ перешагнуть и написалъ на первый разъ пятиактную драму подъ названіемъ: «Бертрамъ или Пиратъ,» которая имѣла двѣсти представленій въ одномъ Парижѣ. Ободренный успѣхомъ, авторъ написалъ одну за другою еще три пьесы: «Доносчикъ» «Измаилъ и Маріама» и «Кавалеръ д'Асса.» «Любовь и вѣтренность» маленькая комедійка, дополняютъ весь драматическій репертуаръ Барона Тайлора.

Въ 1814 году, онъ вмѣстѣ съ Ламартиномъ поступилъ въ Гвардію. Приготовленія къ полетехнической школѣ послужили ему въ пользу. Тайлоръ принятъ былъ въ число конкурентовъ для вступленія въ артилерійскую роту и онъ поступилъ въ нее въ чинѣ капитана.

Всѣ отлучки и отпуски, дозволяемые службой, Тайлоръ проводилъ въ путешествіяхъ. Около 1816 г. онъ возвратился въ Германію. На слѣдующій годъ онъ посѣтилъ Голландію и Англію. Археологическія изслѣдованія ведены имъ съ такимъ совершенствомъ, что составляютъ нынче украшеніе нашихъ библіотекъ, мы обратимся ниже къ достойной оцѣнкѣ ихъ.

Г. Тайлору осталось посѣтить Испанію. Тамъ должна была окончиться драгоцѣнная цѣпь рѣдкихъ документовъ, собираемыхъ имъ на пользу изящнаго въ священномъ, христіанскомъ родѣ, торжество и права котораго онъ всегда защищалъ и поддерживалъ. Принятый въ королевскую Гвардію, онъ поступилъ адъютантомъ къ генералу д'Орсе, состоялъ при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи, которая перешла за Пиринейскія горы въ 1823 году. Въ эту компанію, труды ученаго и

розыски артиста не мѣшали солдату исполнять храбро и мужественно воинскія обязанности. Когда дѣло шло о какомъ-нибудь значительномъ порученіи, то исполненіе его возлагалось на нашего героя, состоявшаго при главномъ штабѣ. Въ срединѣ враждебной страны, окруженный многочисленными опасностями, онъ пренебрегалъ ими, усердно исполняя долгъ свой. Не разъ на него взводился курокъ оружія бандита въ ту минуту, какъ онъ снималъ видъ какого-нибудь древняго замка, зубчатой башни, или монастырской колокольни, теряющей въ отдаленіи туманныхъ горъ.

Однажды ему дано было приказаніе отправиться верхомъ къ генералу Борлесулю, осаждавшему Кадиксъ и быть въ его распоряженіи. Обязанность его состояла передавать реляціи, писанныя этимъ генераломъ, въ Лиссабонъ, графу Гидъ-де-Невилю, посланнику французскому, а потомъ ихъ же передавать генералу Бургу, командующему короньскою экспедиціею.

Нашъ неутомимый адъютантъ долженъ былъ переправляться черезъ всю Португалію и Галису, занятыя изъ конца въ конецъ войсками генерала Плазенція.

Возложивъ свое упованіе на Господа и крѣпкій своею личною неустрашимостью, баронъ Тайлоръ отправился въ путь. Впродолженіе трехъ сутокъ всѣ препятствія и затрудненія имъ счастливо побѣждены. Въ концѣ четвертаго дня, прибывъ къ берегамъ Минхо, онъ убѣждается въ совершенной невозможности переправиться черезъ рѣку, не попавъ къ непріятелямъ, сторожившимъ весь противоположный берегъ. Португальскій земледѣлецъ подходит къ путешественнику и осматриваетъ его съ видимымъ любопытствомъ:

— Могу ли чѣмъ-нибудь услужить вамъ? спрашиваетъ онъ адъютанта, я преданъ Французамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчаетъ Тайлоръ, пристально смотря мужику въ лицо и подозрѣвая его въ шпіонствѣ.

Поселянинъ отгадалъ мысль его.

— Были вы въ Парижѣ въ 1811 году, спрашиваетъ онъ у офицера.

— Былъ, а что тебѣ въ этомъ?

— Если были, то должны помнить португальскій кавалерійскій полкъ, когда онъ былъ въ дежурствѣ.

— Помню, онъ стоялъ у бульвара Тампля.

— Я служилъ въ этомъ полку во французской службѣ, и не

могу видѣть равнодушно французскаго офицера въ затрудненіи, не подавъ ему руку помощи.

— Когда такъ, то не можешь ли ты меня доставить на противоположный берегъ.

— Нѣтъ ничего легче этого; моя лодка готова къ вашимъ услугамъ. Но тамъ стоятъ часовые, можно попасть въ засаду. Я берусь доставить васъ на тотъ берегъ, достать вамъ проводника и двухъ здоровыхъ почтовыхъ лошадей, которыя мигомъ домчатъ васъ до Св. Жака де Компостела.

Тайлоръ поблагодарилъ поселянину. Въ полночь онъ сѣлъ въ его лодку и они переѣхали рѣку. Проводникъ съ лошадьми уже былъ готовъ и храбрый адъютантъ съ депешами отъ Генерала Бордесуля промчался стрѣлою мимо вражескихъ постовъ.

Сотни пуль просвистали мимо ушей его. Благополучно кончивъ возложенное на него порученіе, побѣдивъ препятствія опаснаго пути, баронъ Тайлоръ, за храбрость и неустрашимость былъ представленъ Генераломъ Бургомъ къ награждѣ. Онъ получилъ эскадронъ и слѣдующій чинъ.

Исполненіе возложеннаго на него порученія имѣло результатомъ слачу Каликса. Такъ кончилась жизнь и исторія война.

Займемся теперь жизнью артиста и благодѣтеля артистовъ. Баронъ Тайлоръ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ совѣстливый и благонамѣренный біографъ долженъ выставить съ любовью на показъ, потому-что въ нашъ эгоистическій и равнодушный вѣкъ мимо его могутъ пройти, не замѣтивъ его. Толпа даритъ своимъ уваженіемъ и похвалою какого-нибудь хвастливаго крикуна и едва обращаетъ вниманіе на истинное достоинство. Наше дѣло указать на него.

Баронъ Тайлоръ оставилъ военное поприще въ самую ту пору, когда заслужилъ на немъ отличіе и награду. Онъ исключительно хотѣлъ заняться своимъ колоссальнымъ трудомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ (*Voyage pittoresque dans L'ancienne France*) Живописное путешествіе по древней Франціи. Первый выпускъ этого путешествія, напечатанный еще до посѣщенія имъ Испаніи, возбудилъ всеобщій восторгъ.

Тайлоръ не хотѣлъ оставить этой страны, не посѣтивъ южныхъ ея областей, въ которыхъ мавританское господство оставило столько богатствъ въ архитектурномъ отношеніи.

За древними стѣнами, съ башнями по сторонамъ, Кордова

представляла любопытному глазу путешественника свою великолѣпную мечеть Калифа Абдерама, выиѣ обращенную въ Христіанскій соборный храмъ.

Въ Севильѣ ему являлись тѣни мавританскихъ королей подъ сводами молчаливыхъ галлерей Альказара, а Гренада, эта гордая Гренада разкинула предъ нимъ свою Альгамбру.

Мурція и Валенція, по случаю военного времени, наводнены были нестройными толпами вооруженныхъ людей; нашъ путешественникъ не могъ бы добраться до французскихъ границъ; если бы ему не посчастливилось встрѣтить такого же услужливого бандита, какимъ былъ въ отношеніи къ нему португальскій поселянинъ. Тому пять-шесть лѣтъ, мы слышали изъ устъ самага барона слѣдующій разговоръ.

Это случилось въ окрестностяхъ Оригуеллы. Оставивъ воинское званіе и преобразившись въ туриста, Тайлоръ узнаетъ, что страну владѣетъ страшный бандитъ, начальникъ шайки, по имени донъ-Жемъ, и что его сообщники охраняютъ всѣ горныя дороги на Кревильентскую цѣпь горъ, раздѣляющую два королевства. Донъ-Жемъ величественно носилъ названіе короля горъ. Обстоятельство было затруднительное. Баронъ путешествовалъ одинъ въ сопровожденіи слуги испанца, который, въ крайнемъ случаѣ, не только бы не сталъ защищаться вмѣстѣ съ нимъ противъ нападенія бандитовъ, но могъ выдать своего хозяина своимъ соотечественникамъ.

— Гдѣ можно увидать начальника страны? и нельзя ли быть ему представленнымъ, спросилъ туристъ у трактирщицы той венты, гдѣ онъ остановился.

— Нѣтъ ничего легче, сказала она ему. Вотъ онъ завтракаетъ, вы можете къ нему самому обратиться.

И трактирщица указала на малорослаго дѣтину съ раскрасившимся лицомъ, который уплеталъ завтракъ съ большимъ аппетитомъ.

Видно было, что званіе бандита не тяготило его совѣсти. На немъ былъ старинный испанскій костюмъ. Свѣтлоглубая бархатная куртка и сѣтка на головѣ дѣлали его больше похожимъ на Фигаро, чѣмъ на страшнаго головорѣза, при имени котораго содрогались жители страны.

Тайлоръ подошелъ къ нему и по-испански сказалъ, поклонившись.

— Не хотите ли чарку водки?

— Пожалуй, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ бандитъ, да не церемоньтесь со мною, я говорю и по-французски, что вамъ отъ меня угодно?

И при этомъ донъ-Жемъ указывалъ туристу мѣсто противъ себя.

— Вы господинъ въ этихъ горахъ, сказалъ Тайлоръ. Мнѣ извѣстно, что перейти черезъ нихъ не лзя, не заплативъ вамъ пошлины. Я артистъ, въ моемъ чемоданѣ вы найдете только кусочки мрамора, въ воспоминаніе объ Альгамбрѣ; кошелекъ мой пусть, часовъ моихъ отдать вамъ я не желаю, а между тѣмъ мнѣ бы очень хотѣлось получить пропускъ съ вашею подписью, которую я бы могъ показать вашимъ сообщникамъ.

— Я не умѣю писать, возразилъ бандитъ; мнѣ придется самому васъ проводить. Черезъ четверть часа будьте готовы слѣдовать за мною верхомъ.

— Я буду готовъ, сказалъ Тайлоръ; хотя въ глубинѣ души онъ бы желалъ имѣть инаго проводника.

Донъ-Жемъ подошелъ къ тремъ изъ своихъ спутниковъ съ страшными лицами, сказалъ имъ что-то на ухо, указывая на улицу. На площади остановился караванъ продавцевъ муловъ, рѣшившійся переѣхать черезъ горы въ сопровожденіи отряда испанскихъ драгуновъ.

— Ъдемъ! сказалъ бандитъ, обращаясь къ Тайлору, по предварю васъ, чтобы вы не вмѣшивались ни въ какія дѣла, которыхъ вы будете свидѣтелемъ,—а иначе я васъ оставлю путешествовать одного. Сѣли на лошадей. Едва удалились они на половину мѣ отъ деревни и начали было взбираться на подножіе горъ, какъ раздались ружейные выстрѣлы.

— Не останавливайтесь, сказалъ донъ-Жемъ. Это наши стрѣляютъ, давая тѣмъ знакъ продавцамъ муловъ платить установленную пошлину. Вмѣшиваться въ это дѣло будетъ для васъ безразумно. Ступайте рысью и не оглядывайтесь назадъ.

Къ вечеру они подъѣхали къ уединенной хижинѣ. Донъ-Жемъ предложилъ Тайлору разстаться съ своимъ слугою.

— Къ чему это? спросилъ туристъ.

— Я довѣряюсь вамъ, сказалъ ему бандитъ на ухо, но не довѣряю вашему слугѣ. Мы подъѣзжаемъ къ моему жилищу... вы меня понимаете?

И точно, спустясь по крутому скату горы между оливковыхъ деревьевъ, на встрѣчу къ нимъ выбѣжала смѣющаяся хитана.

— Это жена моя, сказалъ бандитъ туристу, ребенокъ на рукахъ ея—нашъ сынъ.

Хитана приблизилась, бандитъ наклонился съ лошади и, поцѣловавъ ее, сказалъ по-испански:

— Здравствуй, подай мнѣ малютку.

Взявъ ребенка на руки и усадивъ его на сѣдлѣ передъ собою, онъ началъ съ нимъ болтать, поддѣлываясь подъ дѣтскій лепетъ, говоря ему нѣжности, которыя во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ выдуманы отцами и матерями для ихъ маленькаго потомства. Потомъ, обратясь къ Тайлору, онъ сказалъ ему по-испански же:

— Я его воспитаю прилично моему званію.

Весь испанскій бандитъ—заключается въ этой фразѣ.

По его мнѣнію, промыселъ бандита равенъ всякому другому; получа отъ отца въ наслѣдіе карабинъ бандита, онъ передастъ его сыну съ наказомъ слѣдовать его примѣру.

За исключеніемъ грабежа и убійства, ему свойственныхъ, во всемъ остальномъ бандитъ нѣженъ и сердеченъ.

Обмѣнявшись съ женою и сыномъ семейными ласками, донъ-Жемъ совѣталъ Тайлору пришпорить коня.

— Поспѣшимъ! мы будемъ уживать въ двухъ мѣе отсюда, а завтра съ разсвѣтомъ вы будете въ безопасности.

Баронъ бросилъ нѣсколько звонкихъ золотыхъ дуру въ платице ребенка, мать ему улыбнулась и закричала ему вслѣдъ: «счастливый путь!»

Какъ сказалъ донъ-Жемъ, къ солнечному закату путешествивики наши прибыли къ заставѣ маленькаго городка Каласпарра.

По ту сторону его дороги были свободны для проѣзда.

Тайлоръ предложилъ бандиту зайти въ какую-нибудь таверну позавтракать на его счетъ, но услужливый донъ-Жемъ отказался:

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ, вашъ кошелекъ тощъ, къ чему дѣлать вамъ лишнія издержки. Лучше я васъ сведу къ Алькаду.

— Какъ къ Алькаду? вскричалъ удивленный баронъ, онъ возьметъ васъ подъ стражу.

— Никогда не возьметъ. Онъ меня страхъ боится.

Спустя минутъ пять послѣ этого разговора, неустрашимый

бандитъ былъ у порога Алькада, который принялъ его со всевозможною почтительностью.

— Понравился ли вамъ портвейнъ, недавно мною вамъ присланный, спросилъ бандитъ у Алькада.

— Портвейнъ былъ чудесный.

— Я вамъ пришлю на дняхъ хересу. Вотъ французскій офицеръ, которому я служилъ въ горахъ проводникомъ; помѣстите его прилично его званію у самаго зажиточнаго обывателя вашего города.

— Съ удовольствіемъ. Сердечно радъ быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, поспѣшилъ сказать Алькадъ.

Тайлоръ стоялъ, какъ громомъ пораженный. Онъ не зналъ, что въ Испаніи начальство за одно съ бандитами, если оно себя чувствуетъ слабѣйшимъ относительно вооруженной силы; но если начальству случается овладѣвать шайкою, то оно превѣшиваетъ бандитовъ безъ лишннихъ околичностей.

— Я усталъ, сказалъ донъ-Жемъ своему спутнику в отдохну съ вами въ отведенномъ для васъ помѣщеніи. Посады этого городка отвратительны. Меня тамъ примутъ съ удовольствіемъ, будьте спокойны на этотъ счетъ.

Увѣренность бандита въ хорошемъ пріемѣ оправдалась.

Гидальго, къ которому адресованъ былъ французскій офицеръ, принялъ «Короля горъ» со всеми изъявленіями почтенія и бандитъ далъ ему обѣщаніе не брать пошлины со всего того, что будетъ адресовано на имя Гидальго изъ Мурціи и Валенціи.

Тайлоръ привыкъ къ своему спутнику, но надобно было наконецъ съ нимъ разстаться.

— Я бы желалъ сохранить что-нибудь на память объ васъ, сказалъ ему бандитъ прощаясь съ нимъ. Помѣняемся оружіемъ.

— Съ охотою отвѣчалъ туристъ.

И нынче еще можно любопытствующимъ видѣть у барона Тайлора, въ лондонской улицѣ, огромное ружье бандита, вымѣненное имъ на пару пистолетовъ и висящее въ его библіотекѣ, какъ доказательство истины случившагося съ нимъ происшествія.

Мы упомянули выше о первомъ выпускѣ Живописнаго Путешествія по древней Франціи. Баронъ Тайлоръ хотѣлъ кончить начатое.

Это тяжелое предприятие, говорит г. Жюль Роменъ, въ «Archives de la France contemporaine» требовало глубокой и «разнообразной учености и знанія, большихъ денегъ и неутомимой дѣятельности. Возстановить воспоминанія о Франціи «нашихъ предковъ», переходить изъ провинціи въ провинцію, «изъ города въ городъ», отъ разореннаго замка къ разоренной «деревушкѣ; по каждамъ развалинамъ доискиваться первоначальнаго вида знанія, опредѣлить причину разрушенія и надъ «всѣми этими нѣмыми свидѣтелями злобы, остервененія людей «или забывчивости ихъ, возстановить вѣчную истину, вѣчное «милосердіе, вѣчное и непоколебимое величіе, олицетворенныя «христіанскимъ ученіемъ,—однимъ словомъ—написать тридцать «томовъ in folio и шесть тысячъ рисунковъ — вотъ что задумалъ двадцати-восьми-лѣтній артиллерійскій офицеръ, не «имѣя другихъ денежныхъ способовъ, какъ офицерское жалованье, другихъ помощниковъ, какъ свое собственное дарованіе и знаніе дѣла. И все это громадно имъ однимъ задуманное, Баронъ Тайлоръ исполнилъ одинъ.»

Глубоко и практически изучивъ археологическія науки во время своихъ путешествій и огорченный разрушеніями аббатствъ и замковъ, сдѣланными толпами вандаловъ, одержимыхъ революціоннымъ бѣсомъ, баронъ Тайлоръ рѣшился противустоять этой дикой толпѣ; исхитить изъ рукъ ея орудіе разрушенія. Онъ сообщаетъ свою смѣлую мысль Шарлю Нодье, приглашая его пристать къ славному дѣлу.

Нодье согласенъ. Они пускаются вмѣстѣ въ путь, посѣщаютъ Нормандію, осматриваютъ Бретань и плодомъ этихъ путешествій являются три первые тома in folio.

Но этотъ египетскій трудъ вскорѣ устранилъ автора «Тутль-би» и «Фей Крошекъ.» Фантазія была любимую музою нашего милаго писателя Шарля Нодье. Ему трудно было идти по торжественнымъ и правильнымъ путямъ учености.

— Работайте безъ меня, сказалъ онъ Тайлору. Я, къ несчастію, не обладаю ни вашей непоколебимою вѣрою, ни вашею стойкою мужественностью. Я возвращаюсь къ своимъ романамъ.

Оставшись одинъ, нашъ археологъ занялся одинъ своимъ громаднымъ трудомъ. Ни какой монахъ XV столѣтія не составлялся бы съ нимъ въ столь усидчивой, прилежной и рачитель-

ной работѣ. Семнадцать томовъ уже вышли нынѣ въ свѣтъ. Семнадцать гигантовъ-книгъ, наполненныхъ отличными рисунками. Текстъ, написанный самимъ барономъ Тайлоромъ, составляетъ полную исторію зданій, легендъ и преданій; къ каждому изъ нихъ относящихся. Литографическая сторона этого изданія отличается поразительною оригинальностью и отчетливостью въ отдѣлкѣ. Перо не уступаетъ въ немъ кисти. Тайлоръ имѣетъ свою особую манеру передавать исторію; она оживляетъ и дѣйствуетъ предъ глазами читателя. Это сочиненіе развило литографическое искусство въ огромныхъ размѣрахъ. Остается еще тринадцать томовъ. Тайлоръ посвящаетъ своему труду все свое время. Онъ не умретъ, не оставивъ въ наслѣдіе нашимъ библіотекамъ недоконченной работы.

Слогъ его имѣетъ живописный отпечатокъ мѣстности, которымъ умный туристъ всегда умѣетъ украсить свои произведенія, явившіяся на описываемомъ имъ мѣстѣ. Сочиненіе его, выполняетъ всѣ условія ученаго и литературнаго труда и отличается истинною точностью и поэтической разработкою подробностей. Рѣчь его выдержана, выработана, мѣстами изящна; легенды и хроники размѣщены въ классическомъ порядкѣ, которому нельзя не удивляться.

Баронъ Тайлоръ написалъ еще три книги и всѣ онѣ отличаются тѣми же качествами замѣчательнаго писателя. Эги сочиненія суть: «Путешествіе въ Іерусалимъ,» «Пиренеи» и «Живописное Путешествіе въ Испанію, Португалію и на Африканскіе берега.» Второе изъ сихъ твореній есть извлеченіе изъ большаго археологическаго сочиненія, а послѣднее есть плодъ военнаго похода 1823 г. и послѣдующихъ за нимъ путешествій; оно украшено двумя тетрадами рисунковъ, вышедшихъ изъ-подъ кисти барона.

Всюду встрѣчаются завистники, имѣющіе въ виду затемнить славу знаменитыхъ людей. Журналъ «Сильфида» и одна критическая книга, подъ названіемъ «Вечера артистовъ» обвиняли барона Тайлора въ томъ, что онъ подписываетъ имя свое подъ статьями, написанными чужимъ перомъ и подъ рисунками, рисованными не его кистью. Два письма, одно за другимъ написанныя, опрокинули эти недостойныя клеветы. Одно было Шарля Нодье, другое живописца Доза.

Барону Тайлору принадлежитъ вся честь труда его, за исклю-

чевиѣмъ малаго участія Нодье въ первыхъ двухъ томахъ его сочиненія. Не довольствуясь борьбою своего пера и кисти противъ разрушителей и хищниковъ, Тайлоръ, сохранивъ исторію древней Франціи въ ея зодческомъ проявленіи, исторію, написанную миновавшими вѣками по лицу земли каменными буквами, вступилъ въ борьбу и дѣяніями своими возбудилъ противъ разрушителей всеобщее негодованіе.

Съ 1818 до 1830 года, онъ безпрерывно обращался съ своими представленіями къ правительству, къ министрамъ, ко всѣмъ властямъ, чтобы обратить ихъ покровительство и поощреніе на археологическія науки. Онъ указываетъ на брошенныя на произволъ разрушенія зданія, церкви, монастыри и замки, укоряетъ въ равнодушіи и небреженіи; онъ просвѣтляетъ умы и понятія на счетъ своего предмета и наконецъ возбуждаетъ сочувствіе къ христіанскимъ памятникамъ зодчества, вслѣдствіе чего правительствомъ назначаются огромныя суммы на возстановленіе храмовъ и церквей христіанскихъ.

Барону Тайлору Франція обязана сохраненіемъ большаго числа рѣдкостей зодчества, которыми можетъ она гордиться.

Человѣкъ, которому принадлежать честь и заслуга возстановленія изящныхъ искусствъ, не могъ не обратить вниманія и на литературу.

Въ 1825 г. драматическое искусство чахло и слабѣло день ото дня. Очевидно, что причиною этого было ничтожество и незначительность пьесъ, которыя давались на первыхъ парижскихъ театрахъ, не смотря, что въ ту эпоху процвѣтала блистательная плеяда артистовъ-исполнителей. Въ комическомъ родѣ были Мишо, братья Батисты, Арманъ, Фирменъ, Самсонъ, Моврозъ, Манжо и госпожи Марсъ, Дюпонъ, Мантъ, Леверъ и Бургуанъ. Драма имѣла могучаго Тальму, Лафона, Лижье и госпожу Дюшечуа.

Играть все пьесы Корнеля и Мольера постоянно — было не возможно. Великія произведенія должны быть временно оставляемы, чтобы сохранить свое очарованіе. Во всякомъ искусствѣ необходимо по временамъ оставлять избитыя пути и искать новыхъ дорогъ и открытій. Необходимо отъ времени до времени оживлять его, вливая въ него новую, молодую и горячую кровь, хотя бы оттого искусство и подверглось временной горячкѣ и бреду. Этого не хотѣли понять прежніе писатели.

Затянутые въ пеленкахъ классицизма, они все еще питались молокомъ аристотелевскимъ, не подозрѣвая, что вѣчная колыбель ихъ становится ихъ склепомъ, въ которомъ не было для насъ ни жизни, ни движенія. Они покоились въ немъ, какъ личинки у порога покинутаго храма славы.

Вмѣстѣ съ ними умирало и драматическое искусство; въ такую-то печальную эпоху Тайлору поручены были правительствомъ судьбы его. Этотъ дѣятельный и предприимчивый человѣкъ окинулъ взоромъ все его окружающее.

Съ одной стороны онъ увидѣлъ безсиліе, ничтожество, распаденеіе — съ другой же замѣтилъ нѣсколько смѣлыхъ попытокъ, которымъ онъ очистилъ дорогу, устранивъ препятствія.

Страстная, энергическая, новая школа возникла.

При словѣ ея, будто силою гальванизма, оживились, затрепетали личинки, о которыхъ мы говорили выше и защитники аристотелевой школы одушевились для славнаго труда. Искусство было спасено. Смерть побѣждена, за побѣдой послѣдовала раздольная жизнь.

Баронъ Тайлоръ не хотѣлъ слушать ни какихъ возраженій, ни какихъ обвиненій въ драматической ереси. Ни вопли, ни осужденія не могли остановить его. Онъ широко распахнулъ двери драматическаго искусства передъ нововводителями, и толпы зрителей сбѣгались смотрѣть на борьбу враждебныхъ партій.

Послѣ перваго представленія «Леонида» господина Писа, первой пьесы въ новомъ родѣ, данной со всѣми принадлежностями богатой постановки и имѣвшей большой успѣхъ; издатель Барба далъ исполнискій ужинъ. Всѣ присутствующіе на немъ поздравляли барона Тайлора за смѣлую его рѣшимость нововведенія, а Тальма, бросившись обнимать его, воскликнулъ: «другъ мой, вы спасли драматическое искусство отъ гибели!»

Теперь, когда борьба между классицизмомъ и романтизмомъ почти кончилась, кто не сознается, что «Гернани» и «Маріона Делормъ» суть славныя приобрѣтенія и трофеи побѣды?

Барону Тайлору обязаны Французы открытіемъ могучаго таланта Виктора Гюго, не говоря о многихъ другихъ дарованіяхъ, получившихъ отъ него права гражданства въ сценической литературѣ.

Четыре первые года управленія барона Тайлора французскою сценою совершенно преобразили ее.

Во время управленія г. де Мартиньяка, баронъ Тайлоръ первый предложилъ планъ колоссальнаго проэкта, который, не смотря на сомнѣнія невѣрующихъ, приведенъ былъ къ окончанію и которому Франція обязана перемѣщеніемъ огромныхъ обломковъ гранита изъ Египта на Французскую землю, этихъ вѣковыхъ памятниковъ, которыми Египетъ отмѣчалъ свою исторію.

По приказанію Карла X, баронъ Тайлоръ совершилъ первую свою поѣздку въ Оивы для первоначальнаго осмотра обелисковъ, о существованіи которыхъ онъ сообщалъ и для отысканія средствъ къ перевозкѣ ихъ въ Парижъ. Путешествіе барона свершилось быстро и онъ привезъ всѣ доказательства о возможности этой перевозки. Но въ это время министр-покровитель былъ смѣненъ и проэктъ оставленъ.

Тайлору предстояло бороться съ равнодушіемъ новаго управленія. Наконецъ баронъ д'Оссе, назначенный морскимъ министромъ, назначилъ комитетъ ученыхъ для разсмотрѣнія упомянутаго проэкта и 6 іюня 1830 года воспослѣдовало королевское рѣшеніе въ пользу его.

17 марта Тайлоръ отправляется въ Египетъ на Diligente корветъ подъ командою г. де Мулака, но по прибытіи его на мѣсто, онъ узнаетъ отъ самаго Мехметъ-Али, что обелиски обѣщаны Англіи.

Началась новая борьба между посланными отъ короля французскаго и посланникомъ англійскимъ.

Послѣ безчисленнаго множества переговоровъ и всякаго рода затрудненій и препятствій, баронъ Тайлоръ торжествуетъ. Англія уступаетъ. Франція отданы два луксорскіе обелиска и сверхъ того обелискъ Клеопатры въ Александріи. Нарочно для сего предмета выстроенный морскимъ инженеромъ, г. Ролландомъ, пароходъ плыветъ по верховью Нила къ верхней части Египта и, принявъ на себя двѣ огромныя каменные глыбы, покоившіяся болѣе сорока вѣковъ на гробницахъ фараоновъ, спускается внизъ по Нилу, вышываетъ въ Средиземное море, мимо испанскихъ и французскихъ береговъ.

Поднявшись вверхъ по Сенѣ, какъ онъ поднимался по Нилу, онъ приплываетъ наконецъ къ устью Сены 23 декабря 1833 г.

Извѣстный инженеръ Леба возстановляетъ на пьедесталѣ памятникъ, современный Сезострису.

Баронъ Тайлоръ получилъ отъ правительства сто тысячъ франковъ на исполненіе предпріятія и путешествіе, изъ нихъ издержалъ онъ только 17 тысячъ и возвратилъ Правительству остальные 83 тысячъ, которые онъ могъ однако оставить у себя въ награду за понесенные имъ труды. Такой фактъ не требуетъ ни какихъ коментарій.

Вмѣстѣ съ обелискомъ, г. Тайлоръ привезъ множество Египетскихъ рѣдкостей, между которыми замѣчательнѣе прочихъ былъ богатѣйшій саркофагъ. Этою гробницею и понынѣ любуются съ удивленіемъ посѣтители луврскихъ галлерей.

«За всѣ услуги, оказанныя вами Франціи, писалъ барону «министръ, вы не соглашались принять никакой платы, никакого вознагражденія. Благодарность вашихъ соотечественниковъ одна можетъ достойно вознаградить васъ, господинъ баронъ, «за подобнаго рода услуги».

Въ 1835 г. король Людовикъ-Филиппъ поручилъ г. Тайлору новое предпріятіе: Франція, во времена имперіи, весьма на короткое время имѣла въ своемъ обладаніи картины Рибейры, Веласкеза и Мурильо и съ горькимъ сожалѣніемъ должна была, возвратя ихъ, разстаться съ ними.

Барону Тайлору поручено было пріобрѣсть эти картины покупкою. Получивъ для того миліонъ франковъ, онъ отправился въ Испанію и умѣлъ собрать въ картинахъ всю исторію Испанской живописи отъ мастеровъ среднихъ вѣковъ до Гойа и Лючіентеса, знаменитаго творца «Саргіссіосъ» * исторію столь знаменитую по оригинальности колорита и религіозному направленію.

По дорогѣ отъ Аликанте къ Карфагену, баронъ увидѣлъ на позорномъ столбѣ, сложенномъ изъ кирпичей, желѣзную клѣтку и въ ней человѣческую голову, висящую на цѣпи. Вѣтеръ раскачивалъ голову, заставляя скрипѣть желѣзные кольца цѣпи самымъ унылымъ образомъ.

— Чтò это такое? спросилъ Тайлоръ молодаго пастуха, пасшаго стадо козъ на прилежающемъ къ дорогѣ возвышеніи.

* Собраніе политическихъ каррикатуръ, полныхъ оригинальнаго юмору и тонкой насмѣшки.

— Это голова дона-Жема, начальника бандитовъ, сказалъ пастухъ.

— Несчастный! сказалъ про себя баронъ, пораженный видомъ бывшего своего проводника. Онъ-таки попался въ руки правительства.

— Да, но нелегко было взять его, отвѣчалъ пастухъ. Два полка посланы были къ нему въ горы. Всѣ жители о немъ жалѣютъ. Алькадъ Калласкарры осудилъ его, не смотря на выпитые имъ хересь и портвейнъ.

Амедей де Сезена, по случаю поѣздки барона Тайлора въ Испанію, описываетъ въ *Constitutionnel* одинъ фактъ, который дѣлаетъ честь правиламъ и праву барона. Въ то время, когда Тайлоръ прибылъ въ церковь монастыря Алькобаскаго, толпа разныхъ лицъ, только-что осквернила гробницу Инесы ди Кастро, разметавъ ея останки по помосту храма. Альфонсъ четвертый, король Португальскій, узнавъ, что сынъ его, донъ-Педро, женился на Инесѣ тайно, приказалъ лишить ее жизни. Донъ Педро, вступивъ въ свою очередь на престолъ, велѣлъ мучительно казнить убійцъ ея, открылъ гробницу Инесы, возложивъ на нее королевскій вѣнецъ въ присутствіи всѣхъ грандовъ; послѣ чего совершенно было всѣми цѣлованіе руки усопшей.

Баронъ Тайлоръ благоговѣнно собравъ разбросанныя останки и уложивъ ихъ въ гробницу Инесы, отыскалъ въ маленькомъ городишкѣ Алкобассѣ каменщика, которому и приказалъ сдѣлать надъ нею склепъ.

Это событіе отняло у барона Тайлора средство воспроизвести снимокъ съ разоренной гробницы, но за то онъ подарилъ Францію мавзолеями Филиппа-прекраснаго, Жанны сумасшедшей, Фердинанда и Изабеллы, этими четырьмя скульптурными образцовыми произведеніями, сдѣланными въ чистѣйшемъ стилѣ возрожденія.

Едва успѣвъ возвратиться изъ Испаніи, Тайлоръ снова посланъ былъ въ Лондонъ, принять въ свои руки драгоцѣнности Стандишскаго музея, оставленнаго въ наслѣдство Французскому королю однимъ изъ богатѣйшихъ антикваріевъ заманшскихъ.

Неутомимый и жадный къ пріобрѣтеніямъ артистическимъ на пользу Франціи, баронъ Тайлоръ вторично посѣтилъ Римъ, Неаполь, Палермо. Въ Мальтѣ онъ украсилъ гробницу герцога

Божоле, брата Людовика-Филиппа, умершаго въ 1808 году въ изгнаніи, чудеснымъ памятникомъ работы Прадія, привезеннымъ барономъ изъ Франціи. Прибывъ въ Грецію, онъ дѣлалъ свои ученія розысканія въ Афинскомъ акрополисѣ, въ Пропилеяхъ и Парѳенонѣ. Переплывъ Босфоръ, онъ сталъ отыскивать въ Цареградѣ слѣды старыхъ византійскихъ стѣнъ, осмотрѣлъ въ подробности храмъ святой Софіи, древнѣйшій памятникъ христіанства и гробницу послѣдняго Константина. Перебравшись въ малую Азію, онъ рылся въ развалинахъ Эфесскихъ и возвращаясь черезъ Смирну, Родось, Кандію и Африканскія берега, онъ съ торжествомъ доставилъ Лувру и Версали большую часть богатствъ, которыя въ нихъ удивляютъ любопытныхъ и любознательныхъ людей.

Работайте артисты и художники! Баронъ Тайлоръ добылъ для васъ модели со всѣхъ сторонъ свѣта!

Но трудъ его еще не конченъ. Онъ знаетъ, что вы не заботитесь о вашей будущности, онъ знаетъ, что любовь и поклоненіе искусству не даетъ вамъ минуты оторваться отъ настоящаго, которое лелѣетъ и убаюкиваетъ васъ своею прелестью. Не одинъ изъ васъ, истинные артисты, не заботится о матеріальныхъ прозаическихъ выгодахъ жизни. Заработанное вами золото и растапливается, и исчезаетъ въ пламени вашей восторженности, и когда вы приходите въ себя, когда вы спускаетесь съ высотъ заоблачной фантазіи, куда уносило васъ ваше вдохновеніе, васъ окружаетъ нищета и голодъ.

Баронъ Тайлоръ узнаетъ однажды, что одинъ юный писатель находится въ крайней нищетѣ. Онъ бѣжитъ къ министру и проситъ помощи для литератора. Министръ обѣщаетъ доставить ее въ скоромъ времени. Но, къ несчастію, для всякаго дѣла нужны нескончаемыя формальности и справки.

«Спѣшу исполнить желаніе ваше господинъ баронъ, пишетъ ему министръ, спустя мѣсяць послѣ того: литератору покровительствуемому вами, будетъ выдано единовременно триста «Франковъ.»

Тайлоръ отвѣчалъ министру слѣдующее:

«Ваша помощь теперь напрасна; она опоздала: несчастный лишилъ себя жизни, и деньги, присланные вами, не могутъ быть ему полезны даже для его погребенія.»

Это печальное событіе подало барону Тайлору мысль—осно-

вать кампаніи обоюднаго вспомошествованія для пользы художниковъ. Одному Господу Богу извѣстно, сколько стоило ему труда отстранить всё затрудненія ради того, чтобы добиться до своей цѣли. Эти человеколюбивыя общества, нынче утвержденныя на прочныхъ началахъ, ему обязаны краеугольнымъ камнемъ своего основанія. Сколько потрачено имъ энергіи, усилій, сочувствія къ дѣлу! Сколько перенесъ онъ борьбы съ недоброжелательствомъ нѣкоторыхъ, съ равнодушіемъ многихъ!..

Общество драматическихъ артистовъ, основанное прежде другихъ, пользуется нынче тридцатью тысячами ливровъ дохода, издерживаемыхъ имъ на вспоможеніе артистамъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ барона Тайлора.

Тысяча-двѣсти ежегодныхъ вспоможеній и пенсій раздаются устарѣвшимъ артистамъ, ихъ сиротамъ и вдовамъ. Эти доходы пріобрѣтаются посредствомъ концертовъ, лотерей и различныхъ праздниковъ, даваемыхъ подъ присмотромъ и покровительствомъ благодѣтельнаго основателя.

Послѣ общества драматическихъ артистовъ, основано имъ общество музыкантовъ, общество живописцевъ и общество изобрѣтателей—ремесленниковъ.

Общество музыкантовъ имѣетъ шестнадцать-тысячъ ливровъ дохода, живописцевъ—пятнадцать, а изобрѣтателей-ремесленниковъ—двѣнадцать. Это послѣднее общество, позже другихъ основанное, не замедлитъ догнать своихъ собратій въ доходахъ.

Баронъ Тайлоръ, президентъ всѣхъ этихъ обществъ, соединенныхъ между собою симпатическимъ сочувствіемъ, присоединилъ къ нимъ общество литераторовъ, въ то время, когда ему грозило разореніе по милости Жоржъ-Занда.

Общество литераторовъ, перешедъ подъ покровительство барона Тайлора, справедливо гордится имъ. Всѣмъ несчастнымъ-неимущимъ оказана помощь. Касса, уничтоженная—было сообщниками Жоржъ-Занда, снова наполняется все болѣе и болѣе. Тайлоръ уничтожилъ существованіе госпиталя для призрѣнія литераторовъ. Общество это обладаетъ уже болѣе чѣмъ стами тысячами франковъ капитала.

Доходы созданныхъ имъ обществъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ шестьдесятъ-пять-тысячъ-франковъ ежегодно, не считая миліона франковъ, розданныхъ на вспомошествованія, независимо отъ этихъ доходовъ.

Барона Тайлора называютъ «прототипомъ благодѣянія.» И точно, вся жизнь его посвящена на добрыя дѣла, онъ вѣчно стремится къ одной и той же цѣли. Онъ умѣетъ побѣждать самыя непреоборимыя преграды и непреодолимыя затрудненія, ему кажется возможно извлечь пользу изъ камня, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать его чувствительнымъ къ немощи артиста или возбудить сочувствіе къ его борьбѣ съ нищетою.

Кто повѣритъ, что нашлись такіе люди, которые осмѣлились говорить, будто баронъ Тайлоръ, трудясь для другихъ, не забывалъ и себя. Легко опровергнуть такую постыдную клевету.

Человѣкъ, который всегда находилъ средства умножать доходы, назначенные для другихъ, былъ самъ застигнутъ нищетою въ 1848 году, когда республика прекратила выдачу ему жалованья.

Онъ долженъ былъ жить распродажею нѣкоторыхъ книгъ изъ своей библіотеки, и кто не видалъ командорскаго на груди барона креста *, висѣвшаго на изношенномъ и обвѣшаломъ его одѣянніи. Для такого человѣка, какъ Тайлоръ, продажа книгъ изъ библіотеки не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ крайняго безденежья? Гдѣ же было его богатство? Куда дѣвался его капиталъ? Онъ экономенъ, издержекъ никакихъ не дѣлаетъ, живетъ какъ анахоретъ, спитъ на жесткой постелѣ, окруженный своими книгами, а завтракомъ ему служитъ хлѣбъ въ десять сантимовъ и стаканъ воды. Но замолчимъ. Оправдывать такого человѣка — уже значить оскорблять его. Пять обществъ, основанныхъ имъ на помощь артистовъ, свидѣтельствуютъ въ защиту своего благодѣтеля, называя его отцемъ своимъ и питаютъ къ нему неизмѣнную, безпредѣльную благодарность. Да не посмѣетъ клевета своимъ злобнымъ дыханіемъ коснуться этой чистой жизни, исполненной самопожертвованій, лишеній и сочувствія къ ближнимъ.

Чтобы найти что-либо схожее въ неутомимости и стремленіи къ добру съ барономъ Тайлоромъ его надо уподобить — Винценту де-Полю.

---

* Въ 1822 году баронъ Тайлоръ получилъ орденъ почетнаго Легіона, повышенъ въ 1833 и сдѣланъ командоромъ 19 мая 1837. Людовикъ-Филипп хотѣлъ сдѣлать его перомъ Франціи и создать нарочно изъ него министерство изящныхъ искусствъ. Если онъ и не возведенъ въ этотъ санъ официально, то исполняетъ всѣ обязанности по собственному влеченію. Академія приняла его своимъ членомъ въ 1847 году.

II. ИСКУССТВА.

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА ВЪ ИСПАНІИ. (Статья Фетиса).

Молодой Бельгійскій артистъ, Гевертъ (Gevaert), удостоенный въ своемъ отечествѣ преміи за сочиненія, получилъ отъ своего правительства дозволеніе совершить артистическое путешествіе. Гевертъ поѣхалъ въ Испанію, надѣясь собрать много новыхъ мыслей и интересныхъ фактовъ для исторіи искусства въ странѣ, еще столь мало извѣстной въ этомъ отношеніи и заслуживающей серьезнаго изученія. Въ Бельгіи, по правиламъ большихъ конкурсовъ по части композиціи, артисты, удостоенные премій, не только сами обязаны во время своихъ путешествій написать нѣсколько сочиненій, напр. симфоній, обѣденъ, кантатъ, ораторій, но сверхъ этого и доставлять своему начальству ежегодные отчеты о состояніи искусства въ посѣщаемыхъ ими странахъ. Вслѣдствіе такого обязательства Гевертъ прислалъ въ Брюссель прекрасный трудъ, въ которомъ есть много очень интересныхъ и замѣчательныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи музыки въ Испаніи. Денежныя средства не позволили молодому артисту изслѣдовать всю эту обширную страну: онъ посѣтилъ только нѣкоторыя провинціи, но, пробывъ тамъ около года, успѣлъ подмѣтить и изучить весьма многое.

Гевертъ нашелъ, во-первыхъ, что у испанцевъ, во всѣ эпохи, существовало только два рода музыки: музыка церковная и музыка народная. Всѣ сдѣланныя до настоящаго времени попытки создать національную оперу, равно и по части инструментальной музыки, не имѣли никакихъ результатовъ. Религіозный стиль втеченіе многихъ вѣковъ былъ разрабатываемъ въ Испаніи съ большимъ успѣхомъ; но вкусъ мало-по-малу до того испортился, что упалъ до степени простонароднаго; театральнаго стиля и другаго теперь стиля въ Испаніи не существуетъ. Самыя обыкновенныя, избитыя формы италійской оперы составляютъ основаніе почти каждаго сочиненія по части духовной музыки. Знаменитые памятники древняго искусства, покрытые пылью, хранятся въ соборныхъ архивахъ, и только немногіе, понимающіе искусство, замѣчаютъ современный упадокъ духовной музыки.

Участь народной музыки была до-сихъ-поръ нѣсколько сча-

стливѣе. Испанцы въ этомъ случаѣ не походятъ на прочихъ народовъ Европы: они сохранили свои первобытныя музыкальныя преданія. Гевертъ замѣчаетъ, что народная пѣсня и теперь еще носитъ на себѣ живой отпечатокъ своего арабскаго происхожденія. Отпечатокъ этотъ заключается въ изобиліи украшеній, въ странныхъ каденцахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ европейскою системою тоновъ, и въ горловыхъ звукахъ пѣвцевъ.

Здѣсь я позволю себѣ замѣтить, какъ трудно доказывать истину, когда она противорѣчитъ предрасудкамъ, укоренившимся временемъ. Когда я, лѣтъ двадцать тому назадъ, сказалъ въ своемъ курсѣ исторіи музыки, напечатанномъ въ извлеченіи во *Всеобщей біографіи музыкантовъ*, что Востокъ сообщилъ свои основанія и характеръ духовному западному пѣнію и народнымъ пѣснямъ нѣкоторой части Европы, то многіе ученые нѣмецкіе журналы рѣшительно отвергли мое мнѣніе и утверждали, что оно не болѣе, какъ одно предположеніе, ничѣмъ недоказанное. Кизеветтеръ написалъ даже цѣлое сочиненіе о музыкѣ новѣйшихъ грековъ и арабовъ, чтобы доказать мои заблужденія. Периодическое изданіе (*Saecilia*), восхваляя это сочиненіе, не пощадило меня; Лафажъ также далъ мнѣ урокъ исторіи музыки въ двухъ томахъ и наконецъ Данжу думалъ, что у меня есть какая-то особенная страсть толковать о радикальномъ вліяніи восточной музыки въ средніе вѣка на музыку церковную и народныя пѣсни. Это мнѣніе онъ высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Ко всемъ возраженіямъ я былъ равнодушенъ и оставался непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, основанныхъ на фактахъ. Въ настоящее время сдѣлано уже много открытій, которыя подтверждаютъ мое мнѣніе. Нѣкоторые манускрипты неопровержимо доказываютъ существованіе въ старинномъ Грегорианскомъ пѣніи множества украшеній и смущаютъ издателей древней музыки, стремящихся возвратить пѣнію его первоначальный простой характеръ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что мы имѣли совершенно ложное понятіе о пѣніи трубадуровъ и труверовъ. Европейскіе музыканты, бывшіе въ Алжирѣ, Египтѣ, Арабіи и на берегахъ Босфора и слышавшіе пѣніе обитателей этихъ странъ, болѣе всего изумлялись именно необыкновенному множеству украшеній, страннымъ интерваламъ и безконечнымъ трелямъ,

которыя составляли отличительный характеръ слышанной ими музыки. И вотъ наконецъ молодой артистъ, весьма образованный и одаренный наблюдательнымъ умомъ, нисколько не сомнѣвается въ восточномъ происхожденіи народныхъ пѣсенъ въ Испаніи. Этотъ же восточный характеръ испанскихъ мелодій мы находимъ и въ Сициліи и во всѣхъ другихъ странахъ, бывшихъ долгое время подъ владычествомъ арабовъ. Такимъ образомъ мнѣніе мое, называемое предположеніемъ, ипотезою, по всей вѣроятности скоро станетъ основною истиною въ исторіи музыки.

Гевертъ утверждаетъ, что въ испанскихъ бібліотекахъ нѣтъ ни одного сочиненія для нѣсколькихъ партій, которое относилось бы ко времени до царствованія Карла V, и слѣдовательно въ ту эпоху не знали контрапункта. Но нельзя основывать никакого заключенія на случайномъ, быть можетъ, отсутствіи памятниковъ древнѣе XVI вѣка: если въ настоящее время ихъ не открыто, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они вовсе не существуютъ. Шоронъ, писавшій въ 1810 г. свою исторію музыки, говорилъ, что нѣтъ почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно судить о состояніи музыки въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, а между-тѣмъ съ 1810 года составилось драгоценное собраніе изъ музыкальныхъ памятниковъ, открытыхъ во Франціи, Италіи, Германіи и Англіи. Тоже вѣроятно случится и въ Испаніи. По аналогіи нельзя уже допустить, чтобы музыка въ Испаніи вдругъ стала на ту высокую степень, на какой мы ее находимъ въ царствованіе Филиппа II. Кстати здѣсь вспомнить и о томъ, что извѣстный Рамисъ Парейха (Pareja), дававшій уроки музыки въ Болоньѣ, около 1382 года, былъ уроженецъ Андалузій. Онъ былъ сперва профессоромъ музыки въ Саламанскомъ Университетѣ и въ 1380 году издалъ на испанскомъ языкѣ сочиненіе *Traité des proportions de la notation*. Сверхъ того Рамисъ упоминаетъ о своемъ учителѣ Монте (Jean de Monte), современникъ Окенгема и Буноа. Самъ Рамисъ, знаменитѣйшій музыкантъ въ свое время, имѣлъ ученика Іоанна Спатаро, ученаго теоретика, который извѣстенъ былъ своими знаніями во всей Италіи, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ Испаніи, также какъ и во Франціи и Бельгіи, музыка развивалась уже съ XIII столѣтія, безъ чего она не стояла бы на той степени совершенства, на какой мы находимъ ее въ XVI вѣкѣ.

Гевертъ, разбирая старинныя сочиненія церковной музыки, убѣдился, что испанскіе артисты, хотя и были знакомы съ направлениемъ искусства въ Бельгіи и Франціи, умѣли однако сохранить свою самостоятельность, и произведенія ихъ отличаются большою простотою и торжественностію. Почти все сочиненія церковной музыки написаны для двухъ хоровъ — обычай, сохранившійся до настоящаго времени, не смотря на современныя упадокъ музыки. Композиторы золотого времени въ Испаніи, не увлекаясь страстью подражанія и не стѣсняясь условными правилами контрапункта, писали по чувству величія и благоговѣнія. Испанскіе композиторы особенно были превосходны въ обѣдняхъ, въ Requiem, въ мотетахъ, въ псалмахъ покаянія и т. п. Исполняемые, хотя и посредственно, сочиненія этого рода производятъ глубокое впечатлѣніе на душу. Такъ напримѣръ, сочиненія Небры, Солера и Эскаррагви замѣчательны рѣдкими красотою и отличаются до того чистымъ религіознымъ чувствомъ, что трогаютъ слушателя, даже непосвященнаго въ тайны искусства.

Имена названныхъ артистовъ почти никогда не произносились за границами Испаніи и даже въ самой Испаніи извѣстность ихъ ограничивалась городомъ, гдѣ они были капельмейстерами. Въ числѣ древнѣйшихъ Испанскихъ композиторовъ, называемыхъ Гевертомъ, упомянуть Антоній Февенъ. Если дѣйствительно этотъ композиторъ былъ Испанецъ, то писатель Глазонъ, называющій его *Fevin Augeolensis*, ошибался, утверждая, что онъ родился въ Орлеанѣ. Остается предположить, что Февенъ, оставя отечество, удалился въ Испанію, гдѣ и умеръ. Въ 1514 году онъ написалъ три обѣдни (*Sancta Trinitas, Mente tota, Ave Maria*) для четырехъ голосовъ. Последнія двѣ напечатаны были въ собраніи 15 обѣдней, изданномъ въ Римѣ въ 1516 году. Извѣстнѣйшіе изъ другихъ древнихъ композиторовъ были: Андрей де Сальва, современникъ Февена, Вакерацъ, Бартоломей Эскоbedo, капельмейстеръ въ Сеговиі, жившій въ половинѣ XVI вѣка: Христофъ Моралесъ, Францискъ Гверреро, капельмейстеръ въ Севильѣ, Діего де Ортицъ, бывшій въ 1560 капельмейстеромъ дона Риберы, герцога Алакалы, Неаполитанскаго вице-короля; Томасъ Викторіа, ученикъ Эскоbedo и Моралеса, капельмейстеръ церкви св. Апполинарія въ Римѣ и капелланъ короля Филиппа II, и наконецъ Торрентесъ и

Пенналоза, жившіе въ Толедо. Всѣ названные композиторы, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, написали множество замѣчательныхъ сочиненій, которыя въ разное время изданы были въ Испаніи, Франціи и Германіи.

Къ числу новѣйшихъ композиторовъ принадлежатъ: Бернардино Рибера, Торрестъ, капельмейстеръ Филиппа V, Небра, королевскій капельмейстеръ, авторъ множества рукописныхъ сочиненій, хранящихся въ Мадридѣ, и Солеръ, лучшій и замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ испанскихъ композиторовъ. Онъ родился въ 1730 г. Постригшись въ монахи ордена св. Иеронима, онъ сдѣлался начальникомъ капеллы Эскуриала. Сочиненія Солера, хотя въ нихъ и встрѣчаются нѣкоторыя неправильности стиля, основанныя на преданіяхъ, вполне достойны вниманія и даже удивленія самыхъ образованныхъ музыкантовъ. Сочиненія Солера, въ рукописяхъ, хранятся въ библіотекѣ монастыря Эскуриала. Гевертъ разобралъ только нѣкоторыя изъ нихъ и нашелъ, что они, въ отношеніи выразительности и эффекта, превосходятъ даже произведенія итальянской школы XVI и XVII вѣковъ.

За Солеромъ слѣдуетъ Доаги (Doaгүйе), капельмейстеръ въ Саламанкѣ, жившій въ XVIII столѣтіи. Онъ оставилъ въ рукописяхъ много прекрасныхъ произведеній церковной музыки, которыя хранятся въ архивахъ разныхъ капеллъ. Съ нимъ кончается слава испанской школы. Композиторъ, подъ старость лѣтъ, могъ быть свидѣтелемъ бѣдствій войны, начатой Наполеономъ. Слѣдствіемъ этой продолжительной войны было разрушеніе монастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе памятниковъ церковной музыки. Монастыри въ Испаніи, въ особенности же монастырь монтесератскій, находящійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Барселонны, были школами, откуда выходили всѣ лучшіе испанскіе музыканты. Всѣ великіе композиторы, принадлежащіе къ XVII и XVIII вѣкамъ, получили свое образованіе или въ Монсерра или въ Эскуриалѣ. Если теперь въ Испаніи есть слѣды старинной школы, то ихъ можно найти только между духовными лицами и монахами.

Органисты въ Испаніи, говоритъ Гевертъ, ниже всякой критики, и исполняемыя ими сочиненія ниже посредственности. Прелюдіи у нихъ безъ содержанія, безъ плана и единства, въ самой же музыкѣ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска таланта. Ге-

вертъ даже думаетъ, что въ Испаніи и въ блестящій періодъ развитія музыки никогда не было великихъ органистовъ. Артистъ основываетъ это заключеніе на томъ, что, не смотря на всѣ свои старанія, онъ не успѣлъ открыть ни одного порядочнаго сочиненія для органа, которое принадлежало бы испанцу. Сверхъ-того самое механическое устройство органовъ такъ несовершенно, что нельзя на нихъ ничего исполнить съ успѣхомъ.

Между множествомъ теоретическихъ сочиненій о музыкѣ, говоритъ Гевертъ, едва ли хотя одинъ писатель посвятилъ нѣсколько строкъ народной музыкѣ. Молчаніе это впрочемъ объясняется тѣмъ, что лица, писавшія о музыкѣ, были по большей части изъ духовенства и исключительнымъ предметомъ ихъ занятій была музыка церковная. Между-тѣмъ изслѣдованіе о томъ: какіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ оставили по себѣ всѣ народы, занимавшіе нѣкогда полуостровъ?—было бы въ высшей степени занимательно и въ историческомъ отношеніи. Мелодіи въ Испаніи чрезвычайно разнообразны: здѣсь музыка, какъ обычай и нравы, имѣетъ въ каждой провинціи свои особенности и является въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ этомъ отношеніи народную музыку въ Испаніи можно подраздѣлить на три характерическія отдѣла: представителями перваго отдѣла будутъ провинціи Бискаія и Наварра, втораго, — Галиція и Старая Кастилія, а третьяго — Арагонія, Новая Кастилія и южныя провинціи. Это раздѣленіе согласуется и съ историческимъ раздѣленіемъ народа на различныя поколѣнія, еще сохранившія слѣды происхожденія.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ историки доказываютъ, что первыми обитателями полуострова были баски, пришедшіе изъ Кавказскихъ странъ еще до большаго переселенія народовъ изъ Азіи. Эти древніе иберійцы, пройдя южную Европу, поселились у Пиринеевъ. Они сохранили свои обычаи, нравы и языкъ, не смотря на безпрерывныя сношенія съ окружающими ихъ народами. Аріи басковъ имѣютъ свой особенный римическій характеръ, который такъ же страненъ, какъ и характеръ языка ихъ. Элементы этого риема совершенно отличны отъ музыкальныхъ основаній у другихъ народовъ. Такъ напри- мѣръ, арія національнаго танца, называемая *zorgiso*, написана въ *пять восьмыхъ* или *пять четвертыхъ*, или скорѣе—въ *размѣрѣ* въ два темпа, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ *пяти*

равныхъ нотъ. Другія аріи написаны въ размѣрахъ еще болѣе сложныхъ, совершенно противныхъ нашему музыкальному чувству. Въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ встрѣчаются попеременно размѣры въ три четверти и шесть восьмыхъ и замѣчательно, что эти мелодіи служатъ музыкою для танцевъ.

Пѣсни Старой Кастиліи и Галиціи не имѣютъ никакихъ особенностей, которыя заслуживали бы вниманія. Мавры не долго владычествовали въ этихъ провинціяхъ, а потому коренные ихъ жители ничего не заняли изъ утонченнаго и артистическаго образованія побѣдителей и не освоились съ восточными нравами, оставившими по себѣ глубокіе слѣды въ южныхъ провинціяхъ. Отсюда происходитъ, что народная музыка въ Кастиліи и Галиціи не носитъ на себѣ того оригинальнаго характера, которымъ отличаются пѣсни въ центральныхъ и южныхъ областяхъ. Слѣдовательно, только мелодіи южной Испаніи заслуживаютъ внимательнаго изученія. Хотя въ нихъ и произошли многія измѣненія, вслѣдствіе вліянія времени, образованія пѣвцевъ, перемѣны нравовъ и въ особенности вліянія сѣверной музыки, но изучая ихъ формы, нельзя не убѣдиться, что мелодіи эти ведутъ свое начало непосредственно отъ арабской музыки.

«Этотъ характеристическій типъ, говоритъ Гевертъ, преимущественно сохранился тамъ, гдѣ владычество Мавровъ оставило по себѣ глубокіе слѣды, такъ напримѣръ, въ Андалузіи и Гренадѣ. Типъ этотъ встрѣчается и у хитанъ, съ его интервалами въ треть и четверть тона, съ его многочисленными украшеніями и прочими принадлежностями, о которыхъ упоминаетъ Фетисъ въ своей краткой исторіи музыки, служащей введеніемъ ко *всеобщей біографіи музыкантовъ.*»

Пѣсни арабскаго происхожденія могутъ быть раздѣлены на два главные класса: собственно на пѣсни, извѣстныя подъ именами: *canas* или *pleugas* и на пѣсни для танцевъ, называемыя различно, какъ-то: *fandangos*, *malagueñas* и *gondetas*. Размѣръ пѣсень весьма неопредѣленъ; онѣ всегда начинаются высокою нотой, которую пѣвецъ танетъ по произволу. Всѣ затѣмъ слѣдующія фразы нисходятъ и мелодія тонетъ въ морѣ малыхъ нотъ и трелей, похожихъ болѣе на дрожаніе голоса, а пѣвецъ продолжаетъ ихъ на столько, на сколько хватитъ у него дыханія. Система тоновъ въ этихъ пѣсняхъ не имѣетъ никакого соотношенія съ нашими тонами мажорнымъ и минор-

нымъ; финальные кадансы сходны съ окончаніями четвертаго тона въ церковномъ пѣніи. Что же касается до мелодической послѣдовательности, то въ этомъ отношеніи большая часть пѣсенъ лишена всякой гармоніи и тамъ, гдѣ сохранились первоначальныя преданія, пѣвцы иногда обозначаютъ ритмъ ударомъ въ дно гитары.

Пѣсни для танцевъ вообще состоятъ изъ инструментальнаго ригурнеля и куплета. Первая часть, въ отношеніи мелодичности, одинакова во всѣхъ пѣсняхъ одного рода. Искусные гитаристы выказываютъ въ ригурнели быстроту своихъ пальцевъ и легкость, съ какою импровизируютъ они варіаціи. Куплеты же разнообразны до безконечности, какъ по содержанію, такъ и по музыкѣ. Куплетъ обыкновенно дѣлится на шесть симметрическихъ фразъ, въ три или четыре такта. Фразы эти соотвѣтствуютъ четыремъ стихамъ, изъ которыхъ первый поется два раза и повторяется въ концѣ куплета. Пѣніе и стихи очень часто импровизируются исполнителями, причемъ оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ весьма богатымъ воображеніемъ и замѣчательнымъ талантомъ. Лучшіе импровизаторы встрѣчаются между андалузскими хитанами *. Иногда извѣстнѣйшіе изъ нихъ вступаютъ въ состязаніе, которое впрочемъ по большей части кончается весьма трагически.

По изгнавіи мавровъ, въ Испанію внесено было много новыхъ пѣсенъ. Хотя онѣ и уступаютъ стариннымъ пѣснямъ въ оригинальности, но по размѣру и по мелодической формѣ своей, вполне заслуживаютъ вниманіе артиста путешественника. Къ разряду такихъ пѣсенъ принадлежатъ: 1-е, *Seguedillas* или *Manchegas*, принадлежащія по происхожденію своему, если судить по второму имени, провинціи Ламанхской. Сегедилья пишется въ три темпа; число стиховъ въ куплетѣ не должно превосходить четырехъ, а за ними непременно слѣдуетъ припѣвъ. 2-е, Болеро (*Boleros*) — арии или пѣсни совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя извѣстны подъ тѣмъ же именемъ во Франціи. Испанскія болеро пишутся точно также, какъ и сегедилья, но только движеніе въ нихъ гораздо медленнѣе. 3-е, *Jota aragonesa* — танецъ, который, по движенію, размѣру и расположенію, тоже, что новѣйшее *sandango*. Куплетъ почти всегда поется въ два голоса терціями.

* *Gitanos* принадлежатъ къ кочующему племени испанскихъ цыганъ.

Прочіе испанскіе танцы не составляютъ особыхъ классовъ или родовъ, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили. Cachucha, Zapateado, el Vito, el Ole, el Polo, Ranaderos и другіе тому подобныя суть отдѣльныя мелодіи, принадлежащія разнымъ мѣстностямъ Андалузіи и не имѣющія историческаго интереса.

Состояніе лирическихъ театровъ въ Испаніи также не представляетъ ничего любопытнаго для путешественника, потому-что на нихъ, кромѣ итальянской оперы, ничего не играютъ. Собственно испанцы не имѣютъ національнаго театра. Италіанская опера въ Мадридѣ состоитъ изъ артистовъ, извѣстныхъ въ Италіи, Франціи и Англіи. Оркестръ и хоры—лучшее, что только можно теперь слышать въ Испаніи. За Мадридскимъ театромъ слѣдуетъ театръ Лицея, въ Барселонѣ, который имѣетъ еще нѣкоторое значеніе; прочіе же театры въ Севильѣ, Кадиксѣ, Малагѣ, Валенцѣ, Сарагоссѣ и Гренадѣ принадлежатъ уже къ третьему разряду.

Когда итальянская опера въ первый разъ явилась въ Испаніи, въ первые годы царствованія Фердинанда VI (1748—1759), нѣкоторые музыканты, увлеченные совершенно новымъ для нихъ зрѣлищемъ и желая приложить драматическую музыку къ своему гармоническому языку, пытались основать въ Мадридѣ испанскій лирическій театръ. Композиторъ Попціано написалъ оперу. Но обстоятельства не были благоприятны этой попыткѣ: общество, приведенное въ восторгъ пѣніемъ Фаринелли, слушало только итальянскую оперу и оставалось равнодушнымъ къ намѣренію основать національную оперу. Артисты, потерявши всякую надежду на успѣхъ, разошлись и такимъ образомъ одна итальянская музыка сохранила къ себѣ расположеніе публики.

Гевертъ впрочемъ не упоминаетъ, что послѣ того въ разное время еще нѣсколько разъ пытались основать національную оперу въ Испаніи. Ремахо, капельмейстеръ Карла IV, и позднѣе Юсіфа Наполеона, написавъ въ 1799 году серьезную оперу «Conquita del Peru» (Завоеваніе Перу), которая и была представлена въ томъ же году. Въ 1803 году Гарсія написалъ для Малагскаго театра комическую оперу El Preso, либретто которой состояло изъ перевода комической французской оперы Le prisonnier ou la ressemblance. Въ слѣдующемъ году онъ поставилъ на Мадридскомъ театрѣ el Poeta calculista. Въ 1817 году Гомесъ поставилъ въ Мадридѣ съ большимъ успѣ-

хомъ романтическую оперу «Alceana» (крестьянка): и наконецъ Раймондъ Карнисеръ (Carnicer), весьма талантливый композиторъ и капельмейстеръ Саламанкскаго собора, имѣлъ рѣшительный успѣхъ въ семи или восьми испанскихъ операхъ, поставленныхъ имъ въ Мадридѣ, и въ особенности въ большихъ операхъ: Elena у Constantino и Adèle de Lusitano. Впослѣдствіи Карнисеръ, слѣвавшись директоромъ музыки Италіанскаго театра, послѣ отъѣзда Меркаданта въ 1826 году, отказался отъ блестящаго своего поприща драматической національной музыки.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые молодые артисты снова обратились къ испанской оперѣ. Они болѣе всего заботятся о развитіи въ своемъ отечествѣ комической оперы по образцу французскихъ театровъ. Теперь въ Мадридѣ есть театръ, предназначенный исключительно для произведеній этого рода. Предпріятіе молодыхъ музыкантовъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Правда, что даваемые ими произведенія по большей части весьма слабы, потому-что композиторы еще недовольно образованы, но можно надѣяться, что съ развитіемъ въ публикѣ вкуса къ національной музыкѣ и сами артисты будутъ усерднѣе заниматься своими произведеніями и строже изучать свое искусство.

Мысль объ учрежденіи въ Испаніи консерваторіи принадлежитъ королевѣ Маріи Христинѣ. Однако учрежденіе это было устроено съ такими недостатками, что оно не привело ни къ какимъ счастливымъ результатамъ. Вслѣдствіе этого консерваторія низведена была въ своихъ размѣрахъ на степенъ простой элементарной школы. Даже и при такой непрочной организаціи, она могла бы еще принести какую-нибудь пользу искусству, если бы только управленіе ею досталось въ руки опытныхъ артистовъ; но, къ сожалѣнію, усердію и ревности ихъ не доставало познаній, и потому музыкальное образованіе воспитанниковъ не достигало своей цѣли. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Королевская консерваторія въ Мадридѣ не могла имѣть никакого существеннаго вліянія на развитіе музыки въ Испаніи. Польза ея ограничивается тѣмъ, что она доставляетъ театрамъ хористовъ и посредственныхъ скрипачей. Одна только игра на фортепяно дѣлаетъ еще нѣкоторые успѣхи, вообще же инструментальная музыка слишкомъ далека отъ совершенства. Искусство владѣть смычкомъ почти

неизвѣстно въ Испаніи и постоянное отсутствіе единства въ исполненіи—главный недостатокъ всѣхъ оркестровъ.

О состояніи музыки въ провинціяхъ почти нечего сказать, потому что собственно развитіе музыки ограничивается Мадридъ и Барцелоною.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ИСКУСТВЕННОЕ ЗОЛОТО.

Философскій камень, который такъ занималъ ученыхъ въ средніе вѣки, наконецъ найденъ, и найденъ нашимъ современникомъ.

— «Я нашелъ средство добывать искусственное золото, я сдѣлалъ золото.»

Такъ выражается Теодоръ Тифферо въ брошюрѣ, подъ названіемъ:

«Металлы—вещества не простые, а сложные.»

Хотя Тифферо добылъ золота немного, всего нѣсколько граммовъ, но это золото, по описанію изобрѣтателя, имѣетъ всѣ свойства настоящаго золота: ту же кристаллизацию, тотъ же видъ, ту же плотность, ковкость и тягучесть; не растворяется въ простыхъ кислотахъ и только уступаетъ царской водкѣ.

Занимаемъ исторію этого открытія изъ Записокъ, изданныхъ самимъ Тифферро.

«Когда я былъ ученикомъ химіи и лаборантомъ въ Нантской Технической Школѣ, пишетъ онъ въ первой своей Запискѣ, я преимущественно посвящалъ время изученію металловъ и, убѣдившись, что эта часть химіи представляетъ обширное поле для изслѣдованій, рѣшился предпринять наблюдательное путешествіе въ Мексику, страну, изобилующую металлами. Я отправился туда въ 1842 г., тщательно скрывая свои тайныя работы подъ маскою лагерротипіи, искусства въ то время еще новаго, я могъ подробно изслѣдовать всѣ тамошніе рудники, провинціи Сонору и Калифорнію, которая въ послѣдствіи обратила на себя вниманіе всего міра.

«Изучая взаимное сдѣленіе металловъ, ихъ слои, ихъ различное физическое состояніе, распрашивая рудокоповъ и срав-

нивая ихъ замѣчанія, я убѣдился, что металлы, въ своемъ образованіи, подчиняются извѣстнымъ законамъ, результаты которыхъ можно извѣдать тщательнымъ изученіемъ. Остановившись на этой мысли, я съ большимъ жаромъ и успѣхомъ продолжалъ свои работы, которыя мало-по-малу пролили свѣтъ на предметъ моихъ изысканій, и я понялъ порядокъ, котораго долженъ держаться. Наконецъ послѣ пятилѣтнихъ, самыхъ усиленныхъ трудовъ, я успѣлъ произвести нѣсколько граммовъ совершенно чистаго золота.»

Далѣе авторъ излагаетъ тотъ рядъ умозаключеній, которыми онъ руководствовался при рѣшеніи своего вопроса, тѣ химическіе законы, которые привели его къ желанной цѣли. Онъ беретъ въ основаніе законъ: свойства тѣла суть результаты частичнаго ихъ составленія;—онъ принимаетъ въ соображеніе полиморфизмъ и изомеризмъ веществъ, взаимную ихъ замѣняемость, дѣйствіе силы каталитической, вещества сложныя, играющія роль веществъ простыхъ, безчисленные и удивительныя измѣненія въ веществахъ органическихъ. Послѣ чего онъ говоритъ:

«Повторяю, при измѣненіи частичнаго составленія тѣла, оно пріобрѣтаетъ новыя свойства, сохраняя притомъ свою внутреннюю природу, даже, если хотите, свой составъ.

«Итакъ, достаточно найти тѣло, которое бы своей каталитической силою могло дѣйствовать на другое тѣло, которое хотимъ видоизмѣнить, потомъ привести послѣднее въ условіе извѣстнаго соприкосновенія съ первымъ,—и тогда видоизмѣненіе тѣла совершится.»

Такъ рассуждалъ г. Тифферо, но еще не описывалъ своихъ опытовъ.

Эти опыты были имъ произведены только надъ нѣсколькими граммами вещества, и хотя они увѣнчались успѣхомъ, но не могли еще быть примѣнены къ практической промышленности. Нужно было увеличить размѣры опытовъ, но у г. Тифферо не доставало средствъ для этихъ новыхъ изысканій, и первыя Записки этого естествоиспытателя были приглашеніемъ желающихъ къ содѣйствію матеріальными средствами его новымъ опытамъ.

Но это приглашеніе не было никѣмъ услышано. Папа Левъ Х послалъ пустой кошелекъ одному изъ просителей, ко-

торый хвастался, что умѣетъ дѣлать золото, и велѣлъ ему сказать, что такъ-какъ онъ умѣетъ дѣлать этотъ драгоценный металлъ, то ему нужно только мѣсто, гдѣ бы его прятать. Г. Тиффери не получалъ даже и пустаго кошелька, и нѣкоторые на его приглашеніе отвѣчали такъ же, какъ отвѣчалъ Энній гадателямъ, которые просили у него вознагражденія за сокровища, обѣщая ему указать мѣсто, гдѣ они были спрятаны. Энній обѣщалъ имъ это вознагражденіе, но съ тѣмъ, чтобы они взяли его изъ того клада, который надѣются найти.

Г. Тиффери написалъ вторую Записку и читалъ ее въ Академіи Наукъ 17 октября прошедшаго года. Въ ней объяснилъ онъ, что металлъ, взятый имъ для его операций, было серебро. Во многихъ случаяхъ г. Тиффери замѣчалъ, что все количество серебра, употребленное для опыта, измѣнялось въ своемъ видѣ и своихъ свойствахъ. «Металлъ, пишетъ онъ, который до опыта былъ совершенно растворимъ въ селитряной кислотѣ, сдѣлался совершенно нерастворимымъ въ этомъ реактивѣ; напротивъ, онъ сталъ растворяться въ царской водкѣ, словомъ, приобрѣлъ всѣ физическія и химическія свойства золота: все серебро превратилось въ золото.»

И онъ представилъ Академіи образецъ этого золота своего изобрѣтенія, присовокупляя, что онъ видитъ ясную возможность превращать мѣдь въ серебро, желѣзо въ мѣдь и т. д.

Изъ третьей и послѣдней его Записки видно, что и второе его приглашеніе также не имѣло успѣха. Тогда онъ рѣшился обнародовать свои операции.

Въ продолженіе своего пребыванія въ Мехикѣ, Тиффери обратилъ вниманіе на фактъ, который впоследствии служилъ основаніемъ теоріи, руководившей его при его изысканіяхъ. Этотъ фактъ состоялъ, съ одной стороны, въ чрезвычайномъ изобиліи правильныхъ кристалловъ, селитрокислаго поташа и соды на ложѣ горныхъ потоковъ; съ другой стороны, въ значительномъ количествѣ соединеній іода, брома и хлора, которыя встрѣчаются въ рудникахъ и во всѣхъ мѣсто-рожденіяхъ драгоценныхъ металловъ. Колчаданы находятся въ безпре-
станномъ соприкосновеніи съ селитроокислыми щелочами.

Кромѣ того Тиффери былъ въ одной странѣ, гдѣ рудокобы вѣрили возможности усовершенствованія и превращенія металловъ; такъ онъ часто слышалъ ихъ замѣчанія: «это золото

хорошо, оно *пошло*» или: «это золото не хорошо; оно не совсемъ перешло въ состояніе золота.»

Г. Тиффери, самъ раздѣляя съ ними эту увѣренность, создалъ теорію броженія металловъ.

Онъ полагалъ, что два класса сложныхъ тѣлъ, означенные выше, дѣйствуя другъ на друга, подѣ влияніемъ свѣта и теплоты, производятъ электрическія явленія, отчего бываетъ разложеніе металлоносной почвы и происходятъ новыя соединенія, рождающія металлы. Главная роль въ этихъ реакціяхъ, по его мнѣнію, должна принадлежать окисленному азоту. «Дѣйствіе свѣта и электричества, говоритъ онъ, благоприятствуетъ соединенію его (окисленного азота) съ неизвѣстнымъ радикаломъ: это соединеніе и производитъ металлы.

«Все заставляетъ меня предполагать, что этотъ радикалъ есть водородъ, который мы знаемъ только въ состояніи газообразномъ, и котораго другія физическія состоянія еще не были доступны нашимъ изысканіямъ. Кажется, что азотъ дѣйствуетъ въ этихъ соединеніяхъ точно такъ, какъ дѣйствуютъ дрожжи на измѣненія органическихъ веществъ подѣ влияніемъ того же дѣятеля. Вотъ, по моему мнѣнію, ключъ къ преобразованію металловъ.»

Онъ достигъ своего перваго успѣха въ Гвадалаярѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

«Подвергая чистую селитрянную кислоту, пишетъ онъ, въ продолженіе двухъ дней влиянію солнечныхъ лучей, я положилъ въ нее серебряныхъ опилокъ, смѣшанныхъ съ мѣдными, въ такой пропорціи, въ какой серебро и мѣдь соединяются въ монетахъ. Тотчасъ произошла сильная реакція, сопровождаемая обильнымъ отдѣленіемъ селитроватаго газа. Потомъ въ жидкости, оставленной въ покоѣ, произошелъ осадокъ, скопившійся въ массу.

«Отдѣленіе селитроватаго газа продолжалось непрерывно; оставивши жидкость въ покоѣ на двѣнадцать дней, я замѣтилъ, что осадокъ значительно увеличился въ своемъ объемѣ. Потомъ я прибавилъ въ растворъ немного воды и опять оставилъ жидкость въ покоѣ на пять дней. Въ-продолженіе всего этого времени не переставалъ отдѣляться газъ.

«По прошествіи пяти дней, я сталъ кипятить жидкость до-

тѣхъ-порѣ, пока прекратилось отдѣленіе селитроватаго газа; послѣ чего я подвергнулъ растворъ испаренію до-суха.

«Вещество, полученное послѣ этой операціи, было сухое, тусклое, черноватаго цвѣта; въ немъ не было никакого намека на кристаллизацію.

«Наливъ на это вещество чистой селитряной кислоты и вскипятя все вмѣстѣ, въ-продолженіе десяти часовъ, я увидѣлъ, что оно стало принимать свѣтлозеленый цвѣтъ и группироваться въ маленькія массы. Тогда я прибавилъ новое количество чистой кислоты и опять сталъ кипятить; наконецъ замѣтилъ, что осадокъ получилъ блескъ натурального золота.

«Я собралъ этотъ продуктъ, большую часть котораго употребилъ на испытанія, чтобы сравнить съ натуральнымъ золотомъ, но при всѣхъ стараніяхъ не могъ найти ни малѣйшей разницы между настоящимъ золотомъ и слѣваннымъ мною.»

Другой опытъ г Тифферо былъ въ Колимѣ, а третій опять въ Гвадалаарѣ; и всѣ эти опыты увѣнчались успѣхомъ.

Въ послѣднемъ *все количество серебра и мѣди превратилось въ чистое золото.*

НОВОЕ СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДАТЬ ОПАСНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Редакторъ журнала *Siecle* присутствовалъ недавно при весьма-любопытномъ опытѣ, о которомъ рассказываетъ своимъ читателямъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Г. Бонелли, главный директоръ телеграфическихъ линій въ Сардинскомъ королевствѣ, пригласилъ насъ на дняхъ къ Западной заставѣ. «Вы увидите чудо,» сказалъ онъ на своемъ прекрасномъ фантастическомъ языкѣ. Въ указанный часъ мы были на мѣстѣ.

Одинъ изъ поѣздовъ отправлялся въ Сентъ-Клу: мы помѣстились въ вагонъ, гдѣ находится гальванометрической аппаратъ Уитстона, единственный, который можетъ дѣйствовать съ совершенною точностію во время поѣзда, пущеннаго съ большою быстротою. Аппаратъ занимаетъ не болѣе одного пассажирскаго мѣста; онъ имѣетъ сообщеніе съ доскою, на которой расположены знаки, а посреди ихъ укрѣплена малейшая по-

движной стрѣлка. Одинъ молодой человѣкъ сѣлъ предъ доскою, держа въ рукахъ палочку, назначенную для приведенія стрѣлки въ дѣйствіе.

Свистокъ машины раздался и поѣздъ тронулся. Тотчасъ же каждый изъ насъ приготовляетъ депеши и вопросы самые эксцентричныя. Въ—продолженіе времени, кратчайшаго чѣмъ то, которое нужно для написанія депеши, она уже передана и въ то же мгновеніе приходитъ отвѣтъ. Два друга, бесѣдующіе у камина, не быстрѣе мѣняются мыслями, какъ мы мѣнялись вопросами съ Парижскою станціею. На маленькомъ протяженіи, отдѣляющемъ Парижъ отъ г. Сюрены, мы могли передать въ Парижъ болѣе 500 словъ и получить столько же въ отвѣтъ, въ то время, какъ поѣздъ уносилъ насъ съ быстротою молніи.

На слѣдующій день опытъ былъ повторенъ въ присутствіи Министра Публичныхъ работъ, Сардинскаго посланника г. Кавура и членовъ Коммисіи, наряженной «для пріисканія средствъ, предохраняющихъ опасныя приключенія на желѣзныхъ дорогахъ.» Этотъ опытъ былъ столь же удовлетворителенъ.

Два поѣзда отправились въ путь въ разстояніи одинъ отъ другаго около тысячи метровъ; они разговаривали между собою также свободно и скоро, какъ вчерашній поѣздъ съ Парижскою станціею. Но мало того, что оба поѣзда разговаривали между собою, останавливались, когда получали на то приказаніе, и дѣйствовали сообразно съ наставленіями, которыя они передавали другъ другу, они въ тоже время имѣли еще сообщеніе и съ Парижскою станціею и съ тою, куда направлялись, и со всѣми промежуточными станціями.

Вотъ истинное чудо! въ былыя времена сожигали несчастныхъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ, но можно навѣрное сказать, что они были невиннѣе груднаго ребенка въ сравненіи съ г. Бонелли, изобрѣтателемъ этого волшебства. Желаете ли имѣть объясненіе этого чуда? Вотъ оно.

Желѣзная проволока положена вдоль дороги между рельсами, на форфоровыхъ подставкахъ, которыя стоятъ на желѣзныхъ прутьяхъ, положенныхъ десятью сантиметрами выше уровня рельсовъ. Вагонъ, въ которомъ помѣщается гальванометрической аппаратъ, приводится въ соприкосновеніе съ проволокою посредствомъ конька съ пружиною, постоянно прикасающеюся къ проволоцѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поперечныя дороги и

проходы препятствуют проложенію проволоки поверхъ земли, металлическая проволока, покрытая со всѣхъ сторонъ гуттаперчею, кладется подъ землею и соединяется, съ тою, которая лежитъ снаружи. По этимъ-то проволокамъ мысль пробѣгаетъ съ быстротою молніи во всѣ точки линіи, какъ бы длинна ни была эта линія, и ко всѣмъ поѣздамъ, ко всѣмъ станціямъ и заставамъ.

Мы очень хорошо понимаемъ, что наше объясненіе не достаточно. Наука сама не въ состояніи объяснить подобныя явленія; но фактъ существуетъ и онъ неоспоримъ. Желѣзная проволока, протянутая отъ Парижа до Лондона и погруженная въ глубинахъ океана, развѣ не приводитъ въ мгновенное и непрерывное сообщеніе двухъ столицъ, которыя съ-тѣхъ-поръ живутъ одною и тою же жизнію?

Задача — предупредить, если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ самыя ужасныя приключенія на желѣзныхъ дорогахъ, какъ напримѣръ, столкновеніе двухъ поѣздовъ, — состояла въ томъ, чтобы привести эти поѣзды въ постоянное и непосредственное сношеніе со всѣми точками линіи, для доставленія имъ такимъ образомъ возможности передавать поминутно одинъ другому свѣдѣнія о приключеніяхъ, случающихся на дорогѣ, о времени остановки и о малѣйшихъ обстоятельствахъ ихъ пути.

Г. Бонелли счастливо разрѣшилъ эту задачу: новое примѣненіе къ ней электрическаго телеграфа, безъ сомнѣнія, еще усовершенствуется отъ опытовъ, но уже въ настоящемъ своемъ видѣ оно можетъ оказать человѣчеству самыя важныя услуги и предупредить самыя плачевныя приключенія. Перенесемъ мыслью къ самому недавнему случаю, къ поѣзду со скотомъ на Лионской дорогѣ: не очевидно ли, что если бы этотъ поѣздъ могъ увѣдомить въ одно время всѣ станціи, заставы и поѣзды объ остановкѣ, которую онъ испыталъ, роковое столкновеніе не послѣдовало бы.

Мы имѣемъ поводъ надѣяться, что эта попытка, которую мы видѣли на дорогѣ изъ Парижа въ Сентъ-Клу, будетъ вскорѣ введена во всеобщее употребленіе. Компаніи желѣзныхъ дорогъ поспѣшатъ примѣнить это простое средство для избѣжанія столкновеній и возбудятъ этимъ довѣріе публики, составляющее залогъ всѣхъ ихъ выгодъ.

Гдѣ остановятся чудеса электричества, этой новой силы,

которая тотчасъ послѣ открытія ея, измѣнила всѣ отношенія стараго свѣта? Каждый день, отъ примѣненія ея, приносятъ человѣчеству новыя пользы, а будущія благодѣянія ея непредвидимы и неисчислимы! Господь Богъ, открывая смертному тайники природы, въ высокой мудрости своей, не хочетъ, чтобы онъ истощилъ ихъ разомъ; но чтобы пользовался дарованнымъ благомъ постепенно, сообразно съ развитіемъ своихъ силъ.

ТЕЛЕГРАФЫ, ПЕРЕДАЮЩІЕ ИЗВѢСТІЯ ПЕЧАТНО.

Разсказавъ въ предыдущей статьѣ о телеграфахъ *подвижныхъ*, предупреждающихъ несчастія на желѣзныхъ дорогахъ, мы спѣшимъ сообщить о другомъ важномъ изобрѣтеніи, долженствующемъ измѣнить всю нынѣшнюю телеграфическую систему.

Въ Ньюіоркѣ устроивается въ настоящее время компанія, которая предприняла преобразование электрическаго телеграфа въ Соединенныхъ Штатахъ. Почти всѣ значительныя лица, въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, принадлежатъ къ этой компаніи; она располагаетъ значительными капиталами и имѣетъ патентъ электро-магнитнаго телеграфа, изобрѣтеннаго Юсомъ (Hughes), съ помощью котораго слова передаются не знаками, но прямо отпечатываются по-мѣрѣ-того, какъ буквы, одна за другой, сообщаются проводнику. Телеграфъ Юса есть значительное улучшеніе изобрѣтенія г. Морса. Благодаря этому усовершенствованію, невидимая сила, которая служитъ для передачи депеши, отпечатываетъ отъ пятидесяти до ста словъ въ минуту и ошибокъ тутъ уже не бываетъ. Это еще не все. По одной и той же нити, съ двухъ противоположныхъ концовъ ея, могутъ быть отправлены разомъ двѣ депеши, и притомъ такъ, что въ промежуточныхъ станціяхъ не знаютъ содержанія ихъ. До-сихъ-поръ этого нельзя было дѣлать. Если отправить депешу изъ Ньюіорка въ Новый-Орлеанъ, то на дорогѣ всѣ телеграфическія станціи могутъ перехватить ее. Стало-быть, депешу нельзя сохранить въ секретѣ. При телеграфѣ Юса это неудобство устраняется: депеша проходитъ всю линію и никто не можетъ перехватить ее на дорогѣ; развѣ

только отправитель самъ пожелаетъ, чтобы она была извѣстна на какой-нибудь промежуточной станціи. Вотъ въ чемъ состоитъ это важное улучшеніе. Чтобы депеша была вѣрно передана, требуется только, чтобы она была написана инструментомъ четко и безошибочно. Впрочемъ, машина сама себя повѣряетъ; едва отправлено письмо, какъ оно повторяется на мѣстѣ отправленія, такъ-что ошибку легко можно тотчасъ же исправить. Наконецъ депеши, отправленныя съ одной станціи на другую, записываются сами собою, безъ всякой человѣческой помощи. Присутствіе чиновника совершенно не нужно; депеши приходятъ въ его отсутствіе и отпечатываются ясно и правильно. Чиновникъ, возвратившись, находитъ ихъ у себя на конторкѣ и долженъ только завернуть ихъ и отправить по адресу.

О ПОСЛѢДСТВІЯХЪ ПОСПѢШНАГО ПОГРЕБЕНІЯ ЖЕРТВЫХЪ ТѢЛЪ.

Нельзя читать безъ ужаса вновь изданнаго сочиненія Брюера: «*О неопредѣлительности признаковъ смерти.*»—Онъ подробно описываетъ 180 случаевъ, въ которыхъ люди были сочтены мертвыми, а оказались живыми: изъ нихъ 53 человѣка были погребены и потомъ оказалось, что они еще въ некоторое время жили, 53 человѣка ожило въ гробахъ, 72 человѣка, которыхъ считали мертвыми, возвратились къ жизни еще до похоронъ, 4 наконецъ скончались подъ инструментами медика, изслѣдовавшаго причины предполагаемой смерти.

Валерій-Максимиліанъ и Плиній, естествоиспытатель, рассказываютъ, что консуль Авіанъ, тѣло котораго находилось на кострѣ, ожилъ отъ дѣйствія огня, но уже не могъ быть спасенъ и сгорѣлъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Весалій, придворный медикъ Карла V, при вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, имѣлъ два раза несчастье убѣдиться, что у нихъ еще билось сердце.

Въ Кельнѣ докторъ Іоганъ-Скоттъ, извѣстный приверженецъ схоластической школы, изгрызъ себѣ руки и разбилъ черепъ въ гробу.

При открытіи гроба Восточнаго Императора Зенона Исаврійскаго, оказалось, что онъ обглодалъ свою руку.

Министръ Филиппа II, Кардиналь Эспиноза, находясь въ летаргическомъ снѣ, схватилъ за руку медика, вскрывавшаго его тѣло для бальзамированія.

Терелли упоминаетъ о богатой испанской дамѣ, умершей отъ конвульсій; когда ее вскрывали, она ужасно застонала и тотчасъ умерла.

Амвросій Порей рассказываетъ, что Галіенъ видѣлъ живаго человѣка, котораго въ теченіе шести дней всѣ считали мертвымъ. Всѣ приводятъ въ примѣръ Франциска Сивиллу, придворнаго Карла IX, въ послужномъ спискѣ котораго значилось, что онъ три раза считался мертвымъ, три раза былъ похороненъ и три раза, милостью Божіею, былъ спасенъ отъ смерти.

Извѣстный профессоръ анатоміи въ парижѣ Винсловъ, самъ былъ два раза погребенъ, что побудило его написать знаменитую по этому предмету диссертацию.—Онъ рассказываетъ о дамѣ изъ Орлеана, погребенной съ богатымъ перстнемъ на рукѣ. Она проснулась въ то время, когда лакей ея, желая похитить перстень и не будучи въ состояніи снять его, отрѣзалъ ей палець. Послѣ этаго приключенія, она прожила еще шесть лѣтъ.

Филиппъ Пе, парижскій акушеръ, дѣлая операцію женщицѣ, умершей въ родахъ, замѣтилъ, что она ожила отъ боли, произведенной дѣйствіемъ инструментовъ, но вскорѣ умерла отъ полученныхъ ею ранъ.

Рягодо, акушеръ въ Дуэ, говорилъ, что извѣстная дама умерла во время трудныхъ родовъ. Онъ досталъ ребенка, мертваго, но который, при тщательныхъ заботахъ, возвратился къ жизни.—На другой день, къ величайшему своему удивленію, онъ узнаетъ, что и мать проснулась отъ летаргическаго сна.

Въ газетѣ «Le Siecle» отъ 25 Декабря 1842 г. и въ «la Presse» отъ 1-го Января 1843 г. упоминается о подобныхъ случаяхъ.

Дѣвица Боскъ, дочь доктора, была погребена по истеченіи 24 часовъ. На другой день, копя новую могилу, работники услышали стонъ, послали за отцомъ дѣвицы, и она была возвращена къ жизни и вскорѣ послѣ того вышла замужъ.

Ленорманъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи рассказываетъ, что князь Ломбарда, скончавшійся послѣ долговременной болѣзни, былъ положенъ въ незакрытый гробъ, который поставили рядомъ съ множествомъ подобныхъ гробовъ; какъ скляны

были извѣстковые и необыкновенно сухи, то тѣла высыхали, не разлагаясь.—Черезъ мѣсяць послѣ того, сынъ князя прибылъ туда, чтобы посмотреть на бранные остатки отца и помолиться у его гроба.—При открытіи дверей чувствуютъ сопротивление: это было тѣло князя, который съ искаженнымъ отъ отчаянія лицомъ, съ израненнымъ тѣломъ скитался у дверей, которыхъ никто ему не открылъ.

Въ Германіи, въ среднихъ вѣкахъ, существовало народное преданіе о томъ, что многіе покойники, въ особенности умершія женщины, скрежешутъ зубами, грызутъ бѣлье и все, что имъ попадется, иногда даже собственное тѣло и что это предвѣщаетъ смерть одного изъ самыхъ близкихъ родныхъ.—Въ то время многіе писатели, не стараясь объяснить этотъ фактъ, доказывали только, что это не причиняло смерти роднымъ и что если она случалась такъ совершенно независимо отъ того, оставались ли покойники безъ движенія или двигались и грызли тѣло и другіе предметы. (*De maticatium mortuorum* 1728).—Для избѣжанія этого совѣтовали подкладывать подъ подбородокъ мертвецовъ глину, или затягивать шею платкомъ, что, какъ замѣтилъ одинъ писатель, самое лучшее средство, потому что человѣкъ, находящійся даже въ летаргическомъ снѣ, уже не возвратится къ жизни.—Тотъ же писатель замѣчаетъ, что во Франціи число грызущихъ свое тѣло, гораздо болѣе, нежели въ Германіи, потому что французы обращаютъ меньше вниманія на тѣ, дѣйствительно ли умеръ человѣкъ, или находится только въ летаргическомъ снѣ; если же это чаще случается съ женщинами, говоритъ онъ, такъ потому, что ихъ нервная система гораздо чувствительнѣе и скорѣе можетъ подвергнуть ихъ мнимой смерти.

Г. Ле Геренъ, въ прошеніи, представленномъ правительству о томъ, чтобы было обращено тщательное вниманіе на людей умершихъ, доказалъ, что въ 1844 году, онъ самъ зналъ четыре особы, которыхъ считали мертвыми и которыя оживли до похоронъ, и что въ 1845 онъ былъ очевидцемъ шести подобныхъ случаевъ. Онъ прибавляетъ, что въ 1833 было приготовлено 46 погребеній, которымъ особенныя случайности помѣшали свершиться, и мертвецы оказались живыми. Изъ нихъ 20 человѣкъ проснулись въ то время, какъ собирались опускать ихъ въ могилу, девять вслѣдствіе особенной забот-

ливости родныхъ, четверо вслѣдствіе паденія гробовъ съ дрогъ, троихъ сильно укололи, пристегивая платье и они отъ этого возвратились къ жизни, а семь челоѣкъ спаслись отъ неожиданной отсрочки ихъ похоронъ.—Между тѣмъ, смерть всѣхъ этихъ лицъ была официально объявлена!

Писатели, изучавшіе признаки дѣйствительной смерти, соглашаются между собою въ томъ, что гробовой цвѣтъ лица, охлажденіе и безжизненность кожи, гибкость пальцевъ, нечувствительность тѣла при жженіи и прорѣзываніи, впаленіе глазъ, отсутствіе дыханія и всякаго испаренія изо рта, и т. д., недостаточны для удостовѣренія о смерти, потому что, съ одной стороны, не всегда всѣ эти признаки смерти находятся въ мертвомъ, съ другой же замѣчено, что и при нихъ многіе были возвращаемы къ жизни.

Четыре слѣдующіе знака были признаны неоспоримыми доказательствами дѣйствительной смерти; а именно: совершенное прекращеніе біенія сердца, негибкость членовъ, разложеніе или гниеніе тѣла; неподвижность мускуловъ при дѣйствіи на нихъ гальванизма.

Опыты, дѣлаемые учеными, не оставили никака сомнѣнія въ превосходствѣ, въ этомъ случаѣ, гальванизма. Членъ Мелицянской Академіи, Маркъ, и извѣстный Нистенъ говорятъ, что испытаніе посредствомъ гальванизма есть самое вѣрное, и всякое мертвое тѣло не иначе должно быть погребено, какъ послѣ того, когда Вольтовъ столбъ перестанетъ имѣть на него вліяніе.

По истеченіи 24 часовъ послѣ дѣйствительной смерти, столбъ уже не производитъ дѣйствія, а потому испытаніе, произведенное въ это время, удостовѣрило бы ясно, что смерть дѣйствительна. (*Dictionnaire de médecine* page 270).

Гальванизмъ и магнитизмъ, какъ средства, сильно дѣйствующія на нервную систему, имѣютъ еще то преимущество, что, кромѣ возвращенія къ жизни лицъ, находящихся въ летаргическомъ спѣ, они оживляютъ въ нихъ послѣднюю искру жизни. Прямѣняя ихъ къ лицамъ, скоропостижно умершимъ, къ утопшимъ, къ угорѣвшимъ и т. п. возбуждается остатокъ жизни, который бы совершенно угасъ, или, что ужаснѣе, оказалъ бы тогда, когда тѣло уже находится въ могилѣ.

Испытаніе посредствомъ гальванизма можетъ съ успѣхомъ

замѣнить устроенные нѣкоторыми правительствами на кладбищахъ дома, служащiе для удостовѣренiя о дѣйствительной смерти умирающихъ. — Въ домахъ этихъ кладутъ тѣло на мягкую постель, накрываютъ одѣяломъ и оставляютъ, пока не окажутся очевидные признаки гнѣенiя. Пальцы мертвого продавливаются въ кольца, имѣющiя сообщенiе съ колокольчикомъ, который при малѣйшемъ движенiи призываетъ сторожа. — Первое заведенiе этого рода было устроено въ Веймарѣ, знаменитымъ медикомъ короля Прусскаго, Гуфеландомъ, съ надписью: *Vitae asylum dubiae*. Теперь во многихъ городахъ другихъ государствъ устроены подобные дома.

Мы видимъ изъ сочиненiя Ленормана, что въ теченiе двухъ лѣтъ съ половиною, въ этихъ домахъ, десять человекъ, которыхъ считали мертвыми, были возвращены къ жизни. — Электричество, какъ мы сказали выше, имѣетъ то преимущество, что не только не оставляетъ никакого сомнѣнiя о дѣйствительности смерти, но можетъ возвратитъ къ жизни, если хотя малѣйшая искра ея осталась въ человекѣ. Одной минуты достаточно для произведенiя опыта посредствомъ Вольтова столба или посредствомъ электро-магнитнаго аппарата. — Еще новое открытiе ко благу и уничтоженiю страданiй человечества!

IV. ПУТЕШЕСТВIЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

ИНДИЙСКIЕ ПРИДВОРНЫЕ ПРАВЫ.

Жизнеописатель Удскаго короля Нуссеръ-у-Дина отправился въ Лукновъ, столицу государства, отчасти по дѣламъ своимъ, отчасти потому, что слышалъ о гостепрiимствѣ короля въ отношенiи европейцевъ. Посредствомъ одного изъ его знакомыхъ, ему удалось представиться Его Величеству; король тотчасъ полюбилъ прiѣзжаго и предложилъ ему мѣсто при дворѣ; но какъ никто изъ европейцевъ не могъ поступить на службу къ королю безъ согласiя управляющаго, назначаемаго англiйскою индiйскою компанiею, то онъ обратился къ этому сановнику, который согласился исполнить желанiе его величества съ условiемъ: «что вновь опредѣляющiйся ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ вмѣшиваться въ политику Удскаго цар-

ства, въ интриги министерствъ, которые безпрерывно оспаривали другъ у друга власть, и въ ссоры богачей, вѣчно между собою воюющихъ.»

Въ штатѣ короля находились уже пять европейцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ учитель и преподавалъ королю англійскій языкъ. Король послѣ пяти минутъ чтенія, бросалъ книгу, говоря «довольно, выпьемъ стаканъ вина!» и урокъ былъ конченъ.— Впрочемъ онъ очень уважалъ своего учителя, равно какъ и библіотекаря, живописца, начальника гвардіи и своего цирюльника. Біографія послѣдняго весьма интересна.

Онъ пріѣхалъ въ Калькуту матросомъ. Какъ въ юные свои годы онъ учился въ Лондонѣ парикмахерскому искусству, то, сейчасъ же послѣ пріѣзда, дезертировалъ съ корабля, занялся прежнимъ своимъ ремесломъ, и въ скоромъ времени пріобрѣлъ извѣстность. Однажды, набравъ разныхъ европейскихъ товаровъ, поплылъ онъ вверхъ по Гангу.— Въ Лукновѣ онъ встрѣтилъ одного изъ управителей, который непремѣнно хотѣлъ, чтобъ жесткіе плоскіе волосы его вились какъ волоса генераль-губернатора, потому-что генераль-губернаторы служатъ въ Индіи образцами моды. Нашъ цирюльникъ тотчасъ принялся за дѣло и при содѣйствіи бритвы, ножницъ и щипцовъ, произвелъ чудеса. Сановникъ былъ такъ доволенъ, что представилъ его королю.— *Барбіере*, увѣренный въ своемъ искусствѣ, смѣло приступилъ къ королевской головѣ и такъ ее отдѣлалъ, что хозяинъ ея не могъ себя узнать. Съ того времени почести и богатства посыпались на виновника этого преобразования. Ему дали дворянское достоинство и открыли всѣ средства къ обогащенію. Вино было также въ его непосредственномъ завѣдываніи; его величество не пилъ другаго вина, какъ то, которое было откупорено цирюльникомъ. Всякая бутылка была имъ запечатана при разливкѣ и когда приносили вино, онъ сначала осматривалъ печать, потомъ выпивалъ стаканъ и тогда только наливалъ королю.

Особенная милость, которою пользовался счастливый цирюльникъ у короля удекаго, сдѣлалась вскорѣ извѣстна во всей Индіи, и газеты напали на него; но онъ, собирая рупіи, мало обращалъ на это вниманія. Нашъ путешественникъ желалъ съ нимъ познакомиться и это исполнилось при первомъ приглашеніи его къ королевскому столу. Его величество вошелъ въ столовую, опираясь на цирюльника. Король былъ одѣтъ по англій-

ской модѣ, весь въ черномъ. У него очень пріятное обращеніе и истинно-королевское выраженіе лица. Но лицо цирюльвика ясно показывало его низкое происхожденіе. Обѣдъ былъ совершенно на европейскій ладъ, съ тою только разницею, что украшался танцовщицами, чего у насъ недостаетъ. Блюда были утонченныя. Кухнею управлялъ французъ, бывшій содержатель бенгальскаго клуба въ Калькутѣ. Послѣ обѣда было представленіе маріонетокъ. Король забавлялся, разрѣзывая ножницами нитки, которыя заставляли куколъ двигаться, и былъ очень доволенъ своею выдумкою. Послѣ этого пріятнаго препровожденія времени онъ сталъ пить до-тѣхъ-поръ, пока не очутился подъ столомъ; тогда два сильныхъ евнуха отнесли его въ гаремъ.

Когда его величество былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ любилъ невинныя игры. Вотъ что рассказываетъ по этому поводу авторъ. «Разъ мы находились въ большомъ саду, окруженномъ стѣною, возлѣ парка - Шонъ - Чужъ, въ которомъ содержались дикіе звѣри. Начался разговоръ объ играхъ, употребляемыхъ въ Англіи, и кто-то вспомнилъ о чахардѣ. Король тотчасъ пожелалъ узнать эту игру. Чтобъ любопытные намъ не мѣшали, мы заперли ворота и начали. Начальникъ гвардіи подставилъ спину учителю, этотъ бібліотекарю, послѣдній живописцу, и всѣ стали прыгать одинъ черезъ другаго. Король недолго оставался зрителемъ: онъ былъ худощавъ и несиленъ; какъ я находился возлѣ него, то онъ велѣлъ мнѣ стать и, перепрыгнувъ, подставилъ свою спину. Я разбѣжался, подпрыгнулъ, но какъ только положилъ руки на спину, король пошатнулся, и мы оба покатались на траву. «Чортъ возьми, вы тяжелы, какъ слонъ!» воскликнулъ онъ. Я боялся, чтобъ король въ-самомъ-дѣлѣ не разсердился, но дѣло тѣмъ и кончилось. Когда мы обѣгали весь садъ, онъ велѣлъ подать бургундскаго со льдомъ, и игра кончилась. Въ другой разъ онъ бросилъ въ меня огромнымъ бѣлымъ цвѣткомъ, которыхъ весьма много въ Индіи. Я поймалъ его на лету и бросилъ въ короля; тотчасъ всѣ присутствующіе вооружились подобными цвѣтами, и они стали летать, сопровождаемые крикомъ и смѣхомъ. Мы были покрыты цвѣтами, которые прицѣпились къ волосамъ и къ платьямъ. Королю это очень понравилось и онъ остался чрезвычайно доволенъ».

При такомъ королѣ и народѣ, временщиковъ было множество. Цирюльникъ умѣлъ набивать себѣ карманъ. Счетъ, представляемый имъ ежемѣсячно министру финансовъ, былъ совершенство въ отношеніи ариметики и дерзости; счета эти бывали въ аршинъ длинны; итогъ доходилъ иногда до девяти тысячъ фунт. стерлинговъ, и не смотря на то, деньги всѣ сполна уплачивались. Однажды, когда придворные обратили на это вниманіе короля, желая доказать ему, что цирюльникъ воруетъ безошадно, онъ, разсердившись, отвѣчалъ: «какое вамъ дѣло, я хочу обогатить его! я знаю, что его счета ужасны, но это только до меня касается.» Къ несчастію для любимцевъ короля, онъ очень скоро переходилъ отъ дружбы къ равнодушію и ненависти. Въ прамѣрь этому сочинитель приводитъ танцовщицу изъ Кашемира. Однажды она пѣла во время обѣда; король, восхищенный ея голосомъ, далъ ей тысячу рупій и велѣлъ принять въ гаремъ. На другой день она опять пѣла и танцевала, и король далъ ей двѣ тысячи рупій; вскорѣ она сдѣлалась всемогущею и весь дворъ былъ у ногъ ея. Въ честь ея непрерывно давались празднества и пиршества. Спустя нѣсколько недѣль, она уже надоѣла королю; однажды онъ вздумалъ велѣть ей нарядиться въ европейское женское платье, находившееся у цирюльника; бѣдная дѣвушка должна была послушаться, но въ этомъ костюмѣ, сшитомъ не по ней, она была уморительна. Вся ея грація и красота исчезли. Король и цирюльникъ хохотали, въ то время, когда горячія слезы катились по лицу несчастной. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль она должна была являться въ этомъ смѣшномъ костюмѣ; наконецъ она бѣжала и никто не могъ узнать, куда она дѣвалась.

Впрочемъ, иногда король долго помнилъ своихъ друзей. Примѣромъ этому служить одинъ изъ управляющихъ, г. мистеръ Смитъ, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Жена управляющаго славилась красотою и злые языки твердили, что король былъ еще болѣе друженъ съ г-жею Смитъ, нежели съ ея мужемъ. Говорятъ, что Смитъ увезъ съ собою въ Англію семь-сотъ пятьдесятъ-тысячъ фунт. стерлинговъ. Послѣ его отъѣзда король часто вспоминалъ объ немъ, а выпивши шампанскаго, и о его женѣ, которой послалъ въ подарокъ свои часы, украшенные алмазами и стоящія пятнадцать тысячъ франковъ.

Знаменитѣйшая изъ живыхъ рѣдкостей королевскаго дворца,

былъ баталіонъ женщинъ-солдатъ, которыя стояли обыкновенно на часахъ у разныхъ дверей гарема. Длинные волосы свои связывали онѣ на маковкѣ и закрывали каскою или киверомъ; онѣ носили обыкновенное платье азіятскихъ солдатъ, ружье со штыкомъ, сумку и лядунку. Смотрѣ имъ дѣлался во дворцѣ; онѣ знали всѣ приемы и вообще военное искусство не хуже нашихъ солдатъ. Между ними были фельдфебельши и унтерофицерши, но еще ни одна не получила офицерской должности. Многія изъ нихъ замужемъ и нерѣдко должны на мѣсяць или на два оставлять службу. Во время беременности онѣ становятся крайне неловки, и это бываетъ причиною веселости короля; его шутки и насмѣшки кончаются обыкновенно подаркомъ преступницѣ, преступницѣ потому, что въ казармахъ приклеено объявленіе, по которому всякой служащей женщинѣ воспрещается добровольное изуродованіе, какъ выражается король.

Мало-по-малу вліяніе цирюльника стало такъ сильно, что онъ сдѣлался самовластенъ. Много было причинъ, возвысившихъ его до такой степени. Онъ съ удивительною ловкостью льстилъ самымъ грубымъ и низкимъ наклонностямъ короля. Каждая бутылка вина, выпиваемая во дворцѣ, приносила ему доходъ, а потому онъ поддерживалъ въ королѣ наклонность къ пьянству. Всякій невольникъ, всякая танцовщица, желавшіе обратить на себя вниманіе его величества, должны были прежде богатыми подарками снискать милость цирюльника. Притомъ онъ всегда побуждалъ короля къ жестокости, тиранству и къ ссорамъ съ родными. Это дошло до того, что однажды, когда одинъ изъ его дядей обѣдалъ у короля, его сильно напоили. Когда онъ крѣпко уснулъ, цирюльникъ привязалъ веревочкою усы его къ креслу, потомъ бросилъ подъ ноги хлопущки. Испуганный гость вскочилъ съ мѣста и при этомъ оторвалъ себѣ часть усовъ съ кожею. Король ужасно смѣялся, а дядя ушелъ, покрытый кровью.

Такія шутки усилили ненависть къ нему всѣхъ родныхъ, и жители, подъ предводительствомъ ихъ, возстали; королевскія войска были разбиты, и едва — едва все кое-какъ уладилось. При этомъ воспользовались отсутствіемъ цирюльника, посланнаго въ Калькуту по дипломатическимъ дѣламъ, чтобъ уговорить короля отказаться отъ его услугъ и его общества; но

увы! когда бородобрей возвратился, король забылъ о своемъ общаніи и всѣ хорошія его намѣренія исчезли. Тогда послѣдовало новое возмущеніе; король былъ отравленъ своими родными, и цирюльникъ, принужденный оставить Лукновъ, увезъ съ собою двѣсти-восемьдесятъ-тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Возвратившись въ Англію, онъ хотѣлъ, какъ лягушка въ баснѣ, сравниться съ истинными вельможами, и предпринялъ важные денежные обороты. Но счастье ему измѣнило. Онъ лишился всего, что собралъ при дворѣ Удскомъ, и за долги былъ посаженъ въ тюрьму. Нынѣ онъ состоитъ кондукторомъ при одномъ изъ омнибусовъ; сидя на высокихъ козлахъ экипажа, онъ вѣроятно часто мечтаетъ о суетѣ мірской.

V. АНЕКДОТЫ, СЛУЧАИ, НОВОСТИ.

СЛѢДСТВІЯ ПЬЯНСТВА.

Немногіе пороки влекутъ за собою столько несчастныхъ случаевъ, какъ пьянство.—Г. Эверстъ, бывшій посланникъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ при Великобританскомъ дворѣ, извѣстный своими статистическими трудами, удостовѣрился, что въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1840 по 1850 годъ, употребленіе горячихъ напитковъ извело народу отъ двухъ до трехъ миліардовъ, оно отправило 100,000 лѣтей въ дома для призрѣнія бѣдныхъ, 150,000 человекъ въ исправительныя дома, было причиною 1,500 убійствъ; отъ пьянства 1000 человекъ сошли съ ума и столько же лишили себя жизни, оно произвело 200,000 вдовъ и 100,000 сиротъ.

Изъ изслѣдованія, произведеннаго англійскимъ правительствомъ въ 1855 году, оказалось, что вслѣдствіе пьянства умираетъ ежегодно 50,000 человекъ.—Половина умалишенныхъ, двѣ трети нищихъ и три четверти преступниковъ принадлежатъ къ числу людей, предавшихся пьянству. Вслѣдствіе этого общества *умѣренности* получили отъ правительства новыя права и сильную поддержку, ибо оно сознало, что пьянство есть главная причина нравственнаго и физическаго растлѣнія народа.

ВЗАИМНАЯ РЕКОМЕНДАЦІЯ.

Франкфуртскій еврей, одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ банкировъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну.

Въ томъ же вагонѣ сидѣлъ другой путешественникъ, котораго пріятная бесѣда такъ понравилась банкиру, что онъ предложилъ дать ему рекомендательное письмо къ своей дочери.

— Она замужемъ въ Вѣнѣ, сказалъ еврей, имѣеть много знакомыхъ и можетъ быть вамъ полезна. Я же долженъ остановиться по дѣламъ, не доѣзжая до Вѣны.

Путешественникъ, искренно благодаря за рекомендацію, прибавилъ, что и у него есть замужняя дочь въ Вѣнѣ, и что она даже сдѣлала не совсѣмъ дурную партію—и при случаѣ можетъ также быть полезна для банкира.

— Могу ли спросить, за кѣмъ ваша дочь?—сказалъ банкиръ.

— За Австрійскимъ Императоромъ, отвѣчалъ спутникъ, который былъ не кто иной, какъ Максимилианъ Баварскій.

ПРАВОСУДИЕ ВЪ АНГЛІИ.

Дѣвица Жюли, первая танцовщица въ Плимутѣ, приблизилась неосторожно къ лампѣ и газовое ея платье тотчасъ загорѣлось; вслѣдствіе этого она вскорѣ умерла.—Г. Морисъ, у котораго она квартировала, не дозволилъ хоронить ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ одинадцати фунтовъ стерлинговъ въ вознагражденіе за мебель и обои, находившіяся въ квартирѣ дѣвицы Жюли и пришедшіе въ ветхость, будтобы вслѣдствіе ея нерадѣнія.—Нюкомбъ, директоръ театра, предлагалъ отдать третьему лицу въ руки 12 ф. ст. въ обезпеченіе претензій, если онъ окажутся справедливыми, но Морисъ не соглашался и требовалъ непосредственнаго удовлетворенія. Это продолжалось довольно долго и наконецъ полиція принудила Мориса выдать тѣло, потому только, что оно было совершенно испорчено и могло породить язву. Еслибы это случилось зимою, то тѣло осталось бы безпредѣльное время не похороненнымъ, ибо законъ въ Англіи дозволяетъ всякому домовла-

дѣльцу удержать у себя тѣло покойнаго, до уплаты всѣхъ долговъ и до удовлетворенія за всѣ претензіи.

БЛАГОДѢТЕЛЬНАЯ ШЛЯПА.

Прошедшей осенью молодой графъ де-Росси нанялъ въ Ливорно лодку съ двумя гребцами, чтобы прогуляться по открытому морю. — Едва они отѣхали отъ берега, какъ поднялась буря и не позволила имъ возвратиться въ гавань. Вѣтеръ отбросилъ ихъ къ Корсикѣ. — Вырожденіе трехъ сутокъ они были постоянно между жизнью и смертью; гребцы не могли болѣе выдержать и умерли отъ изнеможенія и голода. Молодой человѣкъ остался безъ руля и парусовъ, одинъ посреди бушующаго моря, стараясь только выливать воду, которою волны ежеминутно наполняли лодку; онъ дѣлалъ это своею шляпою съ широкими полями. — На четвертый день вѣтеръ перемѣнился и быстро погналъ лодку къ берегамъ Италіи. — Графъ де-Росси увидѣлъ берегъ, но лодка остановилась въ неприступномъ мѣстѣ, называемомъ Каломбронъ; молодой человѣкъ собралъ послѣднія силы, бросился въ воду и доплылъ до берега, гдѣ и упалъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Таможенная стража перенесла его, уже почти мертваго, въ свое жилище, одѣла въ сухое платье, предложила теплую пищу и послала за каретою, въ которой молодой графъ возвратился въ Ливорно, гдѣ онъ вскорѣ оправился отъ неудачной прогулки. Во дворцѣ своемъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, повѣсилъ онъ, въ богато—отдѣланномъ хрустальномъ ящикѣ; спасшую его шляпу; безъ нея, или еслибы она была не такъ крѣпка, онъ не могъ бы очистить лодки отъ воды и неминуемо потонулъ бы вмѣстѣ съ нею.

ОБЫЧАИ АМЕРИКАНСКИХЪ ДАМЪ.

Газета «Le courrier des Etats-Unis» рассказываетъ слѣдующій анекдотъ, который даетъ понятіе о нравахъ жительницъ Нью-Йорка.

Въ прошлую Субботу, три дамы, а именно, мать съ двумя дѣ-

черьми, отправились безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній на квартиру молодого человѣка, живущаго въ аристократической улицѣ Лафаэтъ.—Удивленный молодой человѣкъ, въ восторгѣ, видитъ уже исполненіе самыхъ сладкихъ своихъ надеждъ; но когда вышелъ слуга и они остались одни, всѣ дамы вынули вдругъ изъ-подъ мантилій хлысты и осыпали хозяйина ударами, по лицу и спишѣ, такъ-что молодой человѣкъ, не смѣя защищаться, издавалъ только самые жалостные стоны и вопли, а какъ дамы успѣли запереть дверь, то безрешеточно продолжали истязаніе.—Удовлетворивши вполне своему мщенію, онѣ вышли совершенно спокойныя и довольныя.

Поводомъ къ этому визиту послужило то, что молодой джентльменъ, не смотря на ласковый пріемъ дамъ, и даже да то, что онъ искалъ руки одной изъ дочерей, позволилъ себѣ подшучивать надъ ними въ обществѣ молодыхъ собесѣдниковъ, во время дружескаго обѣда.—Онѣ нашли себя вправѣ получить удовлетвореніе и сочли этотъ способъ самымъ лучшимъ и менѣе скандальнымъ, нежели всякій другой.

VI. МЕЛКІЯ НОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ЗАВИСТНИКЪ.

Разсказъ Чарльса Диккенса.

(Тюремная записка времени Карла II).

Я служилъ лейтенантомъ въ королевской арміи и дѣлалъ кампаніи въ 1677 и 1678 годахъ. По заключеніи мира, я возвратился домой и, выйдя въ отставку, поселился въ небольшомъ имѣніи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона, купленномъ мною на имя жены.

Мнѣ остается жить одну только ночь и я выскажу все, что у меня на душѣ, безъ всякаго притворства. Я никогда не былъ храбръ и съ самаго дѣтства у меня былъ характеръ мрачный, скрытный, недовѣрчивый. Я говорю о себѣ, какъ будто не принадлежу болѣе этому міру, потому-что въ то время, какъ я пишу эти строки, уже роютъ мою мошлу и мое имя занесено въ книгу смерти.

Вскорѣ по моемъ возвращеніи въ Англію, мой единственный братъ смертельно заболѣлъ. Это обстоятельство мало меня огорчило, потому-что съ-тѣхъ-поръ, какъ мы достигли зрѣлаго возраста, мы рѣдко бывали вмѣстѣ. Онъ былъ откровеннѣе, великодушнѣе, красивѣе и любезнѣе меня и вообще былъ всеми любимъ. Друзья его, искавшіе моего знакомства, привязывались ко мнѣ не надолго и обыкновенно говорили, послѣ перваго нашего свиданія, что они удивляются, какъ два брата могутъ быть такъ не сходны, и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи. Обыкновенно я самъ доводилъ ихъ до этого признанія, потому-что я зналъ—какое сравненіе они должны сдѣлать, и, чувствуя въ глубинѣ сердца жестокую зависть, старался оправдать ее чѣмъ-нибудь предъ самимъ собою.

Мы оба съ братомъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Это обстоятельство могло бы укрѣпить связь между нами; напротивъ того, оно разрознило насъ еще болѣе. Его жена хорошо меня понимала. Я не могъ скрыть отъ нея чувства ненависти и ревности. Эта женщина знала также хорошо, какъ и я самъ, все, что происходило въ моей душѣ. Я не могъ поднять глазъ, не встрѣтившись съ ея глазами, обращенными на меня; я не могъ потупить ихъ, или взглянуть въ сторону, не чувствуя, что она наблюдаетъ за мною. Я всегда невыразимо радовался, если мы за что-нибудь ссорились и еще болѣе обрадовался, когда узналъ, за границую, что она умерла. Мнѣ теперь кажется, что какое-то странное и ужасное предчувствіе того, что должно было произойти послѣ, вооружало насъ заранѣе другъ противъ друга. Я боялся ея и она меня преслѣдовала, не выпускала изъ виду; ея взглядъ, постоянно строгій, еще и въ эту минуту, какъ память о страшномъ снѣ, леденить кровь въ моихъ жилахъ.

Она умерла скорѣ послѣ того, какъ дала жизнь ребенку. Когда мой братъ узналъ, что ему не было надежды на выздоровленіе, онъ позвалъ къ своей постелѣ мою жену и поручилъ ей своего сына, которому было четыре года. Онъ оставилъ ему по завѣщанію все свое состояніе, но присовокупилъ, что если ребенокъ умретъ, то все его имѣніе должно перейти къ моей женѣ въ награду за ея попеченія и любовь къ его ребенку. Со мною онъ простился нѣсколькими

братскими словами, жалѣлъ о нашей долгой разлукѣ, потомъ, утомленный, погрузился въ сонъ, отъ котораго болѣе не просыпался.

У насъ не было дѣтей. Между двумя сестрами всегда поддерживалась самая нѣжная дружба и моя жена сдѣлалась почти второю матерью сыну моего брата; она любила его, какъ собственное дитя; ребенокъ также нѣжно любилъ ее; онъ былъ совершенный портретъ своей матери, и лицомъ, и душою, и всегда чуждался меня. Я не могу сказать, когда въ первый разъ чувство ненависти закралось въ мою душу при видѣ этого ребенка, но оно закралось; и никогда не могъ я освободиться отъ мысли, что ребенокъ смотритъ на меня постоянно, не только съ дѣтскимъ любопытствомъ, но съ тою же наблюдательностью, какую я замѣчалъ въ его матери; это не былъ капризъ моего воображенія, вслѣдствіе сходства выраженія и чертъ лица; я никогда не могъ заставить этого ребенка опустить глаза. Онъ боялся меня, и, казалось, по какому-то инстинкту, не смотря на свой страхъ, презиралъ меня. Даже когда онъ выходилъ изъ комнаты, въ которой мы были одни, мнѣ чудилось, что его блестящіе глаза были словно пригвождены ко мнѣ. Можетъ-быть, я обманываю самъ себя, но мнѣ кажется, что съ той минуты, какъ началось это взаимное нерасположеніе и недовѣрчивость, я задумалъ роковое намѣреніе; я мысленно разсуждалъ, какъ прибыльна была бы намъ его смерть; можетъ-быть—я даже желалъ, чтобъ онъ умеръ, но не замышлялъ его смерти. Мысль о ней овладѣла мною не вдругъ, но постепенно, мало-по-малу, она представлялась мнѣ сначала какъ отдаленное и неясное видѣніе; я думалъ объ этомъ, какъ думаютъ о невозможности внезапнаго землетрясенія или о кончинѣ міра; потомъ эта мысль съ каждымъ днемъ становилась все яснѣе, казалась не столь ужасною и даже возможною... Наконецъ она стала ежедневною—что я говорю? моей единственной и безотвязною мыслию, такъ-что совершенно рѣшившись, я останавливался только за тѣмъ, чтобы найти средство поразить его, не подвергая себя ни какой отвѣтственности.

Въ то время, какъ это происходило во мнѣ, я не могъ вынести, чтобъ ребенокъ видѣлъ, что я смотрю на него. А между-тѣмъ я находился будто подъ властью какого-то оча-

рованія, которое заставляло меня безпрестанно смотрѣть на это слабое созданіе и говорить себѣ, какъ легко исполнить то, что я задумалъ. Иногда я заходилъ въ его комнату и хотѣлъ задуть его соннаго, но чаще расхаживалъ по саду передъ окномъ комнаты, въ которой онъ учился, и въ то время, какъ онъ сидѣлъ на табуретѣ подлѣ моей жены, я смотрѣлъ на него по цѣлымъ часамъ, спрятавшись за дерево, отбѣгалъ, трепеща, какъ преступникъ, при малѣйшемъ движеніи древесныхъ листьевъ, и постоянно опять приходилъ къ дереву, чтобъ снова стоять и трепетать.

Недалеко отъ нашего дома былъ большой прудъ. Изъ оконъ однакожъ нельзя было его видѣть. Я посвятилъ нѣсколько дней на то, чтобы перочиннымъ ножомъ едѣлать изъ куска дерева корабликъ. Когда игрушка была готова, я поставилъ ее на дорожкѣ, по которой ребенокъ обыкновенно бѣгалъ, а самъ спрятался, чтобъ видѣть, какъ онъ пойдетъ мимо и найдя корабликъ, побѣжитъ спускать его на воду. Онъ не ходилъ къ пруду ни въ тотъ день, ни на другой, хотя я ждалъ его съ утра до вечера; но я былъ увѣренъ, что поймаю его въ мои сѣти, потому что слышалъ, какъ онъ болталъ объ этой игрушкѣ; онъ былъ отъ нея въ такомъ восторгѣ, что, ложась спать, положилъ ее подлѣ себя. Я не переставалъ напраулить и наконецъ, на третій день, мальчикъ пробѣжалъ мимо меня, веселый, съ распущенными бѣлокурными локонами.. онъ пѣлъ старинный кантъ: Господи, взмилуйся надо мною!.. онъ пѣлъ, едва выговаривая его слова.

Я подошелъ за нимъ, между кустарниками, которые растутъ въ этомъ мѣстѣ; одни демоны могли бы сказать, съ какимъ страхомъ я, человекъ взрослый, сильный, слѣдовалъ за этимъ ребенкомъ, когда онъ приблизился къ водѣ. Наконецъ, я его достигъ, былъ подлѣ него, и сталъ на колѣна, чтобъ удобнѣе столкнуть его съ берега... Онъ увидалъ мою тѣнь въ водѣ и обернулся.

Призракъ его матери смотрѣлъ его глазами. Солнце прорѣзало лучами скрывавшее его облако и засіяло на небѣ, на землѣ, на поверхности воды и на трепещущихъ капляхъ лобдя, орошавшихъ листья. Былъ взоръ, смотрѣвшій на меня, во всѣхъ окружавшихъ меня предметахъ, цѣлый міръ свѣта, чтобъ озарить убійство. Я не знаю, что говорилъ мнѣ ребенокъ; но онъ былъ благородной крови, и хотя былъ малъ, но не унижался,

не просилъ меня подло, не льстилъ мнѣ, онъ закричалъ: «я постараюсь полюбить васъ!» но не сказалъ мнѣ:» я васъ люблю...» Наконецъ онъ бросился бѣжать къ дому.... Тутъ я не помню, что со мною было, но когда я очнулся, въ рукѣ у меня дрожала обнаженная шпага, а предо мною лежалъ мертвый ребенокъ. Онъ былъ покрытъ ранами и кровью, но лежалъ, какъ будто спящій, склонивъ голову на рученку.

Я взялъ ребенка на руки и отнесъ его тихонько, въ самый густой кустарникъ. Жены моей не было дома, она должна была возвратиться не ранѣе, какъ на другой день. Окно нашей спальни, единственной комнаты, обращенной въ эту сторону дома, было всего въ нѣсколькихъ футахъ отъ земли, и я рѣшился въ ту же ночь вылезть изъ него, чтобы зарыть ребенка въ саду. Я уже не подумалъ о томъ, что ребенка будутъ искать въ прудѣ и, не найдя, подумаютъ, что онъ пропалъ или украденъ, и что такимъ-образомъ наследство брата сбѣлается для меня неприкосновеннымъ. Меня занимала только одна мысль — скрыть слѣды преступленія.

Какой языкъ можетъ выразить, какая человѣческая душа можетъ перечувствовать то, что испыталъ я, когда пришли мнѣ сказать, что ребенка нигдѣ не могутъ найти, и когда я послалъ искать его вездѣ, трепеща и задыхаясь при каждомъ шумѣ шаговъ, приближавшихся ко мнѣ.

Я зарылъ его въ ту же ночь. Въ ту минуту, какъ я раздвинулъ густыя вѣтви кустарника, гдѣ лежалъ ребенокъ, свѣтящійся червячекъ заблесталъ на зарѣзанномъ ребенкѣ, какъ глазъ Божественнаго правосудія. Я взглянулъ еще въ яму, прежде, чѣмъ зарылъ ее, и тотъ же свѣтящійся червь блисталъ у него на сердцѣ... какъ будто освѣщая мое преступленіе, прося у Бога отмщенія.

Мнѣ оставалось еще увидѣться съ женою, объявить ей о пропажѣ ребенка и польстить надеждою, что онъ скоро найдется. Должно-быть, я это сдѣлалъ искусно, потому-что на меня не пало никакого подозрѣнія. Сваливъ эту обузу съ плечъ, я просидѣлъ цѣлый день въ спальнѣ, смотря на то мѣсто, гдѣ была скрыта ужасная тайна.

Мѣсто это было вспахано, потому-что его покрывали дерномъ; затѣмъ я и выбралъ его: на немъ менѣе замѣтны слѣды заступы. Люди, покрывавшіе это мѣсто дерномъ, долж-

ны были счесть меня за сумасшедшаго; я имъ безпрестанно кричалъ, чтобъ они скорѣе работали; потомъ я самъ пошелъ къ нимъ, сталъ помогать, работалъ вмѣстѣ съ ними и торопилъ ихъ безпрестанно. Они кончили работу ранѣе ночи, и тогда я счелъ себя въ совершенной безопасности. Я спалъ, но не такъ, какъ спятъ люди бодрствовавшіе, спокойные и довольные, я спалъ, переходя отъ одного сна къ другому; то являлись мнѣ такія то смутныя, страшныя видѣнія, то роковое мѣсто, покрытое дерномъ, и изъ него вышла то нога, то голова моей жертвы. Я всегда просыпался и бѣжалъ къ окну, чтобъ удостовѣриться, точно-ли это сонъ; потомъ опять ложился въ постель и провелъ цѣлую ночь въ этомъ тревожномъ положеніи, то вскакивая, то снова ложась, чтобъ опять увидѣть тотъ же сонъ. Это для меня было хуже, чѣмъ вовсе не спать, потому-что каждый изъ этихъ сновъ равнялся цѣлой ночи страданій. Одинъ разъ я видѣлъ во снѣ, что ребенокъ живъ, что я никогда не покушался убить его. О, пробужденіе послѣ этаго сна было для меня хуже всѣхъ моихъ страданій.

На другой день я снова сѣлъ къ окну, и не спускалъ глазъ съ могилы, которая, хотя была покрыта дерномъ, но для меня видѣлась во всей своей длинѣ, ширинѣ и глубинѣ, какъ будто она была вовсе не зарыта. По ней прошелъ слуга, я испугался, мнѣ казалось, что онъ въ нее обрушится и, когда онъ прошелъ, я посмотрѣлъ, не вдавиль ли онъ ногами слѣдовъ въ дернъ, птичка сѣла на нее, а я трепеталъ, чтобъ какимъ-нибудь случаемъ она не открыла, что тамъ скрыто; вѣтерокъ, шелестившій по ней, казалось, шепталъ потихоньку: «здѣсь убитый.» Каждый предметъ, каждый звукъ, какъ бы естественъ и незначителенъ онъ ни былъ, былъ для меня предметомъ угрозы или страха. Въ такомъ непрестанномъ безпокойствѣ провелъ я три дни.

На четвертый день ко мнѣ пріѣхалъ офицеръ, съ которымъ мы вмѣстѣ служили. Онъ привезъ съ собою товарища, котораго я не зналъ. Я еще больше сталъ сторожить мѣсто, гдѣ схоронилъ свое преступленіе.

Былъ вечеръ, прекрасный лѣтній вечеръ; я приказалъ людямъ принести въ садъ столъ и бутылку вина. Въ саду поставилъ я мое кресло на могилѣ и, увѣренный, что на нее уже никто не ступитъ, стараясь говорить и пить.

Гости мои спросили у меня о женѣ моей. «Мы надѣмся — говорили они — что она удостоитъ насъ своимъ присутствіемъ, вѣрно она не станетъ насъ женироваться?» — Я поневолѣ долженъ былъ рассказать о ребенкѣ. Я говорилъ объ немъ замирающимъ голосомъ. Незнакомый мнѣ офицеръ сидѣлъ, потупивъ голову, и смотрѣлъ въ землю. Этого было достаточно, чтобъ привести меня въ совершенное смущеніе; я не могъ отогнать отъ себя мысли, что онъ замѣтилъ что-нибудь и подозрѣваетъ истину.

Я вдругъ спросилъ у него, не подозрѣваетъ ли онъ, что... и остановился.

— Что ребенокъ убить? отвѣчалъ онъ, оканчивая мою фразу и ласково смотря на меня: — нѣтъ! Кому нужна жизнь бѣднаго дитяти? и что можно выиграть отъ подобнаго убійства?

Я бы могъ сказать ему, что можно было чрезъ это выиграть, я бы могъ сказать ему лучше, чѣмъ кто-нибудь, на что смерть его была нужна; но я промолчалъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Приписывая мое волненіе другому чувству, гости старались меня утѣшить надеждою, что ребенокъ вѣрно найдется. Каково для меня утѣшеніе!...

Вдругъ мы услышали глухой лай, урчаніе, и въ ту же минуту увидѣли, что чрезъ стѣну перепрыгнули двѣ огромныя собаки, изъ породы блюдъ-гундсъ (могильщиковъ), которыя, перепрыгнувъ въ садъ, продолжали урчать.

— Это могильщики! воскликнули мои гости.

Мнѣ не нужно было даже и говорить этого. Въ жизнь мою я никогда не выдавалъ такихъ собакъ, но тотчасъ догадался, что онѣ и за чѣмъ явились; я облокотился на ручки кресель, не говоря ни слова, не дѣлая ни одного движенія.

— Онѣ хорошей породы, сказалъ офицеръ, мой сослуживецъ, настоящія blood-hounds, * это собаки, ищущія слѣды крови; онѣ вѣрно вырвались у своего сторожа, когда онъ водилъ ихъ гулять.

* Blood-hounds — кровавыя собаки; этихъ собакъ употребляли не только въ Американскихъ войнахъ, но еще въ средніе вѣка, даже въ Европѣ, и великій Робертъ Брюсъ едва не былъ съѣденъ такою собакою, устремившеюся за нимъ по слѣду его крови.

Офицеръ и его другъ смотрѣли на собакъ, которыя кружились около насъ, обнюхивая землю и не обращая ни на кого вниманія, по временамъ подымали голову и испуская свое характерическое урчаніе, снова принимались искать, вертясь въ различныхъ направленіяхъ. Вдругъ они стали прилежитѣ нюхать землю, уменьшили свои круги и стали все болѣе и болѣе приближаться къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли.

Наконецъ онѣ подлѣ меня, повторяя свое страшное урчаніе начали грызть ножки моего кресла. Я угадалъ выраженіе моего лица по выраженію лицъ моихъ гостей

— Онѣ пронюхали добычу! — сказали оба вдругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! тутъ нѣтъ добычи! воскликнулъ я.

— Радъ Бога, посторонитесь — сказалъ съ участіемъ знакомый мнѣ офицеръ — посторонитесь, а то онѣ разорвутъ васъ въ куски.

— Пусть разорвутъ меня въ куски, но я не оставлю этого мѣста! воскликнулъ я. — Развѣ существуютъ собаки, приученныя приводить человѣка къ постыдной смерти? схватите ихъ! убейте ихъ!...

— Я предчувствую, тутъ что-нибудь кроется! — сказалъ незнакомый мнѣ офицеръ, обнажая шпагу.

— Именемъ короля Карла — прибавилъ онъ, обращаясь къ другому офицеру — помогите мнѣ арестовать этого человѣка.

Оба бросились на меня, и я напрасно сопротивлялся имъ, кусалъ ихъ даже, какъ бѣшеный; они меня схватили.... И тогда, о, Боже мой! я видѣлъ, какъ обѣ собаки разрывали дернъ и земля комками летѣла изъ-подъ ногъ ихъ.

Что сказать мнѣ еще? я упалъ на колѣна, скрежеталъ зубами, и признался въ истинѣ, прося помилованія, потомъ я отрекся отъ перваго признанія, но я подтверждаю его теперь снова, послѣ того, какъ былъ судимъ, найденъ виновнымъ и осужденъ. Во мнѣ не хватаетъ мужества предупредить мою казнь или перенести её съ твердостью, у меня нѣтъ ни одного друга, который бы пожалѣлъ обо мнѣ, утѣшилъ бы меня, обнадежилъ бы; моя жена, которая, по счастью, лишилась разсудка, не можетъ уже знать ни о моемъ несчастіи, ни о своемъ, я одинъ, въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы, съ моею совѣстью, и долженъ завтра умереть!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Новый годъ и разнохарактерныя поздравленія. — Музыкальныя и поэтическія поздравленія странствующихъ музыкантовъ и клубныхъ швейцаровъ. — Маскерадъ въ большомъ театрѣ. — Крымскіе и Севастопольскіе гости. — Катанье съ ледяныхъ горъ. — Троичныя побѣдки. — Звѣринецъ Бернабо: четвероногіе новорожденные Искусникъ-слово. — Замѣчательный микроскопъ. — Изящныя и московскіе цыганы. — Университетскіе концерты артистовъ-любителей. — Празднованіе столѣтняго юбилея Моцарта въ Дворянскомъ Собраніи. Краткая біографія этого композитора. — Два празднества въ честь севавтопольскихъ героевъ. — Обѣдъ, данный генералъ-адъютанту Тотлебену. Рѣчи, произнесенныя ему и стиховоренія А. Н. Майкова и А. С. Афанасьева. — Шахматная задача, сочиненная въ честь Тотлебена. — Обѣдъ, данный генералъ-адъютанту князю Васильчикову въ Пажескомъ Корпусѣ, пріѣтствія ему и стихи, сказанныя генералъ-адъютантомъ Огаревымъ. — Новая картина профессора морекон живописи Айвазовскаго. — Литературныя утраты. Н. И. Надеждинъ и П. Р. Фурманъ и нѣчто о ихъ литературной дѣятельности. — М. О. Соловьевъ. — Новое изданіе «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и гравюры къ нимъ художника Бернардскаго. — Открытіе карандашной руды въ восточной Сибири и важность этой находки — Театральныя новости — Чужое добро въ прокъ не идетъ, драма г. Потѣхина. — Деньги, трагедія г. Сухонина. — Бенефисъ г-жи Владиміровой — Дѣтскій докторъ, драма Анисе Буржуа и Денери. — Сѣверная звѣзда, опера. — Русская танцовщица г-жа Богданова въ Варшавѣ. — Прощальный бенефисъ петербургской танцовщицы Ееллы. — Рысистые бѣги на Невѣ. — Духовные концерты въ пользу защитниковъ при-балтійскаго края. — Новые періодическія изданія. Московскій Вѣстникъ, г. Каткова — Живописная бібліотека г-на Полеваго. — Музыкальный и театральныя вѣстники издаваемый г. Раппопортомъ. — Замѣчательное періодическое изданіе. — Изданіе Морскаго Сборника.

Хотя по обстоятельствамъ, совершенно непредвидѣннымъ, мы должны начать изданіе Пантеона въ 1856 году съ Марта

мѣсяца (что между-прочимъ не помѣшаетъ вамъ издать всѣ 12 книгъ до 1-го января), но, по принятому обычаю, мы и нынче начнемъ нашъ отчетъ, за два прошедше мѣсяца, съ новаго года и съ поздравленія. Итакъ:

Съ новымъ годомъ, благосклонный читатель и прекрасныя читательницы, любобытствующіе въ этомъ отдѣлѣ ознакомить-ся съ новостями нашей общественной петербургской жизни. Повторимъ всѣмъ вамъ прекрасныя слова Пушкина:

Богъ помощь вамъ, друзья мой,
 Въ заботахъ жизни, въ царской службѣ
 И на пирахъ роскошной дружбы,
 И въ сладкихъ таинствахъ любви.
 Богъ помощь всѣмъ друзья мои!

Словомъ, искренно желаемъ каждому того, чего онъ самъ себѣ можетъ пожелать преимущественно, а болѣе всего надеждъ, надеждъ и денегъ, безъ которыхъ самый ликъ румянаго счастья кажется какъ-то блѣдноватымъ. Петербургскіе жители встрѣчали новый годъ съ такою же суетливостію, съ какою встрѣчаютъ его во всѣхъ концахъ обширной Россіи, и съ самаго утра звонки не переставали дребезжать у всѣхъ мало-мальски почтенныхъ и почему-нибудь необходимыхъ людей. Мало этого! Поздравленія раздавались даже почти на всѣхъ дворахъ въ музыкальномъ тушѣ изъ флейтъ, трубъ, скрипокъ и контръ-басовъ странствующихъ музыкантовъ, которые, въ чаяніи получить сильное вознагражденіе за свои усердныя пожеланія новаго счастья, нестерпимо режутъ и терзаютъ слухъ съ утра до самыхъ сумерокъ. Но это еще не единственное художественное, оригинальное поздравленіе. Швейцары различныхъ клубовъ, прислуживавшіе гостямъ впродолженіе двѣнадцати мѣсяцевъ, обращаются единственно въ этотъ только день въ поэтовъ и на трехъ, болѣе употребительныхъ, языкахъ подносятъ гостямъ свои печатныя оды, сонеты и водевильныя строфы. Не отчаивайтесь, если вы не получили чего-нибудь подобнаго въ первый день января: вы всегда можете надѣяться получить должную вамъ стихотворную дань уваженія даже чрезъ недѣлю, если почему-нибудь не были такъ долго въ клубѣ, и принести за нее свою лепту въ пользу находчиваго таланта. Мы уже не разъ говорили, что въ этихъ новогоднихъ вдохновеніяхъ преимущественно

но упражняется швейцаръ Благороднаго Собранія, Мартынъ Марковскій, истинный геній-философъ на поздравительныя умозрѣнія. Увы! въ концѣ прошлаго года геній этотъ отошелъ къ предкамъ, въ лучшую жизнь, оставя свою перевязь, булаву и стихотворный даръ преемнику своему, новому блюстителю шубъ и кашей, Абраму Перфильеву. Въ нѣшній разъ Абрамъ Перфильевъ поднесъ г. г. членамъ отъ себя поздравленіе и, надо отдать ему полную честь, не посрамилъ славы своего предшественника. Стихотвореніе его даже, по теплому патріотическому чувству, возбудило всеобщее вниманіе и сочувствіе, и мы потому рѣшаемся познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Вотъ оно:

Молвилъ кто-то стороною,
 За двѣ тысячи ужъ лѣтъ:
 «Новизны нѣтъ подь луною
 И все старымъ полонъ свѣтъ.»
 Хоть кудряво изрѣчене
 А на дѣлѣ такъ не то,
 И у времени въ теченіи
 Силъ творить не отнято.
 И мы видимъ съ каждымъ годомъ
 Какъ дивитъ насъ чудный вѣкъ—
 Паровозомъ, пароходомъ,
 Иль пружиной для калѣкъ,
 То портреты пишетъ солнцемъ,
 То пускаетъ въ ходъ магнитъ—
 И какъ англичъ надъ чухонцемъ
 Онъ надъ смертными трунитъ.
 Серебро творитъ изъ глины,
 Вату въ порохъ обратилъ,
 Ткани тоньше паутины
 Онъ для дамъ соорудилъ.
 Электрическою нитью
 Перепуталъ всѣ страны.....
 И къ дальнѣйшему развитію
 Имъ всѣ способы даны.
 Онъ все сладитъ, все исправитъ,
 Съ нимъ не будешь кривъ и косъ:
 Не очки—зрачки вамъ вставитъ;
 Нужно, такъ наклентъ носъ.

А скажите безъ утайки:

Такъ ли древній жилъ народъ?
 Бѣдиль просто въ таратайкѣ,
 Не гадаль про парохоль.
 Значить: есть же подь луною
 Много новаго подчасъ!
 Ново всѣмъ — за что войною
 Западъ вдругъ возсталъ на насъ?
 Но не ново, что Россія
 Бой не кончить безъ побѣды.
 Сокрушится гордыхъ выя
 И исчезнетъ бѣдствий слѣды.
 Мы свое возьмемъ сторицей,
 И свидѣтель тому Карсъ,
 А союзъ четырехлицый
 Всѣмъ покажетъ, что онъ — фарсъ.

И насталь тотъ годъ желанный,
 Гдѣ—иль мира благодать,
 Иль трофеи славы бранной
 Богъ судилъ намъ даровать.
 Пусть же радость съ новымъ годомъ
 Оживляетъ всѣ сердца:
 Блжить надъ избраннымъ народомъ
 Добрый взоръ Царя-Отца.
 Все тотъ взоръ для насъ провидитъ,
 Онъ тайникъ всѣхъ нашихъ благъ:
 Съ нимъ Россія свѣтъ увидитъ
 И во тьму исчезнетъ врагъ!
 Я въ своей укромной долѣ
 Вамъ швейцара замѣнилъ.
 Что лѣтъ десять или болѣ
 Вамъ съ усердіемъ служилъ.
 Я въ его одѣтъ ливрею,
 При его я булавъъ,
 И склонивъ предъ вами шею,
 Мысль таю я въ головѣ:
 «Всѣ, кто влудь сей пощпали
 Въ продолженъе многихъ лѣтъ,
 Стража платья поощради
 За усердые и привѣтъ.
 Такъ ввелось въ обыкновенье,
 И его не измѣня,

Въ новый годъ за поздравленье
Не забудутъ и меня.»

Такія поэтическія произведенія — исключительныя явленія только этого одного праздника, а во всемъ прочемъ Петербургъ ни сколько не мѣняетъ своей обыкновенной, постоянной, праздничной и веселой жизни. Онъ также танцуетъ, поетъ, музыкальничаетъ и обдѣлываетъ свои дѣла, какъ будто новаго періода времени никогда и не существовало. Вѣруя поговоркѣ: «Какъ начнешь новый годъ, такъ и кончишь его» — Петербургъ началъ новый годъ шумнымъ, веселымъ маскарадомъ въ Большомъ Театрѣ, въ залѣ, освѣщенной *a giorno* лампами и сотнями свѣчъ и блиставшей множествомъ золотыхъ украшеній. Оттого ли, что давно не было театральныхъ маскарадовъ, оттого ли, что каждому было любопытно побродить въ возобновленной залѣ, только публика была очень многочисленна и черныя domino съ капучинами, живописно перемѣшивались съ скромными фраками и военными мундирами, между которыми общее вниманіе, участіе и любопытство возбуждали севастиопольскіе моряки, возвратившіеся изъ Крыма, съ своими повязками, обличающими ихъ раны за честь нашей арміи и флота, съ своими почетными крестами на молодой отважной груди. Можно сказать безъ преувеличенія, что было очень тѣсно и даже ложи всѣхъ ярусовъ, обыкновенно пустые, пестрѣли внимательными зрителями и зрительницами, изъ которыхъ немалая часть разѣхалась по домамъ раннимъ уже утромъ втораго января, твердя себѣ въ оправданіе, что счастливые часы не наблюдаютъ и, вѣроятно, также, что время выдуманно для однихъ дураковъ, а умный самъ себѣ знаетъ должную пору. Такъ канули въ вѣчность первые сутки высокоснаго новорожденнаго года и на слѣдующій же день каждый принялся за свои постоянныя занятія и развлеченія, въ которыхъ въ Петербургѣ никогда не бываетъ недостатка, какая бы погода и время года не стояли на дворѣ. Начиная отъ зимняго сада, цвѣтущаго подъ снѣгомъ въ большой Морской, до домиковъ колонистовъ на старой московской дорогѣ, куда ни обернешь, всюду ожидается петербургскаго жителя, если не полное удовольствіе, то по крайней мѣрѣ какое-нибудь особенное развлеченіе, особенный способъ убить досужее время, будь только необходимое здоровье и достаточныя средства. Кто не пренебрегаетъ просто-

народными увеселеніями и помнитъ еще хоть по преданіямъ русскую старину, съ ея блинами, пѣснями и просторомъ безъ всякаго принужденія, тотъ можетъ отправляться на Крестовскій или Петровскій острова, или на петергофскую дорогу въ пресловутую Марьяну-рошу. Любекъ на Петровскомъ островѣ, русскій трактиръ на Крестовскомъ и Марьяна-роща, кромѣ своихъ постоянныхъ арфистокъ, нечувствительныхъ къ русской зимѣ въ довольно — прохладныхъ комнатахъ, привлекаютъ довольно большую толпу своими ледяными горами. Впрочемъ иногда и самое дешовое можетъ войти въ дорогое, чему примѣры можно видѣть въ этихъ увеселительныхъ загородныхъ мѣстахъ. Встрѣчаются такіе охотники до быстроты и пріятнаго головокруженія, что, не смотря на малую плату двойнаго проѣзда съ одной горы на другую, именно пяти копѣекъ, тратятъ до десяти и болѣе рублей серебромъ, чтобы имѣть удовольствіе прокатиться, при ухарскомъ подвистываніи и прибауткахъ катальщика съ искусственныхъ ледяныхъ горъ, съ которыхъ не мѣшаетъ кататься даже ночная мгла, потому что онѣ освѣщаются факелами, шкаликами и фонарями. Благодаря трюичнымъ извозчикамъ, которыхъ нынѣ развелось что очень много на всѣхъ биржахъ, стоитъ только пожелать — и вы уже перенесены куда хотите за городъ, на Черную Рѣчку, на Среднюю Рогатку и даже за девятнадцать верстъ въ Стрѣльню, куда чаще всего направляются трюичныя поѣзды. Охотниковъ не страшатъ ни дальная дорога, ни суровость погоды, потому что они увѣрены найдти тамъ и тепло, и все необходимое, даже излишнее въ прекрасной почтовой гостиницѣ. Особенно эти прогулки хороши лѣтомъ, когда на петербургскомъ небѣ безсумрачныя ночи и воздухъ такъ свѣжъ отъ близлежащаго возморья и видны пароходы, корабли и рыбачьи лодки, бороздящія широкую полость финскаго залива, стелется огромный богато-украшенный паркъ Стрѣльни и мчатся по столбовой петергофской дорогѣ безчисленные обозы и повозки.

Кто не порывается за городъ, найдетъ для себя много новаго и любопытнаго въ самомъ Петербургѣ. Любитъ ли онъ естественную исторію, для него открытъ въ Коломнѣ звѣринецъ Барнабо, съ его дикими жильцами, изъ которыхъ нѣкоторые, не смотря на суровость климата и затворничество, обзавелись даже

потомствомъ и тигрица съ львицей подарили своихъ супруговъ дѣтенышами. Въ особенности посѣтительницы звѣринца сочувствуютъ маленькимъ лъвьятамъ и безъ всякаго опасенія берутъ ихъ на руки. Жаль только, что эти еще покуда кроткіе звѣрки слишкомъ уже сонливы и неуклюжи. До-сихъ-поръ еще въ Петербургѣ не было такого замѣчательнаго звѣринца. Въ немъ найдете вы и львовъ, и тигровъ, и живаго крокодила, и казуара съ птицей бабой, преспокойно разгуливающихъ между посѣтителями вмѣстѣ съ ученымъ слономъ, который играетъ на флейтѣ, вертитъ шарманку и звонитъ въ колокольчикъ, чтобы дать знать о своемъ желаніи быть также накормленнымъ.

Желаешь ли кто подивиться чудесамъ природы и подсмотрѣть нѣкоторыя ея таинства и процессы жизни, незамѣтный простому глазу, тотъ ѣдетъ смотрѣть микроскопъ г. Тицнера, увеличивающій предметы въ *милліонъ* разъ. Мы уже однажды сообщали нашимъ читателямъ объ этомъ удивительномъ аппаратѣ, заслужившемъ одобреніе знаменитаго Гумбольдта, отражающемъ при свѣтѣ водородо-кислороднаго газа (*hydro-oxygen*), все показуемое почти во всю стѣну, на бѣломъ полотнѣ, и теперь не будемъ говорить о всѣхъ чудесахъ, видимыхъ посредствомъ микроскопа г. Тицнера. Впрочемъ, принимая во вниманіе простительную забывчивость, мы готовы снова вкратцѣ повторить о нѣкоторыхъ самыхъ любопытныхъ вещахъ, какъ напримѣръ: о каплѣ воды, увеличенной микроскопомъ до одиннадцати сажень въ діаметрѣ съ цѣлымъ міромъ живыхъ существъ, родящихся, плодящихся и умирающихъ, послѣ наслажденія секунднымъ существованіемъ, оставя послѣ себя въ продолженіе сутокъ 4,000 насѣдниковъ, — о каплѣ укуса, въ которой кишатъ трилліоны змѣй; — о толстенькихъ неповоротливыхъ животныхъ, похожихъ и на медвѣжатъ и на поросятъ вмѣстѣ, живущихъ въ пыли сырной корки, — о личинкѣ Флеровой мухи и комара, прекрасно созданныхъ крыльяхъ бабочки, пчелы и осы; о тюлѣ и тончайшихъ блондахъ, которыхъ тончайшая нить кажется корабельнымъ канатомъ въ двѣ руки толщиной, — о кристаллизаціи солей, о порахъ растеній, являющихся въ затѣйливыхъ рисункахъ, и такъ далѣе. Наконецъ, кто остался еще упорнымъ поклонникомъ цыганскаго пѣнія, тотъ можетъ всегда имъ насладиться въ Пассажѣ, гдѣ неутоми-

мый поклонникъ петербургской публики, И. И. Излеръ, открылъ музыкальную зимнюю залу.

Петербургъ городъ по преимуществу музыкальный и потому недостатка въ музыкальныхъ развлеченіяхъ въ немъ бытъ не можетъ. Съ самаго начала зимы начались уже въ немъ разные концерты любителей, изъ которыхъ концерты С-Петербургскаго Университета по прежнему собираютъ множество дилетанговъ, отдающихъ полную справедливость хорошему выбору пьесъ и прекрасному исполненію участвующихъ въ немъ артистовъ—любителей. Эти концерты приносятъ огромную пользу. Кромѣ нѣкоторыхъ воспитанниковъ Университета, уже пользующихся въ музыкальномъ кружкѣ заслуженною извѣстностію, можно было бы назвать нѣсколько дѣвицъ изъ петербургскаго общества, которыя своимъ музыкальнымъ образованіемъ очень много обязаны этимъ концертамъ, принимая въ нихъ участіе. Такое явленіе нисколько впрочемъ не удивительно, потому-что въ этихъ концертахъ преимущественно исполняется лишь серьезная классическая музыка Мендельсона—Бартольди, Вебера, Ваха, Моцарта и другихъ. Главными распорядителями этаго полезнаго учрежденія съ самаго его основанія были: инспекторъ студентовъ г. Фицтумъ фонъ-Экстедтъ и директоръ С.-Петербургскаго Филармоническаго общества, композиторъ, виолончелистъ и капельмейстеръ Карлъ Шубертъ. Кстати о Филармоническомъ обществѣ. Въ январѣ мѣсяцѣ было у насъ великолѣпное музыкальное торжество столѣтняго юбилея Моцарту, въ залѣ Дворянскаго собранія, въ которомъ принимали участіе артисты нашей италіанской труппы, пьянистъ Антонъ Контекій, вмѣстѣ съ огромнымъ оркестромъ. Бюстъ юбиляра былъ увѣнчанъ цвѣтами и его сочиненія играли въ программѣ, разумѣется, главную роль. Удивительно только, что на этомъ артистическомъ праздникѣ учредители позабыли исполнить самое замѣчательное его произведеніе, именно *Requiem*, который бы избавилъ отъ необходимости прибѣгать къ музыкѣ Мейербера и Верди. О Моцартѣ написано было много статей во всей Европѣ, но лучшая изъ нихъ не какъ оцѣнка, а какъ біографія, принадлежитъ нашему соотечественнику г. Улыбышеву. Вотъ краткая біографія этого знаменитаго композитора.

Иоганъ-Хризостомъ Вольфгангъ-Амедей Моцартъ родился въ Зальцбургѣ 27 (15) января 1756 года. Отецъ его, Леопольдъ

Моцартъ, занимался переплетнымъ мастерствомъ и прежде переселенія своего въ Зальцбургъ состоялъ при графѣ Тувѣ, въ качествѣ слуги-музыканта. Въ Зальцбургѣ онъ получилъ мѣсто перваго скрипача въ капеллѣ епископа, женился и сдѣлался впоследствии капеллмейстеромъ. Онъ былъ человекъ образованный и отличный музыкантъ. Изъ шести дѣтей у Леопольда Моцарта остались въ живыхъ только младшій Иоганъ Вольфгангъ и сестра его, Анна, называвшая обыкновенно *Ненерле*, тоже хорошая музыкантша, вышедшая впоследствии за мужъ за Барона Зонембурга и умершая въ 1830 году, восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Моцарту было едва три года, какъ онъ началъ своими маленькими пальцами извлекать звуки изъ отцовскаго фортепьяно, а четырехъ лѣтъ зналъ уже наизусть всѣ лучшія мѣста пьесъ, которыя играла его сестра. Отецъ нарочно сочинялъ для нихъ обоихъ небольшія пьески, уцѣлѣвшія до нашего времени. Получивъ въ подарокъ маленькую скрипку, Вольфгангъ началъ упражняться на ней безъ руководства учителя и однажды, когда Леопольдъ Моцартъ пробовалъ съ скрипачемъ Венглемъ нѣсколько новыхъ *trio*, его сочиненія, маленькій Вольфгангъ такъ отчетливо исполнилъ въ другой комнатѣ не только партію второй скрипки, но и первой, несравненно труднѣйшую, что удивилъ и гостя и отца. Съ такою же легкостію игралъ мальчикъ и на другихъ инструментахъ. Шести лѣтъ онъ уже принялся сочинять концертъ, оказавшійся согласнымъ со всѣми требованіями музыкальной науки. Въ 1762 году Леопольдъ Моцартъ предпринялъ съ обоими дѣтьми художественное путешествіе по Европѣ, какъ для улучшенія матеріальнаго благосостоянія своего семейства, такъ и для усовершенствованія своего гениальнаго сына. Пробывъ три недѣли въ Мюнхенѣ, при дворѣ баварскаго курфирста, славившемся своею музыкальностію, онъ осенью того же года отправился въ Вѣну и пробылъ четыре дня въ Ливнѣ, у епископа, никакъ не желавшаго разстаться съ необыкновеннымъ ребенкомъ, котовый привелъ въ восторгъ францисканскихъ монаховъ игрою на органѣ. Какъ скоро прибытіе Вольфганга стало въ Вѣнѣ извѣстно, въ городѣ всѣ заговорили и пришли въ движеніе, всѣмъ хотѣлось послушать шестилѣтняго артиста и у дверей дома, въ которомъ остановились бѣдные путешественники, не было проѣзда отъ богатыхъ экипажей. Князья, вельможи, дамы одни передъ другими приглашали дѣтей Моцарта къ себѣ и даже самъ императоръ Францъ I, встрѣтивъ ихъ

въ передней, привелъ во внутреннія комнаты императрицы Маріи-Терезіи, на колѣнахъ которой Вольфгангъ помѣстился безъ всякой застѣнчивости. Поскользнувшись на паркетѣ, маленькій виртуозъ упалъ; эрцъ-герцогиня Марія-Антуанета подняла его.

— Вы добрыя, замѣтилъ мальчикъ, я хочу на васъ жениться.

Когда эрцъ-герцогиня рассказала объ этомъ матери, императрица спросила Моцарта:—отчего пришло ему въ голову такое желаніе?

— Изъ благодарности, отвѣчалъ онъ, она подняла меня, а сестры ея даже не привстали.

Прекрасная принцесса наградила его за этотъ комплиментъ поцѣлуемъ.

Леопольдъ Моцартъ выѣхалъ изъ Вѣны, обремененный лаврами, но нисколько не разбогатѣвъ, и возвратился въ Зальцбургъ ровно черезъ годъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ снова отправился со всемъ семействомъ во Францію, посѣтивъ дорогой Мюнхень, Аугебургъ, Штутгартъ, Мангеймъ, Майндъ. Маленькій Моцартъ имѣлъ случай познакомиться со всѣми знаменитостями, пѣвцами, исполнителями и композиторами, возбудивъ во всѣхъ удивленіе разнообразіемъ своихъ необыкновенныхъ способностей и плодовитостію фантазіи. Въ Парижѣ, куда онъ прибылъ 18 ноября, принялъ всѣхъ ихъ подъ свое покровительство Гриммъ, къ которому было у нихъ рекомендательное письмо, и познакомилъ ихъ съ философами восемнадцатаго вѣка, г-жею д'Эппинъ, Гольбахомъ и другими аристократическими домами Парижа. Моцарта пригласили также въ Версаль, къ королевскому обѣду, на которомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ королевой, разговаривая съ нею по-нѣмецки и безпрестанно цѣлуя ея руки. Вольфгангъ былъ также представленъ г-жѣ Помпадуръ, но она ему не понравилась своею холодностью къ его ласкамъ.

— Зачѣмъ же она не хочетъ цѣловать меня, вѣдь меня цѣловала же императрица Марія-Терезія, замѣтилъ онъ.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1764 года семейство Моцарта отправилось въ Англію, и въ Лондонѣ приняли маленькаго виртуоза съ такимъ же восторгомъ. Онъ игралъ тамъ во многихъ публичныхъ концертахъ, исполняя безъ всякаго приготовленія самыя трудныя произведенія Генделя, Баха и Парадизи, а въ

присутствіи короля импровизировалъ съ такимъ совершенствомъ, что отецъ его, упоминая объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ: что «Вольфангъ знаетъ, уѣзжая изъ Зальцбурга только тѣвъ того, что онъ знаетъ въ настоящее время, и то, что онъ дѣлаетъ теперь, превосходитъ воображеніе». Оставивъ Лондонъ, Моцарты проѣхали сѣверную Францію, Бельгію и прибыли въ Гагу, Вальфангъ и сестра его опасно заболѣли. Въ Зальцбургъ возвратились они только въ концѣ 1766 года и Моцартъ внимательно принялся изучать Эмануила Баха, Генделя, Гассе, Эберлейна, Скарлатти, Лео, Дуранте, Порриору и другихъ извѣстныхъ тогдашнихъ композиторовъ. Во время своего путешествія Моцартъ напечаталъ въ Парижѣ двѣ пьесы для клавесина съ акомпаниментомъ скрипки, въ Лондонѣ сочинилъ симфонію для большаго оркестра и двѣ пьесы для клавесина, а въ Гагѣ посвятилъ принцессѣ Нассау—Вейльбургской шесть сонатъ. Въ 1767 году Моцарта опять повезли въ Вѣну, но эта вторая поѣздка не была такъ счастлива, какъ первая. У геніальнаго мальчика нашлись уже тамъ завистники, дотога неравнодушные къ его извѣстности, что ему не удалось поставить на сцену небольшой оперы *la Finta semplice*, заказанной Императоромъ Іосифомъ II и заслужившей одобреніе Гассе и Метастазія. Онъ снова заболѣлъ и чуть-было не ослѣпъ, и вывезъ только изъ Вѣны одно утѣшеніе—сознаніе въ собственныхъ силахъ, да дружбу знаменитаго Месмера, для котораго написалъ небольшую оперу, разыгранную въ домѣ магнетизера. Въ 1769 году Моцартъ поѣхалъ съ отцемъ въ Италію; въ Миланѣ приняли его съ энтузіазмомъ и прозвали—*giovinetto ammirabile*. Въ Болонѣ онъ импровизировалъ фугу въ присутствіи Мартини и Фаринелли, въ Римѣ запомнилъ навзусь трудное и сложное *miserere* Аллегри, въ Неаполѣ, играя сонату въ консерваторіи *della Pietà*, въ присутствіи Жомелли и огромнаго стеченія публики, принужденъ былъ снять съ руки кольцо, потому-что слушатели думали будто оно заключаетъ въ себѣ волшебную силу, помогающую ему играть. Возвратившись въ Миланъ, въ декабрѣ 1770 года, Моцартъ поставилъ на сцену первую свою оперу *Mitridate, re di Ponte*, имѣвшую огромный успѣхъ. Тогда было ему только тринадцать лѣтъ. Съ-этихъ-поръ, для знаменитаго артиста, до самой его смерти, до его геніальнаго *Requiem*, неизвѣстно кѣмъ ему заказаннаго, и о которомъ столько уже было говорено, наступаютъ

годы испытанія, сопровождаемые злобой, завистию, различными препятствіями, съ которыми онъ постоянно долженъ былъ бороться и которыя, развивъ въ немъ мнительность и ипохондрію, преждевременно свели его въ могилу, на тридцать-шестомъ году отъ рожденія, въ 1792 году.

Упомянувъ о достойной дани уваженія, отданной таланту Моцарта членами нашего петербургскаго Филармоническаго общества, мы не можемъ не сообщить читателямъ о двухъ нашихъ патристическихъ празднествахъ, хотя торжество ихъ принадлежитъ еще времени прошлаго года. Мы говоримъ о празднествахъ, данныхъ почитателями русской храбрости и доблестныхъ воинскихъ подвиговъ генераль-адъютантамъ Тотлебену и Князю Васильчикову.

Торжество генерала Тотлебена, искусство котораго такъ долго оберегало Севастополь, началось на другой же день его пріѣзда. Въ 10 часовъ утра прибылъ въ его квартиру Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-учебнымъ заведеніямъ, генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцовъ совѣми чинами Николаевской Инженерной Академіи и Николаевскаго Инженернаго училища, съ фельдфебелемъ и пятью портѣпей-юнкерами кондукторской роты, и въ краткихъ, но сильныхъ словахъ выразилъ чувства глубокаго уваженія и душевной благодарности къ заслугамъ бывшаго воспитанника заведенія. Въ числѣ лицъ, прибывшихъ привѣтствовать генерала Тотлебена, былъ и начальникъ училища Генераль-Лейтенантъ Ломновскій, состоявшій въ его время Инспекторомъ классовъ. Тронутый такимъ къ себѣ вниманіемъ, генераль-адъютантъ Тотлебенъ сказалъ, что онъ всегда съ любовію и благодарностію воспоминаетъ о заведеніи, въ которомъ получилъ образованіе, полезное для службы Государю и Отечеству и обратившись къ обучающимся въ Академіи офицерамъ, въ лестныхъ для нихъ выраженіяхъ вспоминалъ о воспитанникахъ заведенія, бывшихъ его сотрудниками въ Севастополѣ, которые, по его словамъ, служили съ безпримѣрнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ, при совершенномъ знаніи своего дѣла. Въ празднествѣ, данномъ генералу Тотлебену 20 Ноября, приняли участіе, сверхъ высшихъ чиновъ Инженернаго корпуса, всѣ бывшіе воспитанники и всѣ сослуживцы генерала и четыре раненные въ Севастополѣ офицера, служившіе надъ его начальствомъ: полковникъ Фалкутъ, подполковникъ Рейтлингеръ и поручики Эвертъцъ и Чередѣевъ.

Тотлебенъ былъ встрѣченъ въ рекреационной залѣ Я. И. Ростовцовымъ, начальникомъ училища и всѣми гостями и введенъ въ залу, украшенную портретами Императоровъ Александра I-го и Николая I, бюстомъ Великаго Князя Михаила Павловича и мраморною почетною доскою съ именемъ Тотлебена, на которую генераль Ростовцовъ указалъ ему, сказавъ, что она будетъ предметомъ и гордости и радости и нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ Инженернаго училища. Громкое ура кадетъ встрѣтило знаменитаго гостя. Въ началѣ пятого часа прибылъ въ училище Его Императорское Высочество Генераль-Инспекторъ Инженеровъ, милостиво принявшій просьбу участвовать въ торжествѣ и послѣ привѣтствія генералу Тотлебену отправился къ великолѣпному обѣду. Послѣ тостовъ за Императорскую фамилію, сопровождавшихся громкимъ ура, при тостѣ за здравіе Его Высочества и его Августѣйшей невесты, всѣ кондукторы училища вошли съ бокалами шампанскаго и привѣтствовали Великаго Князя. Потомъ слѣдовали тосты за здоровье Главнокомандующаго Крымскою Арміею, Инспектора Инженеровъ и генераль-адъютанта Тотлебена, провозглашенное Его Императорскимъ Высочествомъ. Когда утихли возгласы ура, генераль-адъютантъ Ростовцовъ объявилъ Высочайшее повеленіе о назначеніи генераль-адъютанта Тотлебена Полетнымъ Членомъ Николаевской Инженерной Академіи и о выставленіи въ этомъ училищѣ его портрета, а генераль-лейтенантъ Ломновскій прочелъ журналъ конференціи Николаевскаго Инженернаго училища, по которому генераль-адъютантъ Тотлебенъ признанъ достойнымъ полученія Михайловской преміи, но не деньгами, а нарочно выбитою по сему случаю золотою медалью, по образцу, утвержденному Государемъ Императоромъ. Когда утихло вторичное восторженное ура, начальникъ Штаба Инженернаго Корпуса генераль-маіоръ Политковскій произнесъ генералу Тотлебеу длинное привѣтствіе, за нимъ говорилъ рѣчь заслуженный профессоръ Шульгинъ и потомъ адъюнктъ-профессоръ Ведровъ. По окончаніи обѣда Его Императорское Высочество снова обратился къ генералу Тотлебену, благодарилъ его и обнялъ. Генераль Тотлебенъ остался, или лучше сказать, *былъ оставленъ* въ училищѣ, въ которомъ бывшіе его товарищи и нѣсколько поколѣній офицеровъ подхватили его на руки и повесили въ залу, гдѣ на мраморной доскѣ, украшенной георгиевскимъ кре-

стомъ, золотыми буквами красовалось его имя, посадили его и окружили; чтобы слушать его и любоваться; но этимъ не кончилось изъявленіе восторга и признательности къ нашему русскому Вобану.

Члены Общества любителей шахматной игры также имѣли честь угощать славнаго севастопольскаго защитника обѣдомъ, на который собралось болѣе двухъ сотъ особъ. Генералъ Тотлебенъ, приглашенный отъ имени всего общества старшиной, графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко, прибылъ въ четыре часа. Первый тостъ былъ провозглашенъ за здравіе Государя Императора, второй за Августѣйшую фамилію, третій за здоровье генерала. На блѣдномъ, но мужественномъ лицѣ героя, можно было прочесть то умиленіе, которое не часто разливается на лицѣ чловѣка, а на лицахъ присутствующихъ сверкала радость. Сильно-взволнованный, Тотлебенъ прекраснымъ, исполненнымъ благородства, движеніемъ бросился обнимать сподвижника своего, генералъ-адъютанта Князя Васильчикова и потомъ, какъ бы отклоняя отъ себя выраженіе общей признательности, указалъ на присутствующихъ на обѣдѣ другихъ защитниковъ Севастополя: капитанъ-лейтенанта Реймерса, лейтенанта Шумова, лейтенанта Жерве и поручика Старенкевича. Когда утихло общее волненіе, генералъ-лейтенантъ Броневскій и вслѣдъ за нимъ Князь В. Ѳ. Одоевскій произнесли генералу Тотлебену привѣтствія отъ имени общества и гостей. Послѣ этого одинъ изъ директоровъ общества, генералъ-лейтенантъ Д. Б. Броневскій, подвелъ на свое мѣсто извѣстнаго нашего поэта А. Н. Майкова, который громкимъ, но взволнованнымъ голосомъ прочелъ слѣдующіе стихи:

Господь народы наказуетъ,
Но самой карой ихъ цѣлить,
Гдѣ тьма и зло-имъ указываетъ,
Гдѣ свѣтъ и доблесть — говорить,

Подъ Севастопольской стѣною
Орелъ Россіи былъ хранимъ
Душой Нахимова святою
И яснымъ гевіемъ твоимъ.

Нахимовъ подвигъ молодецкій
Свершилъ, какъ труженикъ — солдатъ,

Не зная самъ душою дѣтской,
Какъ былъ онъ простъ, великъ и святъ,

Въ тебѣ же Богъ явилъ Россіи,
Что свѣтъ науки — царствъ оплотъ,
Что безъ него, средь апатіи
Заснетъ и доблестный народъ.

Или жъ орудьемъ Божьей воли
И совершишь ты славный путь —
Лишь, что узналъ ты въ темной доли —
Въ сіяньи славы не забудь.

За Майковымъ Д. Б. Броневскій подвелъ г. Леонасьева,
который привѣтствовалъ генерала Тотлебена на своемъ родномъ
малороссійскомъ нарѣчій такъ:

У весь міръ и самъ нашъ ворогъ (1)
Тоби дывовався,
Якъ розумно, храбро, славно
Ты оборонявся.

Що у день зруйкують (2) муру (3),
Що розибують валу,
Ты въ ночи усе поправишь
Новачомъ, по малу.

Ворогъ кули (4) градомъ сыпле,
Лютують (5) гарматы (6), —
Ты жъ латаешъ (7) соби мовчки, (8)
Муры та раскаты, (9)

И зе вчора валъ бувъ збытый,
Зо всемъ не потребенъ,
Тамъ сіюгодня чакивницы (10)
Рыштуе (11) Тотлебенъ.

Округъ іего смерть литае,
Хочетъ все пожерты (12)
А винъ ходыть, якъ бы въ хаты
Не боитьця смерти.

У весь миръ и самъ нашъ ворогъ
Тобы дывувався.

Ажъ ось (13) тебе, гостю любый
Петербургъ дождался.

Кожный хочетъ поклониться
Тому человеку,
Чые имя будетъ славно
Оль вѣку до вѣку.

Богъ тебе хранить выдымо,
Билый царь кохае (14),
А людъ русски—людъ хрещеный
Щыро (15) поважае.

Не забудутъ Севастополь
Маленькій та дужый (16)
Де вражого трупу горы
И крови калюжи.

Бороньнъ його войско
То теплый молебень
То разумомъ своимъ жваво (17)
Боронивъ Тотлебенъ.

Послѣ этого г. Рѣчинскій отъ имени извѣстнаго нашего шахматнаго игрока, И. С. Шумова, представилъ изобрѣтенную имъ по этому случаю остроумную шахматную задачу, гдѣ шахматы разставлены въ видѣ буквы Т, и сказалъ:

«Среди невѣроятныхъ трудностей, подъ адскимъ огнемъ непріятеля, вы совершили славныя дѣла, изумившія міръ. Россія оцѣнила ихъ и начертала имя ваше на скрижаляхъ народныхъ невзглядимыми чертами. Царь Россіи достойно оцѣнилъ ихъ и достойно вознаградилъ. Итакъ, мы видимъ, славныя подвиги ваши доставили вамъ славное мѣсто, цзстари освященное довѣріемъ Монарховъ. Слышимъ, трубятъ вамъ славу во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, куда только проникъ свѣтъ просвѣщенія; знаемъ—они провели васъ по лѣстницѣ почестей въ короткое время на высшія ступени—по нашему, по шахматному ска-

(1) врагъ, (2) разорить, (3) стѣна (4) пуля, (5) спирѣцтовать, (6) орудіе, (7) починаеть, (8) молча, (9) батарея, (10) мортира, (11) прилаживать, (12) пожрать, (13) вотъ, (14) Любить, (15) искренно, (16) крѣпкій, (17) храбро.

зять: произвели насъ въ ферязи и вы стали на шахматницѣ вторымъ феряземъ, такъ-какъ первый есть всегда главнокомандующій.

Кто жъ изъ Русскихъ не порадуется на васъ! Кто не гордится вами! Кто не вскрикнетъ полнымъ восторженнымъ крикомъ души: Тотлебену слава!

Ваше превосходительство, позвольте сдѣлать еще одинъ ходъ. Я не долго думалъ надъ нимъ, можетъ-быть, онъ и не совсѣмъ правиленъ,—но подсказанъ мнѣ сердцемъ.

Мы въ Севастополѣ дрались до — нельзя,
Сгубивъ тму пушекъ, офицеровъ и ладей;
Но Богъ вамъ спасъ втораго ферзя,
А съ нимъ — мать чернымъ сдѣлаемъ скорѣй.

« И позвольте еще разъ выразить предъ вами нашъ восторгъ, нашу непритворную радость: какъ вы славно пошли! Какъ были замысловаты ваши шахи, которыми вы приводили въ смятеніе сильнаго и искуснаго противника; мы вполне увѣрены, что съ такимъ гениальнымъ соображеніемъ, съ такими глубоко обдуманнми ходами и съ такимъ геройскимъ мужествомъ, вы всегда озадачите враговъ нашихъ неожиданными и блистательности ударами и доведете ихъ до мата.»

29 Декабря прошлаго года почти всѣ находящіеся въ Петербургѣ бывшіе пажи согласились дать обѣдъ прежнему своему товарищу кн. Васильчикову, и весь Пажескій Корпусъ принялъ праздничный видъ, даже всѣ пажескія спальни преобразовались въ роскошныя гостинныя, украшенныя изящною мебелью и коврами. Въ назначенный день, въ половинѣ пятаго часу, прибылъ старшій распорядитель праздника генералъ-адъютантъ Ростовцовъ и вслѣдъ за нимъ почетные гости: Министръ Императорскаго двора Графъ Адлербергъ, Военный Министръ Князь Долгоруковъ, Военный Генералъ-Губернаторъ Игнатьевъ, Генералы Философовъ, Зиновьевъ, Графъ Анрепъ, Графъ Адлербергъ 2-й, Огаревъ, Чевкинъ, Путята, многіе другіе генералы, прежніе пажи и приглашенные, изъ бывшихъ наставниковъ князя Васильчикова, въ томъ числѣ священникъ — законоучитель. По прибытіи виновника праздника около двухъ-сотъ гостей помѣстились въ прекрасной залѣ, изящно убранной, освѣщенной и украшенной портретами во весь ростъ Императоровъ Нико-

лая Павловича и Александра Николаевича. По окончаніи то-
стовъ, сопровождавшихся національнымъ русскимъ гимномъ и
восторженными ура, генераль-адъютантъ Ростовцовъ объявилъ
Высочайшую волю Государя Императора, «во вниманіе необык-
новенныхъ воинскихъ заслугъ, оказанныхъ бывшимъ пажемъ,
начертать имя его въ заведеніи на мраморной доскѣ.» Новый
взрывъ ура сопровождалъ это Монаршее отлвчіе, доставшееся
только генералу Тотлебену, князю Васильчикову, генераламъ
Хрулеву, Огареву и Баумгартену и штабсъ капитану Щего-
леву. За этимъ бывший Директоръ Пажескаго Корпуса, во
время воспитанія въ немъ князя Васильчикова, генераль-
адъютантъ Игнатьевъ сказалъ нѣсколько прекрасныхъ словъ
и сообщилъ нѣкоторыя занимательныя подробности о юноше-
скихъ лѣтахъ бывшего пажа и заключилъ прочтеніемъ настав-
ленія, говореннаго имъ при выпускѣ князя Васильчикова
всѣмъ пажамъ, произведеннымъ съ нимъ вмѣстѣ въ офицеры.
Далѣе говорили также привѣтствія профессоръ Шульгинъ,
бывшій пажъ и ветеранъ 1812 года дѣйствительный статскій
совѣтникъ Горляиновъ, генераль Языковъ и генераль-адъю-
тантъ Огаревъ, произнесшій слѣдующее стихотворное привѣт-
ствіе:

Еще задравные бокалы
Пусть наливаются полнѣй:
Тебѣ, товарищъ нашъ удалый,
Предложить тостъ семья пажей,
Подъ кровомъ отческаго дома,
Съ дней юности, была знакома
Тебѣ та рыцарская честь,
Которой былъ Князь, твой родитель,
И стражъ и доблестный ревнитель.
Въ пажахъ умѣлъ ты приобрѣсть
Пажей разборчивую дружбу,
Потомъ влюбилъ ты свято службу,
И совѣсть чистую храня,
Стяжалъ довѣріе Царя
И твердо шелъ прямой дорогою,
Всегда къ обязанностямъ строгій.
Судьба готовила тебѣ
На Севастопольской скалѣ,
Презрѣвъ опасность и недуги,

Явить отечеству заслуги!
Въ тебѣ воскресъ герой-отецъ,
Соллату другъ и удалецъ,
Баярдъ безъ страха и укора!..
За здравіе пажа Виктора!

Разтроганный молодой генералъ скромно отвѣчалъ на эти радужныя привѣтствія:

« Не нахожу достойныхъ словъ для выраженія вамъ искренней признательности за честь, сегодня мнѣ оказываемую, здѣсь, въ этой колыбели нашего общественнаго и служебнаго образованія. Не нахожу ихъ, потому—что подобный почетъ подобаешь только человѣку, вполне заслужившему вниманіе ваше. Немудрено, что мы держались въ Севастополѣ долѣе обыкновеннаго срока осады за оплотомъ, созданнымъ вдохновеніемъ Тотлебена. Тамъ сорокатысячная армія, предметъ непрестанной заботливости Главнокомандующаго, соединенная подъ начальствомъ графа Сакена съ моряками Черноморскаго флота, обороняла честь русскаго оружія, увлекаемая энергіею Корнилова, Нахимова, Хрулева, Семякина и самого Тотлебена. Я тоже имѣлъ честь принадлежать къ этой арміи и награжденъ милостью Царскою, конечно свыше посильныхъ трудовъ моихъ, получилъ тѣ же награды, которыхъ удостоился и генералъ Тотлебенъ. Последняя, сегодняшняя награда (приказъ по Военно-учебнымъ заведеніямъ) окончательно меня сравняла съ ними въ этомъ отношеніи. Позвольте же мнѣ принять этотъ праздникъ, какъ напутственную трапезу для тѣхъ изъ нихъ, которымъ суждено принять дѣятельное участіе въ предстоящихъ еще кровавыхъ битвахъ, коими осуществится конечно изгнаніе враговъ изъ предѣловъ отечества. Господа! товарищи, братья! За славу нашего Царя и благоденствіе Россіи: ура!»

Затѣмъ послѣ тоста, предложеннаго генераломъ Ростовцовымъ «за пажескую семью и пажеское гнѣздо» гости перешли въ комнату, перерѣзанную завѣсой, за которою красовались, съ одной стороны, бѣлая мраморная доска, окруженная воинскими доспѣхами, и украшенная георгіевскимъ крестомъ, на которой было начертано:

Князь Викторъ Васильчиковъ

выпущенъ въ 1839 г.

1854—1855.

Севастополь.

а съ другой—подарокъ товарищей—прекрасная картина извѣстнаго нашего профессора морской живописи И. К. Айвазовскаго, представляющая осажденный Севастополь, окруженный медальонами, изображающими подвиги князя Васильчикова, Корниловъ бастіонъ, госпиталь, мѣсто его попеченій о раненыхъ, домъ, весь истрѣленный, гдѣ онъ жилъ, разрушеніе Севастополя и мостъ съ южной стороны на сѣверную, по которому, пропустивъ войска, перешелъ онъ послѣднимъ. Самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ былъ девизъ, принятый покойнымъ отцомъ его въ княжескій гербъ: «жизнь царю, чести никому.» Одинъ изъ учредителей, бывшій фельдфебель и товарищъ князя Васильчикова, нынѣ командиръ Измайловскаго полка, генералъ Кушелевъ, подвелъ его къ возвышенію, на которомъ находилась картина, окруженная цвѣтами, и произнесъ:

«Три чувства привлекли сюда многочисленную нашу пажескую семью: радость, благодарность и гордость.»

Мы радуемся, что Богъ возвратилъ тебя намъ невредимымъ изъ безчисленныхъ опасностей, тебя окружавшихъ.

Благодаримъ тебя, что постояннымъ, совѣтливымъ, святымъ исполненіемъ долга своего, ты не измѣнилъ нашимъ кореннымъ семейнымъ правиламъ.

Мы гордимся тобой, потому—что среди самыхъ героевъ ты прослылъ героемъ!

Въ ознаменованіе этихъ чувствъ вся семья наша, отъ пажа до Министра, * проситъ тебя принять эту картину въ память вышшняго радостнаго дня. Она изображаетъ драгоценныя для тебя мѣста, гдѣ ты такъ долго подвизался, такъ много переживалъ, такъ усердно молился, но никогда не унывалъ. Желаемъ отъ души, чтобы эта картина передала отдаленнымъ твоимъ попомкамъ, что въ родѣ ихъ былъ князь Викторъ, который, въ числѣ доблестныхъ защитниковъ Севастополя, былъ

* Министръ двора Его Императорскаго Величества, графъ Адлербергъ, былъ также воспитаникомъ пажескаго корпуса.

всегда изъ первыхъ при его оборонѣ и послѣднимъ перешелъ мостъ на сѣверную сторону.»

По возвращеніи изъ этой комнаты пажы подняли генерала на руки и съ громкимъ возгласомъ понесли по заламъ. Праздникъ этотъ, на которомъ двое старыхъ пажей-товарищей, невидавшихся съ 1813 года, съ самаго сраженія подъ Кенигсвартомъ, гдѣ одинъ изъ нихъ другому, тогда раненому, далъ на прощаньи свой послѣдній стаканъ вина, встрѣтились уже сълыми и обнялись, какъ братья,—кончился въ девять часовъ. И. К. Айвазовскій, сочувствуя благородной цѣли, отказался отъ всякой платы за свое художественное произведеніе. Знаменитый художникъ этотъ, создающій картины съ быстротою почти волшебною, уже не въ первый разъ дѣлаетъ такіа безкорыстныхъ приношенія во имя русской славы и своего уваженія ко всему доблестному и высокому. Недавно еще онъ написалъ подвигъ лейтенанта Бутакова и послалъ къ нему свою картину въ знакъ своего уваженія къ его молодецкому морскому подвигу въ настоящую войну. Нельзя не чувствовать глубокой признательности къ таланту, который не забываетъ увѣковѣчивать все, что только можетъ имѣть въ послѣдствіи интересъ для будущаго поколѣнія, потому-что люди умираютъ и въ памяти народной остаются лишь ихъ дѣла и имена ихъ. Смерть не разбираетъ никого и также беспощадно губитъ и героевъ, презирающихъ ее въ пылу боя, и мирныхъ тружениковъ науки и искусства, ратующихъ только перомъ между четырехъ стѣнъ своего кабинета.

Русская литература также успѣла лишиться двухъ своихъ дѣятелей: П. Р. Фурманна, умершаго 8 января и Н. И. Надеждина, умершаго послѣ продолжительной двухгодовой болѣзни, 11 января.

П. Р. Фурманнъ, бывшій въ послѣднее время редакторомъ С. Петербургской полицейской газеты, первоначально посвятилъ себя искусствамъ, обучался въ Императорской Академіи художествъ и занимался пейзажной и архитектурной живописью. Нѣкоторыя изъ его картинъ были на выставкѣ лотереи Общества поощренія художниковъ. Оставивъ занятія живописью, онъ принялся за литературу и участвовалъ во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ, преимущественно же въ «Сынѣ Отечества», котораго онъ былъ послѣднимъ издателемъ, и въ газетѣ «Иллюстрація», въ которой многія статьи были имъ самимъ же иллюстрированы. Онъ былъ человѣкъ необыкновенно трудолюбивый

и дѣятельный и если бы можно было собрать все, что онъ написалъ, перевелъ и компилировалъ въ продолженіе всего времени, навѣрное бы набралось болѣе чѣмъ двадцать пять томовъ. Изъ всѣхъ его беллетрическихъ произведеній въ особенности заслуживаютъ вниманія дѣтскія книги: «Князь Меншиковъ», «Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ», «Князь Потемкинъ Таврической», «Ломоносовъ», «Суворовъ», «Дѣтскій альбомъ» и многія другія, печатавшіяся вторичными изданіями. Ко всѣмъ этимъ книжкамъ онъ самъ дѣлалъ рисунки. Сколько мы знаемъ, кромѣ повѣсти «Усачъ» напечатанной отдѣльно, большая часть рассказовъ Фурмана и мелкихъ статей была напечатана въ Иллюстраціи. По части художествъ, Фурманъ сочинилъ четыре тома «Рисунковъ сельской и городской архитектуры», изданныхъ книгопродавцемъ Поляковымъ.

Въ лицѣ Н. И. Надеждина русская литература и русская наука повесили чувствительную потерю, какъ въ человѣкѣ, обладавшемъ многостороннею ученостію и глубокими свѣдѣніями, въ особенности по части отечественной этнографіи.

Н. И. Надеждинъ, бывшій профессоромъ Московскаго университета, окончилъ жизнь, состоя въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ былъ главнымъ редакторомъ журнала этого министерства и членомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Географическаго Общества, которому до послѣдней минуты посвящалъ свои досугъ и свои знанія. Н. И. Надеждинъ издавалъ также одно время самъ журналъ «Телескопъ» и въ послѣдствіи участвовалъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Ученыхъ произведеній его очень много, изъ беллетрическихъ намъ извѣстно только одно «Сила воли» повѣсть, напечатанная въ «Сто русскихъ литераторахъ», изданныхъ Смирдинымъ и украшенная портретомъ автора. Полной и подробной біографіи его мы, вѣроятно, вправѣ ожидать отъ одного изъ самыхъ короткихъ его друзей, П. С. Савельева, нашего извѣстнаго и опытнаго археолога и оріенталиста, разъяснившего не мало темныхъ вопросовъ нашей отечественной исторіи, касающихся отношеній съ Востокомъ, и которому наша публика, слѣдящая за развитіемъ у насъ наукъ, обязана уже прекрасною біографіей Дордони Банзарова, ученаго молодого Монгола, общавшаго такъ много по своимъ первоначальнымъ произведеніямъ.

Въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ скончался Д. С. С. Михаилъ Фе-

доровичъ Соловьевъ, бывший профессоромъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ и въ Николаевской Инженерной Академіи.

Заговоривъ о литераторахъ, почитаемъ необходимою извѣстить о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія «Мертвыхъ Душъ» перваго тома и посоветовать желающимъ поторопиться покупкою, потому-что они рискуютъ недѣли черезъ двѣ или совсѣмъ не найти въ продажѣ этой книги, или платить вчетверо, что теперь случается со второй частию «Мертвыхъ Душъ», которую едва ли достанешь и за десять рублей серебромъ. Къ первому тому «Мертвыхъ Душъ» продаются немногіе экземпляры гравированныхъ на деревѣ рисунковъ г. Бернадскаго, которые также скоро сдѣлаются библиографическою рѣдкостью, и потому повторимъ желающимъ совѣтъ вашъ также и въ отношеніи этихъ рисунковъ, вполне прекрасныхъ по художественному исполненію и по вѣрности выраженныхъ характеровъ. Даже не прибѣгая къ помощи текста, по нимъ можно понять и прослѣдить все содержаніе перваго тома, начиная отъ вѣзда Чичикова въ губернской городъ до сплетенъ *просто прекрасной дамы* и *дамы прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ*. Всѣ герои Гоголя съ ихъ типическою особенностію: лакей Петрушка, кучеръ Селифантъ, дубоватый Собакевичъ, приторный Маңиловъ, недовѣрчивая и робкая Коробочка и самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, *душка* и *мамочка*, какъ его величали, предъ вами на лицо, какъ живые. Г. Бернадскій принялся уже за иллюстрацію второй части, «Мертвыхъ Душъ» и, судя по тому, что намъ удалось видѣть изъ начатковъ, эти новые рисунки будутъ также хорошо придуманы и исполнены, какъ первые, и потому нельзя даже впередъ не поблагодарить его за такую счастливую мысль, осуществленіе которой будетъ зависеть единственно отъ вниманія публики къ его трудамъ.

Коснувшись художествъ, мы сообщамъ здѣсь кстати о важномъ открытіи, сдѣланномъ въ Восточной Сибири финляндскимъ купцомъ Алиберомъ, именно о графитѣ или такъ называемой карандашной рудѣ, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ между драгоценными минералами, по употребленію во многихъ производствахъ и въ особенности въ приготовленіи карандашей, которой до-сихъ-поръ исключительнымъ мѣстороженіемъ почиталась Англія, хотя минералъ этотъ и распространенъ по всей земной поверхности. Знаменитый рудникъ, называемый Бороудельскимъ, находится въ Кумберлендскомъ графствѣ, разрабо-

тывался почти триста лѣтъ и обогатил многія поколѣнія своихъ владѣльцевъ. Этотъ-то графитъ употреблялъ Брокманъ на карандаши, которые по своему достоинству въ отношеніи къ рисованію и письму распространялись по всему міру, прославили его имя и доставили ему огромное богатство. Чтобы судить о важности Бороудельскаго рудника, достаточно замѣтить, что англійское правительство признало необходимымъ не разрѣшать вывоза графита иначе, какъ въ видѣ карандашей. Хорошіи графитъ долженъ удовлетворять тремъ главнымъ условіямъ: чтобы карандашъ очинивался остро и выдерживалъ легкій натискъ, не ломаясь, чтобы дѣлаемые имъ черты были чистаго и ровнаго цвѣта и наконецъ стирались резиною легко и безъ пятенъ. Бороудельская руда стала изсякать, самородный чистый графитъ изчезалъ и Англія, обшаривъ почти весь свѣтъ безуспѣшно, объявила премію тому, кто ввезетъ въ нее въ значительномъ количествѣ иностранный графитъ, равный достоинствомъ бывшему Кумберлендскому, но всѣ ея желанія не удавались. Нашему соотечественнику, г. Алиберу, посчастливилось напасть на слѣдъ карандашной руды. Прибывъ въ Восточную Сибирь по торговымъ и золотопромышленнымъ дѣламъ, онъ обратилъ вниманіе на минеральныя богатства Саянскаго Хребта, и его отраслей. Продолжая изслѣдованія къ сѣверо-западу отъ озера Байкала и рѣкъ Иркута, Китоя, Бѣлой и Оки, онъ встрѣтилъ разные обломки графита хорошаго качества и послѣ долгихъ трудовъ открылъ настоящее первобытное мѣсторожденіе этого минерала въ одномъ изъ острововъ Саянскаго Хребта на вершинѣ Бутгольскаго гольца, лежащаго близъ Китайской границы, въ четырехстахъ верстахъ къ западу отъ Иркутска. Чувствуя всю важность своей находки, Алиберъ немедленно приступилъ къ разработкѣ рудника и извлекъ большое количество графита, но только низшаго сорта, равнаго тому, который въ старое время поступалъ въ бракъ на Бороудельскомъ англійскомъ рудникѣ и былъ извѣстенъ подъ названіемъ *нежилнаго графита*. Впрочемъ, не смотря на эти малоудовлетворительныя успѣхи, показались прожилки отличнаго графита, разсѣяннаго мелкими зернами, которые свидѣтельствовали, что хорошая графитовая жила должна также тутъ находиться, но только на значительной глубинѣ. Алиберъ рѣшился приступитъ къ развѣдкѣ въ большихъ размѣрахъ и, взрывъ болѣе чѣмъ триста кубическихъ сажень графита, обнаружилъ наконецъ верхніе слои графитовой

жилы самага вышлага достоинства. Нѣкоторые изъ кусковъ этого превосходнаго графита вышли до двухъ пудовъ, тогда какъ въ Англіи хравять, какъ рѣдкость, кусокъ, добытый втеченіе трехсотлѣтней разработки, не болѣе, какъ въ шесть фунтовъ вѣсу. Въ теченіе восьми лѣтъ своихъ разысканій Алиберъ употребилъ болѣе восьмидесяти-пяти тысячь рублей серебромъ, которые не останутся для него пропавшимъ капиталомъ, потому что цѣнность хорошаго англійскаго графита, по свидѣтельству Дюфренуа, доходила до 400 фунтовъ стерлинговъ за килограммъ, т. е. около двухъ-тысячь рублей серебромъ за пудъ. Чтобы дать понятіе вообще о числовыхъ выгодахъ этого открытія, должно сказать одно, что въ 1854 году гамбургскій фабрикантъ Фаберъ получилъ изъ Америки заказъ на 624 тысячи дюжинъ карандашей и что привозъ въ Россію, чрезъ одну С. Петербургскую таможену, составляетъ въ годъ болѣе ста тысячь дюжинъ, не считая значительнаго количества приготавливаемыхъ у насъ карандашей, что составляетъ около миліона дюжинъ. Это открытіе, важное для науки, прибавило новое сокровище къ несчетнымъ богатствамъ, скрытымъ въ нѣдрахъ пространной Россіи. Сибирскій ботугольскій графитъ плотнаго и однороднаго сложенія, отпиливается отлично во всю длину куска на тончайшія пластинки, а потому можетъ идти прямо на дѣланіе карандашей, какъ прежній знаменитый бороудельскій графитъ. Приготовленные изъ русскаго графита карандаши мягки и въ то же время упруги, черты дѣлаютъ весьма тонкія, ровныя и чистыя, нѣжны при ослзаніи ихъ и имѣютъ всѣ оттѣнки отъ сѣробархатовиднаго до блестяще чернаго цвѣта. Г. Алиберъ теперь въ Петербургѣ и всякій можетъ самъ убѣдиться въ превосходствѣ нашего ботугольскаго графита. Чтобы удостовѣриться въ превосходствѣ найденнаго графита и для изученія его разработки, Алиберъ ѣздилъ въ Англію и въ 1847 и 1848 годахъ посѣтилъ бороудельскій рудникъ и, сравнивъ русскій графитъ съ англійскимъ, убѣдился, что качество сибирскаго графита превосходно.

Теперь обратимся къ перечню самыхъ свѣжихъ новостей нашей сцены, Александринскаго, Михайловскаго и Опернаго театровъ.

Прежде всего скажемъ о новой драмѣ г. Потѣхова «Чужое добро въ прокъ не идетъ», въ которой только одно лицо красуется въ нѣмецкомъ платьѣ, а всѣ прочія щеголяютъ въ му-

жицкихъ армякахъ, драмъ, слѣдовательно, взятой изъ чисто простонароднаго русскаго быта, для изученія котораго, кромѣ несомнѣннаго таланта, необходима глубокая наблюдательность и долговременное изученіе многихъ особенностей. Вотъ содержаніе этой новой драмы г. Потѣхина, обратившаго уже на себя вниманіе повѣстью «Казанокъ» романомъ «Крестьянка» и драмой «Судъ людскій — не Божій:»

У крестьянина Степана Федорова, содержателя постоялаго двора на большой дорогѣ, два сына — женатый Михайло, любящій разгульную жизнь, и Алексѣй, добрый, но простоватый паренъ. Михайло находитъ бумажникъ съ деньгами, потерянный ѣхавшими съ ярмарки купцами и нехотя отдаетъ его отцу, узнавшему объ этомъ случайно и рѣшившемуся ихъ утаить. Онъ обѣщаетъ выдать за то сыну, котораго слабость къ вину онъ знаетъ, каждый разъ изъ этой находки денегъ по немногу. Видя возможность удовлетворять своимъ прихотямъ, Михайло предается разнымъ излишествамъ и связывается съ лакеемъ сосѣдняго помѣщика, большимъ мерзавцемъ, подбивающимъ слабаго малаго на все дурное. Денегъ всегда оказывается мало и Михайло постоянно требуетъ у отца все болѣе и болѣе, угрожая, въ случаѣ отказа, объявить о своей находкѣ, кому слѣдуетъ. Не смотря на то, что Федорова мучитъ совѣсть и что постыдное поведеніе сына и упреки вздорной жены Михайлы, въ томъ, что онъ не отдѣляетъ ихъ, мучаютъ старика, онъ, ослѣпленный алчностью, не думаетъ возвратитъ денегъ ихъ хозяину даже тогда, когда узнаетъ, что ихъ потерялъ купецъ, дѣлавшій ему много добра. Наконецъ Михайло, подучиваемый лакеемъ, рѣшается украсть эти деньги съ отцовской груди и, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, вооруженный топоромъ, приходитъ ночью къ спящему старику. При видѣ беззаботно-спящаго отца въ немъ просыпается совѣсть, онъ не допускаетъ своего сообщника до преступленія и, когда обоихъ ихъ застаютъ меньшей братъ, Алексѣй, бросается къ отцу въ ноги и проситъ прощенія. Отецъ его прощаетъ, тѣмъ болѣе, что чувствуетъ самъ себя сильно-виноватымъ.

Не смотря на отягченность дѣйствія, въ особенности въ двухъ послѣднихъ актахъ, публика, довольная естественностію нѣкоторыхъ лицъ и простотою языка, а главное новизною сюжета, нѣсколько разъ вызывала автора и сочувствіе къ нему увеличилось еще болѣе, когда онъ появился предъ нею самъ въ націо-

нальной одеждѣ ополченнаго офицера. Словомъ, не смотря на многіе недостатки, зависяшіе впрочемъ только отъ незнанія сценическихъ условій, пьеса имѣла заслуженный успѣхъ, публика осталась довольна, чего же еще больше желать? Совсѣмъ не то должны мы, къ сожалѣнію, сказать о новой, такъ называемой трагедіи XIX вѣка, въ пяти дѣйствіяхъ, г. Сухонина.

Г. Сухонинъ, авторъ «Русской Свадьбы», пьесы имѣвшей большой успѣхъ, болѣе, впрочемъ, по прекрасной сценической обстановкѣ, декораціямъ, введеннымъ въ нее хоровымъ пѣснямъ и пляскамъ, чѣмъ по литературному достоинству и сюжету, котораго мало, думалъ, думалъ и наконецъ придумалъ — шутка-ли, трагедію! и еще трагедію въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ которомъ трудно, какъ вы хотите, совершаться какимъ-либо трагедіямъ, благодаря гладкости страстей, и прочему и прочему.

Въ этой, такъ называемой трагедіи, нѣтъ почти ни одного естественнаго, возможнаго въ дѣйствительности лица. Содержаніе натянуто и неправдоподобно; желаніе поддержать пьесу такъ называемыми эффектами вышло неудачно. Вотъ содержаніе этой трагедіи, чтобы наши читатели могли сами повѣрить, что мы нисколько не говоримъ по какому-нибудь пристрастію, чего Боже сохрани!—Одинъ богатый графъ, Александръ Федоровичъ Bronскій, вдавнись, для преувеличенія своего состоянія, въ разныя спекуляціи, раззорился наконецъ дотого, что все его наличное достояніе должно быть продано съ молотка, хотя постоянно поддерживаемая пышность, послѣднее усиліе гордости и расчета выдать выгодно замужъ дочь и женить сына, смутно заставляютъ только догадываться о разстройствѣ его дѣлъ. Къ довершенію несчастія, старшій слѣпой отецъ вздумалъ вдругъ требовать у него пятьдесятъ тысячъ рублей, ввѣренныхъ ему на сохраненіе до перваго востребованія, для того, чтобы надѣлать отысканную побочную внуку. У графа, какъ водится, наличныхъ денегъ не имѣется, но есть денежный человѣкъ, нѣкто баронъ Эмбахъ, бывшій управитель его отца, нажившій спекуляціями милліоны. Графъ обращается къ нему и Эмбахъ соглашается дать эту сумму съ условіемъ, чтобы за это отдана была ему рука дочери графа, Елены, влюбленной, замѣтимъ мимоходомъ, сперва въ полупомѣшаннаго, а потомъ уже вовсе помѣшавшагося поэта Югина, человѣка недостаточнаго и потому также лишеннаго надежды быть когда-либо зятемъ Bronскаго. Въ первую минуту гордость пересиливаетъ необходимость и графъ рѣшительно

отказывается, точно также, какъ и выгоняетъ отъ себя съ презрѣніемъ нѣкотораго господина Мурашкина, предлагавшаго ему сто тысячъ за фальшивое свидѣтельство. А между-тѣмъ нужда въ деньгахъ все болѣе и болѣе увеличивается, такъ-что приходится продать съ аукціона домъ. Слѣпой графъ поминутно повторяетъ свое требованіе, потому-что деньги нужны побочной его впучкѣ, Катѣ, живущей нахлѣбницей, рядомъ съ поэтомъ Юганымъ, въ котораго она влюблена до того, что въ день рожденія его, воспользовавшись его сномъ, даритъ ему шарфъ своей работы. Проснувшійся поэтъ, полагая, что этотъ подарокъ сдѣлала ему Елена, внѣ себя отъ восторга, бѣжитъ въ домъ графа, гдѣ его, разумѣется, не принимаютъ. Катя, готовящаяся въ актрисы и разучивающая роль Офеліи, замѣтивъ настоящую страсть Югина, принимается разыгрывать чувствительныя сцены и убѣгаетъ, прощѣвъ еще болѣе чувствительный романсъ. Въ эту минуту неизвѣстный поэту человекъ, сопровождаемый чиновникомъ и нѣсколькими свидѣтелями, объявляетъ Югину, что онъ повѣренный въ дѣлахъ бабушки его, богатой старухи, которая рѣшаясь передъ смертію возвратить сыну своей дочери то, что ей слѣдовало, еслибъ она не вышла замужъ противъ воли отца, приказала ему выдать сто тысячъ рублей серебромъ и кромѣ этаго, обнадежить на полученіе большого наслѣдства. Отъ этой неожиданной радости полумудрый поэтъ льстится чувствъ и потомъ, пришедъ въ себя, ради такого великаго счастья, созываетъ пріятелей на сжѣнку. Во время ихъ пира, входитъ Катя въ одеждѣ сестры милосердія и поэтъ спрашиваетъ ее, скоро ли она поступитъ на сцену? На этотъ разсѣянный вопросъ Катя отвѣчаетъ чувствительными фразами и новыми куплетами, изъ которыхъ только развѣ одинъ сумасшедшій Югннъ не могъ догадаться о ея сильной страсти къ нему до этой рѣшительной минуты. Напрасно старается онъ отклонить Катю отъ ея намѣренія, она твердо рѣшается посвятить себя страждущему человечеству (вѣроятно также изъ любви къ Югину, предчувствуя, что онъ скоро совершенно рыхнется). Югннъ продолжаетъ веселиться въ надеждѣ на огромное наслѣдство, и даже выкупаетъ домъ графа, продававшійся съ аукціона, оставшись самъ, по прежнему, безъ гроша, но надежда эта не сбывается. Бабушка не успѣваетъ сдѣлать заявчанія въ его пользу и все имѣніе переходитъ къ

дочери ея, Ольской, за двухъ дочерей которой сватается сынъ графа Бронскаго и его пріятель Кулясовъ. Поэту ни почемъ такой переверотъ фортуны, онъ богатъ только любовію Елены, но она, узнавъ, что отецъ ея готовъ заключить позорную сдѣлку съ Мурашкинымъ, рѣшается принести жертву и выйти замужъ за старика Эмбаха. Это извѣстіе рѣшаетъ судьбу Югина. Полагая, что Елена измѣнила ему изъ корысти, онъ сходитъ съ ума и его сажаютъ въ заведеніе, основанное его пріятелемъ, докторомъ Спиченко. Не смотря на прісмотръ сестры милосердія, Кати, Югинъ вырывается и бѣжитъ прямо въ домъ графа (наполненный гостями, явившимися съ поздравленіями,) въ своемъ лазаретномъ халатѣ и является предъ Еленой, которая, не зная, что отецъ ея принялъ между-тѣмъ ядъ, падаетъ все-таки въ обморокъ отъ такой чувствительной картины. Появленіе въ глубинѣ сцены сестры милосердія полагаетъ конецъ этой длинной фантазіи, въ которой, при совершенномъ отсутствіи плана, всѣ лица проходятъ передъ зрителемъ, будто въ какой-то фантазмагоріи. Спрашиваемъ: какую мысль желалъ высказать авторъ, что хотѣлъ онъ доказать, чему научить зрителя, назвавъ свою піесу общею пружиной человѣческаго общества—*Деньгами*? Признаемся откровенно, что до-сихъ-поръ мы не можемъ дать себѣ въ томъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта. Впрочемъ, благодаря отчетливой игрѣ актеровъ, сдѣлавшихъ съ своей стороны все, что они могли, г. Максимова (Югинъ), г-жи Жулевой (Елена), г-жѣ Самойловой (Катя), и г. Сосницкаго (сдѣшной старикъ графъ), авторъ трагедіи XIX вѣка былъ нѣсколько разъ вызванъ.

18 января былъ на Александринскомъ театрѣ бенефисъ г-жи Владимировой, еще только четыре мѣсяца тому назадъ явившейся въ первый разъ предъ нашей публикою, а между-тѣмъ, сдѣлавшейся уже сценическою необходимостію для комедіи. Одаренная отъ природы прекрасными средствами, вкусомъ и любовію къ драматическому искуству, г-жа Владимірова составила свой бенефисъ съ большою разборчивостію. Въ этомъ бенефисѣ была представлена давно неизгнанная комедія «Солданычъ Пили три Султанши,» обставленная съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ, въ которой принимали участіе лучшія наши танцовщицы: Рившаръ, Прихунова и Муравьева. — Новая комедія г. Островскаго, изъ купческаго быта, «Въ чужомъ пиру похмѣлье»,

въ которой главныя роли занимали гг. Мартыновъ, Зубровъ, Бурдинъ и г-жи Лисская, Федорова, Громова и Воронова,—забавный водевиль «Виць-мундиръ» и наконецъ картина стариннаго быта въ двухъ отдѣленіяхъ: Русскія Святки, въ которой г-жа Владимірова вмѣстѣ съ г-жею Гольцъ исполнила славянскую пляску.

Особенно мила была г-жа Владимірова въ сценѣ, когда русская боярышня гадаеть о своемъ суженомъ. О новой піесѣ г. Островскаго многого сказать нельзя, хотя въ ней и незамѣтно идея, которую онъ такъ упорно развивалъ во всѣхъ своихъ прежнихъ комедіяхъ. Въ піесѣ: «Въ чужомъ пиру похмелѣ», характеры обрисованы слабо и содержанія, которое бы могло придать интересъ, нѣтъ никакого. Сюжетъ заключается въ томъ, что въ дочь отставнаго учителя влюбленъ сынъ одного богатаго купца, который и дѣвушка не совсѣмъ противень, потому-что, оставаясь наединѣ, она позволяет цѣловать руки и говоритъ ему нѣжности, хотя при отцѣ, приходящемъ въ ужасъ отъ одной мысли, что его Лизѣ можетъ повратиться необразованный человѣкъ, молодая дѣвушка и увѣряетъ въ противномъ. Сама же она нисколько не раздѣляетъ этого ужаса и если не соглашается выйти за молодаго человѣка замужъ, то это только потому, что онъ купецъ и богатъ, а не потому, что онъ необразованъ и едва умѣетъ читать; ее пугаетъ только одна мысль: что объ ней скажутъ. Болѣе всѣхъ хлопочеть объ устройствѣ свадьбы хозяйка дома, гдѣ живетъ учитель, Аграфена Платоновна, непрестанно уговаривающая и отца и дочь и удивляющаяся, почему они на нее сердятся за ея вмѣшательство въ ихъ дѣло. Она также утѣшаетъ и молодаго купца и совѣтуетъ не терять надежды на счастливое окончаніе. Въ домъ учителя приходятъ за непокорнымъ сыномъ старикъ отецъ — Титъ Титычъ Брусковъ, въ отсутствіе отца невѣсты, ушедшаго на уроки объяснять красоты поэзіи Горациа. Лиза говить стараго купца вонъ, Брусковъ бранится; Аграфена Платоновна кое-какъ улаживаетъ все дѣло, выпроваживаетъ Лизу, и показывая Титу Титычу обязательство сына жениться на дочери учителя, требуетъ за возвращеніе бумаги три тысячи рублей серебромъ. Количество суммы озадачиваетъ купца, онъ начинаетъ горячиться, потомъ торгуется и наконецъ слагиваетъ съ Аграфеной Платоновной за тысячу рублей се-

ребромъ. Во время этой сдѣлки раздается звонокъ возвратившагося учителя и Титъ Титычъ, восклицая: какі! сорвали тысячу цѣлковыхъ, да не поругаться за свои денежки! преважно усаживается на стулъ. Лиза, не знающая ничего о продѣлкѣ Аграфены Платоновны, жалуется на Брускова отцу и тотъ въ свою очередь гонитъ его вонъ. Брусковъ все болѣе и болѣе увѣряется, что его ограбили, дѣлаетъ отцу Лизы нѣкоторыя намеки и тотъ требуетъ объясненія. Можно вообразить негодованіе педагога, когда онъ узнаетъ истину. Учитель хватается за деньги и бросается выручать обязательство. Между-тѣмъ старый Брусковъ перевернулъ весь свой домъ вверхъ дномъ и приказываетъ сыну жениться на толстой куйчихѣ, которую онъ ему давно выбралъ, а призванному подъячему Захару Захарычу писать на учителя жалобу. Насилу отецъ Лизы, показывая отнятыя у Аграфены Платоновны деньги, разными униженіями умолилъ Брускова возвратить обязательство, которое разрываетъ, проклиная Брускова. Благородный поступокъ учителя озадачиваетъ стараго купца. Онъ приказываетъ заложить карету и велитъ сыну собираться къ учителю и ваяться въ ногахъ до-тѣхъ-поръ, покуда отецъ Лизы и она не согласятся на предложеніе брака.—«Чтобъ непременно женился ты на дочери Иванова, а безъ этого я не показывайся мнѣ на глаза!» доканчиваетъ Брусковъ; «я голова въ домъ». Этимъ приказаніемъ и оканчивается комедія.

Въ отношеніи исполненія ролей пальма первенства, по всей справедливости принадлежала г. Зуброву, игравшему сившагося съ кругу Захара Захарыча, ходатая по не совсѣмъ чистымъ дѣламъ. Г. Островскій, видно, никакъ не можетъ отстать отъ своего любимаго типа — гомерическаго изображенія характера пьяницы. Г. Самойловъ, игравшій отставнаго учителя Иванова, сдѣлалъ изъ этой безцвѣтной и неблагодарной роли все, что только можетъ быть доступно истинному дарованію. Очень хороша была также г-жа Линская въ роли Аграфены Платоновны, а также и г-жа Федорова въ роли Лизы, дочери учителя. Г. Мартыновъ, старикъ, отецъ купца Брускова, создалъ также прекрасный типъ купца, но полному его торжеству не много мѣшало нетвердое знаніе роли.

Заканчивая отдѣлъ о театральныхъ новостяхъ, скажемъ, что «Цвѣтобѣсіе», какъ очень удачно выразился графъ Соллогубъ, нисколько не уменьшается, и что не только лицамъ, занимаю-

щимъ главныя роли, но и второстепенныя, было брошено множество прекрасныхъ дорогихъ букетовъ. Такъ, наприимѣръ, во время представленія «Маркитантки» г. Кукольникъ, всѣ танцовщицы, участвовавшія въ *pas de six*, г. Югансонъ, и г-жи Черрито, Никитина, Радина, Свѣткова и Амосова 2, были также награждены любителями огромными букетами. Объ артистахъ итальянской оперы и говорить нечего. Всѣ они, почти постоянно, засыпаютъ, если не всегда на заслуженныхъ лаврахъ, то уже по-крайней-мѣрѣ всегда на камелияхъ, приносящихъ большой доходъ содержателямъ петербургскихъ оранжерей и содержателямъ цвѣточныхъ лавокъ, въ большую досаду артистамъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Изъ числа пьесъ, представленныхъ нашею французскою труппою, мелодрама гг. Авице Буржуа и Деппери, подъ названіемъ «Дѣтскій докторъ», болѣе прочихъ заслужила одобреніе публики теплымъ чувствомъ, которое авторы, въ совершенствѣ знающіе условія сцены, успѣли придать выведеннымъ лицамъ. Вотъ ея содержаніе. Нѣкто Лемоннье (г. Бондуа), будучи еще молодымъ неизвѣстнымъ лекаремъ, увезъ молодую женщину, г-жу Делормель (г-жа Луиза Майеръ), и живетъ съ нею уединенно и счастливо, полагая, что мужъ ея, находившійся въ Индіи, давно умеръ. У Лемоннье дочь, которую спасаетъ отъ смерти какой-то человекъ, вырвавъ ее изъ-подъ ногъ скакавшей лошади. Можно вообразить ужасъ г-жи Делормель, когда въ спасителѣ своего ребенка, она узнала мужа, живаго и здороваго. Делормель понялъ все и не желая кидать позора на свое имя и срамить жену, которую онъ страстно любилъ, увозитъ съ собою тихонько и жену и дочь доктора, давъ ей однакожъ свою фамилію. Молодой докторъ въ отчаяніи и только одно увѣреніе стараго слуги Жерома, что онъ рано или поздно увидитъ дочь свою, утѣшаетъ немногого скорбь несчастливца. Но вдругъ исчезаетъ и старый Жеромъ, безгранично преданный г-жѣ Делормель, и Лемоннье остается одинъ на свѣтѣ съ своими воспоминаніями и отчаяніемъ. Проходятъ четырнадцать лѣтъ, втеченіе которыхъ г-жа Делормель умерла отъ горя и терзанія совѣсти, а дочь ея, Люсиль (таже Луиза Майеръ), живетъ у своего отца, но онъ обходится съ нею холодею, оставляя почти всегда на попеченіе стараго Жерома. Люсиль остается одно утѣшеніе заботиться о бѣдныхъ, что она и исполняетъ. Однажды, по случаю болѣзни ребенка,

она посылаетъ за докторомъ, объ искусствѣ котораго идетъ громкая молва. Онъ является и видитъ Жерома; входитъ Люсиль и онъ, по чертамъ ея, живому портрету матери, узнаетъ дочь. Напрасно старый Жеромъ умоляетъ его не измѣнять себѣ, отеческое чувство Лемоннье просится наружу и Жеромъ берется согласить его съ необходимымъ долгомъ, остаться для дѣвушки только простымъ обыкновеннымъ докторомъ. Онъ увѣряетъ Люсиль, что чудакъ докторъ, вспоминая о своей дочери, какъ двѣ капли воды похожей на нее, кромѣ поцѣлуя за каждый визитъ, не соглашается лечить больного ни за какія со-кровища. Добрая дѣвушка исполняетъ его желаніе, больной выздоравливаетъ, но вскорѣ она занемогаетъ сама, занемогаетъ оттого, что Делормель хочетъ выдать ее замужъ за человѣка — нелюбимаго ею и этимъ разлучить съ однимъ примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ, въ котораго она влюблена. Докторъ узнаетъ это, узнаетъ о ея тягостной жизни и рѣшается во что бы ни стало спасти Люсиль отъ бѣдственной участи. Отцы видятся. Лемоннье проситъ, умоляетъ, но его мольбы не ведутъ ни къ чему, тогда онъ открываетъ Делормелю права свои и противники, давно ненавидящіе другъ друга, соглашаются драться на смерть, съ тѣмъ, чтобы оставшемуся въ живыхъ, распоряжаться участію Люсиль по произволу. Люсиль подслушиваетъ и тайна пѣжности доктора объясняется. Слышенъ выстрѣлъ! Отъ сильнаго нравственнаго потрясенія она падаетъ въ продолжительный обморокъ, который всѣ окружающіе принимаютъ за смерть. Люсиль, въ-самомъ-дѣлѣ бездыханна. Вѣсть о ея смерти примирила враговъ, изъ которыхъ одинъ, Лемоннье, ранецъ. Оба отца приходятъ къ постели охладѣлой Люсиль и Делормель отдастъ ее доктору. Слѣдуетъ прекрасная патетическая сцена:

— Врача, врача! кричитъ въ отчаяніи Лемоннье, замѣтивъ признаки жизни и знаками лишь показывая на зеркало, которое потускнѣло отъ слабаго дыханія дѣвушки.

— Да вы сами врачъ! замѣчаютъ ему!

Увы! ударъ былъ савшкомъ силенъ для бѣднаго отца. Наука, опытность исчезли изъ его головы. Онъ ничего не помнитъ, ничего не знаетъ! А между-тѣмъ драгоценныя минуты спасенія летятъ. Приведенный немного въ себя, Лемоннье, схва-

тываетъ ланцетъ, пускаетъ кровь и Люсиль, пришедшая въ чувство, съ возгласомъ: отецъ мой! падаетъ въ объятія доктора.

— Дѣвица Делормель умерла, ожила дѣвица Лемоннье, она теперь наша, говоритъ Делормель.

— Нѣтъ, возражаетъ докторъ, она не принадлежитъ ни мнѣ, ни вамъ, она будетъ принадлежать тому, кого она любитъ.

Въ роли Лемоннье г. Бондуа былъ неподражаемъ и изумилъ всѣхъ превосходнымъ художественнымъ исполненіемъ. Успѣху пьесы способствовала также прекрасная игра г-жи Луизы Майеръ, особенно въ задуманныхъ сценахъ.

На большомъ театрѣ поставлена въ нынѣшнемъ году новая опера Мейербера, подъ названіемъ «Сѣверная Звѣзда», привлекающая многочисленную публику. Она поставлена съ необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ и имѣла огромный успѣхъ, при отличномъ исполненіи г-жи Бозіо, Лаблаша, и Кальцолари.

Балетная наша сцена также обогатилась новымъ знаменитымъ талантомъ. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о г-жѣ Богдановой, нашей соотечественницѣ, такъ долго восхищавшей Парижъ, Вѣну, а въ недавнемъ времени Берлинъ и Варшаву. Теперь она возвратилась въ Россію и въ полномъ смыслѣ сводить съума нашу публику. О ея мимикѣ и о ея танцахъ, въ особенности о прыжкахъ, исполненныхъ граціи, всѣ единогласно отзываются, какъ о чемъ-то изумительномъ. Прибытіе г-жи Богдановой въ Петербургъ тѣмъ болѣе должно обрадовать любителей балета, что нынѣшняя балетная наша танцовщица г-жа Телла уже дала прощальный бенефисъ и по окончаніи зимняго сезона уѣдетъ къ Вѣну. Г-жа Телла исполняла свою обязанность добросовѣстно и приобрѣла между петербургской публикой даже нѣсколькихъ приверженцевъ. Что касается до г-жи Богдановой, то она до того замѣчательное явленіе въ области искусства, что мы ей посвятимъ отдѣльную статью въ слѣдующемъ номерѣ Пантеона.

Текущихъ новостей также не мало, если даже не упоминать о маскарадахъ Дворянскаго, Благороднаго и Нѣмецкаго собраній, которые впрочемъ нынѣшнюю зиму какъ-то менѣе оживлены противу прежнихъ лѣтъ. На Невѣ начались рысые бѣги, на которыхъ русская удалъ до-сихъ-поръ еще ждетъ и

неложится трючныхъ многоверстныхъ состязаній, надѣясь видѣть торжество своей любимицы, почтовой тройки Н. Н. Анненскаго, сопровождаемой всегда съ ристалища такимъ искреннымъ, неподкупнымъ ура простолюдной толпы. Было нѣсколько концертовъ, исполненныхъ придворными пѣвчими, въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ защитниковъ прибалтійскаго края. Было нѣсколько обычныхъ публичныхъ лекцій, нѣсколько загородныхъ пикниковъ, но все это только повтореніе прошлыхъ годовъ. Скажемъ въ заключеніе о новостяхъ, которые принадлежатъ лишь нынѣшнему году, именно о журналахъ.

Съ перваго января г. Катковъ началъ издавать журналъ «Русскій Вѣстникъ», котораго первые нумера мы уже прочли. Въ немъ много очень—дѣльныхъ и капитальныхъ статей, между которыми общее вниманіе устремлено на неизданную главу изъ перваго тома «Мертвыхъ душъ» Гоголя. Въ ней описывается тотъ моментъ, когда про покупку Чичикова пошли разныя слухи и прокуроръ, человекъ очень любопытный, какъ по своей обязанности, такъ и по характеру, ѣдетъ собирать разныя свѣдѣнія у Сабакевича, Коробочки и прочихъ. Разныя толки и мнѣнія мирить почтмейстеръ, рассказавшій когда-то, по случаю Чичикова, повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, почти такимъ же оригинальнымъ предположеніемъ.

К. А. Полевой началъ также издавать иллюстрированное періодическое изданіе, подъ названіемъ «Живописная Русская Библиотека». Вышли уже два нумера, но увы, до-сихъ-поръ еще читатели остаются только въ прежней надеждѣ, что въ листахъ ея будутъ находить что-нибудь *русское* и болѣе интересное со временемъ. Кромѣ описанія церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, пикета линейныхъ казаковъ, водовозовъ, далеко уступающихъ водовозу А. П. Башуцкаго, въ ней нѣтъ ни статей, способныхъ возбудить русское любопытство и сочувствіе, ни рисунковъ. Всѣ прочія статьи и рисунки давнымъ давно уже извѣстны изъ иностранныхъ иллюстрированныхъ изданій. Что это значитъ? Неужели г. Полевой, человекъ съ тактомъ и вкусомъ, не понимаетъ, что онъ не удовлетворитъ читателей подобнымъ содержаніемъ своихъ листочковъ, или вицовата публика, которая не покровительствуетъ, какъ слѣдуетъ, полезному изданію и не даетъ достаточныхъ средствъ для его улучшенія.

О новомъ музыкальномъ и театральномъ журналѣ г. Раппо-

порта, мы покада сказать ничего не можемъ и остаемся въ пріятномъ ожиданіи, чтобъ онъ хоть чѣмъ-нибудь отличился.

Объемъ нашей первой книжки не позволилъ намъ помѣстить довольно обширной статьи, заключающей обзоръ всей литературной дѣятельности въ Россіи за 1855 годъ; но она выйдетъ въ № 2, и затѣмъ уже начнется наша обычная хроника текущей литературы.

НОВОСТИ МУЗЫКАЛЬНЫЯ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ.

(MUSÉE MUSICAL.)

А. ЛЕЙБРОКА.

Въ Большой Морской, въ домъ Коссиковского, и въ Пассаажъ,
№ 25-й, въ С.-Петербурѣ.

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО НА 4 РУКИ.

<i>Beyer. F.</i>	Fantasia sur des motifs de l'opera Guillaume Tell, de Rossini, pour le Piano à 4 mains Op. 112.	—	R.	85	C.
<i>Bollé. H.</i>	Potpourri de l'opera Trovatore de Verdi, pour le piano a 4 mains.	1	—	15	—

МУЗЫКА ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.

<i>Ascher. J.</i>	Dozia—Mazurka op. 23.	—	—	75	—
—	La perle du Nord. Mazurka brillante.	—	—	75	—
<i>Bollé.</i>	L'enfant Pianiste. Album des enfants. Choix de pièces très faciles, composées et arrangées et doigtées pour le piano à 2 et 4 mains.	1	—	50	—
<i>Marks.</i>	Grand Potporri de l'opera Il Trovatore de Verdi	1	—	—	—
<i>Rossini.</i>	Ouverture de l'opera Guillaume Tell. Arrangement facile de Rummel.	—	—	85	—
<i>Spindler F.</i>	Alpen-Röslein. Jdylle op. 45 № 1.	—	—	50	—
—	Vergissmeinnicht Jdylle op. 45 № 2.	—	—	50	—
<i>Voss. Ch.</i>	Das Lied vom Herzen, transcrit pour piano op. 102	—	—	60	—

ДЛЯ СКРИПКИ, СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПЬЯНО.

<i>Zabel Albert.</i> Une plainte, Chanson sans paroles pour le Violon avec accompagnement de piano.	1	—	30	—
---	---	---	----	---

ТАНЦЫ.

<i>Ducommun.</i> Bosio — Polka.	—	—	40	—
<i>Ermolaeff.</i> Camelia — Polka-Mazurka	—	—	40	—
<i>Gungl. Ioseph.</i> Bockspruenge — Polka op. 128.	—	—	50	—
----- Imre Walzer op. 129	—	—	85	—
----- Tanzlieder Valser op. 130.	—	—	85	—
----- Scheidegrüsse op. 131.	—	—	85	—
<i>Gungl. F.</i> Trovatore Quadrille.	—	—	75	—
<i>Hussla. A.</i> Androuescha Polka.	—	—	50	—
----- Luboff Quadrille.	—	—	75	—
<i>Goeben.</i> Varsoviana	—	—	50	—
<i>Klipp.</i> Alexandrinen Polka-Mazurka.	—	—	40	—
<i>Merten.</i> Emma Walzer.	—	—	85	—
<i>Posnikoff.</i> Mes Adieux. Polka-Mazurka	—	—	40	—
<i>Voss. P.</i> Maria—Polka.	—	—	40	—

Echo des Bals. Album des danses pour 1856; contenu:

- 1) Gungl Tanzlider — Valse. 2) Szechenyi; Duscha—Polka. 3) Klipp. Alexandrine Pol. Maz. 4) Gungl Trovatore Quadrille. 5) Troubetzkoi, Salut Valse. 6) Hussla, Andronika Polka. 7) Liadoff Красавица Polka-Mazurka. 8) Modselewsky Pagni Polka. 9) Hussla Luboff Quadrille. 10) Göben Varsoviana. 11) Lund Mazurka favorite. 11) Strauss Echo des Bals Polka. 13. Pagni Marche du Ballet Faust. . . . . Relié. 3 руб.

РОМАНСЫ СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПЬЯНО.

<i>Паскуа.</i> «Гдѣ вы дни мои», русская пѣсня.	62	Коп.
----- Молитва: «Я Матерь Божія нынѣ съ моли- твою».	60	—

НАСТАВНИЦА

или

ПАНСИОНЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ.

АНГЛІЙСКИЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Счастливое дѣтство оставляетъ по себѣ самыя пріятныя воспоминанія, которыя, со временемъ, становятся еще болѣе драгоцѣнными.

Въ различныя эпохи жизни, когда надежда озаряетъ нашу будущность, или меркнетъ на нашемъ горизонтѣ, когда успѣхъ вѣнчаетъ наши желанія, или неудачи оскорбляютъ самолюбіе, когда новая привязанность оживляетъ сердце, или потеря друга отравляетъ дни, тогда пріятно переноситься въ раннюю молодость, вспоминать о близкихъ существахъ, которыхъ улыбка ободряла наши первыя удовольствія и ласка осушала слезы. Этого счастья я почти не испытала. Сирота съ колыбели—я не имѣла ни брата, ни сестры, которые раздѣляли бы мои игры. Отдаленные родственники призрѣли меня, вѣроятно, изъ состраданія. Но какая разница между самымъ гостепріимнымъ и отеческимъ кровомъ!..

У меня была, однакожь, добрая крестная матушка, у которой я каждый годъ нѣкоторое время гостила: оно только и оставило по себѣ добрую память.

Крестная моя жила въ прекрасномъ домѣ, въ Ольней, старинномъ, тихомъ городкѣ, гдѣ каждый день похожь былъ на воскресный, такъ домъ былъ покоенъ и опрятенъ, имѣя видъ довольства. Крестная звалась мистрисъ Граамъ. Мужъ ея былъ докторомъ и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставя ее съ единственнымъ сыномъ. Мистрисъ Граамъ, въ эпоху, о которой я говорю, была еще хороша собою, виднаго роста, и почти брюнетка, которыя вообще рѣдки въ Англии. Она жалѣла, что не передала сыну своего южнаго цвѣта лица и большихъ черныхъ глазъ. У молодаго Граама глаза были голубые, бархатные, но не безъ выраженія; волосы его вились отъ природы и имѣли золотистый отливъ. Потому его и звали тогда мальчикомъ съ золотыми волосами. Молодой Граамъ, какъ и матушка его, наслаждались совершеннымъ здоровьемъ; казалось, что онъ будетъ по ней высокаго роста.

Время, проводимое мною у крестной, уподоблялось свѣтлому ручью, текущему по гладкой равнинѣ. Счастье мое было самое тихое, однообразное, но я не желала разсѣянiя и страшилась всякой переменны, испытавъ слишкомъ рано горе.

Однажды Мистрисъ Граамъ получила письмо, которое очень ее удивило и, казалось, озаботило. Полагая, что письмо это отъ моихъ опекуновъ, я боялась, нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь для меня недобраго; можетъ-быть, велеть мнѣ уѣхать отъ крестной; но добрая матушка ничего мнѣ не сказала, забота свѣялась съ ея лица и я ободрилась.

На другой день, возвратясь съ длинной прогулки, я нашла въ моей спальнѣ неожиданную переменну. Возлѣ кровати моей, въ большомъ альковѣ, стояла маленькая съ чистѣйшимъ бѣльемъ кровать; возлѣ моего комода явился маленькiй розовый комодикъ.

За обѣдомъ тайна открылась. Въ моей комнатѣ будетъ жить дитя дальняго родственника Мистрисъ Граамъ, маленькая дѣвочка, потерявшая свою мать. Впрочемъ, по словамъ крестной, потеря не была слишкомъ важною. Хотя мистрисъ Гомъ, — такъ звали покойную, — была очень хороша собою, но отличалась вѣтренностію и легкомысліемъ. Она мало заботилась о своей дочери и дѣлала мужа своего несчастнымъ. Они добровольно разошлись и вскорѣ мистрисъ Гомъ, выходя съ одного бала, простудилась и умерла. Г. Гомъ, человѣкъ чувствительный, пораженный внезапною смертію, не могъ увѣрить себя, что онъ совершенно-невиненъ въ этомъ случаѣ: Онъ упрекалъ себя въ недостаткѣ снисходительности и долго предавался этой мысли, что здоровье его разстроилось. Доктора совѣтовали ему предпринять путешествіе на материкъ. Рѣшась ѣхать, онъ просилъ Г. Граамъ взять къ себѣ его дочь на время его отсутствія.

— Богъ дастъ — прибавила крестная — ребенокъ не будетъ похожъ на свою мать, женщину ничтожную, пустую. Удивительно, что г. Гомъ, человѣкъ съ умомъ, могъ на ней жениться. Онъ имѣетъ состояніе и посвятилъ себя наукамъ. Надо сказать правду, что Г. Гомъ занимался болѣе химическими и физическими опытами, чѣмъ своей молодой женой. Онъ наследовалъ эту страсть отъ дяди съ материнской стороны, члена французскаго Института. Итакъ у него были родственники во Франціи, принадлежащіе къ аристократіи; вообще, происхожденіе Г. Гома, отчасти Шотландское, отчасти Французское, дѣлало его человѣкомъ особеннымъ.

Погода въ этотъ вечеръ была ужасная; послали человѣка къ дилижансу, который долженъ былъ прибыть къ девяти часамъ. Мы съ крестной сидѣли въ гостиной. Джонъ Граамъ гостилъ въ деревнѣ у одного школьнаго товарища; крестная читала журналъ, а

я шила; дождь стучалъ въ стекла; вѣтеръ завывалъ въ каминъ.

— Бѣдное дитя! восклицала по временамъ крестная, какая страшная погода! Чего бы я не дала, чтобъ она была уже здѣсь, живой и здоровой!

Около десяти часовъ вечера звонъ колокольчика возвѣстилъ возвращеніе человѣка. Я бросилась въ сѣни. Тамъ разставлены уже были чемоданъ и нѣсколько картонокъ. Возлѣ чемодана сидѣла нарядная няня, у лѣстницы человѣкъ держалъ въ рукахъ, что-то обернутое въ шаль.

— Это дитя? спросила я его.

— Да, сударыня.

Я хотѣла раскрыть шаль, чтобъ взглянуть на дѣвочку, но она отвернулась отъ меня и схватилась за плечо человѣка.

— Поставьте меня на полъ, сказалъ слабый голосокъ, снимите шаль. И слабое твореніе выдернуло булавку, чтобъ скорѣе освободиться отъ шали; но шаль была тяжела для маленькихъ ручекъ.— Генриета, возьми отъ меня шаль!

Генриетой называлась нянюшка.

Сказавъ это, дѣвочка вошла въ гостиную.

— Поди сюда, милая малютка! вскричала крестная. Ты озябла, душенька, погрѣйся, погрѣйся скорѣе.

Дѣвочка подошла. Это было милое, миниатюрное созданье. Крестная посадила ее на свои колѣни, и та казалась восковой куколкой съ шелковыми волосами.

— Какъ зовутъ тебя, моя крошечка?

— Мисси *.

— А имя твое?

— Папа называетъ меня Полли **.

— Рада ли будешь ты, Полли, съ нами жить?

* Уменьшенное — миссъ.

** Уменьшенное — Поллины.

— Не всегда, а только до прїѣзда папа; онъ далеко уѣхалъ, сказала она, печально покачивая головой. Доктора послали его для здоровья.

Глазки Полли наполнились слезами; она выдернула свои ручки изъ рукъ моей крестной и сдѣлала движеніе, чтобъ сойти съ колѣнъ.

— Позвольте мнѣ сѣсть на табуретъ. Крестная не противорѣчила ей.

Полли взяла табуретъ, отнесла его въ темный уголъ и сѣла на немъ. Мистрисъ Граамъ сказала мнѣ потихоньку, чтобъ я дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаю. И я смотрѣла на нее украдкой. Полли, облокотясь ручкой на свое колѣно, вынула изъ кармана маленькій, точно куколкинъ, платочекъ и стала потихоньку плакать.

— Можно ли позвать Генріету? спросилъ тоненькій голосокъ.

Я позвонила и Генріета явилась.

— Генріета, мнѣ пора ложиться, сказала маленькая Полли. Знаешь ли, гдѣ моя постелька?

Генріета отвѣчала утвердительно.

— Ты будешь спать со мною, Генріета?

— Нѣтъ, мисси, отвѣчала нянюшка. Ваша постелька въ комнатѣ этой барышни, прибавила она, указывая на меня.

Полли не сходила съ табурета; глазки ея на меня устремились. Посмотрѣвъ на меня нѣсколько времени, она вышла изъ угла. — Доброй ночи вамъ, сказала она мистрисъ Граамъ, и прошла мимо меня молча.

— Доброй ночи, Полли, сказала я ей.

— Зачѣмъ намъ прощаться? мы будемъ спать въ одной комнатѣ, сказала Полли, и исчезла изъ гостиной. Мы слышали, что Генріета хотѣла взять ее на руки и нести по лѣстницѣ. — Не нужно, отвѣчала Полли, и маленькія ножки начали перебирать ступеньки.

Черезъ часъ я вошла въ нашу комнату, малютка еще не спала. Она, прислонясь къ подушкамъ, сидѣла

на постелькѣ съ пресерьезнымъ видомъ. Я ничего ей не говорила, но, передъ потушеніемъ свѣчки, совѣтовала ей совсѣмъ лечь.

— Сейчасъ, отвѣчала она.

— Но вы простудитесь, мисси.

Она взяла маленькую шаль, висѣвшую на стулѣ подлѣ ея постельки, и покрыла ею свои плечики. Я оставила ее въ покоѣ, но, прислушиваясь, замѣтила, что она потихоньку плачетъ. На другой день, Генріета, одѣвая ее, сказала, что отлучится на нѣсколько дней къ своимъ родственникамъ, на что получила позволеніе отъ г. Гома.

— Барышня поможетъ вамъ одѣваться, когда меня не будетъ.

— Нѣтъ, я сама буду одѣваться.

Когда я вошла въ столовую во время завтрака, Полли сидѣла возлѣ мистрисъ Граамъ и передъ ней стояла чашка съ молокомъ, но маленькія ручки не покидали скатерти.

— Какъ же намъ утѣшить Полли въ отсутствіе ея папеньки? сказала крестная.

— О, я никогда не утѣшусь.

— Она ничего не ѣстъ, сказала потихоньку мистрисъ Граамъ. Я вижу, по ея глазамъ, что она и не спала. Покуда она не привяжется къ кому-нибудь изъ насъ, — дѣло будетъ плохо.

Дни проходили, а Полли ни къ кому не привязывалась. Нельзя было назвать ее недоброю, капризною, но ясно было, что она сильно тоскуетъ по своему отцу и дому. Она жила между нами, но душа ея была не съ нами. Часто мы искали ее по всему дому и находили въ какомъ-нибудь уголку, опершись личикомъ на руку. Нѣсколько разъ, при лунномъ свѣтѣ, я видѣла ее стоящую на кроваткѣ своей на колѣнахъ и молящуюся. Словъ молитвы я не могла разслушать, но часто она произносила слово: «папа».

Такая глубокая печаль въ такомъ слабomъ творе-

нїи очень насъ безпокоила. Малютка ни съ кѣмъ изъ насъ не сближалась и не искала утѣшенія. Между тѣмъ молодой Граамъ возвратился. Это былъ славный мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, веселый и шутливый; при первомъ его появленіи, Полли, сидѣвшая на высокому стулѣ передъ рабочимъ столикомъ, казалась испугалась.

— Какъ же маменька, сказалъ онъ, вы не представляете меня миссъ Гомъ! Развѣ я самъ долженъ ей представиться? И не ожидая отвѣта матери, продолжалъ: — простите, миссъ Гомъ, если я беру эту смѣлость. Располагайте, какъ вамъ угодно, Джономъ Граамомъ.

Полли посмотрѣла на него съ серьезнымъ видомъ, сошла переважно съ высокога стула и сдѣлала ему премиленькой реверансъ.

— Ахъ, маменька, какая она милашка! вскричалъ Граамъ, и безъ перемонїи взялъ ее и поставилъ на свою ладонь, чтобъ лучше разсмотрѣть. Потомъ, поднявъ выше своей головы, онъ сказалъ ей, чтобъ посмотрѣлась въ зеркало.

— Опустите меня на полъ! вскричала Полли тономъ оскорбительнаго достоинства, развѣ я кукла?

Не смотря на такое важное нарушеніе правилъ этикета, Граамъ былъ счастливѣе насъ. Онъ обратилъ вниманіе малютки, роясь въ своемъ пюцитрѣ, наполненномъ разными бумагами, перьями, сургучомъ, ножичками и картинками. Когда онъ все это перебиралъ, одна гравюрка, изображающая ребенка, который играетъ съ собачкой, упала на полъ.

Полли подняла гравюру. — Ахъ, какая миленькая собачка! сказала она.

— Хотите имѣть ее?

— Нѣтъ, отвѣчала она, подумавъ съ минуту.

— Если не возьмете, знаете ли, что я съ нею сдѣлаю?

— Что хотите.

— Я сдѣлаю изъ нея зажигательныя бумажки для лампы. И Граамъ взялъ ножницы изъ рабочей корзинки, чтобъ исполнить свою угрозу.

— Бѣдная собачка! сказала Полли.

— Хотите взять? Есть еще время.

— О! очень хочу.

— Однакожь надо наградить меня хоть однимъ поцѣлуемъ. Я хочу, чтобы вы были моей маленькой сестрицей.

— Оставьте при себѣ собачку.

— Нѣтъ, я отдаю вамъ ее даромъ.

— Благодарю, благодарю, Граамъ! и она взяла съ признательностію гравюру.

Начало было счастливое. Большой мальчикъ и маленькая дѣвочка сдѣлалась друзьями; не знаю, кто изъ нихъ болѣе другъ о другъ заботился.

Самое большое для Полли удовольствіе было — сидѣть на колѣнахъ Граама на маленькомъ табуретѣ и слушать его школьные рассказы. Она знала по имени всѣхъ его товарищей. Довольно было однажды описать характеръ и наружность кого-нибудь изъ нихъ, чтобъ она никогда его не забывала и не смѣшивала съ другими. По цѣлымъ вечерамъ Полли разговаривала съ Граамомъ о его товарищахъ, которыхъ никогда не видала. Раздѣляя антипатію своего друга, она возненавидѣла одного бѣднаго учителя и даже передразнивала его; но мистрисъ Граамъ запретила ей это, не смотря, что такая пародія очень веселила малютку.

На дружбу дѣтей находило иногда облачко. Ссоры, по счастью рѣдкія, были иногда очень серьезны; Полли малѣйшія неудовольствія принимала не по лѣтамъ къ сердцу. Я приведу только одинъ или два примѣра.

Однажды, въ день рожденія Граама, у него были гости, школьные товарищи. Послѣ обѣда, веселая толпа осталась въ залѣ и, натурально, не замедлила поднять порядочный шумъ. Проходя черезъ перед-

ною, я увидѣла, что Полли сидитъ на послѣдней ступенькѣ лѣстницы и смотритъ на дверь, ведущую въ залу. Дверь была лакированная и отражала свѣтъ лампы въ передней. Малютка казалась очень задумчивою.

— О чемъ вы думаете, Полли?

— Я бы желала, чтобъ эта дверь была стеклянная, отвѣчала она.

— Но что мѣшаетъ вамъ войти въ залу! Вы тогда лучше увидите, что тамъ дѣлается.

— Я не смѣю. Развѣ можно?

— Зачѣмъ же нѣтъ?

И она рѣшилась постучаться или скорѣе поцарапать въ дверь. Но какъ за шумомъ невозможно было этого слышать, то я вмѣсто ее постучала громче.

Граамъ отворилъ, или лучше сказать, раскрылъ не множку дверь и выставилъ въ нее свою голову. Видно, что онъ одушевленъ былъ игрою.

— Что тамъ? А! это вы? что вы тутъ дѣлаете? Посмотрите господа, какая прекрасная куколка, не правда ли, что ее можно поставить подъ стеклянный колпакъ, на каминъ? Но, Полли, убирайтесь поскорѣе, отсюда. Мы васъ ушибемъ и переломаемъ ваши ручки и ножки. Скажите матушкѣ и миссъ Люси, чтобъ поторопились васъ уложить. — И дверь потихоньку, но плотно затворилась.

Полли окаменѣла. Я подошла къ ней.

— Онъ любитъ больше своихъ товарищей, шептала она вздыхая, — никогда онъ такъ не говорилъ со мною.

Я старалась ее утѣшить; говорила ей, что маленькая дѣвочка не можетъ находиться посреди шумныхъ мальчиковъ; что Граамъ, конечно, не промѣняетъ ее на своихъ товарищей, но что этотъ день онъ посвятилъ имъ. Я хотѣла сказать еще что-нибудь въ утѣшеніе; но, при первомъ словѣ, она закрыла руками свои уши и легла на рогожку внизу лѣстницы. Ни

человѣкъ, ни кухарка, ни я не могли убѣдить ее, чтобъ встала. Болѣе часа она оставалась въ этомъ положеніи.

Граамъ старался въ тотъ же вечеръ извиниться, что причинилъ невольнымъ образомъ ей огорченіе, но Полли дѣлалась для него мраморной статуей. На слѣдующій день было тоже самое. Когда онъ на нее смотрѣлъ, Полли опускала глаза въ землю и сжимала свои губки. Наконецъ она его простила, но этотъ урокъ не былъ для нея потерянъ. Однажды я попросила Полли отнести одну книжку къ Грааму, въ его учебную комнату.—Я подожду, сказала она съ важною, когда онъ оттуда выйдетъ; по-крайней-мѣрѣ онъ не пожалуется въ другой разъ, что его обезпокоили.

Сильный характеръ, какъ видно, можетъ заключаться и въ слабомъ созданьи.

У Граама была маленькая, любимая имъ лошадка, на которой онъ часто ѣздилъ верхомъ. Полли всегда смотрѣла, какъ онъ отправлялся, и ждала его возвращенія, взмостясь на высокій стулъ возлѣ окна. Какъ бы ей хотѣлось покататься самой на рѣзвой лошаdkѣ, но нельзя же унизиться, чтобъ просить объ этомъ! Между-тѣмъ Граамъ долго недогадывался предложить ей поѣздить на его лошаdkѣ. Наконецъ онъ и догадался, но было уже поздно.—Папа мнѣ купить маленькую лошадку, когда воротится. Я буду ждать его приѣзда, чтобъ имѣть это удовольствіе.

Мало-по-малу Полли со мной сблизилась. Я не была ея повѣренной, однакожь она не таила отъ меня своихъ мыслей.

— Знаете ли, миссъ Люси, въ какой день Граамъ бываетъ любезнѣе?

— Этотъ вопросъ очень страненъ, мисси. Развѣ онъ не всегда одинаковъ?

— О! нѣтъ. По воскресеньямъ онъ другой. Онъ тогда нашъ. И какъ бываетъ добръ и спокоенъ.

Замѣчаніе Полли было справедливо. Граамъ въ этотъ день принадлежалъ намъ и мы проводили пріятные въ семейномъ кружкѣ вечера. Онъ обыкновенно располагался на диванѣ и сажалъ подлѣ себя Полли.

Граамъ отличался отъ другихъ мальчиковъ одинакого съ нимъ возраста. Не смотря на его веселый видъ, онъ былъ довольно серьезенъ и любилъ чтеніе книгъ полезныхъ. Рѣдко онъ говорилъ о прочитанномъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти; но я часто замѣчала его размышляющимъ, когда онъ закрывалъ свою книгу.

Онъ заставлялъ Полли пѣть выученные ею гимны. У Полли былъ слабый, но чрезвычайно музыкальный голосокъ. Она произносила слова съ такимъ одушевленіемъ, что превосходила своего учителя. Граамъ ею гордился. Онъ заставлялъ также ее читать библію и она прекрасно читала о Іосифѣ, проданномъ своими братьями, о призваніи Самуила и находеніи цосреди львовъ Даниила; я съ большимъ удовольствіемъ слушала ея чтеніе.

Граамъ подарилъ ей книжку съ картинками, это было путешествіе вокругъ свѣта и составляло верхъ ея блаженства.

— Желали бы вы путешествовать, миссъ Люси? спросила она меня однажды; я бы желала видѣть большую китайскую стѣну и китайскихъ дамъ, у которыхъ ножки не больше моихъ. Правда ли, Люси, что въ землѣ находятъ кости животныхъ, которые были огромнѣе слоновъ! О, когда я буду большая, поѣду путешествовать съ Граамомъ и папа. Сначала мы поѣдемъ въ Швейцарію, чтобъ взойти на мон-Бланъ. Но, постойте, дайте мнѣ отыскать въ книгѣ: есть еще гора повыше, которую зовутъ Чим.... Чимборазо, это въ Америкѣ. Мнѣ хочется взойти на Чимборазо.

— Маленькая калибри, подумала я, что ты будешь дѣлать въ странѣ, гдѣ носится кондоръ?

Въ тогъ же вечеръ, когда Полли говорила мнѣ о

своихъ прекрасныхъ проектахъ, пришло отъ ея отца письмо, которымъ онъ призывалъ къ себѣ дочь. Его разстроенное здоровье требовало, чтобъ онъ остался совсѣмъ во Франціи, въ семействѣ своей матери. Можетъ-быть, это былъ одинъ предлогъ избавиться отъ ненавидимой имъ Англіи. Всю ночь, передъ отъѣздомъ, Полли не смыкала глазъ. Постелька ея была холодна, она не могла въ ней согрѣться; я взяла малютку къ себѣ. Мы говорили много и все о Грамѣ, участь котораго ее беспокоила; она переставала быть его феею—покровительницею.

Засни, мое дитя, сказала я наконецъ, засни. Она закрыла глазки,—вотъ все, что она могла сдѣлать. Я смотрѣла на ея маленькое личико, освященное луною. Дай Боже, чтобъ путь ея жизни былъ углаженъ и ножки ея избѣгли терній; она не создана бороться съ несчастіемъ!

На другой день надо было сказать прости. Грамъ не могъ удержаться отъ слезъ, обнимая маленькую свою сестрицу; Полли дрожала какъ листъ, но не плакала. Хоть бы и большой дѣвчкѣ поступать такъ.

II.

Спустя нѣсколько недѣль, по отъѣздѣ Полли, я также оставила Ольней, не думая, что никогда болѣе не увижу старинныхъ его домовъ, спокойныхъ и молчаливыхъ улицъ. Я возвратилась опять къ моимъ роднымъ, у которыхъ проводила первые годы моего дѣтства. Въ глазахъ свѣта они замѣнили для сироты родителей. Оставимъ свѣту вѣрить доброму дѣлу, когда онъ такъ легко вѣритъ злему. Пусть читатель вѣритъ, что я была тутъ счастлива и что восемь лѣтъ, проведенные мною у родственниковъ моихъ, были лучшими

лѣтами, въ продолженіе которыхъ, моя ладья, привязанная къ берегу, качалась волнами, ласкалась вѣтеркомъ и освѣщалась солнцемъ. Сколько дѣвочекъ проводили такъ свою молодость, почему жъ и мнѣ не быть въ числѣ ихъ?

Но и это счастье, если только можно назвать это счастьемъ, имѣло предѣлъ. На памяти моей лежитъ послѣ того темная, тяжелая полоса. Ураганъ смѣнилъ тишину и долго бушевалъ. Сколько дней и ночей на моемъ небѣ не было солнца и звѣздъ. Чтобъ облегчить мою ладью, надо было выбросить весь грузъ, но и это не спасло ея! Можетъ-быть въ моемъ кораблекрушеніи я бы нашла пристанище у моей крестной матушки, но я не знала, чтоъ случилось съ нею. Одни говорили, что она въ Лондонѣ, другіе, что въ Единбургѣ, гдѣ сынъ ея слушаетъ медицинскія лекціи. Притомъ положеніе крестной измѣнилось и я не могла обременять ее собою. Небольшое состояніе, оставленное мужемъ, пушено было въ оборотъ и большая часть его погибла. Итакъ я должна была надѣяться только на самое себя. Нужда дала мнѣ рѣшимость и заставила быть дѣятельной. Надлежало проститься съ независимостью, и когда миссъ Марчмонъ, старая дѣвица въ нашемъ сосѣдствѣ, пригласила меня къ себѣ, я поспѣшила къ ней явиться, полагая, что она можетъ дать мнѣ, по силамъ моимъ, занятія. Миссъ Марчмонъ была богата, жила въ загородномъ прекрасномъ домѣ, но не наслаждалась счастьемъ. Разбитая параличемъ, страдая подагрой и хирагрой, двадцать уже лѣтъ не выходила она изъ комнатъ своихъ въ нижнемъ этажѣ. Я много слыхала про ея странности, но самую ее увидѣла впервые. Лицо ея было изборождено морщинами, волосы были сѣдые; уединеніе и страданія наложили на ея старушечье лицо печать строгости и угрюмости. Правъ ея былъ раздражительный. Горничная, или скорѣе компаньѣнка, нѣсколько лѣтъ при ней находившаяся, выходила за-

мужъ, и Марчмонъ, зная о моемъ отчаянномъ положеніи, вздумала взять меня вмѣсто ея. Но прежде, чѣмъ объ этомъ заговорила, поподчивала меня чаемъ и посадила у своего камина.

— Конечно, я предлагаю вамъ не спокойную должность, сказала она, за мной надо много ухаживать, у васъ останется мало свободы, мало разсвѣнія; но я слышала, что вы были очень несчастливы, по-крайней-мѣрѣ въ послѣднее время, и потому не можете бояться худшаго.

Прежде, чѣмъ собралась отвѣтить, я задумалась. Хуже того, что я испытала, конечно быть не могло; но меня ужасала эта комната, гдѣ не доставало кажется воздуха; быть сидѣлкой у разбитой параличемъ старухи, терпѣть ея капризы, какая перспектива для второй половины моей молодости, когда и первая была такъ горестна! Надлежало однакожъ отвѣчать и найти другое извиненіе.

— Я боюсь одного, отвѣчала я ей, чтобъ эта должность не была свыше моихъ силъ .....

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказала она, перебивая меня, вы кажетесь очень слабою.

Я взглянула въ зеркало, и дѣйствительно, въ траурномъ платьѣ, съ блѣднымъ лицомъ, впалыми щеками, я походила на выздоравливающую отъ сильной болѣзни; но не смотря на мой жалкій видъ, душевная сила меня не оставляла.

— Есть ли у васъ что-нибудь въ виду? прибавила миссъ Марчмонъ. Есть ли какія надежды?

— Ни какихъ, и я ничего не имѣю въ виду; но буду искать.

— Ищите, мой другъ, и не унывайте. Если ни чего не сыщете, приходите ко мнѣ. Предлагаемое вамъ мѣсто останется въ вашемъ распоряженіи до выхода въ замужество моей компаньѣнки, т. е. въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Вы будете имѣть довольно времени подумать и рѣшиться.

Я благодарила ее за такое обязательное предложение и готова была уйти, какъ съ ней сдѣлался припадокъ. Я старалась ей помогать и удачно исполнила все ея требованія въ отсутствіе компаньѣнки; когда припадокъ прошелъ, мы съ нею какъ-будто сблизились. Я нашла, что эта женщина имѣеть терпѣніе и сильный характеръ. Она съ своей стороны, вѣроятно, замѣтила во мнѣ симпатію, рѣдко находимую у людей, служащихъ изъ-за денегъ. На другой день, она опять послала за мною и дней пять или шесть я находилась при ней безотлучно.

Ознакомясь ближе, я узнала ея недостатки и странности, но въ нравственномъ отношеніи она много выиграла. Не смотря на ея угрюмость, я чувствовала внутреннее удовольствіе, что исполняю хорошо мой обязанности и что онѣ цѣнятся. Мое присутствіе, мои манеры, мои услуги ей нравились. Это была первая мнѣ награда. Если же когда она меня и журила, что случалось впрочемъ нерѣдко и довольно ѣдко, за всеѣмъ тѣмъ она меня не унижала и острее жала не оставалось въ ранѣ. Она походила скорѣе на свое-нравную мать, бранящую свою дочь, чѣмъ на брюзгливую госпожу, читающую мораль прислужницѣ. Ни когда, надо отдать ей эту справедливость, не читала она морали; даже когда выходила она изъ себя, разсудокъ не оставлялъ ее, она была и тогда, такъ сказать, логична. Мало-по-малу я къ ней привязалась, она показалась мнѣ иначе и не прошло двухъ недѣль, какъ я приняла ея предложенія.

Двѣ комнаты, лишенныя свѣжаго воздуха, были моею вселенной; параличная старуха была моею госпожею, покровительницею, другомъ, она замѣняла мнѣ все. Ея страданія сдѣлались моею мукою, облегченіе моею надеждой, дурное расположеніе духа—наказаніемъ; ея удовольствіе, моею наградою. Я забыла, что на свѣтѣ есть поля, лѣса, рѣки, моря; я даже не смотрѣла на небо чрезъ тускляя стекла нашей комнаты; го-

ризонть мой, подобно судьбѣ моей, сжался: я покорилась своей участи. Мысль подышать чистымъ воздухомъ болѣе ко мнѣ не приходила; скудная пища больной была для меня избыточна. Я постоянно изучала дѣйствительно странный характеръ миссъ Марчмонъ. Часто я терпѣла отъ ея капризовъ, но должна отдать справедливость ея добродѣтелямъ, благородству, искренности и героизму въ страданіяхъ.

Еслибъ жалкое существованіе миссъ Марчмонъ продлилось еще двадцать лѣтъ, я бы ее не оставила; но судьба готовила мнѣ новыя испытанія. Я должна была перенести многое въ жизни. Врожденная моя безпечность должна была проснуться отъ ударовъ постигшихъ меня бѣдствій. Въ одну февральскую ночь— я очень хорошо помню эту ночь,—какой-то странный голосъ раздавался вокругъ дома миссъ Марчмонъ; голосъ этотъ всѣ слышали, но, кромѣ меня, едва ли кто понималъ его. Послѣ тихой зимы, наставшія бури предвозвѣщали весну. Миссъ Марчмонъ лежала въ постелѣ, я сидѣла возлѣ камина и шила. Вѣтеръ весь день вылъ въ нашихъ окнахъ; но съ приближеніемъ ночи, голосъ его измѣнялся. Какой-то тонкій, пронзительный, почти явственный звукъ, болезненно потрясающій нервы, слышился при каждомъ его порывѣ.

— О, еслибъ онъ утихъ! подумала я, роняя свою работу и закрывая руками уши. Я уже слыхала этотъ таинственный, всегда пророческій для меня голосъ. Трижды въ моей жизни событія научили меня, что подобное эхо бури обнаруживаетъ состояніе атмосферы, бѣдственное для человѣчества. Эпидемическія болѣзни часто предшествуются восточнымъ вѣтромъ, который вопить и вздыхаетъ, какъ человѣческое существо. Отсюда, безъ сомнѣнія, начало знаменитой ирландской легенды Банчисъ. Я не столько учена, чтобъ понимать связь этихъ явленій, но замѣтила, что въ то же время случаются и вулканическія изверженія, землетрясенія, разлитія рѣкъ и высочай-

шіе опустошительные морскіе приливы. Въ такихъ судоржныхъ движеніяхъ природы воздухъ заражается удушливыми міазмами, дѣлается ядовитымъ для слабыхъ организацій и земная почва усыпается листьями, сорванными съ дерева жизни.

Итакъ я слушала стонъ вѣтра и дрожала какъ листъ. Миссъ Марчмонъ спала.

Около полуночи, ураганъ стихъ и вѣтеръ замолкъ. Потухшій—было въ каминѣ огонь вдругъ вспыхнулъ. Я замѣтила перемену въ воздухѣ; поднявъ штору, я увидѣла, что въ небесной лазури сіяютъ звѣзды, какъ бываетъ при морозѣ. Въ это время миссъ Марчмонъ проснулась. Она приподняла голову съ подушки и пристально какъ-то странно на меня смотрѣла.

— Прекрасная ночь, не правда ли, Люси?—Я отвѣчала утвердительно.

— Я въ этомъ была увѣрена, продолжала она, подними меня не много, дитя мое, какъ мнѣ сегодня хорошо, и на сердцѣ весело! Ахъ, еслибъ болѣзнь моя прошла и возвратилось здоровье! Но, нѣтъ, это было бы чудо.

— Къ несчастію, чудесъ не бываетъ, подумала я; мнѣ было жаль, что миссъ Марчмонъ обольщаетъ себя мечтою. Она стала говорить о быломъ и вызывала на сцену главныя лица въ живыхъ краскахъ.

— Память — нашъ самый старинный и часто лучший другъ, сказала она. По-крайней-мѣрѣ такъ мнѣ кажется сегодня. Кто можетъ положить предѣлы ея могуществу? Она вызываетъ мертвыхъ изъ ихъ гробовъ; она возвращаетъ намъ часы, мысли, надежды молодости, она привязываетъ насъ къ жизни, возобновляя то, что мы любили. Я ни добра, ни любезна, Люси, но я также любила и была любима. Какъ прекрасна была тогда жизнь, тогда всѣ времена года имѣли свою прелесть. Память представляетъ мнѣ иногда радостныя весеннія утра, тихіе осенніе вечера, освѣщаемые серебряною луною. Самая зима...о, нѣтъ; я должна проклинать ее!

Бѣдный Франкъ! благородный и вѣрный другъ! Онъ былъ меня лучше, достойнѣе, онъ любилъ меня чистою, пламенною любовью. Чѣмъ преступилъ ты противъ Провидѣнія, взявшаго тебя въ молодыхъ лѣтахъ? Что сдѣлала и я сама, осужденная пережить тебя! Тридцать лѣтъ траура, тридцать вѣковъ печали! Боже великій! пути Твои не постижимы. Да будетъ во всемъ Твоя воля. Я надѣюсь на Твое милосердіе и ожидаю найти Франка въ лучшемъ мірѣ. Однажды, въ день Рождества Христова, я была одѣта въ лучшее мое платьѣ и ждала того, который долженъ былъ скоро сдѣлаться моимъ мужемъ. Какъ теперь вижу, я сидѣла возлѣ окна и смотрѣла на сумерки, какъ-то долго непотухавшіе. Земля покрыта была снѣгомъ. Полная луна освѣщала темныя деревья, колеблемыя вѣтромъ. Франкъ не приходилъ. Пробыло десять часовъ, его все еще не было, впрочемъ случилось ему и прежде раза два опаздывать. Неужели онъ не исполнитъ даннаго слова? О, нѣтъ; вотъ онъ! Какъ быстро онъ мчится, чтобъ вознаграить потерянное время! Надо побранить его за неблагоразуміе, я скажу ему, что онъ не бережетъ и мою голову, потому-что все его равно принадлежитъ и мнѣ. Но отчего въ глазахъ моихъ вдругъ потемнѣло? отчего я не вижу ясно? что это— лошадь или всадникъ! Да, я слышу, что лошадь скачетъ. Боже мой! Боже мой! гдѣ же всадникъ? Что влечить лошадь по снѣгу?

Я бросилась изъ дому и звала на помощь къ себѣ людей моихъ. На силу освободили Франка, нога его зацѣпилась въ стремени. Франка убила большая черная лошадь. При послѣднемъ издыханіи, онъ имѣлъ еще силу сжать мою руку и сказать: Марія, я умираю подлѣ тебя.

И я могла пережить его, продолжала миссъ Марчмонъ, могла прожить тридцать лѣтъ! Много я страдала съ-тѣхъ-поръ, но послужили ли въ пользу мои страданія? Я должна была усовершенствоваться, а ме-

жду—тѣмъ сдѣлалась только брюзгливой, себялюбивой старухой.

— Но вы сдѣлали много добра, сказала я ей, и говорила правду: миссъ Марчмонъ раздавала много милостыни.

— Можетъ—быть, я дѣлаю нѣсколько добра; я раздаю деньги, которыя ни какой не имѣютъ для меня цѣны; но такъ ли надо было готовиться мнѣ, чтобъ соединиться съ Франкомъ? Видишь ли, Люси, я, кажется, думаю больше о Франкѣ, чѣмъ о Богѣ? Простить ли меня Господь? Отвѣчай мнѣ, дитя мое: думаешь ли ты, что Богъ простить меня?

Я не знала, что отвѣчать ей; миссъ Марчмонъ продолжала какъ бы выслушавъ отвѣтъ мой.

— Да, ты говоришь правду, Люси. Милосердіе Божіе безпредѣльно; но мы должны исполнить на землѣ свое призваніе; кто не можетъ ожидать себѣ благополучія, тотъ долженъ заботиться о благополучіи ближнихъ. Съ завтрашняго дня я начну дѣлать счастливыми окружающихъ меня. Сдѣлаю и для тебя что-нибудь, Люси, чтобъ послѣ моей смерти ты могла чѣмъ-нибудь воспользоваться. Но я много говорила въ эту ночь; бьетъ два часа; пора тебѣ отдохнуть. Не безпокойся обо мнѣ; никогда я такъ хорошо себя не чувствовала. Мнѣ хочется заснуть и я думаю, что засну хорошо.

Я спала въ кабинетѣ подлѣ комнаты миссъ Марчмонъ. День насталъ, а ова противъ обыкновенія еще не звонила; я подошла къ ея постели и увидѣла, что она заснула сномъ вѣчнымъ. Липо ея было совершенно спокойно, она отошла, какъ праведница. Не даромъ она чувствовала себя такъ хорошо наканунѣ. Не было ли это предчувствіемъ конца ея долговременныхъ страданій?

III.

— Съ завтрашняго дня я начну дѣлать счастливыми окружающихъ меня, сказала миссъ Марчмонъ, но завтрашняго дня для нея не наставало. Я осталась вновь безъ крова и защиты. Здоровье мое пострадало, хотя и не такъ много, какъ показывали моя худоба, блѣдное лицо и впалые глаза отъ бессонныхъ ночей и утомительнаго за больной хожденія. По кончинѣ миссъ Марчмонъ, наслѣдникъ ея, дальній родственникъ, выплатилъ всѣмъ намъ жалованье, безъ всякаго впрочемъ награжденія. Физиономія его была не обманчива. Острый морщиноватый носъ, узкіе виски обнаруживали скупость, столь противоположную природной щедрости покойной его родственницы, память которой благословляли всѣ бѣдныя. Владѣя пятнадцатю фунтами стерлинговъ, что казалось мнѣ значительною суммою, не менѣе того, я съ ужасомъ взидала, что чрезъ недѣлю должна буду искать себѣ новое убѣжище.

Въ этомъ критическомъ положеніи, я пошла посоветоваться съ бывшей моей няней, теперь экономкой въ одномъ большомъ домѣ, несlišкомъ удаленномъ отъ загороднаго дома миссъ Марчмонъ. Я провела у нея нѣсколько часовъ, но безъ пользы; она не знала, что мнѣ присоветовать. Почти ночью я ее оставила и надо было идти пѣшкомъ болѣе двухъ миль по свѣгу; не смѣтруя на мою сидячую жизнь, я чувствовала въ себѣ молодость и силу. Будучи бѣдной, оставленной на произволь себѣ самой, когда мнѣ не исполнилось еще и двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, я вѣрила надеждѣ и имѣла природную смѣлость. Не всякая бы дѣвушка рѣшилась въ такой часъ одна одинешенька пуститься по полямъ, гдѣ не было ни

деревни, ни фермы, ни даже какой-либо хижины. Въсто луны, путь мой освѣщался слабымъ мерцаніемъ звѣздъ; но мнѣ довелось еще видѣть великолѣпное сѣверное сіяніе. Въсто того, чтобъ страшиться небеснаго зарева, мысль моя неслась далеко, за звѣзды, за млечный путь, за туманныя пятна, за предѣлы видимыхъ сферъ въ таинственную безпредѣльность. Человѣкъ, по крайней-мѣрѣ духовно, не привязанъ къ этой пылинкѣ, которую называемъ мы земнымъ шаромъ. Скрытая во мнѣ энергія мгновенно пробудилась; я чувствовала, что грудь моя расширяется и я свободно вдыхала въ себя свѣжій вѣтерокъ, метущій снѣжную пустыню: мысль смѣлая явилась мнѣ: почему мнѣ не путешествовать подобно этому вѣтру? я также свободна, какъ и онъ.

Но куда ѣхать? Вотъ главный вопросъ. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я жила въ загородномъ домѣ миссъ Марчмонъ, я всегда видѣла, хотя не тѣлесными, а умственными глазами отдаленный горизонтъ Лондона.

Отправляясь въ столицу, я менѣе рисковала, нежели какъ обыкновенно думаютъ, да и разстояніе было не велико, всего миль пятьдесятъ. Мой кошелекъ дозволялъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ, пробыть тамъ нѣсколько дней и возвратиться, если ни въ чемъ не успѣю. Притомъ надо же мнѣ было, хотя немного, отдохнуть послѣ такой тяжелой жизни.

Путешествіе въ пятьдесятъ миль требовало одного дня, я говорю не о теперешнемъ, а о давно — прошломъ времени. Въ девять часовъ вечера, въ сырую февральскую погоду, достигла я новаго Вавилона. Первые впечатлѣнія не имѣли ничего поэтическаго; вездѣ было черно и мрачно; лилъ дождь. Кочманы * и носильщики, толпившіеся около дилижанса, говорили языкомъ совершенно мнѣ непонятнымъ: такъ ко-

* Гучера.

веркали они англійскій языкъ. Я успѣла однакожь добратся до гостиницы, адресъ которой взяла прежде съ собой. Легко утолила свой голодь, согрѣлась у огня, пылавшаго въ большомъ каминѣ, и тотчасъ отправилась въ мою комнату. Тогда только въ полной мѣрѣ представилось мнѣ горькое мое положеніе. Что я буду дѣлать въ этомъ страшномъ городѣ одна, безъ покровителей? И однакожь я не раскаивалась, что туда пріѣхала. Какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что все же лучше идти впередъ, чѣмъ пятиться назадъ. Богъ мнѣ поможетъ! Въ ту минуту, какъ я погасила свѣчу, сильный металлическій звукъ раздался посреди ночи. Что бы это значило? спросила я себя. Тотъ же звукъ, чрезъ равные промежутки времени, повторился двѣнадцать разъ сряду и отвѣтилъ мнѣ, что теперь полночь; я должна была заснуть подъ тѣнію гигантскаго купола Св. Павла.

На другой день, 1 марта, когда я проснулась и раскрыла занавѣсы въ окнахъ, восходящее солнце боролось съ лондонскимъ туманомъ. Надъ моею головою и надъ крышами домовъ величественно возвышалась круглая сѣрватая масса; это былъ куполь каедральной церкви. Не знаю, какъ изъяснить происходившее со мною, но мнѣ казалось, что мой умъ впервые расправляетъ свои, дотоѣ усыпленные, крылья. Я испытывала радость птички, вырвавшейся изъ клѣтки; я чувствовала, что живу, какъ еще ни когда не жила.

— Да, я хорошо сдѣлала, что пріѣхала въ Лондонъ, говорила я самой себѣ и жалѣла о тѣхъ, которые, подобно растеніямъ, не могутъ оторваться отъ почвы, гдѣ родились и выросли.

Я вышла изъ моей комнаты и спросила завтракъ. Привлужникъ разговаривалъ со мною. Оказалось, что онъ нѣсколько разъ видалъ двоихъ моихъ дядей, которые здѣсь останавливались, и не смотря, что прошло тому уже пятнадцать лѣтъ, хорошо ихъ пом-

нилъ. По словамъ его, я очень похожа была на дядю Карла; объ этомъ мнѣ и прежде говорили. Эти родственники были весьма почтенные люди и добрая о нихъ память отразилась и на меня. Я тотчасъ это почувствовала, потому-что учтивость прислужника удвоилась. Окна моей комнаты выходили въ узкій переулокъ, весьма спокойный и не такъ грязный, какъ многія улицы Лондона. На немъ мало было движенія и проходящіе казались скорѣе провинціалами, чѣмъ столичными жителями; ни что меня не устрашало и я рѣшилась выдти изъ дому.

Прогуливаться по Лондону было для меня новостью и новостью очень пріятною. Я зашла въ книжную лавку Джонса и купила маленькую книжку для сына одной особы, отъ которой получила нѣкоторыя свѣдѣнія о Лондонѣ. Конечно, подарокъ этотъ въ моемъ положеніи былъ неблагоразумною расточительностію, но въ этотъ день я считала себя богатою. Г. Джонсъ, съ своей стороны, величественно возсѣдалъ за прилавкомъ и казался однимъ изъ самыхъ важныхъ и довольныхъ людей столицы.

Послѣ многихъ хожденій, очутясь опять предъ церковью св. Павла, я вошла въ нее и подымалась на куполь. Оттуда я вдоволь насмотрѣлась на Темзу, на мосты, на публичныя зданія, на церкви, на Вестминстеръ и на зеленѣющіеся сады Тампля, освѣщаемые солнцемъ, блиставшимъ на полуденномъ небѣ, лазурь котораго покрывалась какъ-бы тонкимъ газомъ отъ лондонскаго испаренія. Спустившись съ купола, я долго блуждала по городу, восхищаясь своей свободой. Я проникнула даже въ Сити, центръ жизни и движенія. Мало-по-малу я пріучалась переходить улицы и даже испытывала удовольствіе, побѣждая опасности. Послѣ я познакомилась съ Вестъ-Эндомъ, съ парками, скверами, но я имъ предпочитаю Сити, гдѣ жизнь неподдѣльная и гдѣ самый шумъ

и толкотня привлекательны. Сити работаетъ, Вестъ-Эндъ веселится.

Я возвратилась въ нашу почернѣлую отъ дыма гостиницу въ расположеніи духа, готовомъ на самыя смѣлыя предпріятія. И въ-самомъ-дѣлѣ, что могла я терять? Я располагала только собою. Сколько разъ взирала я на самую смерть спокойными глазами? Кто оплачетъ мою могилу? Не все ли равно умереть въ Англіи или въ другомъ мѣстѣ, если не суждено мнѣ жить на свѣтѣ. Я освѣдомилась вечеромъ, въ какіе дни отправляются пакетботы въ различные порты материка. Завтра, поутру одинъ изъ нихъ отправлялся въ Остенде. Мнѣ говорили о Бельгіи, какъ о странѣ, гдѣ англичане находятъ себѣ пріютъ. Ёдемъ въ Остенде! прислужникъ, который зналъ моихъ дядей, совѣтовалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ переѣхать на судно, чтобъ не остаться на берегу. Онъ далъ мнѣ всевозможныя наставленія и просилъ кочмана нанятаго фіакра, чтобъ довезъ меня съ чемоданомъ до самой пристани и не отдавалъ на руки лодочниковъ. Кочманъ распорядился иначе; онъ выпустилъ меня изъ кареты, гдѣ ему вздумалось и, получивъ деньги и на-водку, ударилъ по лошадямъ, оставивъ меня съ чемоданомъ на произволь лодочниковъ. Это была страшная для меня минута. Въ темную ночь, при трепетномъ свѣтѣ фонаря, едва можно было различать предметы; лодочники оспаривали другъ у друга мой чемоданъ съ страшною бранью. Пока они ограничивались однимъ чемоданомъ, я была покойна, но когда одинъ изъ нихъ наложилъ и на меня руку, я поняла, что мнѣ угрожаетъ опасность и бросилась въ одну лодку, объявляя, что отъ меня зависитъ выборъ. Рѣшительность моя прекратила споры и хозяинъ избранной мною лодки сдѣлался моимъ защитникомъ. Чемоданъ послѣдовалъ за хозяйкой.

Рѣка была темна, какъ чернила; фонари отража-

лись въ ней, какъ блуждающіе огоньки. Мои два гребца проѣхали мимо разныхъ судовъ, имена которыхъ, написанныя большими бѣлыми буквами на черномъ фонѣ, я могла прочитывать при свѣтѣ нашего фонаря. Это были: «Океанъ», «Фениксъ», «Дофинъ» и другіе. Судно, которое мы искали, называлось «Молніей» и стояло далѣе.

Скользя по темной водѣ, я думала о мифологическомъ Стиксѣ, по которому разъѣзжаетъ въ баркѣ Харонъ; между тѣмъ холодный вѣтеръ хлесталъ мнѣ прямо въ лицо, дождь лилъ ливнемъ, грубые лодочники бранились; но, къ удивленію моему, я не трусила и не считала себя несчастной.

Наконецъ мы отыскали «Молнію». Благодаря нашему фонарю, я прочитала это имя. — Пріѣхали, сказалъ хозяинъ лодки: — пожалуйста шесть шиллинговъ?

— Шесть шиллинговъ! возможно ли?

— Иначе я васъ не выпущу и, исполняя на самомъ дѣлѣ угрозу, сталъ грести прочь отъ судна.

Молодой человекъ, «Stewart» * смотря на эту сцену съ юта, готовъ былъ расхохотаться, но я тотчасъ заплатила деньги. Трижды въ этотъ день я платила вмѣсто шиллинговъ кроны, утѣшая себя мыслию, что опытность пріобрѣтается не дешево.

— Васъ обокрали пираты пресной воды, сказалъ мнѣ съ насмѣшкой буфетчикъ; они взяли съ васъ втрое дороже.

— Знаю, — отвѣчала я хладнокровно.

Женщина высокаго роста, полная и еще недурная собою, не смотря на зрѣлый возрастъ, безпрестанно входила въ дамскую каюту, не обращая на меня вниманія. Видя, что она тутъ хозяйничаетъ, я попросила ее указать, гдѣ мое мѣсто? Она на меня угрюмо посмотрѣла и проворчала, что пассажирамъ не слѣдуетъ такъ рано забираться на пакетботъ.

* Буфетчикъ.

— Я этого не знала, сударыня; но какъ я уже теперь на суднѣ, то и останусь на немъ.

До-сихъ-поръ, я умѣла найтись при всѣхъ неожиданностяхъ, побѣдивъ мою природную нерѣшительность; теперь мнѣ ничего не оставалось дѣлать до прихода въ Остенде.

Женщина съ важнымъ видомъ — была мать буфетчика. Сынъ, вышитый ея портретъ, поминутно являлся въ дамской каютѣ; всю ночь они болтали и брались между собою. Она писала письмо къ отцу своему и вслухъ читала его сыну, полагая, что я заснула; по словамъ ея, младшая сестра, Шарлотта, готова была вступить въ романическій, неровный для себя бракъ, и сдѣлать скандалъ, чему сынъ очень смѣялся, вѣроятно, не считая и себя высокою породой.

Передъ разсвѣтомъ разговоръ ихъ перешелъ на другую тѣму. Оказалось, что какіе-то Ватсоны должны были ѣхать на этомъ пектботѣ въ Остенде, и гдѣ отъ нихъ можно было ожидать вѣрной поживы. Мать Стюарта превозносила ихъ похвалами и готовилась сдѣлать имъ блистательный приемъ.

Семейство Ватсоновъ состояло изъ четырехъ членовъ: двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Въ то же время пріѣхала молодая дѣвушка съ почтеннымъ чело-вѣкомъ, имѣвшимъ видъ болѣзненный.

Двѣ группы представляли совершенный контрастъ: Ватсоны казались мѣщанами въ дворянствѣ; изъ дамъ, довольно еще молодыхъ, одна была очень-хороша собою, но красота ея была просто физическая, безъ всякаго выраженія; нарядъ ихъ былъ странный, неумѣстный. Шляпы, усыянные цвѣтами, шелковыя платья изъ яркихъ цвѣтовъ и бархатныя мантия мало гармонировали съ мокрой палубой нашего судна. Мужчины были приземисты и дородны. Старшій, неповоротливый увалень, былъ мужемъ младшей женщины, и когда она съ улыбкой предложила мнѣ склад-

ной свой стулъ, я немогла не пожалѣть о ней и не сказать самой себѣ: зачѣмъ такая хорошенькая и, можетъ-быть, богатая вышла замужъ за этотъ боченокъ?

Пассажирка, сопровождаемая почтеннымъ кавалеромъ, была молоденькая, прекрасная блондинка. Ситцевое платье, соломенная безъ всякихъ украшений шляпа, большая шаль, граціозно накинутая, составляли ея нарядъ, который очень къ ней шелъ. Кавалеръ, провожавшій ее до пакетбота, прежде прощанья съ ней, искалъ глазами, кому бы поручить молоденькую дѣвушку. Взоры его проскользнули съ группы Ватсоновъ и остановились на мнѣ; тутъ онъ сказалъ что-то на ухо своей дочери, племянницѣ, родственницѣ или воспитанницѣ. Въ свою очередь, она посмотрѣла на меня и сдѣлала едва замѣтную прелестнымъ своимъ ротикомъ мину. Моя ли собственная персона, или мой, болѣе чѣмъ скромный, костюмъ, не знаю что именно, заставило ее сдѣлать эту какъ-бы пренебрежительную мину? Вѣроятно, и то и другое. Колоколь зазвонилъ; отецъ ея — я узнала послѣ, что это отецъ — обнялъ ее и возвратился на пристань; пакетботъ тронулся.

Только англичанки смѣютъ однѣ путешествовать, говорятъ иностранцы, и еще болѣе удивляются довѣренности родственниковъ и опекуновъ, нежели присутствію духа и хладнокровію странствующихъ дѣвицъ. Они порицаютъ отсутствіе материнскаго надзора, который на континентѣ сопровождаетъ дѣвушку отъ колыбели до замужства. Моя юная спутница имѣла ли исключительную надобность въ такомъ надзорѣ? Незнаю, по-крайней-мѣрѣ тогда я этого не знала; но, во всякомъ случаѣ, уединеніе было не въ ея характерѣ. Пройдя два-три раза по палубѣ, она насмѣшливо окинула глазками шелковыя платья, бархатныя мантии, усыпанныя цвѣтами шляпки и

двухъ мѣдвѣдей, сопровождавшихъ этихъ не кстати нарядныхъ дамъ, и вдругъ подойдя ко мнѣ, спросила:

— Любители ли вы морское путешествіе? я отвѣчала ей, что дѣлаю первый мой опытъ.

— Въ-самомъ дѣлѣ, какъ это прекрасно! вскричала она, какъ я вамъ завидую! Первые впечатлѣнія всегда такъ живы. Ни что не можетъ сравниться съ новостью. Я столько разъ переѣзжала море, что всё это мнѣ уже наскучило.

Я не могла удержаться, чтобъ не усмѣхнуться.

— Вы надо мной смѣетесь? сказала она наивно, что понравилось мнѣ болѣе ея болтовни.

— Да, отвѣчала я откровенно.—Развѣ въ ваши лѣта можетъ что-нибудь наскучить?

— Однако мнѣ семнадцать лѣтъ.

— Я бы вамъ не дала болѣе шестнадцати. Впрочемъ это не составляетъ большой разницы. Любите ли вы путешествовать одни?

— Это для меня всё равно: я десять разъ переѣзжала Ламаншъ. Путешествіе непродолжительно, но все-таки я успѣваю сдѣлать какое-нибудь на пути знакомство.

— Но на этотъ разъ вы не дѣлаете знакомства, потому-что пассажиры не по вашему вкусу.

— Конечно, эти люди, не смотря на ихъ претензію, были бы болѣе на своемъ мѣстѣ въ носовой каютѣ. А вы куда ѣдете?

Вопросъ былъ довольно страненъ и отвѣтъ на него затруднителенъ.—Куда я ѣду? право, я сама еще не знаю. Я ѣду, какъ и вы, въ Остенде.

— Я вступаю въ пансіонъ. Вы не повѣрите, въ сколькихъ пансіонахъ я перебивала. Но это не мѣшаетъ мнѣ быть совершенной невѣждой. Выключая фортепіанъ и танцевъ, я рѣшительно ничего не знаю. Я говорю по-французски и по-нѣмецки, но не пишу ни на одномъ изъ этихъ языковъ. Меня недавно заставили перевести страницу изъ какого-то нѣмецкаго

автора, увѣряя, что очень легко; я нашла, что это для меня тарабарская грамота. Папенька мой былъ очень сконфуженъ. Видите ли, въ чемъ заключается его самолюбіе! Онъ даже сказалъ, что добрый мой дѣдушка, Бассомпьеръ, живущій во Франціи, на счетъ котораго я воспитываюсь, просто, бросаетъ, деньги за окошко. Объ исторіи, географіи и безтолковой ариѳметикѣ вы меня и не спрашивайте. Да и зачѣмъ набивать свою голову такими пустяками? Они еще говорятъ, что я не только ни чему не выучилась, но даже забыла природный мой языкъ. Для меня много значить мѣсто, въ которомъ живу. Въ Боннѣ, напримѣръ, мнѣ очень нравилось. Чтѣ за славный Боннѣ! Какъ тамъ много студентовъ съ свѣтлорусыми волосами! каждая изъ насъ имѣла своего обожателя; всѣ знали часы нашихъ прогулокъ и кричали намъ хоромъ: *shönes mädchen*. Ахъ какъ пріятно было въ Боннѣ!

— Куда же вы теперь ѣдете?

— Я ѣду въ «Chose»

Такого мѣста я не видала ни на одной картѣ; но миссъ Фанштавъ—такъ называлась молодая дѣвушка—объяснила мнѣ, что подъ словомъ «Chose» молодыя француженки и въ особенности бельгійки разумѣютъ все, чтѣ не приходитъ имъ на память. Въ настоящемъ случаѣ «Chose» означало столицу Бельгіи.

— Любите ли вы Бельгію? спросила я ее.

— Посредственно, отвѣчала она. Бельгійцы не такъ умны, какъ французы; они вальсируютъ хуже нѣмцевъ; но между-тѣмъ много англійскихъ семействъ поселилось въ Брюсселѣ.

— Вы въ пансіонѣ?

— Да.

— Безъ сомнѣнія, въ самомъ лучшемъ?

— Ахъ! это настоящая тюрьма; но я выхожу изъ него каждое воскресенье; я не обращаю вниманія ни на воспитанницъ, ни на гувернантокъ, а профессоръ посылаю *au diable*. Я не могу послѣдняго слова

произнести ни на какомъ языкѣ, кромѣ французскаго, потому что все, что намъ не нравится, очень въ тонѣ посылать au diable. Вы опять смѣетесь?

— Я смѣюсь о томъ, что думаю.

— А о чемъ вы думаете? и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: — вы мнѣ не сказали однакожь, куда ѣдете?

— Сначала въ Остенде, а потомъ — куда судьба приведетъ. Мнѣ надо зарабатывать мой хлѣбъ гдѣ бы то ни было.

— Зарабатывать хлѣбъ! вскричала миссъ Женевра Фанштавъ съ ужасомъ. Стало быть вы бѣдны?

— Бѣдна, какъ Ювъ!

— Жалю васъ, и, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавила: я знаю, что значить бѣдность. Мои папенька и маменька тоже небогаты. Конечно, они не нуждаются въ необходимомъ, но деньги рѣдки. Папенька мой, капитанъ Фанштавъ, на половинномъ жалованьѣ. Но дѣдушка нашъ, Бассомпьеръ, даетъ имъ для воспитанія своихъ внучекъ. Другіе наши родственники, хотя и очень богаты, но намъ ни сколько не помогаютъ. У насъ пять сестеръ и три брата. Вѣроятно, мы вступимъ въ бракъ, какъ говорятъ французы, по разсудку, если предоставимъ заботиться объ этомъ папенькѣ и маменькѣ. Моя сестра, Августина, уже вышла замужъ за одного господина, который постарше нашего папеньки. Августина очень хороша собою, но въ другомъ родѣ, нежели я; она брюнетка, я блондинка. Мужъ ея, г. Девисъ, схватилъ въ Индіи желтую лихорадку, и теперь лицо его похоже на старую гинейю; но онъ богатъ и у жены его есть карета. Всѣ находятъ, что Августина очень счастлива и сестры мои ей завидуютъ. Но, скажите: развѣ молодая дѣвушка не можетъ поправиться молодому, хорошему собой человѣку и въ добавокъ еще богатому?.... Такъ вы должны снискивать себѣ хлѣбъ? Какъ же вы будете это дѣлать? Вы, безъ сомнѣнія,

очень учены, прекрасно играет на фортепiano и поете? Вы говорите на трехъ или на четырехъ языкахъ?

— Я не музыкантша и говорю только по-англійски.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы профессоръ, я въ этомъ увѣрена и, послѣ нѣкотораго молчанія и чуть примѣтной зѣвоты, она опять стросила:—а подвержены вы морской болѣзни?

— Право, не знаю, а вы?

— Ужасно, лишь только заввижу море. Вотъ ужъ я и начинаю ее чувствовать. Сейчасъ сойду въ каюту, пусть ухаживаетъ за мною важная персона, которая такъ хозяйничаетъ въ дамской каютѣ, я умѣю обращаться съ этимъ народомъ. Прочіе пассажиры тоже послѣдовали примѣру миссъ Женевры. Я осталась одна на палубѣ, съ восхищеніемъ вдыхала въ себя свѣжій морской воздухъ и любовалась смотря на волны пролива, на птицъ, которыя разрѣзывали ихъ своими крыльями или погружались въ ихъ влажныхъ бороздахъ, на виднѣющіеся въ дали паруса, на облака, плавающія по небу, какъ мы по морю. Мои мечты и наблюденія, по несчастію, прерваны были такъ не кстати морскою болѣзнію. Въ свою очередь, я искала убѣжища въ каютѣ и имѣла моей сосѣдкой миссъ Женевру, которая очень наскучила мнѣ своими эгонистическими жалобами во время общаго нашего бѣдствія. Правду сказать, что матушка буетчпка показывала досадное для насъ пристрастіе къ Ватсонамъ: кажется она однихъ ихъ и видѣла. сами Ватсоны, хотя и очень терпѣли, все же были стойки въ сравненіи съ миссъ Женеврою. Последняя, въ хорошіе для нея часы, была весела и беззаботна, а въ дурные совершенно не выносима. Кто женится на такой женщинѣ, долженъ предохранять ее отъ дней облачныхъ. Я наконецъ сказала миссъ Женеврѣ, что, можетъ-быть, молчаніемъ она утишитъ свои страданія; она поняла меня и не разсердилась, но чрезъ минуту стенанія ея удвоились.

Начинало темнѣть. Море разыгрывалось; большія волны ударились въ бока нашего судна, которое продолжало бодро идти впередъ, не смотря на шумъ валовъ и свистъ вѣтра.

Стулья и столы въ каютѣ нашей начали прыгать, надо было привязать ихъ; миссъ Женевра объявила, что умираетъ.

— Это значило бы погибнуть у самаго порта. красавица моя, сказала мать буфетчика: чрезъ четверть часа будемъ въ Остенде.

Слова эти скорѣе относились ко мнѣ; признаться ли? Я боялась приѣзда; спокойствіе мое изчезло и всѣ трудности представились.

Вотъ мы и въ Остенде. Я стояла на палубѣ, пронзительный холодъ, темная ночь, казалось, наказывали меня за дерзкое предпріятіе. Что я буду здѣсь дѣлать? Огни въ городѣ и въ портѣ казались мнѣ грозными свергающими глазами.

Друзья пришли встрѣтить Ватсоновъ; цѣлое семейство торжественно увлекло миссъ Женевру; а я..... да съ кѣмъ и сравнивать себя!

Нельзя было однакожь оставаться на пакетботѣ, надлежало искать убѣжища на берегу. Мать буфетчика, удивленная необыкновенной гратификаціею отъ бѣдной пассажирки, просталась со мной такъ ласково, что я осмѣлилась попросить ее, чтобъ указала мнѣ спокойную и недорогую гостинницу.

Она не только дала мнѣ адресъ, но позвала мальчика и велѣла ему проводить меня до этой гостинницы; чемоданъ мой отправили уже въ таможду. Я слѣдовала за проводникомъ моимъ по длинной дурно-высокой улицѣ. Возшедшая луна освѣщала намъ дорогу вмѣсто фонарей. Когда пришли къ гостинницѣ, я предложила моему проводнику монету въ шесть пенсовъ, но онъ ее не принялъ. Я взяла ее назадъ и дала ему шиллингъ, онъ и отъ него отказался; неужели надо дать ему крону? Я не понимала, что онъ гово-

рять мнѣ такъ сердито и съ жестами. По счастью, въ сѣняхъ встрѣтился прислужникъ гостиницы, который кое-какъ растолковалъ мнѣ на дурномъ англійскомъ языкѣ, что здѣсь мои деньги не ходятъ; я попросила его размѣнять суверень. Морская болѣзнь еще не совсѣмъ у меня прошла и я не могла ужинать. Съ какимъ удовольствіемъ затворила я дверь моей маленькой комнаты; ночь отдѣляла меня отъ сомнительнаго завтрашняго дня, который, Богъ знаетъ, чѣмъ для меня будетъ!...

IV.

Я проснулась, совершенно оправившись отъ вчерашняго волненія и усталости.

Только-что я успѣла одѣться, ко мнѣ постучались въ дверь.

— Войдите.

Вмѣсто горничной дѣвушки, которую ожидала я увидѣть, ко мнѣ вошелъ кто-то въ родѣ носильщика.

— Дайте мнѣ ваши ключи, миссъ, сказалъ онъ на исковерканномъ англійскомъ языкѣ.

— Зачѣмъ?

— Дайте мнѣ ваши ключи, продолжалъ онъ грубо, не отвѣчая на мой вопросъ, котораго вѣрно не понималъ, и почти вырвалъ изъ рукъ ключи.

Осмотрѣвъ въ таможиѣ моего чемодана объяснилъ мнѣ эту загадку.

Сходя къ завтраку, я впервые замѣтила, что гостиница наша — великолѣпный отель. Я не торопилась идти внизъ и останавливалась на каждой площадкѣ, чтобъ лучше рассмотреть украшенный рѣзьбою потолокъ, стѣны живописью, высокія окна и широкія мраморныя ступеньки, которыя впрочемъ безъ ковра были и холодны и неопрятны. Сравнивая эту архитектурную роскошь съ малыми размѣрами и дурною мебелью комнаты, гдѣ я провела ночь, мнѣ пришло въ голову довольно философскихъ размышлений.

Я удивилась смѣлвости прислуги, которая знаетъ, кому что отвести.—Моя видимая бѣдность тотчасъ бросилась имъ въ глаза; но въ большемъ домѣ не пренебрегаютъ и малыми доходами. Наконецъ я вошла въ большой освѣщенный залъ, который, казалось, былъ кофейнею отеля. Не безъ внутренняго волненія я въ него вступила; положеніе мое было такъ ново для меня, самая огромность комнаты заставляла меня тягостнѣе чувствовать мое одиночество и совершенную беззащитность. Хорошо или дурно я дѣлала, что вошла въ залъ? Кажется дурно, потому что тамъ не было ни одного женскаго лица, но я отчасти фаталистка и въ рѣшительныхъ случаяхъ, лучше идти впередъ, чѣмъ отступать. Итакъ я сѣла въ отдаленный уголъ за маленькій столикъ, на который подали мнѣ завтракъ. Мнѣ бы гораздо было свободнѣе, если бы находились тутъ другія дамы, но ни кто однакожь изъ господъ, которые, какъ и я, завтракали отдѣльно, не удивлялись моему присутствію. Одинъ или двое посматривали на меня украдкой, но такъ, что въ этомъ не было ничего оскорбительнаго. Мое положеніе въ настоящемъ случаѣ хотя и казалось имъ эксцентричнымъ, но одно слово все объясняло: это англичанка!

Послѣ завтрака, надо было пуститься въ путь, но куда именно? Остенде, какъ я слышала, не представлялъ мнѣ ни какой выгоды. Кромѣ времени купанья, городъ также пустъ, какъ морской песчаный берегъ. Въ Брюссель надо ѣхать, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, вѣроятно, внушенный нѣсколькими словами, брошенными на вѣтеръ миссъ Женеврою въ минуту разставанья. «Если у васъ нѣтъ ничего въ виду, представтесь г-жѣ Бекъ, я знаю, что она искала мѣсяца два тому назадъ англичанку въ гувернантки для своихъ дѣвчонокъ.» Кто такая была г-жа Бекъ? Гдѣ жила она? Я ее объ этомъ спрашивала; но миссъ Женевра, увлеченная своими друзьями, не имѣла времени мнѣ отвѣчать. Я думала, что эта госпожа живетъ въ Брюссель. Тогда же-

лѣзной дороги еще не было. Сорокъ англійскихъ миль не огромное пространство. Ёдемъ въ Брюссель! Въ моемъ затруднительномъ положеніи можно было схватиться за соломенку, но я готова была схватиться и за паутину. Не похожа ли я была на игрока, который, не имѣя, что болѣе проигрывать, можетъ еще выиграть? Хотя я не смотрю на жизнь сквозь радужную призму воображенія, но минутныя впечатленія много на меня дѣйствуютъ. Я могу спать между двумя бурями и наслаждаться настоящимъ часомъ, если онъ мнѣ пріятенъ. Мы медленно путешествовали. Было холодно и лилъ дождь, дорога шла по обширнымъ равнинамъ, пересекаемымъ каналами зеленоватой и стоячей воды, которые можно было уподобить изгибающимся оцѣпенѣлымъ змѣямъ; старинныя ивы означали границу обработанныхъ полей и огородовъ. Сѣрое свинцовое небо было монотонно, воздухъ влаженъ; не смотря на это, сердце мое согрѣвалось лучами внутренняго солнца; мнѣ пріятно было мое сонливое бездѣйствіе въ дилижансѣ, хотя я и понимала, что это моральное и физическое спокойствіе было только отдыхомъ и что, можетъ-быть, на концѣ дороги ожидаетъ меня бѣдствіе, какъ тигръ, скрывающійся въ камышѣ.

Надежда моя—достигнуть Брюсселя засвѣтло и избѣгнуть всѣхъ затрудненій при въѣздѣ ночью въ незнакомый городъ—не исполнилась отъ медленной ѣзды, остановокъ на станціяхъ, проливнаго дождя и густаго тумана. Мракъ, не только видимый, но даже ощущаемый, покрывалъ городъ, когда мы достигли до его предмѣстій.

При свѣтѣ фонарей я видѣла солдатъ, стоявшихъ въ караулѣ у городскихъ воротъ бельгійскій столицы.

Дилижансъ катился по неровной мостовой и остановился у своей конторы. Я позаботилась присутствовать при выгрузкѣ нашего багажа, вооружившись терпѣніемъ—слѣдить за этой операціей и спросить

мой чемоданъ, когда его скинуть. Итакъ я устремила глаза на имперіаль, куда при отъздѣ бросили мое единственнсе имущество и на который навалили груды другой поклажи. Одинъ за другимъ, всѣ чемоданы спустили, но моего не было видно, между тѣмъ, для примѣты, я обвернула его старой зеленой лентой.

Я все еще ждала, наконецъ сняли и чахолъ. Что сдѣлалось съ моимъ бѣднымъ чемоданомъ, съ моими рѣдкими вещами и остатками отъ 15 фунтовъ стерлинговъ?

Я дѣлала этотъ вопросъ себѣ самой, но ни кого не могла спросить, потому—что вокругъ меня говорили только по-французски. Пришлось прибѣгнуть къ пантомимѣ. Я подошла къ кондуктору, положила тихонько руку на плечо его, и показывая на одинъ чемоданъ, еще неспущенный, дала тѣмъ знать, что ожидаю моего. Онъ тотчасъ схватилъ этотъ чемоданъ, чтобъ мнѣ подать.

— Не трогать этотъ чемоданъ, сказалъ кто-то по-англійски и потомъ прибавилъ по-французски:—это мой чемоданъ. Голосъ соотечественника отозвался въ моемъ сердцѣ.

— Извините меня, государь мой, сказала я незнакомцу: кондукторъ меня не понялъ, и это не удивительно, потому—что я ни слова не знаю по-французски. Я спрашивала его: куда дѣвался мой чемоданъ.

Устремивъ глаза на незнакомца, я замѣчала въ немъ удивленіе и нерѣшительность. Мои соотечественники вообще не любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла.

— Будьте такъ добры, государь мой, спросите: куда дѣвался мой чемоданъ? Такую услугу я сама бы рада была....

Онъ не далъ мнѣ докончить; не могу сказать: усмѣхнулся онъ или нѣтъ; но продолжалъ тономъ благороднаго человѣка, тономъ, въ которомъ не было ни чего грубаго и неучтиваго.

— А какой вашъ чемоданъ? Я подробно описала

его, не забывъ и зеленой ленты. Онъ переговорилъ съ кондукторомъ и потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— По словамъ кондуктора, карета очень была нагружена, когда вы отправлялись изъ Остенде, и вашъ чемоданъ, вмѣстѣ съ другими ящиками и картонками, остался тамъ. Онъ обѣщаетъ привести его завтра; а послѣ завтра вы получите въ цѣлости въ этой самой конторѣ.

— Благодарю васъ, сказала я, желая улыбнуться; но на сердцѣ у меня было очень грустно. Что́ я буду, дѣлать, если чемоданъ мой потеряется?

Вѣрно онъ замѣтилъ, что во мнѣ происходило, и спросилъ меня съ участіемъ, имѣю ли я друзей въ Брюсселѣ.

— Ни кого.

— Гдѣ же остановитесь.

— Не знаю.

Съ минутой продолжалось молчаніе. При свѣтѣ лампы, на которую обращено было его лицо, я лучше его рассмотрѣла. Это былъ молодой, красивый собою мужчина, хорошаго тона, можетъ-быть какой-нибудь лордъ. Онъ имѣлъ гордый, благородный видъ, такъ-что можно было почестъ его даже за принца; но при томъ безъ чванства и надменности. Стыдясь, что принудила его быть посредникомъ между мною и кондукторомъ, я хотѣла удалиться, но онъ меня остановилъ, спросивъ, не остались ли въ моемъ чемоданѣ и деньги.

Какъ была я счастлива, отвѣчая ему, что у меня довольно денегъ и могу подождать до послѣ-завтра. Но будучи въ первый разъ въ Брюсселѣ, не знаю ни улицъ, ни гостинницъ; а мнѣ надо найти дешевый пріютъ.

— Я могу дать вамъ адресъ гостинницы, которая удовлетворитъ всѣмъ вашимъ требованіямъ, сказалъ онъ, это не далеко отсюда и, по указанію моему, легко ее найдете.

Вырвавъ листокъ изъ памятной своей книжки, онъ написалъ на немъ нѣсколько словъ и подаль мнѣ. Я

была очень ему благодарна, тѣмъ болѣе, что, повидимому, услужливость, всѣмъ и во всякомъ случаѣ, не была въ его характерѣ.

— Ближайшая вамъ дорога бульваромъ, а потомъ черезъ паркъ, но теперь слишкомъ поздно и темно идти вамъ однимъ. Я васъ провожу.

Не дожидаясь моего отвѣта, онъ пошелъ впередъ, а я слѣдовала за нимъ подъ мелкимъ, проникающимъ дождемъ. Бульваръ былъ пустѣхонекъ, аллеи наполнены грязью, вода текла съ деревьевъ; паркъ темень, какъ полночь въ романахъ Анны Радклифъ. Я не могла даже видѣть моего спутника, но слѣдовала за нимъ, прислушиваясь къ его шагамъ; я готова была слѣдовать за нимъ на край вселенной.

— Теперь, сказалъ онъ, когда мы прошли паркъ, — слѣдуйте по этой улицѣ, пока не дойдете до каменной лѣстницы. Два фонаря укажутъ вамъ, гдѣ она. Вы сойдете по ступенькамъ и очутитесь въ узкой улицѣ; идите по ней; ваша гостиница на самомъ ея концѣ; тамъ говорятъ по-англійски, и вы будете совершенно покойны. Прощайте!

— Прощайте, государь мой, и вѣрьте моей искренней признательности.

Мы разстались, чтобъ, по всей вѣроятности, никогда не встрѣтятся; но выраженіе его лица, но звукъ его голоса, означали благородный характеръ, готовый на помощь слабому и несчастному; подобные характеры рѣдки въ нашемъ вѣкѣ и не забываются. Это былъ, повторяю, настоящій джентльменъ.

Оставшись одна, я удвоила шаги по широкой улицѣ, а потомъ по площади, обставленной высокими зданіями, между которыми могъ быть и дворецъ или церковь. Проходя мимо портика, я увидѣла двухъ человѣкъ съ усами, вышедшихъ изъ-за колонъ. Они курили сигары и гордо драпировались своими мантиями. Эти два господчика, ужъ конечно не были джентльмены, позволявъ себѣ оскорблять женщину и бѣ-

жать за нею, какъ гончія за зайцомъ. Къ счастью, ночной патруль принудилъ ихъ оставить преслѣдованіе. Въ моемъ испугѣ я сбилась съ дороги и прошла лѣстницу. Я совершенно не знала, гдѣ нахожусь. Задыхаясь отъ усталости, боясь чтобъ опять не встрѣтиться съ странствующими рыцарями презрѣннаго вида, я должна была однакожъ возвратиться назадъ, чтобъ отыскать гостиницу.

Наконецъ я дошла до старинной каменной лѣстницы съ истертыми ступенями, спустилась внизъ и попала въ узкую улицу, но въ ней не было ни какой гостиницы; я продолжала идти на удачу. На другой улицѣ, довольно спокойной, опрятной и лучше вымощенной, я замѣтила фонарь надъ дверьми большаго дома, который былъ этажемъ выше всѣхъ сосѣднихъ домовъ. Не гостиница ли это? У меня ужъ стали подгибаться колѣни, я чувствовала, что теряю послѣднія силы.

Нѣтъ, это не гостиница; на мѣдной доскѣ, украшающей главный входъ, была надпись: «женскій пансіонъ» а пониже: «г-жа Бекъ.» Тысячу мыслей толпилось въ моей головѣ, я обомлѣла отъ удивленія. Не само ли Провидѣніе привело меня сюда? не оно ли говорило мнѣ: «вотъ твое убѣжище?» Какъ же мнѣ противиться его волѣ. Не владѣя болѣе собою и покоряясь какъ бы сверхъестественной силѣ, я позвонила.

Мнѣ дали время на размышленіе, но я ни о чемъ не размышляла. Машинально смотрѣла я на камни мостовой, освѣщенные фонаремъ; считала ихъ, замѣчала форму и блестящую вокругъ нихъ воду. Полагая, что меня не услышали, позвонила еще разъ; наконецъ дверь отворилась: передо мной была служанка въ кокетливой шапочкѣ.

— Могу ли я видѣть г-жу Бекъ? сказала я по-англійски.

Еслибъ я сказала по-французски, то служанка навѣрное бы отказала мнѣ доложить въ такое позднее

время; но иностранный языкъ ее озадачилъ. Она видѣла иностранку, прїѣхавшую, можетъ—быть, изда- лека, съ важнымъ дѣломъ для пансіона, какъ же сказать ей: «пожалуйте завтра.»

Итакъ меня ввели въ залу, огонь погасъ уже въ каминѣ и въ комнатѣ было очень холодно. Стѣны покрыты были золотистыми обоями, лакированный паркетъ блисталъ какъ зеркало. Дорогіе часы, стояв- шіе надъ каминомъ, пробили девять часовъ.

Прошло четверть часа; я была въ лихорадкѣ. Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Устремивъ глаза на дверь съ рѣзною позолотою, я ждала, когда она растворится; но все было тихо; можно было услы- шать, какъ мышь пробѣжить.

— Вы англичанка? раздался голосъ, неизвѣстно откуда. Я вздрогнула на стулѣ, такъ увѣрена была, что одна въ комнатѣ.

Это однакожъ былъ голосъ не привидѣнія. Тол- стенькая женщина, въ бѣломъ пеньюарѣ, въ ночномъ чепчикѣ, завернутая въ шаль, вдругъ явилась изъ по- таенной боковой двери.

Отвѣтивъ ей, что я точно англичанка, мы пусти- лись въ самый странный разговоръ. Г-жа Бекъ, спро- сивъ меня, англичанка ли я, истощила весь свой за- пасъ англійскаго знанія и продолжала говорить уже по-французски съ необыкновенною бѣглостію. Я от- вѣчала ей по-англійски; между-тѣмъ она очень мало меня понимала, а я ее и того менѣе; поэтому мы почти не подвигались впередъ. Наконецъ она рѣши- лась позвонить, чтобъ получить подмогу, которая и явилась въ лицѣ гувернантки, получившей воспитаніе, какъ говорили, въ одномъ ирландскомъ монастырѣ и знавшей, какъ полагали, англійскій языкъ въ совер- шенствѣ. Эта особа видимо была въ разладѣ съ гра- ціей и съ головы до ногъ настоящая бельгійка. О, какъ она коверкала бѣдный языкъ Альбіона! Я раз- сказала ей свою простую исторію, которую она пере-

дала г-жѣ Бекъ, и именно: я оставила Англію, чтобъ учиться и зарабатывать на чужой землѣ хлѣбъ. Я готова была на всевозможныя услуги, только чтобъ не требовали отъ меня ничего унизительнаго. Я готова была воспитывать дѣтей, или быть компаньёнкой у пожилой дамы. Наконецъ принимала всякую должность, лишь бы не была выше моихъ физическихъ силъ. Г-жа Бекъ все это слушала молча; судя по наружности, рассказъ мой былъ ей не противенъ.

— Однѣ только англичанки, наконецъ она сказала, способны къ такимъ похожденіямъ. Должны же быть онѣ очень смѣлы!

Она спросила, какъ меня зовутъ и сколько мнѣ лѣтъ. Г-жа Бекъ сидѣла противъ меня и пристально на меня смотрѣла. Но въ ея взорахъ не было ни участія, ни состраданія. Во все время нашего разговора не промелькнуло на ея лицѣ ни малѣйшей ко мнѣ симпатіи, ни малѣйшей жалости. Я поняла, что эта женщина не поддается чувствамъ, а наблюдаетъ меня только холоднымъ разсудкомъ. Въ это время послышался звукъ колокола.

— Это знакъ къ вечерей молитвѣ, сказала она, вставая и, чрезъ свою переводчицу, просила меня притти завтра; мысль опять блуждать ночью по улицамъ приводила меня въ ужасъ. Я рѣшилась обратиться прямо къ г-жѣ Бекъ, а не къ гувернанткѣ:

Вѣрьте, сударыня, сказала я ей,—если примите мои услуги, то я употребляю всѣ силы заслужить ваше расположеніе. Я едва читаю по-французски; ни кого не знаю въ Брюсселѣ; я заблудилась по улицамъ; само Провидѣніе привело меня къ вамъ, и я не знаю, гдѣ найти убѣжище на ночь.

— Я понимаю ваше затруднительное положеніе, начала опять г-жа Бекъ. Но есть ли у васъ рекомендаціи? Есть ли какія бумаги?

— Ни какихъ.

— Гдѣ же ваши вещи?

— Ихъ привезутъ завтра. Ей показалось это подозрительнымъ и она задумалась. Въ эту минуту послышались на лѣстницѣ шаги человѣка.

— Кто это? спросила г-жа Бекъ.

— Г. Поль, отвѣчала гувернантка, онъ давалъ вечеромъ экстренный урокъ первому классу.

— Очень кстати. Попросите его сюда скорѣе .....

Гувернантка побѣжала за г. Полемъ и привела его. Это былъ маленькій, сухощавый, черноволосый мужчина въ золотыхъ очкахъ.

— Братецъ, сказала ему г-жа Бекъ, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ. Вы слывете большимъ физиономистомъ: вотъ случай вамъ оправдать репутацію. Прочтите на этомъ лицѣ и скажите намъ вслухъ.

Г. Поль устремилъ на меня свои очки. Сжатые губы и наморщенный лобъ показывали, что онъ въ самомъ дѣлѣ читаетъ мои мысли.

— Я прочелъ, вскричалъ онъ вскорѣ.

— Что же скажите?

— Многое, отвѣчалъ оракуль.

— Доброе или дурное?

И то и другое. Но имѣете ли вы надобность въ ея услугахъ?

— Я могу и безъ нихъ обойтись, хотя впрочемъ мистрисъ Свинни мнѣ очень надоѣла.

Г. Поль продолжалъ свое наблюдение; но окончательный выводъ казался все еще неопредѣленнымъ.

— Возьмите ее. Если добро преобладаетъ въ ней, она вознаградитъ васъ за убѣжище; если напротивъ, такъ чтожъ? по-крайней-мѣрѣ, вы сдѣлаете хорошее дѣло. Сказавъ это, рѣшитель судьбы моей скрылся. Г-жа Бекъ въ этотъ же вечеръ приняла меня нянькой къ своимъ дѣтямъ, и, благодаря Бога, я избавилась отъ необходимости блуждать снова по пустымъ улицамъ, гдѣ, на каждомъ шагу, угрожали мнѣ опасности.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ЖЕНСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. И. ДЕМЕНТЬЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ УГРЮМОВЪ, помѣщикъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, его жена.

КАТЯ, ихъ дочь, институтка.

АЛЕНА ПЕТРОВНА, его сестра.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ СКВОРЦОВЪ, молодой человѣкъ.

ТИМОФЕНЧЪ, старый слуга Угрюмовыхъ.

ТЕРЕНТІЙ, лакей въ ихъ домѣ.

МАТРЕНА, мызница.

Лакеи, горничныя, крестьяне и крестьянки.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, лѣтомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВИЗИТЬ И ПИСЬМО.

Хорошо-убранная комната съ тремя дверьми: посерединѣ, направо и налево, и съ двумя по сторонамъ окнами.

1.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ и **ТИМОФЕИЧЪ**. Они разговариваютъ за кулисами и входятъ въ среднія двери.

Тимофеичъ. Ну, какъ же тутъ съ разу-то узнать! Прошу покорно! нашъ сосѣдъ, землякъ, то есть, просто Сергѣй Иванычъ!.. Ахъ, я старый — старый! И дивн бы слѣбъ былъ, а то вѣдь... смотрю, смотрю—и всё не въ догадъ. Эхъ, то есть...

Сергѣй Иванычъ. Не мудрено Тимофеичъ, вѣдь Сергѣй-то Иванычъ, *то есть*, измѣнился немножко.

Тимофеичъ. Немножко... Какое вамъ немножко! Вы, сударь, просто, то есть... Ахъ ты, Господи Боже мой, времечко—то что значить! Вѣдь, правду сказать, вотъ какимъ мелюзгой уѣхали вы, сударь, а теперича — эвося, какой — разлихой!

Сергѣй Иванычъ. Вижу, вижу, старина, что ты все тотъ же краснойбай и болтунъ.

Тимофеичъ. Ни, ни, ни, не тотъ ужъ я сталъ, на половину не тотъ, совсѣмъ, то есть, не тотъ...

Сергѣй Иванычъ. Полно, однакожъ, Тимофеичъ, поди-ка, лучше, доложи обо мнѣ.

Тимофеичъ. Иду, иду (*идетъ къ дверямъ направо и, оставившись, про себя*). Экое, то есть, забытье у меня: изъума вошь, что барыня—то ускакала въ судъ, по ихнему проклятому спору... Что тутъ прикажите сказать нашему молодцу?!

Сергѣй Иванычъ. Ну, что же ты раздумываешь, Тимофеичъ?

Тимофеичъ. Иду, иду... (*уходитъ въ двери налево*).

II.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ одинъ.

Здѣсь все также, какъ и было; все, кажется, по прежнему, безъ особыхъ переменъ... Встрѣчу ли только прежнее расположеніе въ хозьявахъ? Впрочемъ, я хорошо помню, это были люди радушные, добрые... А черноглазенькая Катенька?.. Какъ сейчасъ гляжу: головка кудрявенькая, звонкій смѣхъ, рѣзвость, живость... И какъ она привязана была ко мнѣ!.. Да, я воображаю, что за красавицу увижу!.. Ахъ, много прекраснаго въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, о минувшемъ дѣтствѣ!.. О минувшемъ?.. А будто мы не дѣти—теперь, въ какія-нибудь двадцать лѣтъ?.. Тѣ же дѣти, только съ папирской въ зубахъ вмѣсто конфеты.

III.

Тимофеичъ. Егоръ Петровичъ сію-минуту выдуть, просятъ обождать (*уходитъ*).

IV.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ, (*въ раздумьи*). Просить обождать!.. А почему же не позвалъ къ себѣ, въ кабинетъ?.. Что это?.. холодность, церемоніи?..

V.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ и ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Егоръ Петровичъ. Сережа!.. голубчикъ!.. Тьфу, что я! Сергѣй Иванычъ!.. Давно ли въ нашихъ краяхъ, Сергѣй Иванычъ?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы называли меня попроше — Сережей...

Егоръ Петровичъ. Нельзя, Сергѣй Иванычъ, неприлично.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Отчего же неприлично?

Егоръ Петровичъ. Садитесь-ка, садитесь, Сергѣй Иванычъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Нѣтъ, не сяду, до-тѣхъ-поръ не сяду, пока не бросите церемоній, и даже — извините — уйду.

Егоръ Петровичъ. Вишь, какой упрямый! Точь-въ-точь, какъ былъ ребенкомъ!.. Не хорошо, голубчикъ Сережа!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вотъ теперь я сяду.

Егоръ Петровичъ. Ну, что, Сережа кончилъ курсъ?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Кончилъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. И на славу?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Слава-Богу, благополучно.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, вотъ и чудесно. Поздравляю, отъ души поздравляю. Когда же ты изъ Москвы?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вчера.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. О?! А сегодня ужъ и по гостямъ!

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. А сегодня и по гостямъ, и къ первымъ къ вамъ, какъ ближайшему сосѣду по имѣнію, а главное — какъ къ лучшему и старинному другу моего батюшки. Кстати, батюшка посылаетъ вамъ поклонъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Спасибо, дружокъ, спасибо.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Поклонъ и...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. И что еще?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. И... самый нѣжный упрекъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Ого!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Да... Отпуская меня къ вамъ, батюшка сказалъ: «напомни, Сережа, моему другу, моему старому другу, Егорушкѣ» батюшка такъ называетъ васъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Знаю, знаю... Такъ что же такое—напомни?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. «Позабылъ меня — батюшка говорить — совсемъ, говорить, позабылъ»...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Я.. чтобъ я позабылъ моего искренняго друга, моего Ваню, однокашника, однополчанина!.. Да за что же такъ!.. Да вѣдь онъ... я... мы... однокорытники! да вѣдь мы вмѣстѣ бѣли и рубились, ссорились и мирились!.. да вѣдь мы вмѣстѣ... у насъ было все пополамъ!.. ну, да просто-на-просто, жили душа въ душу!.. Вотъ оно что!.. А ты говоришь... онъ говорить... да ты-то что говоришь!.. (*увлекаясь*). Нѣтъ, братъ Ваня, шутишь!.. твоя дружба, твое имя... ну, да весь ты, Ваня, — вотъ, тутъ, не различно (*указывая на сердце*). Пусть оно сперва высохнетъ! Нѣтъ пріятель — врешь! не забыть мнѣ тебя ни-во-вѣки вѣковъ! — да!.. Охъ, только еслибъ не жена...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Что вы сказали?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ, (*спохватясь*). Э... ну... да... видишь ли что, Сережа... жена моя... я говорю — Марья Семеновна... она, видишь, уѣхала въ городъ... маленькія дѣлишки... дрянныя, знаешь, дѣлишки, по имѣнію... я всегда прочь отъ дѣлишекъ... Ну, конечно,

она скоро вернется... впрочемъ, все равно... (*всторону*). Экъ я перепутался, прахъ побори!

Сергѣй Ивановичъ (*всторону*). Старикъ что-то скрываетъ... упомянулъ о женѣ... Батюшка то же что-то не разговорчивъ на ихъ счетъ... Тутъ что-нибудь да есть (*вынимаетъ изъ кармана письмо и про себя*). Не скажетъ ли оно чего-нибудь?... (*къ Егору Петровичу*). Батюшка приказалъ мнѣ отдать Марьѣ Семеновнѣ вотъ это письмо. Вы говорите — она уѣхала, такъ не потрудитесь ли?... (*отдаетъ письмо*).

Егоръ Петровичъ (*вертя письмо*). Что бы это значило такое?... Онъ, отецъ-то твой... не говорилъ ли при этомъ чего-нибудь такого...

Сергѣй Ивановичъ. Ничего; велѣлъ только отдать и получить отвѣтъ, если будетъ отвѣтъ.

Егоръ Петровичъ. Такъ, такъ... да жаль, что не на мое имя, не лзя распечатать. Впрочемъ, Марья Семеновна, того-и-смотри подѣдетъ... (*Особо*). Что бы это такое?..

Лакей (*вбѣгая*). Барыня изволяли пріѣхать.

Егоръ Петровичъ (*струся и отдавая письмо*). Ну, вотъ, легка на поминѣ. Знаешь ли, Сережа, отдай-ка самъ лично: оно вѣдь такъ и слѣдуетъ, да и въ порядкѣ. Пожалуй, еще жена подумаетъ, что я распрашивалъ, любопытствовалъ... мало ли что!.. отдай-ка письмо-то самъ.

Сергѣй Ивановичъ. Извольте (*особо*). Право, какъ-то странно все это слышать.

(*За кулисами слышенъ голосъ Марьи Семеновны*).

Егоръ Петровичъ (*особо*). Ну, поѣхала!.. Теперь хоть изъ дому — такъ въ ту же пору.

VI.

Среднія двери открываются настежь; шумъ усиливается; Марья Семеновна, въ прихожей, обращаясь къ слугамъ и служанкамъ: «Я тебѣ говорю въ послѣдній разъ, слышишь?... А ты, востроглазая, не думай у меня оправдываться; знаю я тебя... Все вы... только даромъ хлѣбъ ѣдите... Барыня для васъ ни почему — хуже мочалки...» Егоръ Петровичъ въ это время суетится, перебѣгая отъ дверей къ дверямъ, останавливаясь, наконецъ, у среднихъ съ правой стороны. Сергѣй Ивановичъ находясь на лѣвой, вполголоса, особо: «Э! такъ вотъ оно здѣсь какъ!..»

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*въ дверяхъ, къ мужу*). Что́ это, батюшка Егоръ Петровичъ, шагу изъ дому не лъзя сдѣлать: весь домъ вверхъ дномъ. Рѣшительно, вы перепортили всѣхъ людей.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*къ ней, рекомендуя*), Сережа Скворцовъ...
повъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*не взглянувъ*). Ктѣ? Чтѣ?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Сергѣй Ивановичъ Скворцовъ... вотъ, посмотри.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*входя въ комнату*). Ахъ, Богъ мой!.. извините, пожалуйста... За дѣломъ не вдругъ замѣтила... А! такъ это объ васъ-то мнѣ внизу докладывали!?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Можетъ быть, сударыня.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да, да... Да какой же вы молодчикъ, красавчикъ!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Вчера только изъ Москвы... курсъ кончилъ... докторомъ сдѣлался, профессоромъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Вотъ!.. похвально, похвально..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но эту похвалу я не беру на свой счетъ; Егоръ Петровичъ шутить...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скажите же, пожалуйста, господишь докторъ, или профессоръ... какими судьбами, какому случаю обязаны мы вашимъ посещеніемъ?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Просто — визитъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*къ мужу, строго*). Не васъ спрашиваютъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Дѣйствительно, сударыня, послѣ долгаго отсутствія, я желалъ васъ видѣть прежде, чѣмъ другихъ сосѣдей... Я живо помню ваши ласки, вашу доброту...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. О, да, я всегда была добра и ласкова... да!.. и это съ вашей стороны очень нѣжно, вѣжливо .. я, конечно, и теперь рада, но... но развѣ вы ничего не знаете?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Что́ же я долженъ знать?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Развѣ батюшка вашъ ничего вамъ не говорилъ... наиримѣръ, про меня!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Ничего; но узнавъ, что я ѣду къ вамъ, онъ поручилъ мнѣ доставить вамъ вотъ это письмо.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Письмо?! Ко мнѣ! отъ вашего батюшки?.. Вотъ неожиданность!.. Ужъ не предлагаетъ ли онъ мнѣ полюбовную сдѣлку!.. или мировую!.. на выгодныхъ для меня условіяхъ?!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Ну, не быть добру.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Извините, я васъ не понимаю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, я ни сдѣлокъ, ни мировыхъ не ищу и не желаю. Онъ — самъ по себѣ, а я — сама по себѣ. Дѣ-сь!

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Повторяю, сударыня, ваши слова для меня загадка.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ знайте же, молодой человѣкъ: вашъ отецъ — мой личный врагъ! . А! васъ это извѣстiе поражаетъ?.. Не правда ли, вамъ кажется страннымъ, какъ, послѣ столькихъ лѣтъ мирнаго сосѣдства, мы сдѣлались врагами?! Это очень просто. — Онъ, вашъ отецъ, съ которымъ мы двадцать лѣтъ водили хлѣбъ-соль, съ которымъ двадцать лѣтъ жили, какъ добрѣйшіе сосѣди, съ которымъ... о, да что и говорить, — онъ, вашъ отецъ... раззорилъ меня, ограбилъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Мой отецъ?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да, вашъ отецъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Но, послушайте, Марья Семеновна.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Сдѣлайте милость, не мѣшайте не въ свое дѣло. Если вамъ неприятно слышать правду — можете уйти, — я даже прошу васъ объ этомъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Экая злая женщина! (*махнувъ рукою, уходитъ въ свою комнату*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Мужъ мой — человѣкъ слабый, неповоротливый, да я-то не дура; я не махну рукою, коли меня задѣли за живое; я дамъ отпоръ, даромъ — что женщина.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но позвольте...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, ужъ вы позвольте, молодой человѣкъ... Я сейчасъ изъ суда... да, изъ суда — не удивляйтесь. Мнѣ объявили, что я проиграла дѣло. Хорошо, пусть я проиграла въ одномъ мѣстѣ (*разгорячаясь*), пусть проиграю въ другомъ, въ третьемъ, въ десятомъ, въ двадцатомъ... я не испугаюсь.. я пойду дальше, подамъ жалобу выше.. меня не остановятъ препятствiя... ни какія не остановятъ... Я докажу моему сопернику, что я не трусиха какая нибудь... я, слава Богу, не безъ добрыхъ людей: они мнѣ помогутъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но что же сдѣлалъ вамъ мой отецъ?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*все болѣе разгорячаясь*). Что сдѣлалъ!.. Вамъ, молодой человѣкъ, угодно знать, что онъ сдѣлалъ?.. Онъ... отнялъ у меня имѣніе, превосходное имѣніе... лѣсъ, пашни, сѣнокосъ... понимаете ли, даже и сѣнокосъ!.. все это было мое, всѣмъ этимъ я владѣла 100, 1000 лѣтъ!.. А онъ отнялъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Этого быть не можетъ... отецъ мой не способенъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*почти выходя изъ себя*). Это есть...

вашъ отецъ способенъ... но этого не будетъ!.. я дойду до того, что этого не будетъ—слышите ли, не будетъ! Помилуйте, да что же это такое?.. У меня тащить изъ-подъ носа имущество — а я молчи!.. Я владѣю имѣніемъ безспорно нѣсколько десятковъ лѣтъ, — а у меня отнимаютъ его въ одинъ день!. Да послѣ этого лучше не жить на бѣломъ свѣтѣ!.. У васъ, въ вашемъ полѣ, въ вашемъ домѣ, въ вашемъ хозяйствѣ стануть распорядиться сосѣди! да это изъ-рукъ-вопъ!.. О, я понимаю, я хорошо понимаю: дай только вамъ волю, будь такой же мокрой курицей, какъ мой муженекъ, такъ того и смотри,—что вы сядите мнѣ вотъ куда (*показывая на-голову*), да и прихлопните, да и притопчите!.. А! вашъ батюшка вздумалъ подсылать ко мнѣ записочки, вздумалъ соглашать меня на миръ, когда самъ же поднялъ войну.. и противъ кого же?.. (*съ досады чуть не плачетъ*). Противъ женщины беззащитной, слабой, хворой...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Ай-да хвора! (*къ ней*) Сударыня! Все, что я сейчасъ слышалъ, меня чувствительно огорчаетъ, но обратитесь къ письму; можетъ быть оно...

Марья Семеновна. Вотъ оно — возьмите его (*бросаетъ на столъ*), не стану, не хочу, не могу читать!.. Между нами все конечно. Насъ разберетъ судъ, слышите ли, судъ!.. (*быстро уходитъ направо, хлопнувъ дверью*).

VII.

Сергѣй Ивановичъ (*одинъ*). Въ себя не приду. Неужели это правда?.. Неужели отецъ мой?.. О, нѣтъ, нѣтъ, ни на одну минуту не допущу себѣ такой мысли... (*идетъ къ дверямъ*).

VIII.

Егоръ Петровичъ (*отворяя свою комнату, посылываетъ къ Сергію Ивановичу и зполголова*) Сережа! Сережа! постой, выслушай!.. это я, не бойся... Слушай: не вѣрь ты, пожалуста, ни на каплю не вѣрь... все вздоръ и пустяки... Одна она виновата... Моя жена, не знаю, когда... ну, пожалуй—что... лѣтъ такъ будетъ съ восемь, а можетъ и больше... завладѣла частію вашего имѣнія... ну, или лѣса... такъ, знаешь, по ошибкѣ .. ну, понимаешь... такая пришла глупая фантазія...

Сергѣй Ивановичъ. А!..

Егоръ Петровичъ. Ну, вотъ это и обнаружилось... фантазія

разыгралась; отецъ твой сталъ требовать, жена не уступала... и тутъ-то загорѣлось дѣло (чтобъ чортъ его побралъ). Я не могъ вмѣшиваться — имѣніе не мое, все ей принадлежитъ. Но погоди, я надѣюсь, будетъ все по прежнему, по старому, пусть только пріѣдетъ моя Катя...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Ахъ, Боже мой, ваша дочь... я объ ней и не спрошу: гдѣ же она?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Въ Петербургѣ, скоро пріѣдетъ... на дняхъ, много-что черезъ недѣлю, а можетъ быть и завтра... ждемъ съ часу на часъ... и тогда... ну, да что впередъ загадывать... подождемъ... А между-тѣмъ, знаешь что, Сережа?.. Дай-ка письмецо-то мнѣ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Его не приняли, я долженъ отдать батюшкѣ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Эхъ, братецъ, не дурачься, дай мнѣ — да и все тутъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. А что же я скажу дома, батюшкѣ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Скажи... ну, скажи, что отдалъ... мнѣ отдалъ... скажи, что Марью Семеновну не видалъ.. Э, ну, да придумай что-нибудь.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Къ чему же все это поведеть?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. А къ тому, что... ну, да я знаю къ чему. Ну, давай, давай, не упрямяся.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Не знаю, право, хорошо ли это...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Хорошо, хорошо... Давай же поскорѣй.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Такъ и быть, пусть будетъ по вашему (*отдаетъ письмо*).

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Вотъ и прекрасно. Теперь прощай Сережа, до свиданія; не сердись... скажи отцу, что я заѣду къ нему; заѣду непременно... Дѣла поправятся, переменятся — въ этомъ я увѣренъ.. Пусть только моя Катя... я на нее надѣюсь... ну, прощай, прощай... Но смотри—ни полслова отцу о встрѣчѣ... (*указываетъ на комнату жены*).

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Повинуюсь—по необходимости (*уходитъ*).

IX.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*одинъ*). Ухъ, батюшки мои, какъ она его!.. Вотъ женщина!.. А?.. Ну, да ничего; по-крайней-мѣрѣ я-то

взялъ свое (*хлопая по письму*). А ужъ тутъ—я предчувствую—на-
вѣрное развязка этой многолѣтней дурацкой путаницы.. О, я знаю
моего друга, Ваню!.. (*указывая на комнату жены*). А вѣдь все
вотъ она!.. И не грѣшно вамъ, сударыня!.. Такъ вотъ, на зло же
вамъ, прочту и все узнаю, все!.. Семирамида вы, сударыня, настоящая
Семирамида!..

X.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ и МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, быстро отворившая
двери и опѣшившая тѣмъ своего мужа.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Что такое вы сказали?.. а?.. что такое?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Вотъ тебѣ и разъ!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ я, по вашему, Семирамида? а? Семи-
рамида?!.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*ухмыляясь*). Хе, хе, хе... Марья Се-
меновна, я думалъ... вы тамъ пишете...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да знаете ли вы, ктѣ такая была Семи-
рамида?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*по прежнему*). Право, я думалъ, что вы
пишете...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Прошу покорно!.. я—Семирамида!?!.. Да
вы—то кто такой?!.. И что у васъ за мечты такія! Откуда все эти
надежды; съ чего все эти предположенія на счетъ нашей дочери?!.. а?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Вспомните, Марья Семеновна, старое.
Развѣ не вы сами, развѣ не все мы вмѣстѣ желали породниться?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Чтобы я породнилась съ человѣкомъ, ко-
торый ославилъ меня по цѣлому уѣзду, по всей губершии, между всеми
дворянами, сосѣдами, помѣщиками!.. Да вы, голубчикъ, съума сошли,
дѣ!.. И теперь, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ставиваетесь съ
мальчикомъ, наговариваете на жену!.. Похвально, очень-очень по-
хвально! Ай-да муженѣкъ!..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Но разсуди...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Молчите, сударь, да выбросьте дурь—то
изъ головы: мнѣ стыдно за васъ!.. Семирамида!.. И какъ у васъ
языкъ-то... Гмь!.. Отдайте мнѣ письмо.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Какое письмо, Марья Семеновна?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. А вотъ то, которое вы спрятали сейчасъ
въ задній карманъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Полноте шутить, Марья Семеновна...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Пожалуйте письмо.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Но откуда вы взяли, будто я...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Подайте письмо, говорю я вамъ.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. А если не отдамъ?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. И вы осмѣлитесь это сдѣлать! Да отъ васъ ли я слышу! Какъ! промѣнять жену на своего пріятеля, на этого...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Подумайте, Марья Семеновна, вѣдь онъ человекъ добрый, чувствительный .. онъ, можетъ быть, предлагаетъ... я даже увѣренъ, что онъ предлагаетъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Не хочу ни какихъ предложеній, ничего не хочу слышать — слышите ли? Я обижена, раззорена... подайте сейчасъ письмо, или я... О, какъ я несчастна!.. Мало того, что на сторонѣ враги, — у себя, въ собственномъ домѣ, нѣтъ покою, нѣтъ воли...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (*особо*). Чтò тутъ прикажите дѣлать!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Въ послѣдній разъ! отдадите письмо, или нѣтъ? а?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (*съ досадою и поспѣшно*). Извольте: по крайней мѣрѣ прочтите, сообразите.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. О, непременно. (*срываетъ печать, бросаетъ конвертъ и рветъ письмо на мелкіе кусочки*). Вотъ вамъ и соображеніе!.. Когда встрѣтитесь съ вашимъ пріятелемъ, — передайте ему, чтò вы видѣли: это мой отвѣтъ (*уходитъ на свою половину, сильно хлопнувъ дверью*).

XI.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (*одинъ, подбирая торопливо лоскутки письма*). Охъ, охъ, охъ!... Ну какъ же не сказать, что она — чистѣйшая Семирамида!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРІВЗДЪ.

Комната роскошная; у одного изъ оконъ поставлена зрительная труба, около стѣны рояль, Егоръ Петровичъ въ халатъ, пьетъ чай съ сухарями, около него стоитъ Тимофеичъ. Слуги и служанки поминутно перебѣгаютъ изъ дверей въ двери.

I.

Егоръ Петровичъ. Такъ ты думаешь, Тимофеичъ, что... когда пріѣдетъ моя дочь, тогда...

Тимофеичъ. Удостоверительно чувствую, батюшка Егоръ Петровичъ, — все исправится и благополучно окончится, то есть, все хорошо кончится. Ужъ повѣрьте моему слову... Ну, да къ чему тутъ много говорить! Пусть только пріѣдетъ барышня—вы сами, то есть, увидите.

Егоръ Петровичъ. Но жена моя, жена то, братецъ, мой, вѣришь ли ты, рѣшительно не хочетъ мириться; просто на дыбы.

Тимофеичъ. Помирится, батюшка Егоръ Петровичъ, помирится, т. е. вотъ какъ помирится! О-го-го, то есть!

Егоръ Петровичъ. *(къ горничнымъ дѣвушкамъ, которыя сталкиваются съ слугами и громко смѣются, не обращая вниманія на барина).* Шишь вы!.. дурачье!.. *(къ Тимофеичу).* Но, наконецъ, почему ты думаешь, что молодой Скворцовъ и моя Катя, которую онъ не видалъ..

Тимофеичъ. Сойдутся, батюшка Егоръ Петровичъ, то есть посмотрите, какъ крѣпко сойдутся: вѣдь они, если вы вспомните — да и какъ не вспомнить — съизмалѣтства почитались женихомъ да невѣстой, такъ ужъ теперича какъ же иначе! да навѣрно же и вспомнить сейчасъ другъ дружку; лишь дай имъ встрѣтиться...

Егоръ Петровичъ. Встрѣтятся!?!.. Вотъ тутъ-то и запятая!

Тимофеичъ. Не будетъ вамъ ни какой, то есть, запятой — встрѣтятся и тогда ужъ кончено! Да вотъ, чего лучше, ономнясь, батюшка, Егоръ Петровичъ, встрѣлся я съ молодымъ Скворцовымъ, да и показываю ему патреть нашей барышни—тотъ, знаете, что она

прислала изъ Питера, такой крохотный, — что жъ бы вы думали?.. Онъ такъ и ахнулъ, то есть, просто ошеломился, сердечный. Ну—говорить—коли барышня, то есть, на половину такая красавица, ну, такъ и кончено!..

Егоръ Петровичъ. Дай-то Богъ. Да всё-таки я не предвижу, гдѣ бы имъ встрѣтиться: жена не хочетъ его принимать, а больше... гдѣ же?..

Тимофеичъ. Да ужъ повѣрьте мнѣ—встрѣтятся: я знаю, что знаю.

Егоръ Петровичъ. (опять къ служанкамъ, шумно зашепталъ). Да что вы, бѣсы, распотѣшились!.. Шипъ!..

Нѣкоторыя изъ служанокъ. Намъ барыня приказываетъ... Не по своей волѣ... Вотъ еще! помилуйте...

Тимофеичъ. Оставьте ихъ, сударь, они свое дѣло дѣлаютъ, а мы свое...

Егоръ Петровичъ. Ну, Тимофеичъ... Такъ ты говоришь... Оно, конечно, хорошо ты говоришь... и правильно... а все тутъ такъ и вертится жена...

Тимофеичъ. А что жена?.. Ну, ее!.. Плюньте на всё...

Егоръ Петровичъ. Экъ куда тебя махнуло!.. Ну, а какъ эдакъ она сама... а!..

II.

Тѣже и МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, вбѣгаетъ въ поныхахъ изъ среднихъ дверей.

Марья Семеновна. Какъ, голубчикъ, такъ этакъ-то вы?.. Вы тутъ съ чаемъ?!..

Егоръ Петровичъ. Но...

Марья Семеновна. (къ публикѣ). Каково вамъ покажется?.. Онъ чай покушываетъ!.. У меня отъ бѣготни да хлопотъ ноги подкашиваются... голова пошла кругомъ... а онъ кушаетъ чай, да еще и съ сухариками!.. Это ужасъ! (къ Тимофеичу). А ты, что тутъ?.. зачѣмъ, для чего?..

Тимофеичъ. А вотъ, сударыня, про между себя разговариваемъ.

Марья Семеновна. Пошолъ вонъ, пошолъ вонъ! Я советовала бы тебѣ... иди-ка лучше туда, знаешь на дорогу, повстрѣчай барышню...

Тимофеичъ. Слушаю—съ... (уходитъ).

III.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну-съ, сударь мой, а вы?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. А что же я?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ же меня и спрашиваетъ! Стыдись, батюшка, стыдись. Я—женщина—на ногахъ съ ранняго утра, успѣла всѣмъ распорядиться, отдала всякому приказаніе, собрала всю деревню, нарядила всю дворню, какъ куколокъ, послала за-верету вѣстовыхъ— и всё—таки нашла время одѣться приличнымъ образомъ. И ужъ, конечно, Катинька увидитъ, какъ я люблю ее, какъ рада ей, какъ ее встрѣчаю... А ты, голубчикъ мой—сухарики покушиваешь!?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Но помилуй, Марья Семеновна...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Полноте, сударь, перестаньте. Подите, одѣньтесь, одѣньтесь, говорю я вамъ, какъ слѣдуетъ отцу, который ждетъ къ себѣ единственную дочь, образованную, 17-ти лѣтнюю.. Надѣньте зелѣный фракъ съ свѣтлыми пуговицами...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Да надо ли, Марья Семеновна?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ съума меня сведеть, Создатель Небесный! Да не я ли вамъ цѣлую недѣлю толкую, что сегодня, ровно—хонько въ 12 часовъ (*указываетъ на стѣнные часы, на которыхъ стрѣлка подходитъ къ 12-ти*) наша Катинька...

ЛАКЕЙ. (*вбѣгаетъ и кричитъ*). Барышня ѣдутъ, барышня ѣдутъ-съ (*убѣгаетъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ахъ, Богъ мой! (*къ мужу, который спитъ допить чай*). Слышишь ли?.. Ахъ, творецъ милосердый. (*вырываетъ у мужа чашку, тащитъ его съ мѣста и выпроваживаетъ въ дверь нальво. Егоръ Петровичъ плетется, постукивая туфлями*). Идите, идите... зелѣный фракъ съ свѣтлыми пуговицами...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. (*въ дверяхъ, къ публикѣ*). Такъ вотъ не надѣну же! (*уходитъ*).

IV.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА и другой лакей, вбѣжавшій съ крикомъ:

«Барышня ѣдутъ, барышня ѣдутъ...»

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну, слышу, не кричи... Ну, чтожъ ты ротъ разинулъ?!.. Пошелъ, бѣги, кричи! (*лакей убѣгаетъ*). Постой, погоди, эй ты!.. (*лакей возвращается*). Поди, бѣги, скажи... (*тотъ убѣгаетъ*). Я совѣмъ голову потеряла... Люди!.. Гдѣ вы,

разбойники?! Матвѣй!.. Сережка!.. Степанида!.. Варвара!.. (*Люди прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ, Марья Семеновна разстала-зливаетъ лакеевъ по мѣстамъ у среднихъ дверей*). Стойте и ни съ мѣста. (*стучится въ комнату мужа*). Егоръ Петровичъ! не сконфузьте меня? (*обращается къ дѣвушкамъ*). А вы... слушайте вы... Я вамъ сто разъ твердила: привычки свои скверныя бросьте. Ты, вѣтреница, я знаю тебя—начнешь пришивать тамъ, или прикалывать, какъ разъ гдѣ-нибудь уколишь... У тебя тоже, корсетница... руки словно у кузнеца, знай себѣ — рветь да мечеть.. ни шнурковъ, ни лентъ не напасешься.. А ужъ тебѣ парикмахерша, и и говорить-то устала, теребишь косу будто гриву какую... вамъ бы только по сторонамъ глазѣть... смотрите же, у меня, помнитъ хорошенько: какъ и что... Ну, ступайте куда надо. (*дѣвушки уходятъ. Марья Семеновна стучится въ дверь къ мужу*). Поторопитесь же, Егоръ Петровичъ, да не забудьте—зеленый фракъ съ свѣтлыми пуговищами. (*въ эту минуту за сценой раздается громкое и продолжительное ура*). А! прѣехала, прѣехала!.. (*обращаясь къ лакеямъ*). За мной, скорѣй, (*убѣгаетъ, а за ней лакеи*).

V.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (*припрядившійся, но безъ фрака, высовывается изъ дверей*). Терентій, Терешка... (*выходитъ на сцену, суется*). Терешка! Гдѣ ты, разбойникъ!.. Фракъ зеленый... Терешка!.. (*отворяя окно*). Вишь, бестія, гдѣ овь!.. Горланить себѣ и не думаетъ о баринѣ!.. Терешка!.. Фракъ подай... слышишь, Терешка!.. (*за сценой новое ура*). А! мошенникъ! кричитъ пуше вѣхъ... Терентій!.. не слышитъ: ну, что я стану дѣлать?.. Выйти такъ, безъ фрака?.. Жена прогонитъ меня... (*вблизи слышны женскіе голоса*). Ахъ, Богъ мой, это ни какъ они!.. (*кричитъ*). Терешка! фракъ.. зеленый... (*улетываетъ въ свою комнату*).

VI.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, КАТЯ и нѣсколько слугъ и служанокъ: они вносятъ чемоданы и прочая; также являются ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ безъ фрака, ТЕРЕНТІЙ съ фраккомъ, потомъ тетушка, АЛЕНА ПЕТРОВНА, которую поддерживаетъ ТИМОФЕНЧЪ, слуги скоро уходятъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Дай еще разъ обнять тебя, мой дружокъ!.. Мой маленькій каточикъ!..

КАТЯ. О, добрая, милая мамаша!.. А папенька?.. Гдѣ же мой папа?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Сейчасъ выйдетъ, ангель мой! (*въ двери къ мужу*) Егоръ Петровичъ!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*выходя*). Катичька!.. Каточикъ!..

КАТЯ. Папенька!.. милый, дорогой мой папенька! (*обнимаются*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*особо*). Творецъ небесный!.. онъ безъ фрака?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Здравствуй, здравствуй моя крошка!

КАТЯ. Ахъ какъ я рада, какъ счастлива.. я опять дома, съ родными..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*мужу*). Какъ вамъ не стыдно!

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Э, Марья Семеновна, какая ты право!.. Не ужели Каточикъ нашъ прогнѣвается...

КАТЯ. За что это, папаша?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Да, вотъ видишь ли, я по-просту, по домашнему, ну, не успѣлъ...

КАТЯ. О, милый папаша! (*обращаясь къ обоимъ*). Вѣдь я вамъ не чужая, къ чему же тутъ наряды?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, конечно, разумѣется... (*особо*). На-первый случай поддержаля (*къ нимъ*). Ну, садитесь же, садись, Катичька, въ дорогъ, я чай, устала...

КАТЯ. О, нѣтъ, папа, я готова была хоть еще столько же проѣхать, только бы поскорѣй увидѣть васъ, быть съ вами.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*надвывая фракъ, который подаетъ ему Терентій, къ нему*). Я тебя, плуть!.. (*къ нимъ*). Ну, вотъ, извольте посмотреть, теперь я вполне молодець. (*Къ дочери*). А встань-ко, встань, дай-ка хорошенько осмотрѣть себя... Смотри по-жалуй, какъ она вытанулась, поднялась...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Чтѣ это за слова такія у васъ!.. Такъ ты, Катинька, очень обрадовалась, когда тетушка пріѣхала за тобой?

КАТЯ. О, мамаша! вѣдь ровно шесть лѣтъ я васъ не видала. Шесть лѣтъ, папаша!.. Посудите сами — это цѣлая вѣчность. Мнѣ иногда было ужасно-скучно, особенно лѣтомъ... такъ бы, кажется, и полетѣла къ вамъ. И за то, какъ я запрыгала, когда кончился нашъ послѣдній экзаменъ. Охъ, еслибъ вы видѣли, какой поднялся между лѣвицами крикъ, шумъ... мы, просто, взбунтовались. Тутъ я получаю ваше письмо, что за мною ѣдетъ тетушка; тетушка пріѣзжаетъ и я не помню себя отъ радости, я съума схожу. Но

ужь только (въ это время входитъ Алена Петровна, Тимофеичъ, проводивъ ее, уходитъ)... что за смѣшная тетушка!.. Премуморительная!.. Да гдѣ же она? (увидавъ) Ахъ!.. ха, ха, ха... Бѣдненькая тетушка! ха, ха, ха!..

Алена Петровна. Охъ, ухъ!.. устала, ужасти, какъ устала... нѣтъ, не—подъ силу мнѣ такая дорога... А тутъ еще вотъ эта проказница... Уфъ!.. измучилась... здравствуйте, братецъ... Дайте, однакожь, присѣсть.. Охъ, ухъ, что за вертушка ваша Катинька! такая стрекоза, что я...

Катя. А! такъ я стрекоза? такъ, по вашему, я вертушка? хорошо же, тетушка, постоитъ... Слушайте, папа, и вы, мамаша... Пусть тетушка охаетъ, сердится, а я все—таки расскажу... слушайте — я расскажу вамъ про нашъ вояжъ. Мы выѣхали изъ Петербурга, кажется, въ прошлую субботу..: тотчасъ послѣ обѣда. Вы знаете, что мы ѣхали не по желѣзной дорогѣ, а въ коляскѣ; коляска... (обращаясь къ теткѣ). Я вамъ покажу, какая я стрекоза... Коляска наша была со всѣхъ сторонъ закрыта, потому—что шелъ дождикъ; — дождикъ скоро пересталъ; вотъ я и попросила тетушку приказать открыть коляску, тетушка ни за что не соглашалась, нечего было дѣлать — я покорилась и молчала... Но не успѣли мы отѣхать версты двѣ—три, смотрю (тетка махаетъ руками и кашляетъ)... нѣтъ ужъ извините, не махайте, все расскажу... смотрю — тетушка моя преспокойно изволила расположиться на бай-бай (дѣлаетъ примѣръ). Это бы еще не бѣда, пусть бы спала себѣ, но, о ужасъ, папенька!.. (къ теткѣ). Продолжать?..

Алена Петровна. Перестанешь ли, таранта ты эдакая!

Егоръ Петровичъ. Я догадываюсь: тетка твоя, по обыкновению, вѣрно всхрапнула?..

Катя. И какъ еще! Съ начала я вообразила, что возлѣ меня нашъ нѣмецкій учитель — (онъ имѣетъ привычку во время самаго урока сдѣлать немножко такъ... хрръ...) Оборачиваюсь—это тетушка. Я перепугалась не на шутку, въ ухахъ у меня звѣзило и стучало, я велѣла поскорѣй открыть коляску; воздухъ былъ прекрасный, солнце блистало, мѣстоположеніе занимало меня... все это вмѣстѣ до того меня развлекло, что я перестала даже терзаться... Вдругъ, откуда ни возьмись — градъ, и прекрушный. Пусть идетъ, подумала я, и ни сколько не тревожилась; я даже забавлялась этой нечаянностью, но тетушка... представьте себѣ, мамаша, тетушка... нѣтъ, не она, а голова тетушкина лежала на подушкѣ; вотъ такъ (закидываетъ

голову), такъ, что градинки падали ей прямо на лицо... Тетушка не открывала глазъ, а только отмахивалась, воображая, конечно, что ее кусаютъ слѣзни; но потомъ, какъ вечно, какъ закричить: «это что!.. кто смѣлъ!.. За чѣмъ коляска!.. Откуда градъ!..» и пошла, и пошла, и пошла... я хохочу, кучеръ тоже, лошади тоже... нѣтъ, виновата, лошади не хохотали, а фыркали и несли насъ во весь духъ... а тетушка, вѣрите ли; мамаша, тетушка ворчала и сердилась вплоть до станціи, гдѣ наконецъ утѣшилась — за чашкой горячаго бульёна... Ха, ха, ха... не правдали тетушка?.. (*общій смѣхъ*).

Алена Петровна. Ей весело; она и знать не хочетъ, что у тетки послѣ того открылся флюсъ, сдѣлался кашель, лихорадка!.. хороша племянница!..

Катя. А позвольте спросить: кто нагрѣвалъ для тетушки ватныя подушечки?.. кто прикладывалъ къ ея горлышку фланельки?.. кто укутывалъ?.. кто, кто?.. а?.. скажите...

Алена Петровна. Да замолчи ты проказница, болтунья.

VII.

Тѣже и ТИМОФЕНЧЪ, несутъ четыре чашки бульёна, разнося сперва пріѣзжимъ.

Катя. А, Тимофеичъ!.. здравствуй! ты, кажется, не здоровался еще со мной?

Тимофеичъ. Помилуйте, барышня-сударыня, да я, что ни есть первый встрѣтилъ васъ... и ручки-то ваши цѣловалъ и ура прокричалъ... Не угодно ли, тепленькаго, съ дорожки...

Катя (*беретъ отъ него подносъ и подходитъ съ реверансомъ*). Не прикажете ли, добрѣйшая тетушка; этотъ бульёнъ соедемъ не тотъ, что, помните, былъ у насъ послѣ града... ха, ха, ха...

Алена Петровна. Уймешься ли ты наконецъ, насмѣшница!.. Поди, лучше сыграй что-нибудь, да спой...

Катя. Извольте, добрая тетушка; для вашего удовольствія я на все готова.

Марья Семеновна. Но другъ мой, не полезѣе ли сперва отдохнуть?..

Егоръ Петровичъ. И въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли...

Катя. О, не беспокойтесь обо мнѣ; я ужъ сказала, что не чувствую никакой усталости... Ну, а чтобъ намъ съ тетушкой

удачнѣе помириться, и чтобъ она поскорѣй забыла дорожныя впечатлѣнія, которыя бывають не всегда пріятными впечатлѣніями, особенно когда... коляска открыта... и на насъ посыпится крупный градъ... ха, ха, ха... (*къ теткѣ*). Не сердитесь, не сердитесь... посмотрите, я сажусь и начинаю... (*поетъ веселенькій романсъ, а въ это время Тимофеичъ поглядываетъ въ зрительную трубу, устанавливая ее, какъ лучше къ окну*). Ну, что, тетушка, хорошо?

Алена Петровна. Прекрасно, безподобно...

Егоръ Петровичъ. Bravo, bravo!.. ай да Катя!

Марья Семеновна. Да, и я скажу...

Тимофеичъ. Вотъ это, что называется пѣть, такъ пѣть, не то, что наши дѣвки на селѣ. А вотъ и село, вотъ и мыза наша; посмотрите-ка сюда, барышня-сударыня!.. Все, что ни увидите — все это ваше, родное... пожалуйте...

(*Катя смотритъ въ зрительную трубу*).

Алена Петровна. А ужъ мнѣ, старухѣ, дайте отдохнуть... Ужаси, какъ раскачалось!.. Братецъ, проводите (*уходитъ съ Егоромъ Петровичемъ*).

XIII.

Тѣже, безъ ЕГОРА ПЕТРОВИЧА и АЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ.

Катя (*продолжая смотреть въ трубу*). Ахъ, какая прелесть... какой видъ обворожительный!.. Пригорки... лѣсъ... деревня...

Тимофеичъ. О, то ли еще увидите!..

Катя. Вотъ и козочки... коровки... чудо, какъ хорошо!.. Картина безподобная!.. Непремѣнно сниму этотъ видъ... Сегодня же начну... Мамаша, вы мнѣ позволите?..

Марья Семеновна. Сколько хочешь, другъ мой...

Катя. А ты, Тимофеичъ, вѣрно, не откажешься проводить меня... возьмешь мои снаряды?.. да?..

Тимофеичъ. Приказывайте, барышня: за мною дѣло не станетъ

Катя. Какъ жаль, однакожь, что тутъ не достаетъ... А! вотъ и люди!.. какая-то толстая... толстая крестьянка...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Это наша скотница... бывшая твоя кормилица, мамка... помнишь Матрену?

КАТЯ. Матрена?... помню, помню... да, это она... только какая она събилась толстая, мамаша... Ахъ, Боже мой, это кто?! Это онъ... да, онъ, онъ... я сейчас его узнала... вотъ онъ говорить съ Матреной... показываетъ сюда, какъ будто на меня показываетъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Кто?... Кого ты узнала?..

КАТЯ. Это онъ, мамаша, онъ... да, да... черный бархатный скюртукъ... фуражка .. хлыстикъ... это онъ, онъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да, кто же?

КАТЯ (*оставляя трубку*). Когда мы съ тетушкой приближались къ дому и спускались подъ гору — это будетъ отсюда верстахъ въ четырехъ — спускались потихоньку, — онъ въхаль на гору, намъ на встрѣчу, тоже тихо, почти шагомъ... верхомъ, на прекрасной лошади... Поровнявшись, онъ поклонился намъ... учтиво, вѣжливо... и такъ, какъ будто онъ насъ знаетъ... И въ самомъ дѣлѣ, мамаша, когда я по пристальнѣе вемотрѣлась въ него — я вспомнила, что мы, кажется, старые знакомые... я только позабыла его фамилію... а лицо его, его улыбка... ну, вотъ такъ и вертится у меня въ памяти... я даже вспоминала его иногда въ пансіонѣ... Да посмотрите, мамаша, сами; вы навѣрное скажете...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*смотря въ трубу*). А!.. Гмъ... это... это... молодой Скворцовъ...

КАТЯ (*обрадовавшись*). Ну, вотъ, вотъ... теперь и я вспомнида... Скворцовъ... Сережа Скворцовъ... Онъ былъ такой милашка, хорошенькій... да и теперь...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ахъ, Катя, какая ты, право!.. Ну, можно ли такъ?

КАТЯ. А что жъ такое, мамаша?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. А то же, что... десять лѣтъ назадъ, ты могла такъ говорить, а теперь (*къ Тимофеичу*). Поди попроси ко мнѣ Егора Петровича...

(*Тимофеичъ уходитъ, а Катя снова наблюдаетъ въ трубу*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*особо*). Однакожъ это походить на дерзость: его не принимаютъ въ домъ, а онъ разгуливаетъ у меня подъ носомъ!.. Ужъ нѣтъ ли тутъ какихъ продѣлокъ со стороны Матрены... а можетъ быть и Тимофеичъ?.. Онъ — старый хитряга и, пожалуй, отъ него станется... А моя крошка — она все помнитъ... и прежняя дѣтская дружба... Ахъ, какая превосходная, счастливая

мысль!.. Такъ , такъ... сейчасъ же все разстрою... (*къ дочери*). Ты еще не знаешь , Катя, вѣдь онъ бѣдняжка... помѣшался... онъ съума сошелъ...

КАТЯ. Неужели, мамаша?.. Ахъ какія страсти! (*смотритъ въ трубу*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Совѣтую тебѣ избѣгать съ нимъ встрѣчи.

КАТЯ (*печально*). Хорошо, мамаша (*смотритъ въ трубу*).

XIV.

ТѢ же и ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ а потомъ ТИМОФЕИЧЪ,

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Наконецъ, слава—Богу, сестра започивала.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*отводя мужа всторону, вполголоса*). На нашей фермѣ прогуливается молодой Скворцовъ... Не знаю, кто это ему позволилъ, но этому впередъ не бывать... Катя его видѣла, узнала и... моя вражда съ его отцемъ... ты понимаешь?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ — сумасшедшій... понимаешь?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Кто сумасшедшій?.. какой сумасшедшій?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скворцовъ, Сергѣй Скворцовъ... Я такъ хочу, такъ надо... для моего и твоего спокойствія, да еще для (*показываетъ на дочь*): надо устроить такъ, чтобъ она нигдѣ его не встрѣчала... нигдѣ!.. понимаешь?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Но...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я не могу равнодушно произнести эту ненавистную для меня фамилію, и чтобъ я снова сошлась, сблизилась!.. Повторяю — онъ сумасшедшій; ты самъ долженъ увѣрить, утвердить въ этомъ Катю...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. И вотъ, куда повели тебя твои несогласія, капризы...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ни слова болѣе, Егоръ Петровичъ...

КАТЯ (*увидѣвъ отца*). Ахъ, папаша, какъ страшно и жалко вмѣстѣ!.. Неужели Сережа и въ-самомъ-дѣлѣ сумасшедшій?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*мужу*). Говорите — да, да. —

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Говорять... не знаю... (*особо*). Злая женщина!

КАТЯ. Ахъ, какое несчастіе!.. Я помню, у него былъ отецъ... такой добрый — добрый старичокъ... такъ еще любилъ васъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*тронутый*). О, да, да... любилъ, горячо любилъ... всёхъ насъ... (*махнувъ рукой, поспышно уходитъ: его провожаетъ до дверей Марья Семеновна, что-то нашептывая*).

КАТЯ (*въ раздумьи*). Сумасшедшій!.. Такой хорошенькій — и сумасшедшій!..

ТИМОФЕИЧЪ (*вполголоса*). Не вѣрьте, барышня, не правда.

КАТЯ. Чтò?!

ТИМОФЕИЧЪ. Тссъ... послѣ, послѣ... все узнаете (*отходитъ отъ нея*).

КАТЯ. Что же это такое? кто меня обманываетъ!?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну, милая Катя, не хочешь ли теперь осмотрѣть комнатку, которую я приготовила собственно для тебя; она выходитъ на лугъ... удобная и красивенькая... впрочемъ, если эта не понравится, мы отыщемъ тебѣ другую... Пойдемъ... Да о чемъ ты задумалась?..

КАТЯ. Мнѣ что-то вдругъ стало скучно, мамаша, я все думаю... но пойдете... это пройдетъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*уходя, обнявшись съ Катей*). Тимофеичъ! скажи Матренѣ, чтобы никого изъ сосѣдей на ферму не пускали... слышишь-ли — никого...

XV.

ТИМОФЕИЧЪ одинъ (*смотреть вслѣдъ уходящимъ*).

Какъ бы не такъ!.. Нѣтъ, матушка-барыня, извини, — одного-то молодчика мы пустимъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СВИДАНІЕ И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Открытое мѣсто; на одной сторонѣ сцены ферма, вдали молодой лѣсъ, горы, на послѣднемъ планѣ барскій домъ; впереди рѣчка, черезъ которую перекинутъ мостикъ; около фермы тамъ-и-сямъ разбросаны кусты цвѣтовъ. Утро. Солнце только-что всходитъ, освѣщая мало-по-малу сцену; музыка въ пасторальномъ родѣ продолжается и по поднятіи занавѣсы, по окончаніи ея раздаются звуки пастушьего рожка, вскорѣ за тѣмъ показывается на ближайшемъ пригоркѣ пастухъ, играя на рожкѣ; онъ скоро исчезаетъ:

I.

МАТРЕНА, выходя изъ домика фермы, скликаетъ домашнюю птицу, потомъ глядитъ изъ подъ-руки на солнце.

Ахъ какая теплынь! кабая осень!.. Денежь будетъ благодатный... А ужъ, я чай, часокъ 7-й: того и гляди, — барышня подойдетъ... Да вотъ, кажется, и она — легка на поминѣ!.. Ахъ, ты моя касаточка!.. Вишь ты, какъ подпрыгиваетъ проворно (на ближайшемъ пригоркѣ показывается Катя, а за нею Тимофенчъ съ мольбертомъ и другими принадлежностями рисованія; они вступаютъ на сцену черезъ мостикъ). Съ добрымъ утромъ, сударышня, вы моя, Катерина Егоровна (хочетъ поцѣловать у Кати руку; та не даетъ).

II.

КАТЯ, МАТРЕНА и ТИМОФЕНЧЪ; онъ устанавливаетъ мольбертъ и проч.

КАТЯ. Здравствуй, здравствуй, добрая Матрена! Видишь ли, и я умѣю вставать по-деревенски, вмѣстѣ съ солнцемъ. Тимофенчъ, устанавливай на вчерашнее мѣсто... вотъ тутъ... правѣе, правѣе... А моя козочка? Гдѣ она?

МАТРЕНА. Въ поле ушла, сударышня, въ поле, съ своими подругами — пощипать травки да муравки.

КАТЯ. Ахъ, да... вѣдь у васъ такъ заведено. А что же ты мнѣ сливокъ? забыла?

МАТРЕНА. Охъ, я неучиха старая... Сейчасъ, сейчасъ, сударыня (*идетъ на ферму*).

ТИМОФЕИЧЪ. Постой, неучиха старая, я тебѣ подмогу... дай, вотъ только установлю... Ну ладно... (*уходитъ за ней*).

III.

КАТЯ, одна, садится и рисуетъ.

Какъ весело, какъ благотворно все и упоительно здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, въ этой прекрасной, открытой природѣ!.. Этотъ лѣсокъ, эти горы, эта душистая, пестрая зелень, солнце, воздухъ... все это вмѣстѣ навѣваетъ на душу какое-то особенное, благодатное обаяніе, чувство тихой радости и спокойствія... Да, лѣтомъ въ деревнѣ, среди роскошной, благоухающей жизни много очарованія... Вотъ тамъ, вдали, наше село .. въ этихъ чистенькихъ домикахъ живутъ наши умные мужички, наши добрыя крестьянки. .. они, вѣрно, счастливы, и дай Боже, чтобъ они вѣчно были счастливы. Какъ они дружно, радостно встрѣтили меня!.. Сколько цвѣтовъ поднесли!.. И все это такъ просто-просто... Сейчасъ видно, что они любятъ насъ, любятъ папа и мамашу... Одно только меня смущаетъ: зачѣмъ мамаша... конечно, можетъ-быть, она имѣетъ какія-нибудь причины... но папенька?.. мнѣ показалось, будто онъ немножко скученъ... не совсѣмъ откровененъ... Наконецъ, этотъ Тимофеичъ... «Не вѣрьте — сказалъ онъ — это не правда!..» Что же это значитъ? Неужели мамаша солгала?.. А если такъ, то къ чему, для чего?.. И странно, отчего самъ Тимофеичъ вдругъ какъ-то перемѣнился, молчитъ... Между тѣмъ я примѣчаю, что у него есть что-то на умѣ... онъ какъ будто хочетъ что-то сказать мнѣ и въ тоже время скрытничаетъ... Если нашъ хорошенькій сосѣдъ дѣйствительно сумасшедшій, то.. (*вставая, весело*) ба, ба, ба... Какъ это просто!.. Вчера онъ былъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ... говорилъ съ Матреной... слѣдовательно онъ... слѣдовательно она знаетъ его... Прекрасно. Теперь я все узнаю... заведу изъ-далека разговоръ .. Тимофеича прогоню... Прекрасно, прекрасно.

IV.

КАТЯ, МАТРЕНА и ТИМОФЕИЧЪ, послѣдніе двое несутъ простой зеленый столъ, уставленный деревенскими закусками.

МАТРЕНА. Простите, сударыня, за мою мѣшкатность; хорошо еще, что Тимофеичъ подсобилъ.

КАТЯ. Ахъ, Матрена, Матрена, къ чему все это? за чѣмъ? Я просила однихъ сливокъ.

МАТРЕНА. Не осудите, барышня, чѣмъ Богъ послалъ, кушайте на здоровье.

КАТЯ. Какое тутъ здоровье, отъ такого угощенія можно умереть.

МАТРЕНА. Оборони Господи!.. Чтò это вы, барышня!..

КАТЯ. Ну, хорошо; давайте же угощаться (*пѣтъ и пѣтъ*, — къ Матренѣ) А чтò же ты?

МАТРЕНА. Какъ можно, барышня!.. Намъ не пристойно съ господами...

КАТЯ. Смотри пожалуй, какія перемоніи! Извольте ѣсть, сейчасъ, при мнѣ, а не то я подумаю, что ты меня не любишь.

МАТРЕНА. Коли не побрезгаете, то ужъ такъ и быть (*уписываетъ хлѣбъ-соль по крестьянски*).

КАТЯ. Ну, а ты, Тимофеичъ, принимайся...

ТИМОФЕИЧЪ. Былое дѣло, сударыня... Впрочемъ была-не-была, (*пѣтъ и пѣтъ*).

КАТЯ. Вотъ этакъ-то лучше... Чудесныя сливки!.. Знаешь чтò, Тимофеичъ, я большая охотница до сливокъ съ ягодами... Не полѣнись, голубчикъ, собери, нарви мнѣ лѣсной — не садовой — а лѣсной земляники, малины... чтò подъ руку попадется...

ТИМОФЕИЧЪ. Хоть цѣлый коробъ... Вамъ сейчасъ?..

КАТЯ. Сію-минуту, Тимофеичъ.

ТИМОФЕИЧЪ. Бѣгу, бѣгу... Смотри же ты, старая, береги нашу барышню—сударышню пуще своего глаза (*уходитъ*).

V.

КАТЯ и МАТРЕНА.

КАТЯ (*особо*). Спровадила... (*подводя Матрену къ ландшафту*). Посмотри сюда, Матрена; какъ тебѣ нравится?

МАТРЕНА. Охъ, сударыня вы моя, да что я, простая баба, могу въ этомъ смыслить!..

КАТЯ. Смотри, смотри... вотъ и ты тутъ нарисована .. а вотъ и домикъ твой — видишь?

МАТРЕНА. Вишь какія хитрости!

КАТЯ. Смотри, вотъ наша роща... вотъ рѣчка .. коровы, козы... вотъ и моя козочка, чтò ты вчера мнѣ подарила. А дальше... тамъ на

горѣ... видишь ли? это мыза нашего сосѣда, вонъ тамъ... (*показываетъ вдаль рукой*).

Матрена. А!.. Скворцовская... вижу, вижу...

Катя. Да, Скворцовская... а ты знаешь Скворцова?

Матрена. Какъ не знать, сударышня вы моя, такой хворый старикашка, совѣзмъ безъ ногъ.

Катя. Нѣтъ, я спрашиваю не про старика.

Матрена. И сынка-то знаемъ.

Катя. Стало-быть ты видала его?..

Матрена. Сергѣя-то Иваныча?

Катя. Да, да... Сергѣя Иваныча?

Матрена. Слава тебѣ Господи!.. Онъ и на ферму ко мнѣ инось заглядываетъ: сливочекъ тамъ, или молочка испробуетъ: такой великательный, красатбующий... Да вотъ и ономнясь... бажись вчера... тоже заходилъ... а зашедши-то все выпытывалъ...

Катя. Что же такое выпытывалъ?

Матрена. Да и Богъ его знаетъ что... А чья, говорить, эта такая дѣвица?

Катя. Про кого же это?

Матрена. Да ужъ вѣстимо про васъ, сударышня.

Катя. Онъ спрашивалъ обо мнѣ?

Матрена. Да вѣдь больше и не объ комъ. Вотъ и говорить: а кто — говорить — эта дѣвица, что въ коляскѣ пріѣхала?

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. А я ему въ отвѣтъ: это-моль наша молоденькая госпожа... изъ Питера.

Катя. Ну, а онъ что?

Матрена. Онъ и говорить: а, знаю — говорить — помню еще маленькую... вишь, говорить, какъ подросла.

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. А я и говорю: да моль; подросла, скоро 17 годковъ стукнетъ.

Катя. Ну, а онъ что?

Матрена. А онъ и говорить: вотъ говорить — красная дѣвица, такъ ужъ точно красная дѣвица.

Катя. Неужели такъ и сказалъ?

Матрена. Ну, вѣстимо не такъ; сказалъ-то онъ по ихнему; да оно вѣдь все единственно выходить.

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. Я и говорю: вѣдь барышня-то у насъ всего одна одине-

хонька, одна у батюшки да у матушки, такъ какже ей и не быть красной дѣвицей.

КАТЯ. Ну, а онъ что?

МАТРЕНА. А онъ и говорить...

(Въ эту минуту за сценой раздается выстрѣлъ).

КАТЯ. Ахъ!..

МАТРЕНА. Это все онъ же... тамъ, въ рощѣ... настрѣляетъ утокъ да куропатокъ, да и подарить мнѣ.

КАТЯ. Ахъ, Боже мой, у него ружье — и ты не боишься!

МАТРЕНА. И, сударыня, да чего бояться; у меня и свой парнишка съ ружьемъ ходитъ.

КАТЯ. А какъ онъ вдругъ застрѣлитъ?

VI.

Тѣже и ТИМОФЕИЧЪ, вбѣгаетъ держа въ одной рукѣ корзинку съ ягодами, а въ другой подстрѣленного зайца.

Тимофеичъ *(кричитъ)*. Застрѣлилъ, застрѣлилъ, то-есть со-всѣмъ на-смерть положилъ.

КАТЯ *(испугавшись)*. Матрена! сюда, ко мнѣ... Боже мой, Тимофеичъ!..

(Матрена, увидавъ зайца, хохочетъ).

Тимофеичъ. Застрѣлилъ, застрѣлилъ... посмотрите, барышня, на этого сѣряка; какой былъ красавчикъ покойникъ... какіе лапки, ушки, мордочка!..

КАТЯ. Ахъ, Тимофеичъ, какъ ты меня перепугалъ... *(разсматриваетъ зайца)*. Бѣдняжка, тебя убили!

VII.

Тѣже и СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ, вдали, на пригоркѣ, стрѣляетъ; онъ въ охотничьемъ платьѣ. Вслѣдъ за выстрѣломъ всѣ вскрикиваютъ, ТИМОФЕИЧЪ громче всѣхъ, и притомъ припадаетъ комически къ землѣ, уронивъ корзинку съ ягодами; КАТЯ роняетъ зайца.

КАТЯ. Я боюсь, Тимофеичъ... вѣдь если онъ въ-самомъ-дѣлѣ сумасшедшій, то...

Тимофеичъ. Сумасшедшій? Помилуйте, барышня, какой онъ сумасшедшій: развѣ сумасшедшему дадутъ ружье, да еще двуствольное? Подумайте хорошенько *(къ Сергѣю Иванычу)*. А, господинъ охотникъ,

вы изволите наших зайцев подстрѣливать; въ чужихъ дачахъ охотой промышляете?.. Ужо васъ!.. (*бѣжитъ къ нему и, сойдясь, объясняетъ что-то знаками, указывая на Катю. Матрена подбираетъ ягоды*).

Катя (*особо*). Въ-самомъ-дѣлѣ... какъ это не пришла мнѣ въ голову такая простая догадка?.. Да, да... сумасшедшаго не пустили бы съ ружьемъ .. его держали бы взаперти, а онъ — на свободѣ... можетъ быть онъ такъ... немножко... завирается. Если только такъ, — небѣда... опасности нѣтъ никакой. . Ахъ, какъ бы я желала увидѣть его поближе... онъ, кажется, такой интересенькій... Однако жъ, мамаша совѣтовала. . лучше уйду... (*оборачиваясь, видитъ около себя Сергья Ивановича*). Ахъ!..

Сергѣй Ивановичъ. Простите, сударыня, если мое неожиданное появленіе...

Катя. Да, да... это ружье... я боюсь...

Сергѣй Ивановичъ (*снимая ружье*). О, что до ружья...

Катя. Ахъ, оставьте... положите... бросьте, бросьте... (*Сергѣй Ивановичъ ставитъ ружье у стѣны фермы и потомъ возвращается къ Катю*). Какая прекрасная талія! Какая прелестная походка!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не сумасшедшій... Но я всё-таки должна уйти... (*собирается уйти*) Тимофенчъ!.. гдѣ ты?..

Сергѣй Ивановичъ. Ваше требованіе исполнено — ружье въ сторонѣ. Но я снова прошу прощенія, что былъ такъ неостороженъ... впрочемъ этаго бы не случилось, я бы не стрѣлялъ, еслибъ зналъ, что вы...

Катя. Да, я ужасно боюсь, когда около меня...

Сергѣй Ивановичъ. Ружейная стрѣльба?

Катя. Мнѣ всегда кажется ..

Сергѣй Ивановичъ. Что охота на зайцевъ гораздо опаснѣе охоты къ живописи?

Катя. Я не то хотѣла сказать. .

Сергѣй Ивановичъ. Я самъ немножко учился рисованію... И если вы позволите... (*указываетъ на картину*).

Катя (*закрываетъ картину руками*). О, не стоить, не стоить... это такіа пустяки. .

Сергѣй Ивановичъ. Однако жъ позвольте... будьте такъ добры.

Катя (*отходя отъ картины*). Да онъ премилашка!.. Какіе чудесные усики!.. О, ручаюсь, онъ вовсе не сумасшедшій... Но что скажетъ мамаша!.. Тимофенчъ. . ахъ, какой несносный!..

Сергѣй Ивановичъ. Въ вашемъ ландшафтѣ не достаетъ...

КАТЯ. Ахъ, не смотрите, не смотрите... Это мелочи, ученическая работа... и вы видите — еще не кончена...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вижу, и потому-то хотѣлъ бы посовѣтовать вамъ, Катерина Егоровна...

КАТЯ. Какъ, вы знаете мое имя?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. А вы?... развѣ вы не знаете моего?... Полноте, Катерина Егоровна, серьезничать. Вспомните, что было лѣтъ 10 тому... мы вмѣстѣ рѣзвились, играли... даже на самомъ этомъ мѣстѣ.

КАТЯ. Помню, помню.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. И вы называли меня тогда... помните какъ?..

КАТЯ. Сережинкой.. помню, помню... А вы меня звали...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Катинькой... видите — я не забылъ и не забуду никогда. Дѣ! Катерина Егоровна, 10 лѣтъ — много времени!.. Изъ маленькой Катиньки вы сдѣлались Катериной Егоровной; я — изъ Сережи превратился въ Сергѣя Иваныча. Не правда ли, вѣдь это ужасно скучно?.. (*особо*) Какъ она хороша!

КАТЯ. СергѢЙ ИВАНЫЧЪ! вы давеча что-то замѣтили въ ландшафтѣ, скажите, что? чего не достаетъ?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Самаго лучшаго украшенія, то есть самихъ васъ.

КАТЯ. О, вы, я вижу, настоящей — СергѢЙ ИВАНЫЧЪ... Тимофейчъ!. Матрена!.. ушли, какъ нарочно!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Божусь вамъ, я все тотъ же Сережа, не принимайте моихъ словъ за пустой комплиментъ: вы дѣйствительно хороши.

КАТЯ (*присѣдая*). Приношу вамъ мою *глубочайшую* благодарность... Но погодите, вы давеча сказали также, что учились рисовать; срисуйте же меня.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Извольте, только не теперь; теперь мнѣ хочется говорить съ вами, говорить, говорить...

КАТЯ. Говорите... а я съ своей стороны напишу въ моемъ ландшафтѣ еще одно... необходимое лицо... Посмотрите, вотъ тотъ кустарникъ, гдѣ вы...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ — вижу.

КАТЯ. На этомъ мѣстѣ я поставлю молодаго охотника съ ружьемъ за плечами и... съ черненькими усиками... хотите?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Хочу ли я!? О, Катерина Егоровна, дайте вашу ручку...

КАТЯ. Возьмите, хоть объ... знаете ли, Сергѣй Ивановичъ, я не на шутку испугалась васъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. И все изъ-за ружья?

КАТЯ. О, нѣтъ, нѣтъ... причина другая, причина... *вы сами, лично...*

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Я?! Чтò же во мнѣ страшнаго?

КАТЯ. Теперь, я вижу, ничего... ни страшнаго, ни опаснаго; напротивъ... А вчера мнѣ сказали, будто вы...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Чтò же я?

КАТЯ. Нѣтъ, не скажу. . Мнѣ совѣстно, что я такъ скоро повѣрила шуткѣ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. О, ради Бога, Катерина Егоровна, скажите: отъ кого и чтò вы слышали обо мнѣ?

КАТЯ. Отъ кого — не скажу, а чтò?—такъ ужъ и быть. Мнѣ сказали, что вы... Ахъ, какъ надо мной посмѣялись!.. Я слышала, будто вы... но только не сердитесь, пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ... это не я говорю .. я не выдумываю.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вы мучите меня... говорите прямо...

КАТЯ. Будто вы... знаете ли чтò?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Да будетъ ли конецъ вашимъ остановкамъ?

КАТЯ. Смотрите же, не сердитесь... это не я говорю... это говорить... будто вы... сумасшедшій...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Сумасшедшій!?

КАТЯ. Вотъ вы ужъ и разсердились.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. О, нѣтъ, нѣтъ, нисколько... такъ вы говорите...

КАТЯ. Не я, не я, слышите ли — не я... я говорю напротивъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Сумасшедшій!? (*помолчавъ*) Катерина Егоровна, выслушайте меня. Вчера утромъ, наша нечаянная встрѣча, въ первый разъ послѣ 10 лѣтъ, произвела на меня сильное и вмѣстѣ какое-то успокоительное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, будто я вижу ангела, слетѣвшаго на землю для примиренія людей... О, не улыбайтесь... Есть встрѣчи, есть минуты въ жизни, есть ощущенія, въ благотворность которыхъ вѣришь невольно, безсознательно... Не считайте меня энтузіастомъ, мечтателемъ, фаталистомъ... Я совѣмъ не то... Мнѣ показалось, повторяю, будто я вижу въ васъ ангела-примирителя. Вашъ взглядъ, ваша улыбка, вашъ поклонъ, въ отвѣтъ на мой, все, все говорило въ вашу пользу... Вы проѣхали: вы были уже далеко, — а я все еще смотрѣлъ вамъ вслѣдъ, не въ силахъ былъ оторваться, и все чего-то ожидалъ.

КАТЯ. Вы ожидали — признайтесь — что я обернусь? да?

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Да.

КАТЯ. И я обернулась — вы замѣтили?

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Замѣтилъ ли я!? Я этого никогда, никогда не забуду... тогда-то я привелъ себѣ на память ваше лицо, ваши черты... я вспомнилъ васъ вдругъ, съ одного взгляда... вспомнилъ наше дѣтство, нашу маленькую короткость и дружбу, нашу взаимную довѣрчивость и откровенность... Да, я вспомнилъ все, и мой умъ, сердце мое, неиспытавшіе покуда никакихъ волненій, ни малѣйшихъ тревогъ, вдругъ освѣтились чѣмъ-то новымъ и отраднымъ, тихимъ и прекраснымъ. Не умѣю, не знаю, какъ назвать эти чувства, но думаю, но вѣрю... да, вѣрю, что я полюбилъ васъ... полюбилъ всей теплотой моего сердца, всей силой моей души.

КАТЯ (*улыбаясь*). Вы, помнится мнѣ, просили не считать васъ энтузіастомъ?!

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. О, не придавайте моимъ словамъ пошлаго смысла! Я не способенъ профанировать благородныхъ стремленій сердца, слова мои истинны... я говорю, что полюбилъ васъ, потому-что вижу въ васъ ангела-утѣшителя...

КАТЯ. Вы, кажется, просили не считать васъ фаталистомъ?!

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Пусть, по вашему, я мечтатель, фаталистъ, хуже — фразеръ... но не объ этомъ теперь я думаю... я думаю о моихъ къ вамъ чувствахъ... и о вашемъ убійственномъ словѣ: ты — сумасшедшій.

КАТЯ. А!.. вы изволите разыгрывать комедію? продолжайте.

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Комедію!? когда вся кровь...

КАТЯ. Виновата, виновата... теперь я поняла, вы играете — трагедію.

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Вы безжалостны, Катерина Егоровна! Мы не видались 10 лѣтъ, и что же? при первой встрѣчѣ, при первомъ случаѣ свиданія вы говорите мнѣ: ты — сумасшедшій. —

КАТЯ. Наконецъ, если это не комедія и не трагедія, такъ это самый несносный фарсъ!.. Я, да я!.. говорить вамъ — не я... собственно я думаю объ васъ совсѣмъ иначе... это невыносимо... Послѣ этого вы, право... (*смыкаетъ*).

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Будьте откровенны, какъ были когда-то... въ ребячествѣ, будьте довѣрчивы, какъ въ то время, когда мы сознавали одни только невинныя радости — только такой откровенности я и желалъ бы отъ васъ — скажите мнѣ, Катерина Егоровна, скажите по совѣсти: кто назвалъ меня сумасшедшимъ?

Катя. Вотъ именно по совѣсти-то я и не могу сказать. Послушайте г. Скворцовъ... послушайте Сергѣй Ивановичъ... послушайте Сережинька...

Сергѣй Ивановичъ. О, назовите, назовите меня еще разъ...

Катя. Послушайте: бросьте, выкиньте изъ головы это несчастное слово. Я произнесла его такъ... по неосторожности, по разсѣянности... Я говорю, утверждаю, кричу, что вы не только не сум... вы понимаете?... но такой человѣкъ, котораго я желаю видѣть чаще и чаще... Согласны вы?

Сергѣй Ивановичъ. Тысячу разъ васъ благодарю.

Катя. Бросьте же все и будемъ довѣрчивыми друзьями, вотъ моя правая рука.

Сергѣй Ивановичъ. До послѣднихъ минутъ жизни.

Катя. Хорошо, теперь позвольте мнѣ начать охотника, волшебнаго стрѣлка, съ ружьемъ за плечами и... съ черными усиками... Становитесь въ позицію; а я покуда приготавливаю краски... Что же вы? становитесь...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Не знаю, что со мной дѣлается... у меня изъ головы не выходитъ... и для кого, кому нужно, чтобы меня считали сумасшедшим!?

Катя (*особо*). Бѣдняжка! онъ, кажется, очень страдаетъ... И право въ-самомъ-дѣлѣ странно... Маменька была чрезвычайно серьезна, когда говорила... она и не думала шутить... папенька тоже... я совершенно теряюсь...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Ба!.. Мнѣ кажется, я попалъ на слѣдъ. Такъ, такъ.. должно быть, она... по всемъ моимъ соображеніямъ... больше не кому... Хорошо же, почтенная матушка, я не останусь у тебя въ долгу: дочь твоя узнаетъ все твои подробности... Катерина Егоровна!

Катя. Я давно уже готова, ожидаю вашей позиціи.

Сергѣй Ивановичъ. Нѣтъ, Катерина Егоровна, отложимъ портретъ мой до другаго разу, я сегодня не въ духѣ, встревоженъ... Между тѣмъ, я хочу... мнѣ непременно надо выйти изъ этого положенія, а выйти изъ него я могу не иначе, какъ довѣривъ вамъ одно довольно важное обстоятельство.

Катя. Вы хотите снова пугать меня?

Сергѣй Ивановичъ. Можетъ-быть, но это необходимо.

Катя. Въ такомъ случаѣ я хорошо сдѣлаю, если оставлю васъ. Прощайте...

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. О, не уходите... То, что важно для меня, столько же, если не больше, важно и необходимо для васъ...

КАТЯ. Для меня?!

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Выслушайте съ участіемъ — и потомъ судите.

КАТЯ (особо). Боже мой, я предчувствую что-то тягостное... Говорите.

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Недѣли за двѣ до вашего пріѣзда я былъ у вашихъ родителей, съ первымъ визитомъ, по возвращеніи моемъ изъ Москвы и — съ письмомъ отъ моего отца къ вашей матушкѣ. Матушка ваша не только не приняла письма, но еще наговорила множество непріятныхъ вещей на счетъ моего отца; она называла его своимъ личнымъ врагомъ; упрекала, будто онъ раззорилъ ее, ограбилъ, отнялъ у нее какое-то имѣніе и проч. и проч. Я — какъ вы легко себя представите — былъ изумленъ до крайности, но — ненадолго. Изъ словъ вашего батюшки, еще болѣе изъ словъ моего старика я узналъ, что поступки, въ которыхъ обвиняла его ваша матушка, принадлежатъ не ему, а собственно ей самой...

КАТЯ. Сергѣй Ивановичъ!..

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Еще болѣе убѣдился я... когда прочиталъ формальное дѣло... процессъ, который затѣяла противъ моего отца ваша матушка, не смотря на то, что сама же была кругомъ виновата.

КАТЯ. Но если вы ошибаетесь, но если вы...

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Я не ошибаюсь, а главное — я не лгу. Слушайте. Нѣсколько лѣтъ тому, отецъ мой имѣлъ прекрасную, богатую лѣсную дачу, или, говоря проще — лѣсъ, въ общемъ владѣніи съ вашей матушкой. Ей принадлежала только 10-я часть изъ этого лѣса. Постоянно больной и почти безногій, мой отецъ не могъ наблюдать за своимъ имѣніемъ; управляющаго порядочнаго не было, а староста — бездѣльникъ былъ подкупленъ...

КАТЯ. Маленькой?! Это клевета —

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Это правда. Пользуясь болѣзнію моего отца, она вырубала съ давнихъ поръ нашъ лѣсъ — свою часть она давно уже истребила; — кончилось тѣмъ, что исправникъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ моему отцу, что у него, вмѣсто лѣса, открылось пространное поле. — Отецъ мой просилъ изслѣдовать зло... и слѣдствіе, формальное слѣдствіе обнаружило въ этомъ дѣлѣ одну только виновницу, это — ваша...

КАТЯ. Не договаривайте! Ради Бога, не говорите... Нѣтъ... продолжайте...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Помня старую дружбу съ вашими родителями, особенно съ вашимъ батюшкой, отецъ мой хотѣлъ было бросить все это дѣло, не смотря на то, что похищенный лѣсъ стоилъ ему очень дорого; но матушка ваша, по какому-то странному упрямству, не хотѣла сознать ни своей вины, ни благороднаго поступка моего отца; этого мало: она сама — какъ я уже и сказалъ вамъ — подала на него въ судъ ложную жалобу. Тогда отецъ мой снова принялся за дѣло, защитивъ себя какъ слѣдуетъ и положительно доказавъ свою справедливость...

КАТЯ. Это ужасно, ужасно...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но отецъ мой — я знаю навѣрное — не желаетъ зла вашей матушкѣ, и съ этой цѣлью — какъ мнѣ теперь извѣстно — онъ посылалъ меня съ письмомъ, котораго — вы уже знаете — она не приняла. Я не знаю, чѣмъ объяснить такой поступокъ. Чтò это? Гордость, самолюбіе, заблужденіе? Непонятно!.. И чтò еще непонятнѣе — вмѣсто того, чтобъ извиниться, чтобъ съ добрымъ чувствомъ принять примирительную руку моего отца, — ваша матушка снова поднимаетъ противъ него это несчастное дѣло въ высшемъ уже судѣ.

КАТЯ. О, нѣтъ, этого не будетъ, не будетъ... я не допущу мою мамашу до такого униженія... мы должны уважить чужія права... О, мамаша, мамаша, что ты дѣлаешь!?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Простите, Катерина Егоровна, что я такъ откровенно высказалъ...

КАТЯ. Ничего, ничего... напротивъ, вы хорошо сдѣлали... я вамъ благодарна... (*особо*) Ахъ, чтò я узнала!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Послѣ этого, согласитесь, Катерина Егоровна, не трудно отгадать желаніе вашей матушки отдалить меня отъ вашего дома, отъ встрѣчи съ вами, посредствомъ такой странной выдумки...

КАТЯ. О, да, да, я все теперь понимаю. Но это все должно переѣвиться... Успокойтесь вы сами и успокойте вашего великодушнаго батюшку... О, какъ печально мое положеніе! Но я выйду изъ него... завтра же, непременно завтра все до послѣдняго слова выскажу моей мамашѣ... буду просить ее, умолять... на колѣняхъ, въ слезахъ... (*она чуть не плачетъ*). И не отстану, не отстану до тѣхъ поръ, пока... О, я знаю чтò мнѣ должно говорить и дѣлать... я успею

въ своемъ намѣреніи... Вы, Сергѣй Ивановичъ, приходите... я приглашаю васъ завтра къ намъ...

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ. Но...

КАТЯ. Не отговаривайтесь — приходите, непременно приходите... ваше присутствіе необходимо... я желаю, даже требую, чтобъ вы пришли... Согласны?

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ. Извольте, буду, во что бы то ни стало.

КАТЯ. Прекрасно. Теперь прощайте, до свиданія... я такъ... немножко встревожена... до свиданія. *(подаётъ ему руку)*.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ. До свиданія *(цѣлуетъ у ней руку и удаляется)*.

КАТЯ. *(посль минутной тоски, плачетъ)*. О, Боже мой, Боже мой, что я узнала!.. Мамаша, мамаша, за что ты разрушаешь мое спокойствіе, всѣ мои надежды?!

VIII.

Тѣже и ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ, выходитъ съ боку.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. *(вслѣдъ уходящему Сергѣю Ивановичу)*. Э!.. господинъ браконьеръ, остановитесь... воротитесь... *(тотъ возвращается)*.

КАТЯ. *(особо)* Батюшка!.. *(утирая слезы)*. Папаша, милый папаша, вы, вѣрно, за мной, да?...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Да, другъ мой, пора объѣдать... ты ужъ черезъ-чуръ заработалась... *(въ это время подходитъ къ Егору Петровичу Сергѣй Ивановичъ; они здороваются)*.

КАТЯ. Какое, папаша, заработалась! Я все время проговорила съ Сергѣй Ивановичемъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Вотъ!.. Такъ ужъ вы познакомились?

КАТЯ. Что вы, папаша!.. да мы были друзьями двадцать лѣтъ назадъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. *(смѣется)*. Да!.. стародавняя дружба, ха, ха, ха!.. а самой только 17-тъ!.. Ну, а ты, братецъ—Сережа?..

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ. Я... подтверждаю слова Катерины Егоровны.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ха, ха, ха... И онъ туда же!.. Однакожъ, знайте, г. браконьеръ, васъ не велѣно пускать ни сюда, ни вообще въ наши владѣнія, *подъ смертною казнію*... для меня, ха, ха, ха... А ты, Каточикъ, и позабыла про нашъ телескопъ? Вѣдь все видно, какъ на ладони; хорошо, что матушка-то твоя занята съ самаго утра съ своимъ стряпчимъ...

КАТЯ. А позвольте спросить васъ, папа, за что, съ какою цѣлью вы вчера сказали, что Сергій Ивановичъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Тссъ... ни слова, дитя мое; вѣдь ты у насъ умница и, я надѣюсь, не проболталась...

КАТЯ. Извините — все разболтала и все узнала... А, папа, вы думали секретничать?! Но это вамъ не удалось... Теперь я сама противъ васъ заведу процессъ!..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (въ полголоса). Какъ, Сережа, ты открылъ?..

СЕРГІЙ ИВАНИЧЪ. Все до малѣйшей подробности — и въ этомъ нисколько не виноватъ: обстоятельства вызвали... завтра я у васъ буду...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Дѣлай, какъ знаешь... ты завтра у насъ, если только примутъ... а я сегодня у твоего отца... да, Сережа, скажи отцу, чтобъ онъ ждалъ меня сегодня вечеромъ... Я прочелъ то письмо... знаешь?.. И скажу напрямикъ, что твой отецъ — я не знаю, что и сказать про такого благороднѣйшаго друга...

КАТЯ. Ну, вотъ видите; такъ по этому — мы станемъ дѣйствовать вмѣстѣ, дружно, я, вы, папаша, и Сергій Ивановичъ. Пойдемте папа; я вамъ все скажу, расскажу, перескажу (*мелодраматически*). «А ты, о юноша прекрасный!..» не забудьте, завтра утромъ къ намъ... до свиданія (*уходитъ съ отцомъ, но на полдорогъ оборачивается, кокетливо кивая Скворцову*).

СЕРГІЙ ИВАНИЧЪ (*смотря вслѣдъ уходящимъ*). Очаровательная головка!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЯ ЧЕТВЕРТОГО.

КОНЕЦЪ-КОНЦОВЪ.

Кабинетъ Марьи Семеновны; приличная мебель, хозяйка сидитъ за письменнымъ столомъ, поставленнымъ по срединѣ сцены, и пишетъ, сама себѣ диктуя. При словахъ: «хотѣла бы однакожъ я знать» входитъ Егоръ Петровичъ осторожно, на цыпочкахъ, и садится на диванъ, не вдалекѣ отъ Марьи Семеновны.

I.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА и потомъ **ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ.**

«Такимъ образомъ... такимъ образомъ... мнимое право... моего «со-пер-ника... помѣщика Скворцова... на выше-сказанный лѣсъ «и... на землю... уничтожается... въ силу закона... земскою... дав-

«ностію... давностію...» Хорошо, крѣпко, хотѣла бы однагожь я знать, о чемъ писалъ ко мнѣ старикашка Скворцовъ...

Егоръ Петровичъ (*тихо, особо*). Еге!.. Вонъ оно куда пошло!

Марья Семеновна. Неужели онъ бросилъ выигранное дѣло... а можетъ-быть, хотѣлъ подѣлиться?.. Да нѣтъ, быть не можетъ: онъ такъ горячо началъ, такъ сильно настаивалъ... Оно, конечно, если говорить правду, право-то на его сторонѣ...

Егоръ Петровичъ (*также*). На силу-то опомнилась.

Марья Семеновна. Право крѣпостное... а у меня... ну, у меня давность владѣнія... но какого владѣнія!..

Егоръ Петровичъ (*также*). Заговорила совѣсть.

Марья Семеновна. Охъ, ужъ эта мнѣ давность!.. Тутъ отдай, тамъ принеси, здѣсь приплатись... а въ концѣ-то все-таки штрафы да взыски... Да, станеть мнѣ это дѣльцо въ конейку... Сказать по совѣсти, скверное дѣло тяжба!..

Егоръ Петровичъ (*также*). Сознаніе, сознаніе!..

Марья Семеновна. Впрочемъ, оглядываться назадъ поздно... камень брошенъ... завтра... да, завтра срокъ для подачи этой апелляціи... Прочтемъ же.

Егоръ Петровичъ (*также*). Сутяжница!

Марья Семеновна (*читаетъ*). «Просить помѣщика... такогото уѣзда... Марья, Семенова дочь... Угрюмова... а о чемъ, тому слѣдуютъ... пункты... Первый...

Егоръ Петровичъ (*хохочетъ*). И послѣдній, ха, ха, ха...

Марья Семеновна (*отороплевъ*). Это что значить? За чѣмъ вы здѣсь? Какъ сюда попали? Давно ли тутъ сидите?

Егоръ Петровичъ. Ха, ха, ха... я пришелъ послушать ваши пункты... а сижу-то я здѣсь съ той самой минуты, какъ ваша совѣсть произнесла «хотѣла бы я знать» и проч... Гмъ... гмъ...

Марья Семеновна. Вы ничего тутъ не смыслите; оставьте меня: я занята...

Егоръ Петровичъ. Похвальное занятіе! ха, ха, ха...

Марья Семеновна. Наконецъ, что вамъ нужно отъ меня?

Егоръ Петровичъ. Сама ты сейчасъ сказала «скверное дѣло — тяжба.» И это справедливо вообще, а что до твоей тяжбы съ Скворцовымъ, — такъ она сквернѣе всѣхъ.

Марья Семеновна. Отъ тебя ли, мой батюшка, я это слышу?..

Егоръ Петровичъ. Да, тяжба твоя раззоритъ насъ всѣхъ,

раззорить тебя, меня, крестьянъ и — вспомните, пожалуйста, у насъ есть дочь.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Прошу васъ — оставьте меня. —

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*смѣло*). Нѣтъ, ужъ извините, не оставлю, не тѣ пора...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Подите прочь!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*еще смѣльче*). Не пойду, не хочу... не тѣ пора... не на того наскочили...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ха, ха, ха... вотъ уморительный герой! ха, ха, ха...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Довольно посвоевольничали; будетъ съ васъ; теперь у насъ есть законная наследница... вотъ оно что!.. Все имѣніе принадлежитъ ей, одной ей — и ни кому больше... Вы не должны, не смѣете раззорять ее... вотъ оно что!..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ха, ха, ха... голубчикъ Егоръ Петровичъ, вы видно, встали сегодня лѣвой ножкой!.. ха, ха, ха...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Не смѣйтесь, пожалуйста; я вѣдь понимаю, на что вы мѣтите... вы думаете, что вотъ—дескать муженекъ-то мой и былъ и есть простакъ, какихъ не сыщешь и днемъ съ фонаремъ? Подарилъ мнѣ имѣніе — все цѣликомъ, безъ остатка... Ошибаетесь, Марья Семеновна, немножко ошибаетесь: въ дарственной есть маленькая лазейка на счетъ дѣтской части.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Не безпокойтесь за Катеньку: она не будетъ обижена.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Конечно не будетъ; я не допущу. Но къ чему же вы хотите продолжать этотъ гадкій, несправедливый процессъ? Зачѣмъ еще сочиняете новыя клеузы?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Егоръ Петровичъ! ты голубчикъ, угорѣлъ, ты въ горячкѣ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Нѣтъ, я только разгорячился, а вы — по всему замѣтно — сходите съ ума: лезете прямо въ петлю съ вашей тяжбой... въ первомъ судѣ вамъ отказали... взыскиваютъ огромныя деньги... имѣніе берутъ подъ запрещеніе... Вотъ оно куда пошло!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. А, теперь я догадываюсь, откуда всѣ эти громкія фразы...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Да, я былъ... вчера... у него... (*ходитъ крупными шагами въ разныхъ направленіяхъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. У моего врага!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. У нашего друга!.. у человѣка вполне благомыслящаго, благонамѣреннаго; мы просидѣли весь вечеръ... я слу-

шалъ его... я долженъ былъ выслушать его до конца... онъ доказалъ и я убѣдился.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*съ притворнымъ смѣхомъ*). Смотри, пожалуй, какъ муженекъ мой расходился!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Я еще не такъ разхожусь!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Увидимъ, посмотримъ...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Вы говорите — увидимъ; вы говорите — посмотримъ?.. Ну, такъ смотрите же!..

(*находясь въ эту минуту въ глубинѣ сцены, Егоръ Петровичъ быстро и съ шумомъ направляется къ письменному столу, изъ-за котораго выскакиваетъ въ испугъ Марья Семеновна, отбѣгая въ уголъ авансцены*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Чтѣ вы хотите?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*въ сердцахъ заливаетъ чернилами всю бумагу*). Вотъ тебѣ и пункты, пункты, пункты!.. (*отбѣгаетъ въ другой уголъ авансцены (особо)* Разрушилъ, уничтожилъ, истребилъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*едва опомилась*). Злодѣй! варваръ! Скифъ! Готентотъ!.. (*подбѣгаетъ къ столу*).

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Ну, скажите на милость, ну, похожъ ли я на Готентота.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ вотъ чему научилъ васъ вашъ другъ!.. Такъ къ этакимъ-то мѣрамъ вы прибѣгаете! (*съ досады плачетъ*). О, Боже мой, Боже мой! Убийца, вандалъ, вампиръ!.. Завтра, завтра срокъ. . моя просьба, просьба, просьба... вся испачкана... ни одного листа живаго не осталось... Охъ, я умираю, умираю, умираю... (*опускается въ обморокъ, въ кресло*).

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*струхнулъ и суетится*). Она сказала «умираю.» Чтѣ, если... да нѣтъ, вздоръ... это такъ, притворство... ну, а если... въ самомъ дѣлѣ?.. (*подходитъ тихо къ жемъ и дотрагивается до головы (въ полголоса)*). Марья Семеновна!..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*вскочивъ съ кресла, съ крикомъ*). Подите прочь, убійца... Готентотъ!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*отскочивъ*). Э!.. бранится: ну, жива, жива, живехонька.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*опускаясь въ кресло, стонетъ*). О, Создатель Небесный!.. Чтѣ я стану теперь дѣлать?!.. Завтра срокъ... завтра утромъ надо подать .. я разбита, убита, окованужена, обезелавлена...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*особо вполголоса*). А вѣдь , пожалуй , она и вправду страдаетъ... Чортъ ихъ тутъ разберетъ , кто правъ , кто виноватъ... (*зв сценой раздаются веселый напѣвъ Кати: тра-ла, ла, ла .. тра-ла , ла, ла...*). Тесь... А!.. это моя пташка поспѣшаетъ ко мнѣ на выручку... гмъ , гмъ... пріободримся...

II.

ТѢЖЕ и КАТЯ.

КАТЯ (*вбѣгаетъ съ картиной въ рукахъ*). Тра-ла, ла, ла... Наконецъ-то я кончила, кончила... посмотрите, похвалите... здравствуй папа!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Здравствуй дружокъ! здравствуй Катонокъ!..

КАТЯ. Чтожь ты, папа, не поцѣлуешь меня за мою картину? не похвалишь меня?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. О, изволь, Каточикъ... (*цѣлуетъ*). Картина твоя... то-есть разлюли...

КАТЯ. А мамаша?... а! вотъ она... бонжуръ мама!.. (*цѣлуетъ ее*). Да что ты, мамаша, спишь или грустишь?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*слабымъ голосомъ*). Здравствуй!.. Но зачѣмъ ты такъ рано...

КАТЯ. О , мамаша , я давно уже на ногахъ .. была въ паркѣ , въ рошѣ , въ саду , на фермѣ... вездѣ , вездѣ... проводила въ поле свою козочку... дорисовала ландшафтъ!.. чудо, прелесть!.. папаша не налюбуется... я не себя хвалю — нѣтъ, но этотъ сельскій видъ — очаровательный видъ! къ тому же я его оживила... но ты , мамаша , не слушаешь меня...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*также*). Я не совсѣмъ здорова , другъ мой, и совѣтую тебѣ...

КАТЯ. Какъ , мамаша , вы нездоровы — и не скажетесь мнѣ?... вамъ , вѣрно , дурно? да , дурно?... постойте , у меня съ собой капли (*шаритъ въ карманъ*) гдѣ они... ахъ , вотъ... нашла... вотъ , мамаша, капли... понюхайте... еще, еще...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Довольно, довольно... оставь меня.

КАТЯ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не оставлю, ни за что не оставлю, какъ можно! долго ли до бѣды!.. понюхайте еще... вотъ такъ.. ну, что, теперь лучше, лучше?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Лучше, лучше... не безпокой себя...

КАТЯ. Ахъ , мамаша , и вы это мнѣ говорите!.. это мой долгъ,

моя обязанность... Папа! и вамъ не стыдно! вы здѣсь — и молчите, какъ будто васъ нѣтъ... Отчего мамашѣ дурно?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*нѣжно, но слабо*). Да полно тебѣ, хлопотунья!..

КАТЯ. Скажите, папа, отчего?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. А вотъ, взгляни на столъ, на бумаги...

КАТЯ. Ахъ, мой Богъ, какъ же это случилось?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Должно быть... какъ-нибудь... нечаянно... кошка...

КАТЯ. Ха, ха, ха... кошка!? какая кошка... у насъ, кажется, нѣтъ кошечекъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*выпрямляясь, съ твердостью*). Нѣтъ, это не кошка, это сдѣлала — собака.

КАТЯ. Моя амишка?.. А! хорошо же, мой дружокъ! Я не дамъ тебѣ сегодня сладкихъ пирожковъ, не дамъ сливокъ, поставлю въ уголь... ты будешь у меня служить день и ночь... посажу тебя въ карцеръ... (*звонитъ*) Лиза, Маша, Матрена! (*дѣвушки являюся изъ разныхъ дверей*). Принесите мою амишку, да поскорѣй... (*дѣвушки уходятъ; между тѣмъ Егоръ Петровичъ и Марья Семеновна хохочутъ въ платокъ*). Ахъ, ты негодная собаченка!.. ты осмѣлилась портить мамашины бумаги... я тебя привяжу... непременно привяжу на цѣпь... (*дѣвушки приносятъ собачку*). Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. поставьте ее въ уголь... вотъ такъ... ступайте... (*дѣвушки уходятъ, а Марья Семеновна и Егоръ Петровичъ хохочутъ громко и открыто*) чему же ты смѣешься, мамаша?.. и ты, папа?.. (*посмотрѣвъ на отца и на мать, Катя сама расхохоталась*). Ахъ, какая я въ самомъ дѣлѣ глупенькая. И не замѣчаю, что мамаша нарочно прихворнула... и вѣрно для того, чтобы испытать меня. Ахъ, милая, добрая мама, неужели ты сомнѣвалась въ моемъ участіи?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Дай себя разцѣловать, дружокъ мой?

КАТЯ. Ну, вотъ теперь мы и помирились; а все-таки я накажу мою амишку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*смѣясь*). Не наказывай: она не виновата.

КАТЯ. Однако жъ... ваши бумаги запачканы... А! прекрасно (*вытираетъ пятна носовымъ платкомъ*)!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Что ты дѣлаешь?

КАТЯ. Вытираю, вычищаю... у насъ, въ пансіонѣ, всегда такъ дѣлали... а вотъ теперь просушу... (*бѣжитъ къ растворенному окну и*

незамѣтно для матери, которая продолжаетъ смѣяться, бросаетъ бумагу за окно). Ахъ, Ахъ! (притворно испугалась).

Егоръ Петровичъ (особо и тихо). Bravo, bravo, моя крошка!..

Марья Семеновна. Что съ тобой, Катя? Гдѣ бумаги?

Катя (жалобно). За окошкомъ... вѣтромъ... ихъ разнесло...

Марья Семеновна (особо). Этого еще не доставало! О, какой несчастный день!.. Поди ко мнѣ, Катя... посмотри мнѣ въ глаза... прямо... что это — вѣтренность, шалость, или... намѣреніе?

Егоръ Петровичъ. Посмотримъ, какъ-то вывернется мой кудрявинькій Каточикъ... А плутовка же она, сильная плутовка!

Катя (медленно и робко подходитъ къ матери). Прости меня, мамаша.

Марья Семеновна. Я тебя спрашиваю...

Катя (Какъ бы робко). Да... твои бумаги... я ихъ бросила .. съ намѣреніемъ...

Марья Семеновна (встаетъ и подходитъ съ Катей къ самой рамлѣ). Что ты сказала, мой другъ?!

Катя. Съ добрымъ, мамаша, намѣреніемъ, съ полезнымъ намѣреніемъ, и для тебя и для всѣхъ насъ...

Марья Семеновна (особо). Я въ себя не прійду... Объяснись, Катя... Егоръ Петровичъ, удались на минутку...

Егоръ Петровичъ. Это къ чему? Надѣюсь — у дочери нѣтъ секретовъ отъ отца.

Катя. Ни какихъ, ни какихъ (подаетъ матери кресло, сама же, когда та села — становится передъ нею на одно колено). Мамаша!.. добрая, милая маменька? скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

Марья Семеновна. Конечно, другъ мой, но...

Катя. И горячо любишь?..

Марья Семеновна. Отъ всей души, но...

Катя. И желаешь мнѣ добра и счастья?

Марья Семеновна. Къ чему все эти вопросы?

Катя (съ теплотою). Когда я, оставивъ Петербургъ, спѣшила домой... къ моимъ родителямъ, въ твои объятія, добрая мамаша, — я не знала мѣры моей радости, я была весела, какъ Божія птичка, и спокойна... мое сердце билось однимъ только чувствомъ — чувствомъ искренней привязанности и любви къ вамъ... Вчерашній день разрушилъ мое спокойствіе... О, добрая маменька, не упрекай меня, выслушай мое признаніе безъ гнѣва... не сердись... да, вчера я испытала, въ пер-

вый разъ въ жизни, чувство горя и разочарованія... вчера я узнала... онъ мнѣ сказалъ все, все...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Кто?.. что?.. ты меня пугаешь...

КАТЯ. Тотъ умный, благородный молодой человекъ, котораго ты назвала... сумасшедшимъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скворцовъ!?! вы видѣлись?!

КАТЯ. Случайно, случайно... я не забыла твоего совѣта — избѣгать съ нимъ встрѣчи... но — мы встрѣтились... я не могла бѣжать... и его разсказъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Егоръ Петровичъ! вотъ послѣдствія вашихъ сношеній съ глупымъ старикомъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Марья Семеновна! вотъ послѣдствія вашихъ отношеній къ доброму старику.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Итакъ, другъ мой, Катя, ты узнала — и очень за меня встревожилась?..

КАТЯ. Милая мененька! я у васъ одна, и ваша единственная дочь... я прошу, умоляю, заклинаю тебя, во имя всего прекраснаго и дорогаго для тебя — не откажи мнѣ въ бездѣлицѣ... это такъ легко для тебя... прочитай, хоть изъ одного любопытства прочитай письмо, которое писалъ къ тебѣ больной, умирающій старикъ Скворцовъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. (особо). Еще новость! Егоръ Петровичъ!

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Марья Семеновна! вы письмо разорвали и бросили, — я подобралъ, собралъ, склеилъ, и теперь оно въ рукахъ нашего Каточка.

КАТЯ. Я не встану, я буду стоять на козляняхъ до тѣхъ-поръ, пока ты...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ахъ, Катя, Катя, какъ ты еще неопытна, мой другъ; какая ты еще простенькая пансіонерка!.. Но такъ и быть, я исполню твое желаніе—дай письмо.

КАТЯ. (вставая). Ахъ, какая радость! какое счастье!.. мамаша, я обожаю тебя! на, читай...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. (встала съ кресель и читаетъ письмо, всторонь отъ Кати; между тѣмъ Катя, весело пошептавшись съ отцомъ, уходитъ со сцены, но скоро возвращается въ сопровожденіи Сергья Ивановича, потомъ входятъ Тимофеичъ, Матрена и Алена Петровна). «Милостивая государыня, Марья Семеновна! Судь рѣшилъ наше дѣло въ мою пользу. Впрочемъ, такъ «тому и быть должно, потому-что справедливость на моей сторонѣ. Земля «и лѣсъ, которыми вы неправильно владѣли 13 лѣтъ — возвращены «мнѣ...»

« О судьи, судьи!..
« Сверхъ того мнѣ предоставлено искать на васъ убытки, которыхъ на-
« считывается до 100,000 рублей... »

О Боже мой, завтра срокъ апелліаціи, а она вотъ гдѣ!.. когда я успѣю написать новую!..

« Но неужели вы думаете, что я воспользуюсь этимъ рѣшеніемъ и раз-
« зорю васъ... »

Какъ? Чтѣ?

« Съ меня довольно и того, что я доказалъ вамъ формальнымъ образомъ
« вашу ошибку. »

Какая мягкость въ выраженіяхъ!

« Я жестоко боленъ, въ параличѣ — и причиной тому наше дѣльцо, —
« доктора вырыли ужъ мнѣ могилу... Такъ пусть же пашни и лѣсъ, къ
« которымъ издавна привыкли ваши мужички, остаются по прежнему въ
« вашемъ попеченіи... Согласны ли?.. »

Какъ?!.. Онъ предлагаетъ, отдаетъ мнѣ все!.. Это чудо, чудо... И
какъ я заблуждалась на счетъ...

« Если согласны, то между нами всякій споръ конченъ, кромѣ одна-
« кож одного обстоятельства: посмотрите хорошенько на подателя моего
« письма; этотъ молодецъ будетъ подъ пару вашей красавицѣ. Дѣти назы-
« вались когда-то въ шутку женихомъ да невѣстой. Обратимте же эту
« шутку въ дѣло — и я умру спокойно. Жду отвѣта. »

Я въ себя не приду!.. Онъ, этотъ человѣкъ, котораго я считала...
Ахъ, какъ я заблуждалась на счетъ... О, Боже мой, Боже мой!.. *(она
прикладываетъ руку ко лбу, обнаруживаетъ непомятую чув-
ствительность, всхлипываетъ почти истерически и наконецъ,
съ помощью дочери, погружается въ кресло)*. Нѣтъ, я не въ
силахъ, не въ силахъ достойно оцѣнить такого великаго поступка!..
Дочь моя!.. моя единственная дочь! обними меня...

Катя. О, какъ я счастлива! мамаша, душечка!..

Марья Семеновна. Егоръ Петровичъ!.. мой добрый супругъ!..
обними меня...

Егоръ Петровичъ. *(особо)*. А! теперь обними, а давеча —
поди прочь, поди прочь!.. Обнимемся, жена!

Марья Семеновна. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ...

Егоръ Петровичъ. Охъ, какъ ты заблуждалась..

Катя. Мамаша, къ намъ пожаловалъ въ гости Сергѣй Ивановичъ
Скворцовъ.

Марья Семеновна. Сергѣй Ивановичъ, обними меня!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Со всею готовностію: вѣдь я ужъ больше не сумасшедшій.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ...

КАТЯ. Мамаша, Тимофеичъ желаетъ поцѣловать вашу ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Тимофеичъ, обними меня!

ТИМОФЕИЧЪ. Только ручку вашу, барыня, только ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ... Сергѣй Иванычъ, ѣдьте сію-минуту къ вашему батюшкѣ... я обниму его...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Батюшка просилъ васъ не беспокоиться; ему сдѣлалось нѣсколько полегче, онъ ужъ выѣзжаетъ—и сегодня вечеромъ будетъ у васъ, чтобъ лично получить ваше согласіе на...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я на все, на все согласна... Охъ, какъ я долго заблуждалась на счетъ...

КАТЯ. Мамаша! и Матрена также желаетъ поцѣловать вашу ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Матрена! обними меня...

МАТРЕНА. Только ручку вашу, матушка-барыня, только ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась.

АЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, какія радости!.. Марья Семеновна, поздравляю, отъ души поздравляю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Сестрица! обними меня... Ахъ, какъ я заблуждалась!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, будущій зятекъ, Сережа, куда ты зтакъ намѣренъ... въ статскую, или въ военную?.. а?..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Я ѣду въ наши южныя губернія, осмотрѣть, сколько можно, улучшенное сельское хозяйство, и на самомъ дѣлѣ, практически изучить агрономію; когда же возвращусь домой, то сдѣлаюсь сельскимъ хозяиномъ: такъ хочетъ мой отецъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*аплодируетъ*). Bravo, брависсимо! bravo, брависсимо!.. Ну, а ты, мой кудрявый Каточикъ?..

КАТЯ. Я... я... подожду возвращенія... Сергѣя Иваныча, и тогда вѣроятно сдѣлаюсь — помѣщицей...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*аплодируетъ*). Bravo, брависсимо!.. Жена, сестра, Сережа, Тимофеичъ, Матрена — всѣ за мной, разомъ... бра.. (*Всѣ, кромѣ Кати съ аплодисментомъ*). Bravo! брависсимо! Bravo, брависсимо!

К О Н Е Ц Ъ .

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ. Онъ состоитъ изъ **12** книжекъ, въ **25** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** номерами «**РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.**» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты*: русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, аріи изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ и проч.

ЦѢНА ЗА ГODOBOE ИЗДАНИЕ:

15 р. съ пересылкою или доставкою на домъ 16 р. 50 к.

**ПОДПИСКА НА 1856 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
исключительно**

Въ *С. Петербургѣ*: въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ**, въ Большой Морской, въ домѣ Коссииковской.

Въ *Москвѣ*: въ **КОНТОРѢ ПАНТЕОНА**, при книжной лавкѣ **И. В. Базунова**.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Все лица подписывающіяся на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**, КОГДА-БЫ ОНИ НИ ПОДПИСАЛИСЬ.

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы:— съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается 16 р. 50 коп. А кто пожелаетъ взять всѣ годы вмѣстѣ 50 р. с. за всѣ, а за пересылку прилагается 10 р. с.

Имѣющие нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю Федору Алексѣевичу Коню, адресуя письма на его имя: «въ *С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.*»